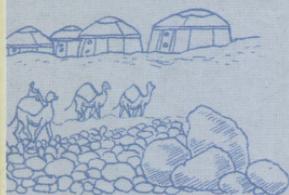
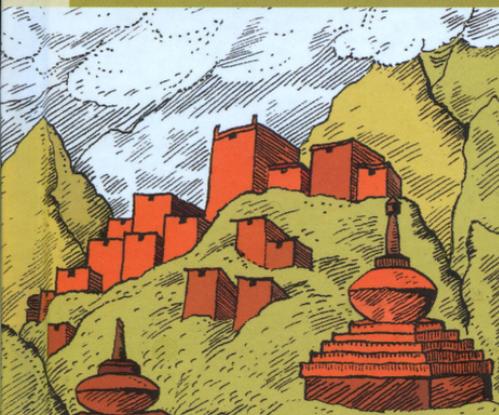

история/география/этнография

Аксель Одельберг

Невыдуманные приключения Свена Хедина

Ломоносовъ
издательство

Аксель Одельберг

Невыдуманные
приключения
Свена Хедина

Перевод со шведского
Александра Степанова

Издательство «Ломоносовъ»
Москва • 2011

УДК 910.4
ББК 26.8г
О-41

Axel Odelberg
ÄVENTYR PÅ RIKTIGT.
Berättelsen om upptäckaren Sven Hedin

Иллюстрации И. Тибиловой

ISBN 978-5-91678-043-7

© Axel Odelberg 2008 by Agreement
with OKNO Literary Agency
(www.okno-agency.com)
© ООО «Издательство «Ломоносовъ»,
издание на русском языке, 2011

*Посвящается
Акселю, Нине, Софии и Леоне*

Благодарности

Я хочу выразить большое, глубокое чувство благодарности Курту Алмквисту, благотворительному фонду Аксея и Маргарет Аксон Йонссон, чья щедрость, одобрение и помощь сделали возможным написание этой книги. Также большое спасибо благотворительному фонду Свена и Дагмар Сален и Королевскому патриотическому обществу за их очень щедрый вклад.

Я также благодарю за очень полезную и ценную помощь Ли Венкван (Чжанджоу, Китай), Цзао Ксяоху (Чжанджоу, Китай), Цзенг Юн (Урумчи, Китай), Ву Шигуан (Урумчи, Китай), Генри Харта (Уилльямсбург, Вирджиния, США), Стаффана Хеймерсона (Монтрё), Хокана Вальквиста (Фонд Свена Хедина, Стокгольм), Стаффана Розена (Фонд Свена Хедина, Упсала), Анну Мюррей (Этнографический музей, Стокгольм), Ёсту Веттерлинда (Вэрмдё), Манфреда Клейнерта (Экерё), Ун Пальм (Стокгольм), Стефана Хильдинга (Стокгольм), Ларса Малина (Стокгольм) и весь персонал Государственного архива Стокгольма.

Сто лет назад Свен Хедин был величайшим героем шведского народа, своего рода международной суперзвездой, которым восторгались и восхищались по всему свету. Когда шестьдесят пять лет назад Хедин умер, его репутация была подпорчена так и не поколебавшейся поддержкой Гитлера и нацистской Германии. От общемирового восхваления — к общемировому осуждению. Завеса молчания скрыла его память.

Но жизнь Свена Хедина, включая его политические заблуждения, слишком нетривиальна, чтобы предать ее забвению. То, что он сделал как искатель приключений, первооткрыватель, писатель и исследователь, имеет непреходящую ценность. Хедин относится к тем, кого называют великими людьми в истории Швеции.

Богатый научный материал, собранный во время его последнего большого путешествия — Китайско-шведской экспедиции 1927–1935 годов — до сих пор еще не полностью обработан. По-прежнему выходят новые книги с отчетами и анализом результатов: последние — несколько лет назад, и два новых тома — на подходе. Материалы экспедиции помимо прочего легли в основу современных исследований окружающей среды, климатологии и археологии.

В Китае времен Мао Цзэдуна Хедина осуждали как западного империалиста, но впоследствии отношение к нему изменилось: образованные китайцы знают его, высоко оценивается вклад Хедина в изучение географии и геологии Китая.

Доброй славе его имени в Китае послужило и то, что Хедин включил большую группу китайских ученых в состав своей последней экспедиции.

Сейчас значение Свена Хедина проявляется самым разным образом. Его обширная научная работа «Южный Тибет», девять томов, изданных в 1916–1922 годах, стоит сейчас на международном рынке антикварных книг от ста до двухсот тысяч крон. В Германии, где он был чрезвычайно популярен, а книги Хедина издавались огромными тиражами, его работы время от времени переиздаются. Национальное географическое общество несколько лет назад включило написанную в 1927 году автобиографию Хедина «Моя жизнь исследователя» в список ста лучших приключенческих книг и вновь издало ее.

В 2006 году в Университете Миннесоты появилась примерно четырехсотстраничная докторская диссертация, озаглавленная «Интеллектуал без маски: политическая жизнь Свена Хедина. От пангерманизма к национал-социализму» — хединоненавистнический документ. Когда тридцать лет назад Ян Мюрдаль выпустил книгу «Шелковый путь», он писал, что в Хедине тридцать процентов хорошего и семьдесят — плохого. В «Интеллектуале без маски» он — стопроцентный злодей. Свен Хедин умер в 1952 году, но по-прежнему продолжает восхищать и злить.

Название этой книги — «Настоящие приключения» — показывает, по моему замыслу, разницу между Свенном Хедином и современными искателями острых ощущений. Как правило, у них нет какой-либо другой цели, кроме самоутверждения, а если случается несчастье, то зачастую достаточно позвонить по спутниковому телефону и вызвать спасательный вертолет.

Целью Хедина в первую очередь было стать знаменитым, он хотел заполнить белые пятна на карте, и им двигало желание расширить знания человечества. И если что-то шло неладно, ему приходилось рассчитывать только на себя. У него не было ни спутниковых телефонов, ни вертолетов, поэтому приключения Хедина в прямом смысле вдвойне примечательны.

Эта книга — биография, а не роман. Это означает, что я не позволял себе, точнее, своей фантазии дополнять источ-

ники, если их казалось недостаточно, да этого и не требовалось. Оставшийся от Свена Хедина архив настолько велик, богат и действительно захватывающе интересен, что для того, чтобы нарисовать портрет настоящего Хедина, фантазировать не надо. И если в этой книге встретится что-то кажущееся неправдоподобным, это значит, что вскоре появится подтверждение старой неколебимой истины насчет того, что действительность превосходит вымысел.

Архив Свена Хедина наряду с архивом Магнуса Габриэля Де ла Гарди* — один из двух крупнейших частных архивов в Швеции, и, возможно, не только в Швеции, но и в мире. Это пятьдесят метров стеллажей, заполненных письмами, дневниками, рукописями, правками, фотографиями, рисунками, набросками, картами, газетными вырезками и тем, что обычно называют курьезами. Семья Хедин не пожалела сил в своем стремлении представить историкам и исследователям богатый и всесторонний материал, от которого трудно оторваться.

В архиве также находятся все книги, которые Хедин написал за свою жизнь, — шестьдесят пять названий, десятки тысяч страниц, переведенные на двадцать два языка. Там же книги, в которых Хедин упоминается, — его путешествия описывали или на него ссылались многочисленные авторы по всему миру. Было совсем нетрудно найти материал о нем, проблема была в том, чтобы выбрать самое ценное.

Это вызвало у меня амбициозное желание написать историю фантастической жизни Свена Хедина. По большей части то, о чем я пишу, так или иначе затрагивалось либо им самим, либо другими, но никогда прежде не сводилось в одной книге. Часть того, о чем я пишу, не была раньше известна, в основном это относится к деталям, которые заставляют по-новому взглянуть на известные события.

Я не стал специально указывать, когда использовал неизвестный ранее материал, в первую очередь потому,

* Шведский государственный деятель, граф, риксмаршал. В 1669 году Де ла Гарди передал в дар Упсальскому университету свою коллекцию рукописей. — *Здесь и далее, если не оговорено особо, прим. перев.*

что для большинства читателей, которые собираются прочитать эту книгу, едва ли не все в ней будет внове. А что касается специалистов по Свену Хедину, то они с легкостью обнаружат его и без моих подсказок.

Чтобы сделать книгу более увлекательной и легкой для чтения, я использую прямую речь и диалог настолько часто, насколько это позволяет материал источников. Приведенные реплики не всегда цитаты, иногда я их слегка модифицировал — только лишь для того, чтобы облегчить текст, — но не искажал смысла.

Иногда я пишу, о чем Хедин думал, о его оценках и выводах. У читателя, возможно, возникнет вопрос, откуда я это могу знать. Ответ простой: Хедин сам записывал свои мысли.

В книге встречается множество названий различных мест, рек, гор и других географических обозначений. Я использовал те же названия, что и Хедин, — и по большей части в его транскрипции.

В первую очередь эта книга рассчитана на широкого читателя, а не является научным исследованием, хотя и содержит ряд неизвестных ранее фактов. Те любители приключений, которым потребуется дополнительный материал, найдут его по адресу axel.odelberg@telia.com.

Аксель Одельберг
Стокгольм, январь 2008 года

Берлин, 16 октября 1939 года

Черный «мерседес» с трепещущими на крыльях красными флажками со свастикой затормозил перед рейхсканцелярией. У входа выстроились в два ряда стоящие по стойке «смирно» солдаты почетного караула в парадной форме. Пожилой господин в пальто, шляпе, с шикарными ухоженными усами вышел из машины. Размашистым шагом он поднялся по ступенькам к обрамленному колоннами входу. Начальник караула приветствовал его, вздернув правую руку в нацистском приветствии.

Церемония льстила тщеславию господина и более чем соответствовала его любви к помпезным представлениям, он наслаждался. Кульминацией — дабы потешить эго — или, может быть, немаловажной заключительной деталью стала красная ковровая дорожка, расстеленная вдоль лестницы. В вестибюле рейхсканцелярии четыре ливрейных лакея позаботились о шляпе и пальто. Рослый мужчина в форме, окруженный другими военными, сердечно приветствовал гостя.

— Господин доктор Мейсснер, — воскликнул усатый господин, — я очень рад увидиться с вами снова!

Они встретились в первый раз в 1915 году на Восточном фронте, тогда Мейсснер был лейтенантом немецкой армии, позже он дослужился до начальника штаба у Гинденбурга. Сейчас, 16 октября 1939 года, Мейсснер занимал должность государственного секретаря.

Обмениваясь любезностями и вежливыми фразами, оба господина прошли через огромный парадный зал канцелярии. Звук шагов отражался гулким эхом от мраморных стен. Примерно посередине зала они свернули вправо, прошли через монументальный дверной портал в относительно небольшую приемную с круглым столом и креслами вокруг. Они оказались перед плотным мужчиной в форме с гладко зачесанными назад волосами и приметным слегка искривленным носом. «Мартин Борман», — отметил про себя усатый господин, узнав ближайшего помощника Гитлера.

Усач опустился в одно из кресел. Большие настенные часы пробили двенадцать. Мейсснер исчез за дверями в противоположном конце приемной, но почти сразу же вернулся обратно, взял посетителя под руку и проводил в смежную комнату. Гость огляделся: красиво, но не кричаще, — навстречу ему, протягивая на ходу руку, шел хозяин кабинета.

— Сердечно рад приветствовать вас, господин доктор Хедин, — сказал Адольф Гитлер, дружески пожимая ему руку. — Мне действительно очень хотелось снова встретиться с вами.

Свен Хедин и Адольф Гитлер души не чаяли друг в друге. Фюрер еще подростком зачитывался книгами известного на весь мир шведского исследователя, и они оставили в нем неизгладимый след. Что же касается Хедина, то он видел в Гитлере долгожданного лидера, возрождающего величие Германии после унижения Версальского мира. Хедину всегда импонировали сильные личности, он видел в них отражение своей силы и своего собственного величия.

Это была их третья встреча, организованная без проволочек в срочном порядке. Не привлекая внимания, Хедин приехал в Берлин двумя днями ранее. Перед этим несколько заметных в Швеции фигур, в том числе лесной магнат Карл Кемпе, посетили Хедина в Стокгольме и уговорили его использовать свое имя и связи в Германии с тем, чтобы, пока не началась большая война, склонить Гитлера договориться с британцами.

Кроме того, шведский король Густав V просил Хедина выяснить, как Гитлер относится к идее мирной конференции под королевским патронажем. Что же касается самого Хедина, то его крайне интересовала позиция фюрера в финском вопросе. Советский Союз только что занял Балтийские страны, и Сталин вызвал президента Паасикиви в Москву, требуя от Финляндии территориальных уступок.

Пакт Молотова — Риббентропа — договор о ненападении между Германией и Советским Союзом — стал непосредственной основой для развития этих событий. Был открыт путь русской экспансии на запад, что создавало потенциальную угрозу Швеции. Хедин хотел, чтобы Гитлер надавил на Россию в финском вопросе, что одновременно было и в интересах Швеции. Он вновь чаял выступить в своей любимой роли — героя-одиночки.

Гитлер усадил Хедина в уголок длинного кожаного дивана, а сам устроился в кресле напротив. Хедин плохо видел, он сильно шурился, глядя на фюрера, который сидел спиной к окну. Гитлер славился тем, что во время аудиенций по большей части говорил сам. Чтобы не оказаться пассивным слушателем и захватить инициативу, Хедин первым начал разговор.

— Господин рейхсканцлер, дома, на севере, мы не можем не ощущать растущей тревоги по поводу пристального интереса России к Финляндии, — сказал Хедин. — Как будет реагировать Германия в том случае, если Россия захватит Финляндию?

— В этом случае Германия будет придерживаться строгого нейтралитета, но я не очень верю в возможность подобного развития событий, — ответил Гитлер.

— Но если Швеция, связанная с Финляндией уже шестьсот лет, поможет ей, какой будет ваша реакция?

— Как я уже сказал, мы будем сохранять полный нейтралитет, но не думаю, что шведская помощь в случае действительно серьезного конфликта будет много значить. Что же касается возможности помощи северным странам от самой Германии, то у нас нет ничего лишнего, — сказал Гитлер и раздраженно повысил голос: — Шведские, норвежские и финские газеты после моего прихода к власти расписы-

вают меня и мою работу только черными красками, позорят и клеветают.

Разговор перешел к военным вопросам.

— Англичане думают, что они могут победить Германию, но я очень основательно побеспокоился о снабжении страны. С первого дня войны мы ввели карточки повсюду, вплоть до самой крохотной деревушки. У нас есть резина, бензин и запасено все необходимое сырье на пять лет вперед. Ни немцы, ни наша промышленность не будут голодать, — сказал Гитлер.

Он не понимал, почему британцы объявили ему войну.

— Им не за что воевать, у них нет никакой определенной цели, а нам тоже ничего не надо — ни в Англии, ни во Франции.

— Считаете ли вы, господин рейхсканцлер, стоящей идею мирной конференции? Приняли бы вы участие в такой конференции, если инициатива будет исходить от шведского короля?

— Я очень благодарен за великодушное предложение короля, но не думаю, что выйдет что-нибудь стоящее.

— Следовательно, война будет продолжаться и ужесточаться?

— Да.

Гитлер не видел никакой другой возможности, кроме как продолжать войну, он был настроен решительно. Он считал, что, прежде чем Соединенные Штаты успеют вмешаться, Германия победит.

Тогда Хедин рассказал ему об англичанине, который умолял его уговорить Гитлера лететь в Лондон для встречи с правительством. Он говорил о том, что война — это безумие: «Давайте пожмем друг другу руки и придем к разумному компромиссу и взаимопониманию». По сути, то же самое говорил лесопромышленник Кемпе.

Гитлер выслушал и рассмеялся:

— Ну да, прямо в пасть к зверю, в самое логово. Ох уж эти мне англичане!

Слова Гитлера о немецком нейтралитете в случае захвата Россией Финляндии не очень обнадеживали. Когда русские

напали на Финляндию 30 ноября 1939 года, Хедин не смог скрыть разочарования.

— Шведский народ так же, как и весь остальной мир, не понимает, как может страна Лютера, Гете и Канта спокойно смотреть на то, как большевики ломаются в христианскую Европу, — сказал он в беседе с представителем германского правительства в Стокгольме. — Ни Гитлер, ни Риббентроп не понимают положения Финляндии. Я собираюсь поехать в Берлин и поговорить с ними.

Четвертого марта 1940 года Гитлер еще раз принял Хедина. Рейхканцлер откинулся на спинку кресла и разрешился речью о собственной героической жизни:

— Она похожа на сагу. Немногим довелось пережить так много необыкновенного, как мне. Шаг за шагом, ступень за ступенью я пробивался к власти, и моей высшей целью всегда была работа на благо немецкого народа. Может быть, мне кое-чего уже удалось достичь. Враждебные Германии западные политики в первую очередь стараются принизить мои достижения, величие и успехи Германии. Но мое дело будет продолжено и после меня — преемниками, — возможно, им удастся послужить Германии так же хорошо, как и мне. Мне очень повезло в жизни, но я не проживу долго: только подумайте, мне уже больше пятидесяти.

Хедин заметил:

— Пятьдесят лет — это не возраст, мне семьдесят пять. Когда вам, господин рейхсканцлер, будет столько же, сколько и мне, вы, безусловно, будете по-прежнему бодры и работоспособны.

— Увы, нет. Вы исключение, уникам. К тому времени я совсем состарюсь, — пожалел себя фюрер. — Поделитесь со мной вашим секретом, расскажите, как вы смогли в вашем возрасте остаться таким здоровым и энергичным.

Хедин не стал возражать против этой характеристики и выдал длинный монолог о здоровой жизни в пустынях и горах Азии:

— Много движения, покой, почти никакого спиртного, хорошая пища, свежая, никаких консервов — и особенно густое желтое тибетское кислое молоко.

— Да, да, — подхватил Гитлер, — кислое молоко — лучший из всех продуктов.

В конце Хедину удалось подвести разговор к теме, которая его интересовала:

— Но, господин рейхсканцлер, что вы скажете по поводу Финляндии?

Вместо ответа Гитлер прочитал цитату из финской газеты, критикующую Германию.

— Видите, что финны думают о нас? Вы можете понять, господин доктор, что я не особенно жажду вмешиваться в финские дела, когда ко мне там относятся подобным образом, — сказал Гитлер и с недовольной миной сунул газету в карман кителя.

Хедин покидал рейхсканцелярию не в лучшем настроении. Гитлер не захотел помочь Финляндии заключить мир. «Но может быть, он передумает после того, как более основательно изучит этот вопрос и поймет, что я прав даже с позиций Германии», — утешал он себя.

Но этого не случилось. Примерно в то же время, когда Гитлер принимал Хедина, русские получили от финнов предложение о прекращении огня. 12 марта 1940 года в Москве был подписан мирный договор.

Два месяца спустя мысли Хедина были заняты уже не русской угрозой Финляндии, а немецкой угрозой Швеции. В начале апреля Германия оккупировала Данию и Норвегию, месяцем позже — Бельгию, Нидерланды, Люксембург, а в июне немецкие войска вошли в Париж. Хедин был крайне обеспокоен, он считал вероятность как британского, так и немецкого вторжения в Швецию очень высокой. В обоих случаях Швеция теряла свой нейтралитет и оказывалась втянутой в войну.

Двадцать шестого октября 1940 года он вновь приехал в Германию, но казалось, что Гитлер не испытывает особо горячего желания с ним встречаться. Недели проходили без желаемого результата. Хедин ездил по стране, читал лекции, встречался со старыми друзьями и знакомыми. За исключением воздушной тревоги жизнь Германии шла своим чередом, вполне обыкновенно.

Встречи с Гитлером Хедину пришлось ждать шесть недель. Накануне он обсудил с Арвидом Риккертом, шведским представителем в Германии, пять вопросов, которые он должен был поднять во время разговора с рейхсканцлером. Хедин был главным каналом, связывающим Швецию и германское руководство.

Как обычно, Отто Мейсснер встретил его у входа в рейхсканцелярию.

— Фюрер с нетерпением ждет встречи с вами. Что касается Швеции и Финляндии, вы можете быть совершенно спокойны, — успокоил его Мейсснер, когда они шли через мраморные залы канцелярии к приемной Гитлера.

Им пришлось немного подождать, прежде чем двери в противоположном конце комнаты открылись. Гитлер только что закончил многочасовое совещание с военным руководством. Несколько секунд он отдыхал и концентрировался, прежде чем подал знак своему адъютанту пригласить Хедина. Едва он вошел, как Гитлер быстрым шагом пошел ему навстречу.

Он взял Хедина под руку, повел в дальний угол кабинета и усадил, как обычно, на диване, а сам устроился в кресле напротив. Гитлер не спал четыре ночи, время от времени он массировал глаза, но, похоже, был в отличном настроении. Хедину показалось, что фюрер хочет поделиться с ним какими-то хорошими новостями.

После непродолжительного ни к чему не обязывающего светского разговора предчувствия Хедина подтвердились. Гитлер сообщил ему о недавнем визите в Берлин русского министра иностранных дел Молотова.

— Я никому об этом не рассказываю, но я глубоко вам доверяю и могу поделиться: Молотов приезжал в Берлин с требованиями финских территорий. Он сообщил, что Россия хотела бы занять всю Финляндию, но я с самого начала ясно дал понять Молотову, что дальнейшее продвижение русских на финскую территорию определено противоречит целям и желаниям Германии. Но пожалуйста, помните, господин доктор, что эта новость предназначена только вам и ни при каких обстоятельствах не должна никому передаваться.

Хедин выдал нечто вроде поклона, не вставая с дивана.

— Я понимаю и обещаю это — и искренне вас благодарю, господин рейхсканцлер. Но позволите ли вы мне рассказать об этом королю?

Хедин обычно докладывал о своих встречах с Гитлером Густаву V и министру иностранных дел Кристиану Гюнтеру.

— Да, конечно, но только королю, — ответил Гитлер и продолжил: — Финляндии есть за что меня благодарить. Что бы они делали, если бы я уступил России?

По мнению Гитлера, русской угрозы Финляндии больше не существовало. Он продолжил похваляться немецкой мощью и военными успехами. И между делом пообещал лишить англичан иллюзии, что их позиции в Средиземном море такие сильные...

Рейхсканцлер наконец закончил свою филиппику, и Хедин перевел разговор на Швецию:

— Очень многие в Швеции опасаются, что Германия по тем или иным причинам может ограничить свободу нашей страны и нашего народа.

Гитлер похихикал и замахал рукой:

— Да нет, Свен, что вы! Мы ни в малейшей степени не собираемся нарушать вашей свободы и самобытности.

И беседующие господа погрузились в душевное единение. Воодушевленный Хедин патетично произнес:

— Шведы, включая и эмигрировавших в другие страны, в своем большинстве гордый народ, патриотичный, с развитым чувством самосознания. Наши рабочие считают, что они демократы, но на самом деле они все без исключения аристократы.

Гитлер опять похихикал и сказал, что положение Швеции окажется под угрозой лишь в случае победы Англии над Германией. Хедин согласился. Гитлер поднялся, показывая тем самым, что аудиенция закончена. Они разговаривали сорок пять минут.

Это была последняя встреча Хедина и Гитлера, но они вели переписку. 15 февраля 1945 года, когда Хедину исполнилось восемьдесят, Гитлер прислал ему поздравительную телеграмму.

Теплые отношения Хедина с фюрером дорого ему обошлись: от него отвернулись старые друзья, знакомые и меценаты. Пресса его поносила, а писатель Вильгельм Мoberг требовал, чтобы его исключили из Шведской академии.

Не многие из тогдашних финансовых магнатов помогали Хедину, среди них был Аксель Аксон Йонссон, который ко всему прочему был и генеральным консулом королевства Сиам в Швеции. Хедин был желанным гостем в его усадьбе в Авесте, дети Йонссона любили его. Хедин имел обыкновение, сидя у камина, рассказывать им замечательные истории.

Но жена Йонссона — Маргарет, американка, не могла примириться с привязанностью Хедина к Гитлеру. Это было причиной семейных трений. В 1949 году, четыре года спустя после окончания войны, Хедин предпринял довольно неуклюжую попытку решить эту проблему. Он пригласил чету Йонссон на ужин в свою большую, на весь этаж, квартиру на Северной набережной, 66. В разгар ужина он поднялся и предложил минуту молчания в память Гитлера. Йонссоны поднялись и ушли.

Дела с издательствами тоже обстояли далеко не блестяще. Начиная с первой книги, вышедшей в 1887 году, Хедина публиковало издательство семьи Бонниер, но после 1939 года ему пришлось обратиться к другому издателю.

Хедин никогда не делал секрета из того, что высоко ценил Гитлера, он всегда восхищался сильными личностями. В течение своей жизни одного за другим он превозносил германского императора Вильгельма II, Ленина, Гитлера, а в 1939 году написал хвалебную книгу о Чан Кайши.

Десять лет спустя, в октябре 1949 года, Чан Кайши бежал на Тайвань, радио сообщило о провозглашении Мао Цзэдуном Народной Республики Китай. Когда над главной площадью Китая Тяньаньмынь взвились красные флаги, Хедин еще раз подтвердил свои особые политические пристрастия к вознесению сильных личностей — он прокомментировал новость словами:

— Мао — это лучшее, что случилось с Китаем за тысячу лет.

Отношение к Хедину неотделимо связывается с его политическими пристрастиями, но если бы он выбрал Стали-

на, а не Гитлера, то, безусловно, память о Хедине скорее бы ассоциировалась с тем днем в середине января 1909 года, когда его карьера была в зените и весь шведский народ считал его величайшим героем всех времен.

Стокгольм, 17 января 1909 года

Прошло три года три месяца и один день с тех пор как Свен Хедин сел в поезд на Треллеборге и начал свою третью большую исследовательскую экспедицию в Центральную Азию. Долгое время о судьбе экспедиции не было никаких известий, она исчезла в изолированном от всего мира Тибете. Полагали, что Хедин погиб.

Теперь он возвращался на родину и не хотел, чтобы это осталось незамеченным. Ему удалось благополучно завершить исключительно дерзкое предприятие и сделать большие научные открытия. Он не мог позволить, чтобы его ратные подвиги пропали напрасно, это было не в его характере.

Хедин был позер, любил свет рампы и сумел подготовить соотечественников ко дню своего возвращения. В триумфальной встрече, главным постановщиком и действующим лицом которой был сам Хедин, участвовал весь Стокгольм. Было 17 января 1909 года, осуществлялась старая мечта, ставшая манией.

Двадцать девять лет назад... Дожливый весенний вечер, 24 апреля 1880 года. Хедину пятнадцать лет. На Стокгольм медленно опускаются сумерки. Все семейство Хедин едет на извозчике на Южные холмы — оттуда хороший вид на стокгольмскую гавань. Едут долго, кучеру приходится объезжать толпы собравшихся на улицах людей.

Сверху Свену хорошо видны тысячи раздуваемых ветром факелов, замок и дома, подсвеченные фонарями. Дым от факелов поднимается к затянутому облаками небу.

В десять часов пушечные батареи на Замковом острове начали салютовать, цветные огни фейерверка отражались в воде. Послышались радостные крики собравшихся на набережной людей. Темный силуэт трехмачтового корабля появился из-за мыса Блокхюс: возвращалась «Вега» —

судно полярного исследователя Адольфа Эрика Норденшёльда.

Прошло без малого два года с тех пор, как Норденшёльд, рискуя собой и своими товарищами, затеял практически неосуществимую авантюру — другими словами, отправился в плавание по Северному морскому пути. На десять долгих месяцев «Вега» оказалась намертво вмерзшей в лед и дрейфовала вдоль берегов Сибири. В конце концов судно высвободилось, и в сентябре 1879 года Норденшёльд телеграфировал из Йокогамы об успехе своего предприятия.

Это стало событием, привлечшим всеобщее внимание. На обратном пути через Южно-Китайское море, Индийский океан и Суэц экипаж «Веги» торжественно встречали и чествовали в каждом порту. За несколько недель до прибытия «Веги» в Стокгольме начали готовиться к приему возвращавшихся на родину героев — великий день для всей нации.

Хедин во все глаза смотрел на «Вегу». Корабль медленно скользил вверх по проливу Стрёммен, направляясь к якорной стоянке перед дворцом. Якорь «Веги» плюхнулся в воду, и буря аплодисментов разнеслась над водой. На фасаде замка светились звезда и имена членов экипажа «Веги».

Впечатление от возвращения «Веги», овации ликующих толп, встречавших Норденшёльда, определили жизнь Хедина. Это событие зажгло в нем честолюбивое желание стать великим исследователем и добиться того, чтобы в один прекрасный день его самого встречали так же торжественно, как и Норденшёльда тем незабываемым апрельским вечером 1880 года. «Меня тоже когда-нибудь будет встречать весь Стокгольм», — подумал он тогда.

Сейчас мечта сбывалась.

Вечером 15 января 1909 года он поднялся на борт парохода «Буре-2» в Обу. На следующее утро «Буре» ненадолго лег в дрейф у острова Фурусунд. Хедин сошел в шлюпку. От Фурусунда он собирался отправиться в Стокгольм на следующее утро на лоцманском судне.

Любой другой человек, но только не Хедин с его самолюбованием и склонностью к театральности спокойно приплыл бы в Стокгольм на «Буре». Возникает закономерный

вопрос: зачем Хедин затеял замену корабля? Дело в том, что лоцманское судно, как и корабль Норденшёльда, называлось «Вега».

На Фурусунде Хедин переоделся, готовясь к предстоящему выходу на сцену, во фрак и цилиндр. По заранее согласованному расписанию «Вега» должна была появиться у Национального музея в половине второго. Хедин стоял на капитанском мостике и смотрел на берег, пока «Вега» плыла мимо Лидингё, пересекала Малый Вертан и огибала Блокхусский мыс. Хедин был счастлив, он возвращался домой.

«Это самое красивое из всего, что я видел за время моих странствий», — думал он, наслаждаясь зимним видом на Южные холмы, Старый город, набережную Шеппсбрун и за ней силуэты церквей Немецкой, Большой и Ридархольм.

За предшествующие шестнадцать лет десять Хедин провел за границей, но уж в чем, в чем, а в космополитизме обвинить его было нельзя. Хедин скорее был великошведским национал-романтиком, он считал, что быть шведом и душой и телом — высшая добродетель.

«Вега» плыла по Стрёммену, льдины постукивали о борта корабля, кричали чайки, были уже видны собравшиеся на набережной толпы — люди махали белыми платками, ветер трепал флаги и штандарты. В это солнечное январское воскресенье выпало много снега.

«Вега» проплыла Шепсхольмен и повернула к Бласиехольмену, судно было украшено сигнальными флагами. На доме Болиндеров светилось имя Хедина, написанное электрическими лампочками. На набережной перед Национальным музеем стояли его родители, родственники, члены Географического общества, министры, дипломаты, представители городских властей — видные и уважаемые люди.

Хедин посмотрел на Королевский дворец и на статую Карла XII — одного из самых любимых своих героев. Когда Хедин впоследствии встретился с Гитлером, он подумал, что видит современного Карла XII, мужественного борца с русскими.

«Вега» подплыла к набережной и пришвартовалась. Хедин на капитанском мостике поднял цилиндр, приветствуя

встречающих, он победно улыбался. Опустили трап, губернатор Стокгольма Роберт Диксон поднялся на борт, следом за ним шел адъютант Густава V майор Анкаркруна, чтобы передать Хедину поздравления от имени короля. На берегу его с нетерпением ждали родители и другая родня.

После них настала очередь правительства, представленного военным министром Улофом Мальмом, министром по делам церкви Хуго Хаммаршёльдом и гражданским министром Хуго Хамилтоном. От имени властей Стокгольма произнес речь Стен фон Фриесен, и Хедин сказал в ответ несколько слов. Затем его приветствовали представители риксдага, Географического общества, других шведских и иностранных научных организаций, послы иностранных государств в Швеции и представители общества «Идун»*. Хор студентов в белых фуражках пропел псалом «Сколь крепко рыцарь света».

Руководитель студенческого хора также произнес речь, начинавшуюся словами: «Добро пожаловать домой, прославленный подвигами муж, воплотивший свои мечты». Хедин вновь выступил с ответным словом. Когда он закончил, хор пропел «Ты древняя, ты свободная» и «Услышь нас, Швеция».

Хедин всем этим упивался. «Так торжественно в Швеции не встречали никого со времени возвращения Норденшёльда», — думал он, поднимаясь в запряженное четверкой коней королевское ландо, которое должно было отвезти его в замок.

Пять тысяч человек выстроились вдоль его пути; ландо ехало, на каждом шагу встречаемое восторженными криками людей, мимо «Гранд-отеля», Ферсенского дворца и роскошно украшенного здания Оперы к площади Густава-Адольфа. Даже трамвайные столбы были украшены еловыми ветками и флагами. Хедина ждала королевская аудиенция.

Когда Хедин отправлялся в путь 16 октября 1905 года, королем был Оскар II. После его смерти в декабре 1907 года

* Историко-культурное общество, названное по имени богини плодородия Идун, хранительницы яблони вечной молодости. Члены общества ориентировались на традиционные для общества викингов ценности и скандинавскую мифологию.

королем стал Густав V. Государь с чувством пожал Свену руку и произнес речь, в конце которой сообщил новость: он решил наградить Хедина Большим крестом ордена Северной звезды.

В зале для аудиенций присутствовали королевская семья, премьер-министр Арвид Линдман, министр иностранных дел Эрик Тролле и другие. Все были в парадной форме, лишь один Хедин во фраке.

«Это самый торжественный прием, на котором мне только довелось бывать», — думал Хедин, вспоминая почести, оказанные ему британским вице-королем в Индии лордом Минто, прием у императора Японии Муцухито и у русского императора Николая II, которого он посетил в Санкт-Петербурге несколько дней назад. Хедину очень нравились все эти церемонии, но, вероятно, еще больше ему нравилось то, что Бог выбрал именно его для славы и всех этих восхвалений.

Из королевского замка Хедин поехал в родительский дом. Папа Людвиг приготовил сыну приветствие в стихах, заканчивающееся словами:

Ты чести удостоен победить,
Ищи удачи, и рано или поздно ее найдешь,
Найдешь наверняка, но только не в Тибете,
Желанная страна закрыта для тебя — не забывай, дружок!
Но продолжай искать чудесный край, что многое сулит,
А более всего тебе нужна жена и в жизни спутница.

Хедину вскоре должно было исполниться сорок четыре года, и то, что он все еще холостяк, беспокоило родителей, но времени на обсуждение этой животрепещущей проблемы просто не оставалось: Хедину надо было ехать в «Гранд-отель» на большой банкет, организованный в его честь премьер-министром.

Гостям это удовольствие обошлось в девятнадцать крон (восемьсот крон в современном денежном исчислении*), за эти деньги они могли посмотреть на международную суперзвезду Свена Хедина и насладиться достойным настоя-

* Примерно 3300 рублей.

шего гурмана ужином: консоме, камбала, телячье филе, рябчики, зеленый салат, мозги с сельдереем, мороженое, сласти, фрукты и шесть перемен вин, включая французское шампанское и два вида хереса.

Пятью днями позже, в пятницу 22 января, Хедин читал доклад в Музыкальной академии. Зал был заполнен до отказа, среди слушателей присутствовали большая часть правительства, члены королевской фамилии, знать и семья Хедин. На сцене, украшенной еловыми гирляндами с вплетенными в них желто-голубыми лентами, он развесил множество карт, набросков и рисунков. Доминировала большая карта Тибета с именем Свена Хедина, написанным крупными буквами.

Хедин поднялся на сцену. На фраке красовалась награда, пожалованная королем. Свет прожекторов сосредоточился на резких чертах его лица. Размахивая указкой и без бумажки, около двух часов он рассказывал о своих приключениях в Тибете; ошеломленная публика изумленно внимала.

Несколькими неделями позже он приехал в Лондон для доклада Королевскому географическому обществу. Хедина удостоили степени почетного доктора Оксфорда и Кембриджа. Одна из британских газет назвала его азиатским Генри Стенли* — еще одно подтверждение того, что Хедин достиг своей мечты. Стенли так же, как Норденшёльд и Ливингстон**, был его героем едва ли не с детства.

После Лондона турне продолжилось: Париж, Рим, Берлин, Копенгаген и Кристиания***. Повсюду Хедина встречали

* Генри Мортон Стенли (1841—1904) — журналист, путешественник, исследователь Африки. Он отправился на поиски пропавшей в Африке экспедиции Дэвида Ливингстона и нашел того на берегу озера Танганьика 3 ноября 1871 г. Стенли первым пересек африканский континент с востока на запад.

** Дэвид Ливингстон (1813—1873) — шотландский миссионер, исследователь Африки, противник рабства, известный гуманным отношением к африканцам. Совершил множество открытий: в частности, открыл знаменитый водопад Виктория; первым пытался найти истоки Нила.

*** Название до 1924 г. столицы Норвегии Осло.

почет и овации. В свои сорок четыре года он оказался на вершине. То, чего он хотел в жизни больше всего, сбылось.

Большой успех трудно было даже представить, и это не оставило равнодушными завистников. Кое-кто ставил под сомнение ценность его открытий, и наиболее агрессивным был Август Стриндберг*.

Но в том, что со временем Хедин превратился из самого почитаемого шведского героя во всеми осуждаемую личность и его заслуги были преданы забвению, был виноват не Август Стриндберг и другие недоброжелатели. Виноват был сам Хедин, занявшийся политикой.

* Юхан Август Стриндберг (1849—1912) — основоположник современной шведской литературы и современного театра.

Часть первая
Семья. Детство. Возмужание
(1865–1893)

Стокгольм, 19 февраля 1865 года

Восемнадцатого февраля 1865 года главный архитектор Людвиг Хедин вошел в подъезд своего дома на углу Кунгсгатан и Дроттнинггатан в Стокгольме. Он снял пальто и шляпу и поспешил узнать, как дела у его жены Анны. Схватки уже начались.

Людвиг Хедин и Анна Берлин познакомились во время катания на санях в Юргордене и поженились в 1862 году. Брак был удачным. У них уже была дочь, и 19 февраля 1865 года родился мальчик.

Людвиг Хедин присел к письменному столу и записал в дневнике:

«Пужинал в “Конкордии”. Поздний ужин у Гранстрёма. Вернулся домой в половине двенадцатого. Пошел к повитухе. Без четверти два родился наш сын Свен Андерс.

Молю Господа, чтобы он стал хорошим мальчиком».

Судя по всему, мольбы Людвигу были услышаны: маленький Свен Андерс стал одним из самых выдающихся, знаменитых и титулованных шведов за всю историю страны. На протяжении нескольких десятилетий не проходило и дня, чтобы его имя не появлялось хотя бы в одной из газет мира. Он был велик и эпохален. Все, что Хедин делал, было монументальным, в конце концов — даже его заблуждения. Все выбранные им роли: авантюриста, первооткрывателя, ученого, писателя и шоумена — были сыграны превосходно.

Происхождение семьи Хедин мы можем проследить до семнадцатого века. Там мы находим человека по имени Пер в при-

ходе Хидингста в Нэрке. У Пера родился сын Ларс Перссон, дослужившийся до инспектора, он взял себе фамилию Хедин по названию прихода. В 1683 году у него родился сын Свен, ставший церковным старостой в Крэклинге. В 1717 году у него родился сын Фредерик. Фредерик стал управляющим хозяйством в Смоланде. В 1750 году у него родился сын Свен Андерс, впоследствии ученик Карла фон Линнея. Свен был лейб-медиком Густава IV Адольфа и написал несколько книг. Среди прочих книга о Карле Линнее и трактат об оспе.

У Свена Андерса родился сын (которого он тоже назвал Свенем Андерсом), дослужившийся до начальника отдела министерства. У Свена Андерса-сына было девять детей: четыре мальчика и пять девочек. Одним из его сыновей и был Людвиг, впоследствии главный архитектор Стокгольма и папа нашего героя Свена Андерса Хедина.

У мамы Свена — Анны была доля еврейской крови. Ее прадедушка Абрахам Броде, студент, сбежал в Сконе из Франкфурта-на-Одере в Германии после совершения кражи. В 1771 году он крестился и взял фамилию Берлин. Дедушка Свена по линии матери Кристиан Гиссель Берлин был священником в Балкокре в Сконе.

Противники Свена Хедина частенько использовали еврейское происхождение Хедина для нападок. На карикатурах его изображали с огромным крючковатым еврейским носом, а Агнесс фон Кристеншерна вывела его под именем Шолом-Алейхема Берлина в своем романе «Девушки фон Пален».

В ответ на это Хедин указывал, что на пятнадцать шестнадцатых он немец. В обиходе семьи Хедин ничего еврейского не было. Хедины были типичной буржуазной семьей, бывшей на верхушке среднего класса, они праздновали Рождество, были аполитичны и консервативны. Высшие ценности Хединов были довольно просты: Бог, Король и Родина.

Архитектор Людвиг Хедин был завален заказами. С 1850 по 1900 год население Стокгольма выросло с 93 до 300 тысяч жителей, то есть утроилось. Строительство процветало: постоянно были нужны новые дома, улицы, фабрики и прочее. Город бурлил и развивался.

Но Людвиг Хедин успевал вести светскую жизнь и находил время для детей. Кроме старшей дочери Клары и уже

Свену Хедину около года. 1866 год

известного нам Свена у них с Анной родилось еще три мальчика и четыре девочки. Двое мальчиков умерли вскоре после рождения.

Семья была дружной, каждое воскресенье приходили дяди Свена — Калле, Сванте, Хенрик и Аппе. Они были завсегдагатами светских салонов, почитатели старой густавианской кавалерственности и обходительности; они любили поэзию и театр, были остроумны, интеллектуальны и любили посмеяться.

Все они оказали сильное влияние на юного Свена, но в особенности дядя Сванте. Сванте, или, точнее, Свен Андерс, был известным комедийным актером. Публика в драматическом театре начинала смеяться, едва он появлялся на сцене. В частной жизни он был очень приятным в общении человеком, что называется — душа общества.

Во время Рождества в доме Хединов он был чем-то вроде Санта-Клауса. В сочельник дядя Сванте приходил с полной корзиной тщательно выбранных подарков, завернутых в белую бумагу. Он был главным заводилой на празднике.

Позже вечером, когда подарки были розданы и праздничный ужин закончен, папа Людвиг, Свен и другие дяди обычно шли в холостяцкую квартиру Сванте на холме Сперлинген, разжигали камин, и каждый получал еще по одному рождественскому подарку.

Когда одна из сестер Свена заболела корью, его немедленно отвезли к Сванте, чтобы не заразился. По вечерам, когда Сванте уходил в театр, Свен изучал его обширный гардероб. Чего там только не было: трубки, сигарные мундштуки с жестикулирующими фигурками, графины для пунша с музыкой, портсигары, булавки для галстука и всякие смешные штучки. Многие вещицы Сванте получил в подарок от короля-сердцееда Карла XV. Сванте входил в круг ближайших друзей монарха, так что король тоже в какой-то степени относился к миру Свена Хедина.

Карл XV умер в 1872 году. Семилетний Свен с папой Людвигом пошли попрощаться с королем. Многие хотели увидеть скончавшегося монарха еще раз, перед тем как его заруют в землю, и к ступеням замка вилась длинная очередь. «Он желто-белый, совсем как воск», — подумал Свен,

когда они с отцом подошли к катафалку с гробом. Ему почему-то особенно запомнилось, что у короля были очень тонкий нос и маленькие узко прорезанные ноздри.

Маленький Свен Хедин жил в мире романтических героев, населенном такими персонажами, как Кожаный Чулок, Ункас, капитан Немо, и непридуманными героями — такими, как Дэвид Ливингстон, Генри Стенли, Адольф Норденшёльд. В двенадцать лет Свен уже знал, кем он станет в будущем — героем-первооткрывателем, как и они.

Он мечтал о богатом меценате, который шлепнет к его ногам мешок с золотыми монетами и скажет что-нибудь вроде: «Отправляйся на Северный полюс». Примерно так же, как это сделал газетный магнат Джордж Беннет, посылая Генри Стенли разыскивать в Африке пропавшего Ливингстона. В отличие от большинства других мальчиков, которые, вырастая, забывают свои мечты, Свен их осуществил.

Следовать примеру героев-первооткрывателей он решил буквально, так что когда одним зимним днем Норденшёльд прогуливался по Дроттнинггатан, Хедин пошел следом, тщательно ступая по оставленным в снегу великим полярным исследователям следам. Свен прочитал все, что мог, об экспедициях, неизвестных краях, особенно полярных, и начал готовить себя к будущей полной трудностей и лишений героической жизни. Он ел очень мало, спал в нетопленной комнате с открытым окном даже зимой.

У Свена Хедина были врожденный талант к рисованию и литературный дар, и он очень рано начал и рисовать и писать. Он писал мелодраматические саги о благородных героях и сам иллюстрировал их. Источниками вдохновения для него стали архитектор, график и сказочник Ф. В. Шуландер и знаменитый французский иллюстратор Гюстав Доре.

Когда Хедину было пятнадцать, он сделал серию рисунков по мотивам «Двадцати тысяч лье под водой» Жюль Верна. К Рождеству Свен удивил семью романтической приключенческой повестью в стихах со своими рисунками; в дальнейшем писать стихи стало семейной рождественской традицией. В результате через два года появилась довольно длинная иллюстрированная сказка в стихах о восточном герое Араб-

Родители Свена — Анна и Людвиг Хедин

эль-Сиде и об опасностях, которые ему пришлось преодолеть для того, чтобы освободить дочь багдадского халифа из рук разбойников.

После незабываемого вечера 1880 года, когда пятнадцатилетний Свен Хедин смотрел, как «Вега» Норденшёльда бросила якорь в Стрёммен, его творческий талант приобрел определенную направленность: он с особым рвением стал рисовать полярные экспедиции и чертить карты. В тринадцать лет он начертил карту Франции, потом также карту Испании и Италии. В шестнадцать лет Хедин был уже довольно искушен в картографии и начал мегапроект, потребовавший двухлетнего труда, — атлас в шести томах.

В первом томе была показана Солнечная система и звезды Северного полушария, во втором томе были карты Севера, пейзажи, животный мир, морские течения, частота появления северных сияний, распространение тундровой зоны, границы лесов, зоны обитания и климатические зоны. В третьем содержалась сотня карт маршрутов наиболее известных полярных исследователей. Четвертый рассказывал о географии, экономике и животном мире Скандинавии и России. Пятый посвящен другим странам Европы, а в шестом помимо прочего были карты распространения двухсот четырех видов шведских птиц.

Свен Хедин не особенно блистал в школе. Первый год ему было очень трудно, да и позже, когда учение пошло легче, Хедину намного больше нравилось рисовать и чертить карты, чем зубрить уроки. Он даже оставался на второй год и получил неважные оценки на экзаменах в 1885 году: в частности, по географии, немецкому, английскому и латинскому, что действительно удивительно, принимая во внимание его будущую карьеру путешественника и славу лингвистического гения.

В детстве Хедин был тихий, молчаливый, замкнутый в своем мире мечты и фантазий о чести, мужестве, открытиях и восточных героях. Это тоже кажется достаточно странным, потому что в зрелом возрасте Хедин стал смелым, отчаянным, экстравагантным, он мастерски манипулировал публикой и обожал театральные эффекты.

Атлас мира был самой большой, но далеко не единственной картографической работой юного Хедина. Многие карты он вычертил исключительно ради удовольствия. Слухи

Братья и сестры Хедин. Свен позирует стоя. 1882 год

о его таланте распространились через знакомых, и Свен начал получать заказы. В одном случае он должен был сделать карту Египта и бассейна Нила, другой заказчик захотел карту Большого каньона в цвете на четырех листах в два квадратных метра каждый, так что Свену пришлось расположиться в семейной столовой и ползать по полу с чертежными инструментами.

В девятнадцать лет он получил задание начертить огромную карту с маршрутами путешествий русского исследователя Николая Пржевальского по Центральной Азии. Пола в столовой было уже маловато, и Хедин перебрался в студию Свободной академии искусств. Карта была заказана Оскаром Нюстрёмом, хорошим знакомым папы Людвига, который должен был прочитать доклад о Пржевальском по случаю вручения русскому ученому «Медали “Веги”». Эта награда, учрежденная после успешного плавания Норденшёльда по Северному морскому пути, была сродни Нобелевской премии для путешественников-исследователей. Годом раньше этой медалью был награжден Генри Стенли. Решение о награждении принимало Общество антропологии и географии.

Когда карта была закончена, ее смонтировали в зале Общества врачей, где должна была состояться лекция; карта заняла всю стену. Среди публики было много именитых гостей, в частности сам Норденшёльд. После доклада он подошел поближе и начал внимательно изучать карту. Оскар Нюстрём кивком указал на Хедина, который давно мечтал познакомиться со своим кумиром.

Сердце Свена едва не выскочило из груди, когда его представили Норденшёльду и они пожали друг другу руки. Норденшёльд похвалил карту и спросил, какие образцы использовал Хедин. Этого вполне хватило, чтобы он летел домой как на облаке.

Когда Свену Хедину исполнилось двадцать, никакого опыта путешественника у него не было и в помине: дальше острова Юстер в стокгольмских шхерах он не бывал, как, впрочем, и остальные члены семьи.

Хедины, как и почти все в то время, были крепко привязаны к дому. Никто из них и представить не мог, что планы Свена могут стать чем-то большим, чем мечты и фантазии.

Но весной 1885 года, примерно месяц спустя после двадцатилетия Свена, к нему подошел ректор Бесковской школы Бергман и застал врасплох неожиданным вопросом: а не хочет ли Хедин поехать в Баку на Каспийском море?

Уджири, Азербайджан,
27 августа 1885 года

Поезд из Тбилиси в Баку медленно въехал на станцию Уджири. Тормоза закрипели, пар с шипением вырвался из-под тендера паровоза. Станцию охраняли три русских жандарма. Они заметили молодого человека, вышедшего из вагона на перрон.

Он выделялся из толпы. Одежда была явно европейская. На голове — белая фуражка с черным козырьком и сине-желтой кокардой. Он раскрыл большой блокнот для рисования и начал там что-то набрасывать.

Жандармы подозрительно рассматривали его. Десятилетиями продолжалось соперничество между царской Россией и Великобританией за территории и влияние на Среднем Востоке и в Центральной Азии.

Русские укрепляли свои позиции с бешеной скоростью. Азербайджан присоединился к России в 1828 году. С этого времени русские владения расширялись на тысячи квадратных километров в год, центральноазиатские ханства и султанаты завоевывались одно за другим. Российская империя теперь граничила с Персией, Афганистаном и Восточным Туркестаном — западной провинцией Китая.

Русская экспансия заставляла британцев нервничать, их особенно беспокоили дальнейшие планы царя. Другими словами, им виделся кошмарный сон: русские войска продвигаются дальше к югу, а там уже британские владения в Индии. Регион кишел шпионами, разыгрывалась пьеса в интересах большой политики, которую один из актеров-участников, казненный в 1842 году в Бухаре британский разведчик Артур Конолли, окрестил «Большой игрой».

В 1885 году обстановка в регионе была нервной как никогда. Англия и Россия балансировали на грани

войны. Так что в поведении жандармов на железнодорожной станции Уджери не было ничего странного: они видели подозрительного иностранца с карандашом и блокнотом — в высшей степени настораживающая картина.

На самом деле на перроне стоял стокгольмский студент Свен Хедин. Он в первый раз оказался за границей и с восторженным любопытством зарисовывал все, что видел, в своем блокноте. Жандармы решительно подошли к «британскому шпиону», опустили тяжелые руки ему на плечи, блокнот забрали.

Хедин, который не говорил по-русски, только вопросительно пожимал плечами. Хорошо, что поблизости оказалась говорящая по-французски барышня. Жандармы подозрительно перелистывали блокнот и забрасывали Хедина грозными вопросами. На его объяснения они лишь презрительно рассмеялись и еще больше уверились в том, что в их сеть попала крупная рыба — враг царю и отечеству.

Вокруг столпился народ. Прозвонил станционный колокол. Скоро поезд должен был отправиться дальше — в Баку. Хедину уже казалось, что его сейчас повезут в Сибирь, но тут, на его счастье, вперед протолкался начальник станции. Он спросил по-французски, куда Хедин направляется.

— Я еду в Баку. Буду учителем у одного шведского школьника, он сын инженера на нефтяных промыслах братьев Нобель.

Начальник станции тоже полистал блокнот и, в отличие от жандармов, пришел к выводу, что Хедин не угрожает империи. С явной неохотой жандармы его отпустили. Но только после третьего звонка, когда поезд уже отъезжал от станции, Хедин вздохнул свободно. Тогда он еще не знал, что это была его первая встреча с «Большой игрой», но не последняя.

Хедину не потребовалось и секунды, чтобы сказать «да» ректору Бергману в ответ на его предложение ехать в Баку и поработать там преподавателем. Разумеется, учительство не было пределом его мечтаний, но он не мог упустить такую возможность.

Невозможно было противостоять искушению оказаться на пороге Азии. Северный полюс, конечно, был главной

целью его амбиций, но Персия — это тоже было неплохо. Он тут же подумал, что обязательно побывает там.

Все лето 1885 года Хедин не находил себе места, ему не терпелось поскорее отправиться в путь. Он прочитал все, что только смог раздобыть о Персии, два месяца посещал курсы топографии для офицеров и посвятил несколько недель занятиям портретной живописью.

Пятнадцатого августа весь клан Хединов собрался на Шеппсбрун помахать на прощание Свену, который отплывал на борту парохода «Улеборг» в Санкт-Петербург. Семья была встревожена и перепугана — в отличие от Свена, который был полон ожиданий. Лились слезы. Свен уезжал на год.

В путешествии у Хедина оказались спутники — его будущий ученик Эрхард Сандгрэн с матерью и младшим братом. «Улеборг» причалил в Петербурге. Дальше они ехали поездом в Москву, потом во Владикавказ — четверо суток через бесконечные степи Южной России.

Потом еще одни сутки — в конной повозке через Кавказский хребет до Тбилиси, затем поездом в Баку. На весь путь из Стокгольма потребовалось двенадцать дней.

Свен смотрел вокруг с неутолимым любопытством. С неменьшим любопытством смотрели и на него. Типичная для Востока сутолока: мусульмане, раскатывающие свои молитвенные коврики на полу купе и пытающиеся определить, где Мекка, разносчики в здоровенных овчинных шапках, несмотря на жару, — все было новым и пахло экзотикой.

Семья Сандгрэн жила в большой вилле в Балахани неподалеку от нефтепромыслов на Апшеронском полуострове. Свен расположился вместе с Эрхардом в большой комнате со светло-красными стенами, белым дощатым потолком и красными гардинами. В углу стояла кафельная печка, топившаяся сырой нефтью.

На следующий день после приезда Хедин сел за письменный стол и написал длинное письмо домой. «Я едва могу усидеть на месте при одной мысли о том, что живу в Азии. Чувствую себя неопишимо хорошо», — писал Хедин, лишь немного жалуясь на паразитов и недостаток чистой питьевой воды. Жажда приходилось утолять большим количеством чая. Он

считал своего ученика Эрхарда лентяем. «Он ходит и бездельничает весь день, все время вялый, расхлябанный, но, может быть, занятия его немного приободрят», — надеялся Свен.

Желанная поездка в Персию постоянно стояла у Свена перед глазами. Он начал учить русский, азербайджанский и персидский языки. Ездить по округе и делать зарисовки было его любимым занятием. Но меньше чем через месяц Свену пришлось поумерить свои амбиции: он подхватил ревматическую лихорадку — микробную инфекцию, сопровождающуюся высокой температурой и изматывающей болью в руках и ногах.

Хедина лечил фельдшер — старый польский еврей, терпеливый, вдумчивый, опытный, но невероятно неряшливый в том, что касалось его личной гигиены. «Этот еврей и так уже почти что ангел благодаря своему терпению, но если бы неряшливость считалась добродетелью, его бы наверняка канонизировали», — писал Хедин домой.

Прошло без малого два с половиной месяца, прежде чем он полностью поправился.

Однажды с инспекцией из Санкт-Петербурга на промыслы приехал Людвиг Нобель. Свен был наготове. Он уже встречался с Нобелем в 1885 году в Стокгольме. Тогда он смотрел на Нобеля как на возможного мецената, одного из тех, кто в будущем будет класть перед ним мешки с деньгами.

Нобель поселился в стокгольмском «Гранд-отеле». Хедин переборол свою робость, направился прямо в отель и попросил встречи с нефтепромышленником. Нобель был окружен свитой.

— Что угодно господину? — спросил он довольно прохладно, протягивая руку и впиваясь взглядом в лицо Свена.

Хедин почувствовал, что ему не особенно рады. «Он, должно быть, устал от просителей, которые хотят поживиться за его счет», — подумал Свен.

— Собственно, ничего. Но дело в том, что я еду в Балахани в августе, где буду учителем сына одного из ваших инженеров. Для меня честь познакомиться с вами, человеком, который создал целую индустрию вокруг Баку.

Лесть, прямота и обезоруживающая открытость достигли цели.

— У меня сейчас совершенно нет времени, но, если вы заедете домой к моему брату Роберту в восемь часов, мы сможем поговорить.

Роберт Нобель жил на Нурландсгатан возле Нурмальм-сторг. Когда Свен вошел в дом, Людвиг Нобель положил руку ему на плечо, повернулся к брату и сказал:

— Вот таким должен быть шведский студент.

Приезд Людвиг Нобеля в Балахани переполошил всю фирму. Он заехал с вокзала к инженеру Сандгрёну, чтобы отобедать, а затем собирался на нефтепромыслы. Братья Нобель владели тогда 75 из 370 буровых вышек в Балахани.

Именно они создали нефтяную индустрию в Баку, организовали перегонку нефти и ее перевозку, построили целый флот нефтяных танкеров для доставки нефти по Каспийскому морю и Волге. До Нобелей было проще и дешевле закупать нефть в Соединенных Штатах.

Людвиг Нобеля должны были сопровождать буровые мастера и другие служащие предприятия, они стояли наготове возле своих экипажей и ждали, когда нефтяной король подаст знак и весь караван придет в движение.

И тут случилось нечто, что заметно повысило престиж Свена в глазах других шведов на промыслах. Людвиг Нобель повернулся к нему и спросил:

— Не хочет ли Хедин поехать со мной?

В течение двух часов Нобель переезжал от одной буровой вышки к другой. Время от времени он останавливался, чтобы поговорить с буровыми мастерами, инженерами и бригадирами. Воздух был пропитан запахом нефти.

Хедин был убежден, что заполучил покровителя. Он принялся подробно рассказывать Нобелю об исфаханских мечетях, руинах Персеполиса, финиковых пальмах Басры, древностях Багдада в надежде на то, что нефтяной король достанет из кармана бумажник и выделит кроху от своих богатств на поездку бедному студенту. Но Людвиг Нобель слушал Свена довольно рассеянно. Понял ли он, чего Хедин добивался, и просто не захотел этого показать — неизвестно. Хедин был достаточно тактичен для того, чтобы не быть назойливым.

— Удачи, — сказал Нобель на прощание. — Заходите ко мне в Санкт-Петербурге...

В начале апреля 1886 года учительство Хедина наконец закончилось, и он стал готовиться к поездке в Персию. В каждом письме матушка пыталась уговорить Свена отказаться от этих планов, но это лишь прибавляло ему решимости.

«Сейчас я стою на перепутье. Неисповедимыми Господними путями у меня появилась возможность сделать первый шаг на том пути, который я выбрал для себя: а именно — познание нашей земли. И неужели я должен малодушно оставить то поприще, что открывается передо мной, и возвращаться домой? И потом жалеть и раскаиваться за свою слабость, за отступление и бездействие, когда надо было действовать?» — так написал двадцатиоднолетний Хедин домой; высокая риторика завершалась просьбой, обращенной к отцу, — он просил двести крон на поездку.

В ответ пришло четыреста крон. После семи месяцев учебы Хедин считал, что достаточно искушен в персидском и азербайджанском, чтобы справиться самому без переводчика. Он заказал себе дорожный костюм, упаковал сменную одежду, три пары трусов, пять пар носков, сапоги, башмаки, Библию, блокнот для зарисовок, чертежные принадлежности, карты, хинин против малярии и револьвер, который одолжил у инженера Сандгрена.

Седьмого апреля вместе с товарищем Баки Хановым он поднялся на борт колесного парохода «Император», который должен был перевезти их через Каспийское море в Энсели на персидском берегу. Хедин был знаком со своим земляком, капитаном судна, и плавание в каюте первого класса было для них бесплатным.

Кирманшах, Персидский Курдистан,
13 июня 1886 года

Свен сидел на верхушке полуразрушенной глинобитной стены в столице Персидского Курдистана городе Кирманшахе. Его одежда поистрепалась. Деньги практи-

чески закончились, того немногого, что оставалось, хватит на несколько яиц, хлеб и чай.

Кирманшах стоит на дороге из Багдада в Тегеран. В Тегеране Хедин смог бы получить помощь, но до него 600 километров. Жалкой кучки оставшейся мелочи не хватит даже на телеграмму. В Кирманшахе не было ни одного европейца, и, кроме того, в толстой пачке рекомендательных писем, запасенных Свенем, не было никого из Кирманшаха.

Большинство жителей города прежде никогда не видели европейца. Прохожие рассматривали Хедина с опасливым любопытством. Прошло ровно два месяца с тех пор, как он отплыл из Баку на борту «Императора». Плавание через Каспийское море до Энсели заняло тридцать часов. В городе Решт Хедин в первую очередь пошел к русскому консулу и вручил ему рекомендательное письмо. Консул тут же выделил ему одного из служащих, который показал Свену город, а потом угостил ужином и устроил на ночлег.

На следующее утро Хедин и его товарищ по путешествию ехали на лошадях к покрытым снегом горам, которые им предстояло преодолеть на пути в Тегеран. Персидскую столицу от Решта отделяло почти триста километров. Движение по дороге было довольно оживленным, постоянно встречались пешие путники, всадники и караваны мулов и ослов. Поднявшись в гору, они попали в снежную бурю и промерзли до костей, но на противоположном склоне было по-весеннему тепло и уютно.

В дальнейшем им удавалось проезжать до пятидесяти километров в день. Дорога из Решта до Тегерана заняла около недели. В Тегеране они первым делом пошли в общественную баню, чтобы смыть с себя дорожную грязь и избавиться от вшей, приобретенных во время ночевки на постоянных дворах, а потом отправились на поиски, вероятно, самого известного в Персии шведа — зубного врача шаха Бертрана Хюбеннета.

Бертран уже четырнадцать лет ковырялся в зубах его шахского величества, но, очевидно, настолько успешно, что шах решил оказать ему честь и официально прибавил к его имени почетный титул «хан», так что теперь на визитных карточках шведа красовалось «Бертран Хюбеннет-хан».

У Хедина было с собой рекомендательное письмо к нему от Норденшёльда. Когда он не без труда нашел жилье Хюбеннета, его встретили с распростертыми объятьями. Хюбеннет истосковался по землякам и не пожалел времени, показывая Хедину Тегеран.

Свен вновь отправился в путь через неделю, на этот раз один, потому что Баки Ханов заболел и решил вернуться домой, в Баку. 27 апреля Хедин направился в Исфахан. Весь его багаж умещался в двух седельных сумках, а деньги для надежности он зашил в кожаный пояс.

Он ехал на наемных лошадях и менял их на постоянных дворах, которые попадались примерно каждые двадцать километров. В Исфахане Свен воспользовался еще одной из своих рекомендаций — письмо было адресовано немецкому торговцу Гейеру. Дома Гейера не оказалось, что, однако, не помешало Хедину вполне непринужденно там расположиться.

Не надо особенно напрягаться для того, чтобы представить удивление вернувшегося домой немца, когда он застал у себя в спальне совершенно незнакомого иностранца в одних трусах. Когда Гейер немного пришел в себя и прочитал рекомендательное письмо, которым размахивал полуголый чужак, он последовал лучшим правилам гостеприимства.

Свен несколько дней осматривал исторические здания Исфахана. 6 мая он поблагодарил Гейера и отправился дальше. Через пять дней он увидел остатки бывшей персидской столицы Пасаргаде, которым было не менее двух с половиной тысяч лет. Здесь Хедин посетил и тщательно зарисовал хорошо сохранившийся мавзолей Кира Великого.

Затем он поехал в Персеполис, ставший столицей после Пасаргаде, — город, разграбленный и сожженный Александром Великим. Целый день Хедин бродил с рисовальным блокнотом по руинам дворцов Дария и Ксеркса, а на следующий день отправился в Шираз. Там его ждали. Хюбеннет телеграммой известил о приезде Хедина начальника почтамта француза Фарша.

Свену была предоставлена гостевая комната, ванная, после чего Фарш пригласил его к ужину с переменной вина к каждому блюду. На десерт были поданы абрикосы, вино-

град, грецкие орехи и вишни. Ужин завершился кофе и традиционным местным кальяном.

Это выглядело невероятным контрастом по сравнению со скудными трапезами на облезлых постоянных дворах. Три дня Хедин осматривал Шираз. «Должно быть, самый красивый город Персии», — решил он.

Далее его ждал Бушер — город у Персидского залива. 22 мая он въехал в его ворота. С момента, когда он ступил 9 апреля на землю Энсели, было преодолено 1500 километров. Свену хотелось как можно быстрее сесть на пароход и морем доплыть до Басры.

Двадцать восьмого мая он поднялся на борт английского парохода «Ассирия», который обслуживал линию Бомбей — Басра. С севера дул сильный ветер. Хедин пошел в свою каюту первого класса — едва отплыли, как он почувствовал приступ морской болезни.

Но уже следующим утром он сидел в плетеном ротанговом кресле на палубе, пил чай, курил сигару и с удовольствием рассматривал совершенно спокойное море. Двумя часами позже «Ассирия» вошла в буро-коричневые заиленные воды Шат-эль-Араб — место, где впадают в Персидский залив сливающиеся Тигр и Евфрат. В половине третьего судно бросило якорь на рейде Басры. Корабль окружило множество лодок, началась свалка, крики, лодочники боролись за то, чтобы доставить пассажиров на берег.

Высадившись, Хедин направился к Аше, немецкому коммерсанту, к которому у него было рекомендательное письмо. В Басре он провел два дня. Город пропах финиками и болотной малярией. Басра была средоточием торговых путей между Южной Азией, Восточной Африкой и Ближним Востоком и при этом — на редкость нездоровым местом. 31 мая Аше и его партнер Эллис проводили Хедина в лодке до британского колесного парохода «Меджидех», который должен был доставить его вверх по Тигру до Багдада.

Плавание продолжалось пять дней. Первую ночь в Багдаде Свен провел в каюте первого класса на «Меджидехе», а на следующий день разыскал английского купца Хильперна, к которому Эллис написал рекомендательное письмо.

Хильперн предложил ему три комнаты в своем просторном жилье, пригласил на завтрак и поручил одному из работников показать Хедину Багдад. 7 июня с торговым караваном Хедин выехал в Кирманшах. Хильперн настоял на том, чтобы Хедин ехал с караваном — так было безопасней. Но за это удовольствие Свену пришлось заплатить треть оставшихся у него денег.

Примерно через трое суток он достиг границы Персии и Османской империи. Прежде Хедину уже без всяких проблем доводилось выезжать из Персии в османские владения, но на этот раз возникли сложности. Он предъявил турецким пограничникам рекомендательное письмо министра внутренних дел Персии, надеясь, что официальный вид письма с подписью министра, печатями и всем прочим впечатлит турок. Но ничего не вышло.

Ситуацию удалось разрешить только после визита к их начальству, и после взятки все необходимые разрешения были получены.

Четырьмя днями позже, 11 июня, караван въехал в Кирманшах. Непредвиденные траты стоили Хедину почти всех денег. Поэтому он и сидел с пустыми карманами на покореженной временем и непогодой стене и размышлял, как быть.

И тут Хедин вспомнил, как араб в караване несколько раз упоминал о местном купце по имени Ага Мухаммед Хассан, чьи караваны ходили по всему Ближнему Востоку — от Иерусалима на западе до Герата на востоке, от Мекки на юге до Черного моря на севере. Этот купец был еще и английским торговым представителем в Кирманшахе.

Через некоторое время Хедин стоял перед дверью в стене. Он постучал — появился слуга. Свен объяснил, что он хочет увидеть Агу Мухаммеда Хассана. Слуга ненадолго исчез, потом вернулся.

— Господин приглашает вас, — сказал он и повел Хедина через сад с журчащими фонтанчиками. Пройдя через несколько комнат, они оказались в большом зале, устланном коврами; в стенных нишах здесь стояло множество медных и бронзовых вещей.

В середине комнаты на ковре сидел человек с аккуратно подстриженной окладистой бородой в белом расшитом золотом халате и тюрбане — Ага Мухаммед Хассан. Вокруг него лежали книги и бумаги, рядом сидел секретарь с письменными принадлежностями наготове. Ага посмотрел на молодого европейца: сапоги пыльные, одежда потрепана, в одной руке седельная сумка, в другой белая фуражка.

— Добрый день, мой господин, — сказал он дружелюбно по-турецки и поинтересовался, откуда приехал путник, куда направляется и где его родина.

Когда Хедин произнес «Швеция», Ага оказался в некотором замешательстве. Свен постарался облегчить ему задачу, сказав, что Швеция находится между Англией и Россией. Сначала это не очень помогло, но вдруг в глазах Мухаммеда Хассана блеснул огонек понимания.

— Так вы из той страны, где Железная Голова был королем?

Тимирбаши, или Железная голова, — так турки прозвали Карла XII. Когда Ага Хассан уяснил, что перед ним стоит земляк Карла XII, он пригласил Хедина пожить у себя и приказал двум своим помощникам отвести его в отдельный дом в саду. Дом был шикарный, с красивыми коврами, черными шелковыми диванами и сверкающими хрустальными светильниками.

Подали ужин: жареное мясо, куры, пилав, сыр, лепешки и финиковый сок. Хедин ел и вспоминал, как всего несколько часов назад он, как какой-нибудь оборванец, шел по пыльным улицам. Свен всего лишь осмелился постучать в дом незнакомого человека, и эффект превзошел все ожидания — все равно что потерять лампу Аладдина. Он моментально превратился в принца из «Тысячи и одной ночи».

Но денег у Хедина по-прежнему не было — это он пытался скрыть. Но в итоге пришлось открыться одному из помощников Аги. Тот сначала удивился, но потом успокаивающе улыбнулся и сказал:

— Ага Хассан даст вам денег — столько, сколько надо.

Хедин хотел ехать дальше, в Тегеран, и было решено, что он отправится вместе с почтой. Отъезд наметили на 16 июня сразу после полуночи. Накануне Ага Хассан устроил праздник в честь своего гостя. Хозяин был само благодущие

и буквально сиял, но ни он, ни Хедин ни словом не упомянули о деньгах.

Настало время прощаться. Ага Хассан сказал Хедину, что ему было бы очень приятно, если бы Хедин пожил у него еще несколько месяцев, и подарил Свену свой портрет. Хедин обещал поместить портрет Аги в книге о путешествии, которую планировал написать. В последний раз он вошел в дом в саду за своими вещами. Там его ожидал помощник Аги Хассана с кошельком денег.

Доставка почты в Тегеран оказалась более трудным делом, чем думалось Хедину. Они доехали до города в три часа утра 21 июня. Свен не слезал с седла 55 часов и менял лошадей девять раз. Следующие семнадцать дней он отдыхал у Бертрана Хюбеннета.

Девятого июля он отправился в обратный путь домой через Красноводск, Баку, Батум, Константинополь, Адрианополь (ныне — Эдирне) близ границы с Болгарией. Там Свен совершенно случайно познакомился с говорящим по-французски господином, упомянувшим, что он начальник полиции.

На следующее утро Хедин решил побродить по улицам Адрианополя и сделать несколько зарисовок. Он рисовал, когда вдруг на его плечо опять, как и на станции Уджири, опустилась тяжелая рука. Рука, как легко догадаться, принадлежала полицейскому.

— А в чем дело? — поинтересовался Хедин.

— Узнаете в полицейском участке, — последовало исчерпывающее объяснение.

Полицейский забрал блокнот и препроводил Хедина к комиссару полиции. Тот изучил рисунки в блокноте, устроился на диване и принялся, положив ногу на ногу, допрашивать Хедина: имя, национальность — и вообще, какого черта тому занудилось рисовать на улице, где находится государственная тюрьма? Потом сунул блокнот и паспорт Хедина под крышку конторки и сказал, что надо дожидаться шефа полиции.

Примерно через полчаса шеф полиции появился. К изумлению всего участка, он с распростертыми объятиями ринулся к задержанному шпиону:

— Добрый день, мой друг. Я так рад видеть вас опять! Как хорошо, что вы зашли к нам!

Моментально Хедин получил обратно блокнот и паспорт. Оставшуюся часть дня главный полицейский начальник Адрианополя выступал в качестве гида и показывал ему город.

Потом были София, Белград, Будапешт, Вена, Берлин. 22 августа в Штральсунде Хедин, преисполненный сентиментальных чувств, поднялся на борт шведского парома.

Йота-канал, 15 сентября 1886 года

Лицо в обрамлении густых пушистых белых бакенбард, круглые очки. Генрик Ибсен дружелюбно смотрел на худошавого молодого человека небольшого роста.

— Свен Хедин, — представился тот и поклонился.

Загорелый, длинноносый, с полными губами, волосы темные, пышные усы.

— Я возвращаюсь домой из поездки в Персию, — сказал молодой человек.

Огонек любопытства блеснул в глазах норвежского драматурга.

Совершенно случайно они оказались на пароходе «Паллас», идущем из Гётеборга в Стокгольм по Йота-каналу. Дело было 15 сентября 1886 года. Туристский сезон закончился, и, кроме Ибсена и Хедина, на борту было всего лишь два пассажира. После ужина, когда уже стемнело, Ибсен сказал Хедину:

— Не составите ли вы компанию за стаканчиком грога?

— Охотно, для меня это в радость, — ответил Хедин вежливо. — Но насчет грога я не большой мастак. Я вообще мало пьющий.

— Вы можете поступать, как вам заблагорассудится: пить много или пить мало. Мне бы хотелось послушать ваши рассказы о Персии.

Несколько часов Ибсен расспрашивал Хедина, а тем временем «Паллас» медленно скользил на восток. Грог у Ибсена был забористый, цвета красного дерева, поэтому Хедин в свой стакан доливал воду.

Он достал блокнот и показал Ибсену рисунки: наброски скульптур Шапура и Так-и-Бустана, дворца Ксеркса в Персеполесе.

Ибсен внимательно рассматривал рисунки. Особенно его заинтересовало изображение царского дворца в Ктесифоне. Ибсен возвращался к нему несколько раз.

— А из чего он построен, из какого материала? Он хорошо сохранился? Можно ли его отреставрировать, чтобы он дальше не разрушался?

Хедин не вполне улавливал резоны столь большого интереса норвежца к династии Сасанидов и дворцу в Ктесифоне. Он не читал ни одной пьесы и не видел ни одного спектакля по пьесам Ибсена и до смерти боялся, что тот что-нибудь о них спросит. Но Ибсен так и не спросил.

Если бы Хедин посмотрел поэтическую драму Ибсена «Кесарь и Галилеянин», он бы, конечно, понял, чем так очаровали Сасаниды драматурга. Действие «Кесаря и Галилеянина» происходит во времена римского императора Юлиана Отступника и, в частности, возле Ктесифона, где император был смертельно ранен.

За первым вечером последовали другие. Рассказывал не только Хедин. Генрик Ибсен присутствовал на открытии Суэцкого канала в 1869 году и поделился со Свеном своими впечатлениями.

— Это было замечательное событие. С помощью современной техники люди смогли отделить Азию от Африки и соединить Средиземное море с Красным, — философствовал Ибсен. — Человечество достигает все больших и больших высот и воздвигает устои своих великих свершений на краю вечности.

Восемнадцатого сентября, проведя почти тринадцать месяцев за границей, Хедин вернулся в Стокгольм. Несколько газет написали о его поездке.

«Это предприятие надо рассматривать, как необычное проявление мужества, стойкости и воли. Одиноким молодой человек с помощью одной лишь карты и случайных спутников сумел совершить такое длительное и сложное путе-

шествие в страну, где мало кто из шведов бывал и о которой известно крайне мало», — написала газета «Нюа даглит аллеханда» («Новое ежедневное обозрение») после того, как Хедин с обратного пути телеграфировал, что добрался до Константинополя.

Теперь, когда Свен оказался на родной земле, он привлек еще большее внимание прессы. Медиафеномен «Свен Хедин» пока что пребывал в своей эмбриональной форме — знаменитость в процессе созревания. Во время остановки в Гётеборге «Гётеборгская торговая и морская газета» взяла у него интервью.

— Этой осенью собираюсь изучать медицину в Упсале, а в следующую рассчитываю отправиться в Азию в экспедицию. Я надеюсь, что смогу пополнить собрание Гётеборгского музея и Географического общества в Стокгольме, если, конечно, найдутся средства для моей поездки, — сообщил газете Хедин.

Когда 25 ноября Хедин сделал доклад о поездке в Персию в Географическом обществе в Стокгольме, несколько газет поместили об этом подробные сообщения. То, что молодой человек двадцати одного года выступал перед авторитетным собранием, само по себе было событием. Особый интерес вызвал его рассказ о персидской пенитенциарной системе.

«Законы строгие, наказания суровые, — заключала газета «Наша страна». — Уши отрезают за незначительные преступления, а за политические преступников вешают за ноги перед домом. За более серьезные преступления виновника зашивают в мешок, пропитанный нефтью, и поджигают. А если преступник толстый, его как свечку шпигуют фитилями и он горит на своем собственном жире».

Другой деталью доклада, которая привлекла внимание газет, было то, как шах следит за гигиеной своего гарема.

«Для них есть особый бассейн, все помещение выложено мраморными плитами. Перед купанием мрамор моют с мылом», — смаковала «Наша страна».

Хедин был прирожденным шоуменом и, подобно авторам современных бестселлеров, обладал безошибочным чутьем на то, что должно понравиться публике.

Ваксхольм, 1 июля 1887 года

Первого июля 1887 года в газете «Наша страна» появилась заметка под названием «Знаменитый рекрут». Газета сообщала, что путешественник по Персии Свен Хедин призван в армию и будет выполнять свой долг перед Швецией в артиллерийском соединении в Ваксхольме.

Военная служба в то время была не очень долгим делом. Муштра длилась пять недель, а потом Хедин опять смог вернуться к обычной гражданской жизни, заполненной учебой и писательством.

Он отказался от планов изучения медицины в Упсале ради геологии и минералогии в Стокгольмской высшей школе; он считал, что это лучше подходит ему как будущему исследователю. Его преподавателем был норвежец В. Брёггер, лучший специалист во всей Скандинавии, профессор сразу двух высших учебных заведений — Высшей Стокгольмской школы и Университета Кристиании.

Одновременно с учебой Хедин писал книгу о своем путешествии в Персию. К радостному удивлению Хедина, издатель Альберт Бонниер предложил ему 2,5 тысячи крон за право на книгу — огромную сумму для студента 1887 года и значительно больше того, что опытные писатели получают в качестве аванса сейчас. Но вместо того чтобы просить от счастья от неслыханной щедрости, Хедин заявил:

— Этот гонорар не соответствует неслыханным опасностям и трудностям моего путешествия.

Впрочем, старого хитреца Альберта Бонниера было невозможно обвести вокруг пальца, так что Хедин получил 2,5 тысячи — и точка.

Персидские рассказы издавались с начала апреля 1887 года серией в десяти частях. Осенью того же года они вышли под одной обложкой. Книга называлась «Через Персию, Месопотамию и Кавказ». В ней было 460 страниц, 128 иллюстраций, две карты плюс предисловие известного в 1860–1870-х годах путешественника по Центральной Азии венгерского профессора Германа Вамбери.

Хедин в своей обычной манере, не особо стесняя себя условностями, познакомился с Вамбери в Будапеште

на обратном пути из Персии. Его сочинения он прочитал еще перед своей поездкой. Написав свою книгу, он предложил Альберту Бонниеру попросить венгра написать предисловие. Вамбери просьбу выполнил, хотя сомнительно, чтобы он действительно прочитал книгу, — ведь он ни слова не знал по-шведски.

Критика высоко оценила книгу, за исключением, пожалуй, рецензента из «Новой прессы». Он пенял автору за несообразности; по его мнению, Хедин иногда упоминал о вещах, которых не могло быть на самом деле. Например, внимание рецензента привлекло название станции Минеральные Воды.

«Это напоминает мне историю о немце, который во время поездки по Франции удивлялся, почему так много станций называются “Salle d’attente” («Зал ожидания»). “Mineralnij Vadi” означает «минеральная вода», а совсем не название станции, это просто вывеска, где продают воду», — безапелляционно заключал рецензент.

Планы относительно нового путешествия Хедину пришлось отложить. Препятствиями стали и учеба, и работа над книгой, и нехватка денег. Зато в начале сентября он съездил в Гётеборг на праздник в честь Генрика Ибсена. Среди гостей были известнейшие люди Швеции, в частности Карл Ларссон и Аксель Мунте*. Эта поездка была, безусловно, очень полезной для Свена. Она прибавила несколько весьма заметных и влиятельных людей к числу его знакомых.

Осенью 1888 года семья Хедин переехала в большую квартиру с видом на Ньюбрувикен**. Шестью месяцами позже после двух лет учебы Свен получил кандидатскую степень.

* Карл Ларссон (1853—1919) — один из самых известных шведских художников. Ларссон и его жена Карин считаются основателями подлинно шведского стиля. Ларссон — автор книги «Дом под солнцем» (1909), которая популярна и в наше время. Аксель Мартин Фредерик Мунте (1857—1949) — врач, писатель. Автор книг «Красный крест, железный крест», «Легенда о Сан-Микеле», «Записки врача и мистика» и других. С 1943 года и до смерти жил в королевском дворце в Стокгольме в качестве личного гостя Густава V.

** Викен — по-шведски «залив».

После Персии интересы Хедина переместились на Центральную Азию и Тибет — единственные, за исключением полярных областей, оставшиеся белые пятна на карте. Он предложил Альберту Бонниеру издать сокращенный перевод книги русского исследователя Центральной Азии Николая Пржевальского. Переводом Пржевальского Хедин одним выстрелом хотел убить двух зайцев: усовершенствовать свой русский язык и получше изучить области, которые собирался исследовать.

Книга Пржевальского вышла частями в 1889—1891 годах с предисловием Норденшёльда.

_____ Кристиания, 30 мая 1889 года

Тридцатое мая 1889 года — примечательная дата в норвежской истории. Нация встречала своего героя — Фритьофа Нансена.

Прошел почти год с июля 1888 года, когда Нансен с товарищами отплыл в Гренландию для того, чтобы пересечь остров на самом норвежском из всех видов транспорта — лыжах. Переход должен был начаться на безлюдном восточном побережье и закончиться на противоположном, относительно заселенном, западном. Нансен рассчитывал вернуться в Норвегию к осени.

Но экспедиция началась с двухнедельным опозданием. Когда Нансен и его товарищи, преодолев множество препятствий, добрались до западного берега в конце сентября, последний корабль уже ушел. Им пришлось остаться на долгую полярную зимовку вместе с гренландцами. Только в мае 1889 года они смогли отплыть в Копенгаген, где их ждала торжественная встреча, а потом в столицу родной Норвегии — Кристианию.

Когда корабль с героем на борту подплывал к столице, его встречал целый флот пароходов, парусников и лодок. На борту одного из судов был Свен Хедин вместе с профессором Брёггером.

Хедин и Нансен к тому времени уже два года как были знакомы. Они встретились в Стокгольме на заседании обще-

ства «Идун». Нансен приехал в Стокгольм, чтобы обсудить планы своей гренландской экспедиции с Норденшёльдом, который четырьмя годами ранее дошел до середины гренландской ледяной пустыни.

Норденшёльд сдал Нансена Хедину, что называется, с рук на руки.

— Свен, вот тут у нас молодой норвежец, хранитель Бергенского музея Фритьоф Нансен. Он на будущий год собирается в Гренландию. Думаю, вы с удовольствием позаботитесь о нем.

Хедин повернулся к норвежцу.

— Добро пожаловать к нам, господин Нансен, — сказал он, протягивая руку.

«Одевается он забавно», — подумал Хедин, глядя на светло-серый пиджак и брюки-гольф норвежца. Пиджак был застегнут доверху; никакого крахмального галстука и манжет, как предписывал этикет в одежде, не было и в помине. Но не одежда делает человека. У него сразу же сложилось впечатление, что Нансен знает, чего хочет, и что он очень волевой человек. Хедин и Нансен провели вместе большую часть вечера и много разговаривали.

Это было начало долгого знакомства. Многие тогда предрекали провал гренландским планам Нансена, но только не Хедин. В феврале 1888 года в письме Нансену он пожелал ему удачи, и через несколько дней пришел ответ:

«Дорогой друг, сердечное спасибо за письмо, которое я только что прочитал. Надеюсь, что у тебя все хорошо и ты тоже скоро отправишься на Тибет, как задумал. Подготовка к моей экспедиции идет хорошо. Мне предрекают, что я там непременно погибну, но я не обращаю внимания».

Теперь Нансен возвратился с триумфом, и Хедин радовался возможности поздравить друга. Самому ему тоже перепали почести — один из норвежцев предложил поднять бокалы за всех присутствующих шведов и, в частности, за путешественника Свена Хедина. Он уже был популярен, хотя имел за плечами одну-единственную поездку в Персию.

Два месяца турист-авантюрист путешествовал по овеянной мифами земле и написал об этом книгу. Благодаря газетам он получил ярлычок: «Свен Хедин, известный своим

путешествием по Персии и Месопотамии». Помимо прочих талантов он был одарен умением привлекать внимание к своей персоне.

_____ Стокгольм, июнь 1889 года

Июньское солнце блестело в воде Ньюбрувикен, солнечные зайчики прыгали по фасадам домов на набережной Нурра Бласиехольмен. Но ни один лучик света не проникал в комнату Свена Хедина, там было тихо и темно. Он лежал с закрытыми глазами и слушал, как, сидя за ширмой, матушка читает вслух стихи Бьёрнстjerne Бьёрнсона*.

Анна Хедин очень любила Бьёрнсона, и Свен, пребывавший в том возрасте, когда все романтическое действует особенно сильно, чуть не плакал, сопереживая истории любви Ханса Хаугенса и Милдрет Тингвольдс.

Хотя, возможно, причина слез была не только в этом. У Свена было сильное воспаление сетчатки на левом глазу. Это случилось вскоре после возвращения из Норвегии. Он не переносил света и не мог читать. Врач Свена доктор Нурденсон считал, что воспаление связано с инфекцией, которую Хедин заполучил в Баку четырьмя годами ранее.

Дело могло закончиться слепотой. Но Хедин не показывал и виду, все свои опасения он держал при себе. Он шутил и с оптимизмом говорил о будущем. Через пару месяцев воспаление прошло, хотя видеть он стал хуже.

Двадцать девятого августа «Афтонбладет» («Вечерняя газета») сообщила: «Свен Хедин, известный своим путешествием по Персии и Месопотамии, практически выздоровел после долгой болезни глаз. Молодой исследователь вновь вернулся к мысли о уже запланированной научной экспедиции в Центральную Азию». Новость со ссылкой на «Афтонбладет» была перепечатана в «Свенска дагбладет» («Швед-

* Бьёрнстjerne Бьёрнсон (1832—1910) — норвежский поэт и писатель, лауреат Нобелевской премии 1903 года, автор текста норвежского гимна. — *Прим. ред.*

ская ежедневная газета»), «Дагенс нюхетер» («Ежедневные новости») и «Нюа даглиг аллеханда» — то есть крупнейшими шведскими газетами.

Судя по всему, инициатива публикации этого сообщения исходила от самого Хедина. Он рассказал, что хотел начать экспедицию в Самарканде, там же нанять казаков, организовать караван, направиться в Китай и далее — в Тибет. В экспедиции ему собирался составить компанию молодой зоолог из Упсалы. Все путешествие должно было занять два года. Отправление было намечено на январь 1890 года, но помешала болезнь.

Но прежде чем Хедин назначил новый срок начала экспедиции, произошло еще одно событие, заставившее его отложить путешествие на неопределенное время.

В сентябре 1889 года в Стокгольме собрался конгресс востоковедов, приехали делегаты со всего мира. Благодаря своей репутации востоковеда и знатока двух восточных языков — персидского и азербайджанского — Хедин, несмотря на молодость, стал полноправным участником конгресса.

Это дало ему возможность завязать целый ряд знакомств, наладить контакты и вновь привлечь к себе внимание. Возможно, это и стало основанием для предложения, которое он получил несколько недель спустя.

Свен Хедин находился на острове Дальбю в Тросских шхерах, когда из города пришло письмо от отца; на конверте папа Людвиг нарисовал персидский герб. В письме было написано: «Ты должен быть в городе завтра в 11 часов, тебя ждет встреча с премьер-министром. Король посылает весной посольство к персидскому шаху, и ты тоже едешь. Ура!»

— Ура! — в свою очередь воскликнул Свен и вновь почувствовал, что прикоснулся к лампе Аладдина.

Он возвращается в Персию!

На конгрессе востоковедов присутствовало посольство шаха, прибывшее для вручения ордена шведскому королю Оскару II.

На любезность решили ответить любезностью. Шведское посольство должно было вручить шаху орден Серафимов — высшую королевскую награду. В списке будущих чле-

нов посольства у премьер-министра было отмечено: «Свен Хедин, известен своей поездкой по Персии и Месопотамии».

Хедин был так взволнован новостью, что едва мог заснуть. В 6 часов утра он уже садился на катер, идущий из Троссы в Стокгольм. Дома отец уговорил его надеть фрак. И вот Хедин входит к премьер-министру Окерхильму, и тот изумленное его разглядывает.

— Вы собрались на ужин, как я погляжу, — сказал он улыбаясь.

— Нет, ваше превосходительство, не сегодня.

— Вы надели фрак ради меня?

— Да, конечно, ваше превосходительство.

— Это совершенно необязательно. Я человек простой, фраки меня не впечатляют.

Хедина бросило в жар. Неужели он проштрафился и не подходит для посольства? Но нет, все оказалось не столь плохо. Премьер отправил его к министру иностранных дел Карлу Левенхаупту, и после беседы было решено, что Свен будет переводчиком посольства.

Возможно, Хедина выбрали не только потому, что он слыл докой в восточных языках. Не стоит исключать и дружеские связи. Папа Людвиг и премьер-министр Окерхильм несколько лет заседали в правлении одного и того же концерна. Когда папа Людвиг услышал о посольстве, он связался с премьером и предложил кандидатуру Свена в качестве переводчика. Окерхильм своему другу и коллеге не отказал. Так, во всяком случае, полагал сам Свен Хедин.

Посольство должно было выехать в Персию весной 1890 года. Чтобы скоротать время, Хедин решил изучать географию у мировой знаменитости профессора Фердинанда фон Рихтгофена в берлинском Университете Фридриха-Вильгельма.

Берлин, 19 октября 1889 года

Профессор Фердинанд фон Рихтгофен, как и подобало крупнейшему авторитету в географии Центральной

Азии, жил в роскошном доме по адресу Курфюрстенштрассе, 117. Ему было пятьдесят шесть. Хедину исполнилось двадцать четыре.

Рихтгофен был человеком опытным, признанным и знаменитым. Он владел массой ценнейших знаний. Для Хедина было жизненно важно, чтобы немец принял его в ученики. Он нервничал, как перед экзаменом.

На подгибающихся ногах, с сильно бьющимся от волнения сердцем Свен поднялся по покрытой ковром широкой лестнице на четвертый этаж. Он остановился перед резной дубовой дверью с блестящей золотом табличкой «Ф. фон Рихтгофен». Затем робко постучал. В его активе были три вещи: персидская авантюра, визитная карточка Норденшёльда с коротенькой рекомендацией и рекомендательное письмо от профессора Брёггера.

Слуга открыл дверь и повел Хедина через анфиладу огромных комнат в кабинет Рихтгофена. Вот и сам профессор. Высокий крепкий мужчина, подтянутый, с прямой посадкой головы, аккуратно постриженная борода и усы, высокий лоб.

Все эти эпитеты: «высокий», «подтянутый», «прямая посадка головы» — типичные для Хедина шаблоны. Так он обычно описывал людей, которые ему нравились. Он не очень хорошо разбирался в людях, он видел поверхность, не заглядывая вглубь, в первую очередь обращал внимание на положение человека, а не на саму личность. Рихтгофен был профессором, бароном и мировой знаменитостью, и в глазах Хедина он автоматически выглядел высоким, величественным, волевым — словом, обладателем благородной внешности.

Рихтгофен внимательно посмотрел на Свена, подал ему руку и предложил сесть в большое кресло.

— Как я понимаю, вы швед? Что я могу для вас сделать?

— Я хочу посещать ваши лекции, господин профессор, чтобы с вашей помощью подготовиться к исследованиям Азии. Прежде мне удалось побывать только в Персии и Месопотамии, но я хочу заниматься Центральной Азией и Тибетом. Я изучал геологию у профессора Брёггера в Стокгольме, у меня к вам от него письмо, и вот еще карточка Норденшёльда.

Рихтгофен взял карточку, посмотрел, вскрыл конверт с письмом от Брёггера и прочитал. Потом с улыбкой посмотрел на Хедина:

— Вы, оказывается, уже успели повидать мир. Я рад, что вы хотите заниматься у меня, сердечно рад.

Рихтгофен читал лекции по будням, каждый день, кроме среды. По вторникам в семь часов он собирал своих студентов на семинар, они должны были готовить сообщение по самостоятельно выбранной теме. Когда через несколько месяцев дошла очередь до Хедина, он выбрал предметом своего доклада исследования Пржевальского в Центральной Азии.

Готовясь к докладу, он начертил огромную карту маршрутов русского путешественника. На это у него ушел месяц. Прежде он никогда еще не работал так долго и скрупулезно ни над одной картой. Координатную сетку на карте контролировал и проверял сам Рихтгофен.

Четвертого февраля 1890 года карту смонтировали в аудитории Географического института, где обычно проходили семинары. Кроме Рихтгофена и сорока студентов присутствовал дипломатический представитель Швеции в Германии Лагерхильем.

Хедин заметно нервничал. Доклад продолжался два часа. Когда Свен закончил, Рихтгофен сказал несколько слов похвалы. Двумя днями позже Хедин написал домой письмо: «Я справился, — и добавил: — Замечательно, что все закончилось».

Накануне Рихтгофен поинтересовался у Хедина, что тот намерен делать с картой.

— Я бы просил оставить ее в институте, — ответил Свен, который понимал значение широких жестов.

Рихтгофен пожал ему руку и с благодарностью сказал:

— Эта карта будет висеть здесь как свидетельство и напоминание о вашем усердии и тщании.

— Когда я вернусь из большой экспедиции и буду делать доклад, — сказал Хедин, — она мне очень пригодится.

Рихтгофен широко улыбнулся:

— Приду послушать обязательно.

Талантливый и честолюбивый швед вскоре стал любимым учеником Рихтгофена. Немецкий ученый считал, что имен-

но Хедин сотрет последние вопросительные знаки в географии Тибета и Центральной Азии.

Значение Рихтгофена в исследованиях Хедина едва ли возможно переоценить: он был их вдохновителем. Если можно так сказать, Рихтгофен программировал Хедина на решение действительно важных, по его мнению, вопросов. Речь идет о странствующем озере Лобнор, истоках крупных индокитайских рек, неизвестных горных систем Тибета и их геологическом строении. Для Хедина, который скорее был авантюристом, нежели аналитиком и теоретиком, общение с Рихтгофеном было равнозначно получению научного задания.

Рихтгофен хотел сделать из Хедина грамотного геолога, потому что в основе географических исследований лежит геология, но не очень в этом преуспел. Хедин слишком сильно жаждал приключений и считал, что не стоит терять время в лабораториях и аудиториях, ему не терпелось странствовать. Кроме того, приближался отъезд в Персию.

В середине марта он попрощался с Рихтгофеном и отправился в Стокгольм. Позже они постоянно поддерживали связь и виделись при первой возможности до самой смерти Рихтгофена в 1905 году. Даже в азиатских экспедициях Хедин получал письма от своего учителя. Рихтгофен подстегивал честолюбие ученика. Можно сказать, что он дистанционно управлял Свенем.

В письме 1904 года Рихтгофен сформулировал историческую роль Хедина:

«Вы, мой дорогой, удостоились чести уложить последний камень в великое здание географических открытий».

Тегеран, 24 мая 1890 года

Свен Хедин с любопытством разглядывал трон. Он думал, что этот огромный раззолоченный и усыпанный драгоценными камнями монстр смахивает на бильярдный стол, которому, однако, из-за тяжести необходимо минимум шесть ножек. На спинке трона красовались сияющий солнечный диск и два павлина.

К подножию трона вели две ступеньки, но царь царей шах Насреддин изволили стоять на собственных ногах перед тронном. По своему обыкновению, Хедин описывает шаха высоким, величественным и приписывает его облику благородные качества. На самом деле шах Насреддин соответствовал представлению о восточном самодержце: он был хитрым, капризным, злобным, бессовестным деспотом. Сейчас шах должен был получить королевский орден Серафимов. Это означало, что королю Оскару и шведскому правительству пришлось толковать положение об ордене не столь уж буквально. Там было совершенно определенно сказано: «Вручается иностранным высшим особам за выдающиеся заслуги». Шаху Насреддину этот орден явно не подходил.

Посольство короля Оскара состояло из четырех человек. Возглавлял его камергер двора Фредерик Вильгельм Тресков. Военным атташе посольства был граф Клаес Левенхаупт, лейтенант гвардейских гусар, а секретарем — камергер Карл Эммануэль фон Геер, единственный среди них профессиональный дипломат. Свена Хедина для пушей важности удостоили звания консула. Ему пришлось заказать консульский мундир, чтобы не испортить впечатление.

Посольство покинуло Стокгольм 12 апреля 1890 года. Они ехали через Берлин, Вену, Будапешт, Белград, Софию и Стамбул. Время их путешествия пришлось на Рамадан, и они приняли приглашение турецкого султана Абдул-Хамида на ифтар — ужин после заката солнца, когда можно прервать дневное воздержание от пищи и питья. После недели пребывания в Стамбуле они пересекли Черное море и сошли на берег в Батуме, где сели на поезд до Баку и далее — на корабль, доставивший их через Каспийское море до Энсели на персидском побережье.

Вся поездка из Стокгольма до Тегерана заняла примерно пять недель. Шведское посольство поселили во дворце Эмарет-Сепа-Салар. Через два дня, 24 мая, шах дал им аудиенцию в своем дворце.

На шахе был длинный черный халат, который сверкал, как рождественская елка: на нем переливалось огнями сорок восемь крупных бриллиантов. На эполетах светились изум-

руды. Еще один здоровенный бриллиант сверкал на золотом кушаке где-то в районе пупа. Бриллианты были и на шелковом тюрбане. На левом боку болталась кривая сабля в золотых ножнах, также украшенная бриллиантами и другими драгоценными камнями.

Шведские посланники переступили порог зала для аудиенций и низко поклонились. Еще раз они повторили эту процедуру, дойдя до середины зала, и третий раз — за три шага до персоны Его Величества. Насреддин взирал на послов, не беспокоя себя какими-либо приветствиями, — все согласно этикету.

«Он выглядит сильным, величественным, у него орлиный нос, пытливый взгляд, роскошные густые усы», — восхищался Свен, рассмотрев шаха после третьего поклона.

На шахе были синие очки в золотой оправе, которые он изволил снять, когда посланники приблизились. Толмач принялся истово растолковывать шаху то, что тот прекрасно знал и сам: эти четверо — посланники от короля Швеции и Норвегии. Затем глава посольства Тресков сделал шаг вперед и произнес речь по-французски, речь синхронно переводилась на фарси. Затем шаху были переданы письмо от короля Оскара и золотая шкатулка с орденом Серафимов.

В этот момент шведские посланники с содроганием вспомнили о том, что случилось две недели назад между Тбилиси и Баку. Поезд остановился на полчаса, и они решили поужинать в станционном ресторане. Сумку с золотым, инкрустированным драгоценными камнями орденом, в опасении кражи, взяли с собой.

Шведы спокойно подкреплялись, как вдруг паровоз загудел об отправлении. Они расплатились на бегу и выскочили на перрон. На полпути к поезду Хедин внезапно крикнул: «Сумка!» — и ринулся обратно в ресторан, битком набитый потенциальными ворами.

Но сумка с высшим шведско-норвежским королевским орденом все так же стояла под скамейкой, где ее оставили. Хедин схватил сумку и помчался за поездом. Ему удалось ухватиться за поручень последнего вагона и взобраться на тормозную площадку. Катастрофы удалось избежать, но остальные об этом еще не знали. Между вагонами не было

переходов, и Хедин только на следующей станции осчастливил своих спутников, оплакивавших исчезновение ордена.

Шах открыл шкатулку и принялся рассматривать награду.

— Очень хорошо, очень хорошо, — сказал он и добавил: — Я убежден, что это посольство еще больше укрепит дружеские отношения между нашими странами.

Затем шах поинтересовался, есть ли железная дорога между Стокгольмом и Кристианией. Разъяснив для себя этот сложный вопрос, Насреддин спросил, как проложена железная дорога через шведские озера: по мостам над водой или вокруг. Получив ответ, он поблагодарил короля Оскара за гостеприимство, оказанное персидским посланникам в Швеции, что позволило Трескову в свою очередь поблагодарить шаха за радушный прием. Вдруг шах указал на Хедина и спросил, кто он такой.

Тресков сказал, что Хедин жил в Баку и побывал в Персии. Тогда Насреддин спросил у Хедина:

— Ты понимаешь азербайджанский?

Когда он получил ответ, последовал следующий вопрос: где и как Хедин выучил язык? Хедин не мог понять, к чему шах клонит, и вдруг в конце разговора Насреддин спросил, что Хедин думает о Ширазе и Исфахане. Свен мгновенно ответил:

— Я видел несколько восточных стран, но Персия прекраснее всех.

Шах кивнул и подал знак, что аудиенция закончена. Четверо посланцев короля Оскара попяtilись из зала...

Посольство оставалось в Тегеране еще четырнадцать дней. В знак особой милости шах показал им свой личный, обычно закрытый для посетителей, музей.

В чередe просторных залов, освещенных хрустальными люстрами, хранились драгоценные камни, оружие в золотых ножнах, ордена, золотые, серебряные и фарфоровые сервизы, полученные в дар от других монархов, портреты маслом германского императора Вильгельма I, итальянского короля Виктора-Эммануила II, русского царя Александра II и т. п. Среди прочего там находился большой глобус, выло-

Хедин в консульском мундире во время посольства в Персию.
1890 год

женный разноцветными драгоценными камнями, с координатной сеткой из золота.

Второго июня шах дал прощальную аудиенцию посланникам короля Оскара. Настало время возвращаться обратно, но не для Хедина — он отправлялся в Бухару и Самарканд.

В телеграмме королю Оскару он попросил формальной отставки с дипломатической должности. Король не возражал, более того — он взял на себя все расходы, связанные с поездкой Хедина.

Башня молчания, 26 июня 1890 года

Со слезами на глазах Хедин попрощался с Тресковым, фон Геером и Левенхауптом. Он сдружился с ними за время поездки.

С дипломатической службой покончено. Но прежде Хедин должен был выполнить просьбу профессора антропологии Густава Ретциуса — раздобыть несколько черепов парсов.

Парсы исповедовали зороастризм и не смешивались ни с арабами, ни с прочими завоевателями Ближнего Востока. Ретциус предполагал, что они сохранили чистую индоевропейскую кровь и являются ярко выраженными арийцами.

Какое-то время Хедин жил у немецкого офицера, инструктора персидской армии, позже переехал к своему старому другу Бертрану Хюбеннет-хану.

Но легко сказать — раздобыть черепа. Не на базаре же спрашивать. Многие, понимая, чем эта затея может обернуться, попросту бы отказались, но только не Хедин. Он знал место, где черепов было полно. 26 июня вместе с Бертраном Хюбеннетом, хорошо знавшим Тегеран и окрестности, Хедин отправился на охоту за черепами.

Парсы не закапывали мертвецов в землю, не сжигали, а оставляли под открытым небом на радость воронью. Веселое местечко для этого называлось весьма поэтично — Башня молчания. Располагалась она километрах в десяти от Тегерана, в безлюдной каменистой местности; туда-то и направили стопы Хедин и Хюбеннет. В половине третьего дня, когда температура была около сорока градусов и солнечные лучи

раскаленными гвоздями вбивались в землю, они добрались до цели.

Башня молчания представляла собой место диаметром шестьдесят восемь метров, ограниченное белой каменной стеной в семь метров высотой, — Хедин сам тщательно все измерил и запротоколировал. Чтобы перебраться через стену, они запаслись в ближайшей деревушке шаткой лестницей. Хедин, взяв сумку, приготовленную для черепов, вскарабкался на стену. Все скрипело, трещало, вокруг стояла вонь от запаха гниющих на жаре трупов. Широкая каменная лестница с крутыми ступеньками вела вниз, к эпицентру ароматов. На дне Хедин насчитал шестьдесят один каменный прямоугольник — каждый два метра в длину, метр в ширину, с двадцатисантиметровым углублением; в десяти, по меньшей мере, лежали тела как наглядные пособия разных стадий разложения.

Следом на стену влез Хюбеннет. Они спустился по ступенькам вниз, Хедин осмотрел останки и выбрал труп примерно недельной давности. Глаза выклеваны, большая часть тела уже съедена стервятниками. Когда Хедин отделил от тела череп, на землю плюхнулся мозг. Вонь усилилась, и его стошнило.

Однако он уложил череп в сумку и подобрал еще один, уже высохший. Третий череп прихватил Хюбеннет. Затем Хедин достал блокнот и, несмотря на вонь и жару, зарисовал одну из могил с телом внутри и сделал наброски всего захоронения...

Только дома у Хюбеннета они перевели дух. Их предприятие оказалось непростым и, кроме того, могло принести кучу неприятностей, если бы выяснилось, что они осквернили прах и взяли черепа.

Добычу свою они выварили в молоке и выбелили как слоновую кость. Ныне эти черепа можно увидеть в Этнографическом музее в Стокгольме.

Демавенд, 11 июля 1890 года

Хедин задержался в Тегеране намного дольше, чем рассчитывал. Уезжая из Стокгольма в апреле, он предполагал

вернуться домой уже в середине июля, но в августе написал родным, что, вероятно, приедет к Рождеству.

Свен ожидал разрешения от русских властей на поездку в завоеванные царской империей ханства, он мечтал осмотреть легендарные города Мерв, Бухару и знакомый по сказкам каждому европейцу Самарканд. Бюрократическая канитель затянулась на два месяца.

Долгое ожидание имело свои плюсы: Хедин получил возможность последовать за шахом на «летние квартиры». Каждый год, когда летняя жара в Тегеране становилась непереносимой, персидский аристократ номер один собирал придворных, министров, гарем, слуг и отправлялся к северу от столицы, где воздух был прохладнее и здоровее.

Приглашение для Хедина добыл Хюбеннет. Кроме того, стоматолог Его Величества одолжил Свену лошадь.

На дороге, ведущей в предгорье, была неправдоподобная толчея. Тысяча двести человек, восемьсот лошадей, шестьсот верблюдов и шестьсот мулов. «Это больше похоже на восточную армию в боевом походе», — думал Хедин, разглядывая бесконечную череду всадников и вьючных животных. Карету шаха везли верблюды, украшенные большими заметными плюмажами.

Первая стоянка была организована в долине подле бурлящего ручья. На большой поляне раскинулся настоящий палаточный город. Хюбеннету и Хедину предоставили три палатки: одна для отдыха, другая в качестве гостиной и третья — столовая.

Шах расположился в гигантском ярко-красном шатре, который яркой горой возвышался над палатками с его приближенными и гаремом.

Жить в палаточном городе рядом с шахом и ловить форель в горном ручье было, конечно, заманчиво, но у Хедина имелись свои планы — он хотел подняться на гору Демавенд — самую высокую в Персии, 5700 метров. Это был потухший вулкан в семидесяти километрах к северо-востоку от Тегерана, с нетающими вечными снегами на вершине.

Хюбеннет собирался составить Хедину компанию, но шах запретил ему это, сказав, что не хотел бы, если с Хюбеннетом что-нибудь случится, искать себе нового стоматолога. «Вос-

хождение на Демавенд дело, во-первых, трудное, во-вторых, опасное», — заявил шах, который сам однажды попытался покорить гору, но был вынужден повернуть назад. При этом Его Величество велел своим подданным оказывать Свену всяческое содействие и даже подписал письменное распоряжение, адресованное старосте деревни, откуда должно было начаться восхождение. Шах также велел одному из своих людей по имени Джафар сопровождать Свена во время восхождения.

Утром 10 июля они отправились в путь. В своем багаже Хедин вез теплую одежду, провиант (яйца, огурцы, хлеб, соль), одеяла, матрац, измерительные приборы, блокнот для зарисовок и тетрадь для записей.

Джафар взгромоздился на мула, который ташил багаж Свена. К радости мула они подолгу останавливались, чтобы Хедин мог сделать зарисовки. В деревню у подножия горы они прибыли в три часа дня. Свен тут же достал инструменты и измерил высоту над уровнем моря — 2110 метров.

Согласно полученным указаниям староста предоставил Хедину двух проводников: одного звали Али, а другого — Кербелай-Таги. Они уже раз тридцать бывали на вершине.

— В этом году много снега, подъем будет трудным, — предупредили проводники.

Около пяти часов маленькая экспедиция отправилась покорять вершину. Хедин и Джафар ехали верхом, а их проводники шагали на своих двоих. Староста советовал им подождать до следующего утра, но Свен хотел начать как можно скорее. Собственно восхождение должно было начаться по достижении ими южного склона.

Через пару часов Хедин измерил высоту — 2900 метров. Температура упала до минус 13 градусов. Солнце исчезло за горными вершинами на западе, смеркалось. Они добрались до пещеры, где устроились на ночь пятеро пастухов.

Али и Кербелай-Таги предложили присоединиться к пастухам, но Хедин хотел двигаться дальше. Кто-то в деревне сказал ему, что на полпути к вершине есть удобное место для лагеря, и он наметил дойти туда. Проводники возражали, они говорили, что на это потребуется около трех часов, что ближе к вершине нет корма для животных и будет очень холодно ночью.

Но Хедин стоял на своем, и с неохотой проводники продолжили продвижение наверх уже в темноте. В начале девятого они добрались до небольшого ручейка. Даже Свену к этому моменту стало ясно, что пора остановиться.

Проводники развели огонь, приготовили ужин. После еды все сидели вокруг костра и курили трубки. Хедин выпил немного коньяка, другие отказались. Когда огонь погас и превратился в угли, Свен измерил высоту и температуру — 3220 метров над уровнем моря, 10 градусов. Потом Хедин завернулся в два одеяла и улегся на расстеленное на земле Джафаром теплое покрывало, положил под голову дорожную сумку и быстро заснул.

Али разбудил его в четыре часа утра. Было холодно и сыро. Посоветовавшись, решили, что дальше пойдут Хедин и проводники, а Джафар спустится вместе с животными вниз.

С минимальной поклажей они продолжили восхождение. Хедин нес термометры, блокнот, записную книжку. Он все рассовал по карманам, чтобы руки были свободными.

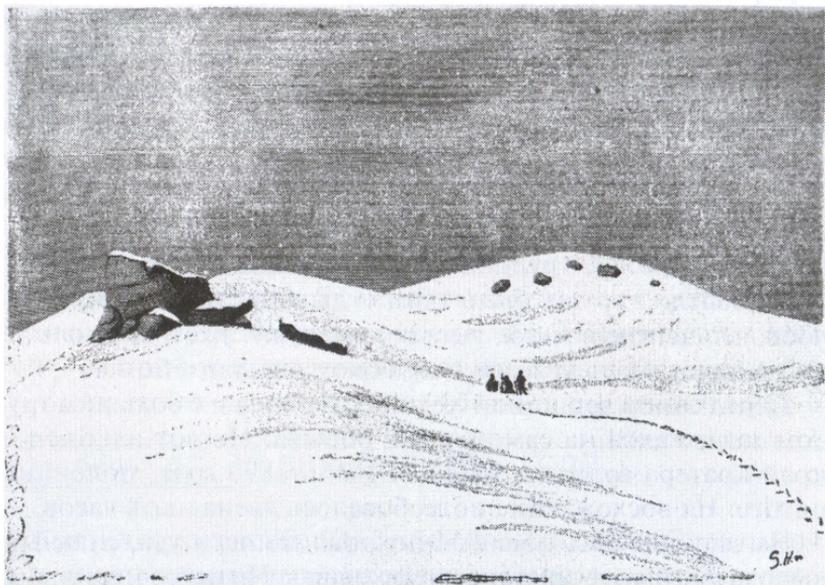
Примерно через час они были на высоте 3500 метров. Поначалу восхождение было довольно легким, светило солнце, но постепенно Свен почувствовал нехватку кислорода. Его подташнивало, пришлось остановиться и передохнуть. До вершины оставалось более двух тысяч метров.

Через полчаса сделали еще одну остановку у горного ручья. Хедин напился и присел отдохнуть, но проводники не позволили:

— Господин, путь долгий, мы не доберемся до верха раньше вечера, если не поторопимся, и тогда нам придется ночевать на снегу.

Час за часом они взбирались выше и выше. Хедин с огорчением думал о том, как медленно они движутся. Ни на камнях, ни на земле уже ничего не росло.

Под ними проплывали облака, вершина тоже была укутана облаками. Пришуриваясь, они брели по покрытым снегом камням и скалам. Хедин надел солнечные очки, чтобы не ослепнуть. Около полудня облака сгустились. Солнца больше не было видно.

Рисунок, сделанный Хедином на вершине горы Демавенд. 1890 год

«Мы, должно быть, выше, чем Монблан», — подумал Хедин. Было около двух часов. Он мучился от усталости и жажды, болела голова, холод пронизывал до костей, сильный ветер дул в лицо. В конце концов он упал прямо в снег и начал спрашивать себя, какого черта его понесло на эту гору?

— Мы можем не успеть вернуться до темноты. Лучше спуститься вниз прямо сейчас, пока есть время, — сказали проводники, заметив, в каком состоянии Хедин.

— Я пойду дальше, пусть даже придется спать в снегу. Если вы хотите возвращаться, то возвращайтесь, я пойду один. Но за последствия вы будете отвечать сами, — сказал Хедин, с усилием поднялся и сделал шаг к вершине.

Идти было все труднее и труднее. Хедин едва сознавал себя. Болело в груди, было тяжело дышать, иногда ему казалось, что легкие вот-вот выскочат наружу. Ноги то скользили по наледям, то увязали в глубоком снегу.

Перед самой вершиной Хедин оступился и с большим трудом задержался на самом краю обрыва. Но вот наконец — край кратера вулкана. Было 11 июля 1890 года, половина пятого. На восхождение потребовалось двенадцать часов.

На вершине был туман. Минусовая температура, сильный ветер швырял им в лица снежную крошку. Ни погода, ни время не располагали к отдыху. Гипсометр — прибор для измерения высоты над уровнем моря — показал 5715 метров.

Вдруг в облаках открылись просветы. Внезапно они увидели окрестности на десятки километров. На севере просматривалось Каспийское море, на юго-западе — Тегеран, а внизу под ними — палаточный лагерь шаха — белые точки на зеленом фоне. Потом облака стянулись снова, и ветер опять начал засыпать вершину снегом.

Хедин открыл блокнот, чтобы зарисовать глыбы серы на краю кратера. От первоначальной идеи измерить диаметр кратера он отказался. Годом раньше это уже сделали двое русских из посольства. В четверть шестого, проведя сорок пять минут на вершине, они двинулись вниз.

Они спускались очень быстро, временами используя известный суворовский способ при переходе через Альпы — съезжая на собственной пятой точке. И так километр за километром. Снег набивался куда можно и куда нельзя: за ворот,

в карманы, в рукава. Штаны промокли насквозь. Но впереди их ожидало тепло. В семь часов они уже были ниже границы вечных снегов. Воздух стал густым, дышалось легче. Через полчаса они встретили мальчишку с лошадей, высланного им навстречу Джафаром. Свен забрался в седло, и через два часа езды в темноте добрался до пещеры, где его дождался Джафар в компании пастухов.

На следующее утро он уже подъезжал к палатке Хюбеннета. Двумя днями позже Свена позвали к шаху, который хотел расспросить его о восхождении и посмотреть сделанные на вершине рисунки.

Семнадцатого июля они вернулись на виллу Хюбеннета. Еще через две недели пришло долгожданное разрешение из Санкт-Петербурга. 5 сентября шах дал ему прощальную аудиенцию, а еще через четыре дня Хедин направился в Масхад — святой город на северо-востоке Персии.

Кашгар, 14 декабря 1890 года

Капитану Фрэнсису Юнгусбэнду было лишь 27 лет, но он уже прослыл опытным путешественником и исследователем Центральной Азии. В 1887 году он предпринял и осуществил замечательное путешествие из Пекина на запад через пустыню Гоби и Синьцзян до Кашгара и далее на юг через горные цепи Куньлунь и Каракорум до Шринагара в Кашмире. Путешествие заняло семь месяцев и дало Британской империи новые знания о дорогах, на которые не ступал ни один европеец со времен Марко Поло.

Летом 1890 года Юнгусбэнд организовал еще одну экспедицию. В этот раз на «крышу мира» Памир, где соединяются высочайшие горные системы мира: Куньлунь, Каракорум, Гималаи, Тянь-Шань и Гиндукуш. Памир был также местом соперничества британцев и русских за влияние и контроль над сердцем азиатского континента. Тот факт, что в результате русских завоеваний в Туркестане Российская империя добралась до Памира, последнего оставшегося барьера между Россией и британской Индией, не мог не беспокоить англичан. Русский офицер, которого Юнгусбэнд встретил в зоне

британских интересов в долине Хундзы в 1889 году, весьма поспособствовал нервозности британцев, когда заявил, что рано или поздно русские навалятся на Индию.

Таким образом, заданием Юнгусбэнда было выяснить географические и политические возможности русского нападения через Памир. Месяц за месяцем он беседовал с памирскими кочевниками, путешествуя по величественному, но негостеприимному краю. В ноябре он со своим небольшим разведывательным отрядом из гуркхов и афганцев спустился вниз к Кашгару.

Он сидел, попивая грог, в большой удобной юрте. Потрескивала печка. Было 14 декабря 1890 года. Сгущались вечерние сумерки. И тут в дверь постучали. Вошли два господина.

Старший был давний знакомец — Николай Петровский, русский консул в Кашгаре и противник в «Большой игре». Он поздоровался с англичанином и представил своего спутника.

— Это Свен Хедин, молодой шведский путешественник, который только что приехал из Тегерана, — сказал Петровский.

Хедин добрался до Кашгара несколькими часами ранее в тот же день. Прошло около трех месяцев после отъезда из Тегерана. Расстояние от персидской столицы до самого западного аванпоста Китая составляло примерно три тысячи километров. Это было тяжелое и рискованное путешествие через пустыни, степи и переплетения горных проходов. Хедин ехал в сопровождении всего лишь одного спутника. В их маленьком караване постоянно было три лошади, которых они меняли на постоянных дворах.

Все вещи помещались в двух седельных сумках: в одной — одежда и небольшой коврик, который Хедин подстилал под себя ночью, в другой — шоколад, чай, сахар, несколько бутылок вина, фляжка коньяка, табак, стеариновые свечи, записные книжки, блокнот для рисования и инструменты. Карты и то, что всегда должно было быть под рукой, он держал в наплечной сумке.

Его путь проходил через края с многотысячелетней историей. Здесь побывали Александр Великий и Марко Поло.

Хедин прочитал все, что можно, о своих великих предшественниках.

Он добрался до Масхада через месяц. Вооруженный, как обычно, пачкой рекомендательных писем, он нашел русского консула Власова, который встретил его с распростертыми объятиями и предложил стол и кров. У Власова Хедина ожидали письма и газеты из Швеции. После месяца ночевок в караван-сараях Свен наслаждался в консульстве европейским комфортом. Шампанское и омары, водка и икра. Дважды его приглашали на ужины к британскому консулу.

Власов рассказал Хедину, что персов волнует, не собирается ли царь присоединить их страну к своей империи — так, как Россия уже поступила с другими странами Центральной Азии. «Возможно, так все и будет, и, может быть, очень скоро», — подумал Хедин. Он считал это вполне естественным следствием усиления русских, с одной стороны, и упадка Персии — с другой. Когда-то Персия играла важную роль в развитии мировой цивилизации, но сейчас она угасала. Ей, по мнению Хедина, только пошла бы на пользу русская инъекция и соответственно модернизация.

Он оставался в Масхаде около недели, потом направился на север. Тремя днями позже, 19 октября, он оказался в месте, которое после распада Советского Союза превратилось в независимый Туркменистан. Переход границы прошел без проблем. Но чуть позже Хедин едва не расстался с жизнью. Его лошадь оступилась, и Свен, как камень из катапульты, вылетел из седла, грохнулся о землю и на мгновение потерял сознание.

Несколькими часами позже он все же добрался до оазиса Качка в Каракумской пустыне; здесь была станция недавно построенной русскими железной дороги, которая соединила восточное побережье Каспийского моря и Самарканд, город в нынешнем Узбекистане.

Хедин купил билет до Ашхабада, где хотел встретиться с военным губернатором провинции, знаменитым в то время генералом Куропаткиным. Любой другой двадцатипятилетний турист с меньшим самомнением задался бы вопросом: а зачем военному губернатору встречаться с ним? Но Хедин в такие вещи не вдавался, и, может

быть, именно поэтому ему многое удавалось. Куропаткин не отказал ему в аудиенции. Он встретил Свена при полном параде — через несколько минут ему предстояла важная церемония. Позже Хедин опубликует в английской «Таймс» очерк о Куропаткине.

Он несколько дней осматривал Ашхабад, а затем продолжил свой путь по железной дороге. Русские владения в Центральной Азии значительно увеличились с 1884 года, когда царь взял под свою руку целый регион вплоть до границ с Китаем и Афганистаном. Одним из предлогов для этого была борьба с рабством в ханствах и эмиратах.

Транскаспийскую железную дорогу протяженностью в 1450 километров начали строить в 1880 году и закончили через восемь лет. Она революционно преобразовала жизнь Центральной Азии. Но это было побочным эффектом. В первую очередь Транскаспийская железная дорога была очередным ходом в «Большой игре». Ее проектировали военные инженеры, оплачивало военное министерство, ее начальство заседало в Генеральном штабе. Англичане не сомневались, что русские построили железную дорогу в безжизненных пустынях Центральной Азии, дабы быстро перебрасывать солдат и военные материалы к британской Индии.

Хедин думал обо всем этом, пока поезд вез его через каракумские песчаные барханы к Самарканду.

Несколько дней он провел в Бухаре. Посмотрел дворец эмира, походил по базарам и побывал в тюрьме-«клоповнике», где содержали двух британских агентов — полковника Чарлза Стоддарта и капитана Артура Конолли, того самого, что придумал название «Большая игра». В «клоповник» в 1842 году их засадил эмир Насрулла.

В то время русские еще не воспользовались армией для того, чтобы завоевать Бухару. Россия и Англия соревновались, добиваясь благосклонности эмира более скромными средствами. Но Насрулла был подозрителен. Стоддарт и Конолли приехали совершенно открыто как посланники британского правительства, но он встретил их как шпионов, бросил в тюрьму, кишашую паразитами, а потом повесил.

Это событие вызвало заметную реакцию в Европе. Сейчас, тридцатью восьмью годами позже, власть в Бухаре принадлежала русским, но «клоповник» не пуствовал...

Из Бухары он отправился в Самарканд, где посетил могилу Тамерлана. Здесь железная дорога заканчивалась. До туркестанской столицы Ташкента можно было добраться верхом или в тарантасе. Хедин выпросил тарантас у русского генерала. Он отправился в путь десятого ноября. Двести пятьдесят километров через так называемую Голодную степь он проехал за три дня.

Тринадцатого ноября он нанес визит генерал-губернатору Туркестана барону фон Вревскому, чтобы попросить содействия для путешествия через горы в Кашгар.

— Поездка может оказаться очень трудной, время года сейчас самое не подходящее для перехода через Тянь-Шань. Но это возможно, — сказал Вревский и пообещал помочь Хедину с паспортом, рекомендательными письмами, слугами и точными картами. Более того, Вревский предложил Хедину остановиться в своем доме.

Из Ташкента Хедин выехал на русском почтовом дилижансе, который направлялся по Ферганской долине через города Маргелан и Андижан в Ош. В Маргелане Хедин оказался в разгар праздника в честь дня рождения русской царицы и был приглашен на бал; танцы продолжались всю ночь. В Оше он предъявил свои рекомендательные письма от фон Вревского командующему местного гарнизона полковнику Дюбнеру. Полковник принялся отговаривать его от перехода через перевал Терек-Даван (4000 метров высотой!) в середине зимы.

— Даже местные не ходят там в это время года, — предупредил Дюбнер.

— Меня отговаривали и от подъема на Демавенд, — ответил Хедин.

Когда Дюбнер понял, что Хедин настроен решительно, он сделал все, чтобы его предприятие удалось. Полковник снабдил его лошадьми, проводником, поваром и специальным человеком, который двигался впереди Хедина — находил подходящее место для ночевки и ставил палатку.

Они выехали первого декабря и девятью днями позже, преодолев заснеженный перевал, подъехали к русскому консульству в Кашгаре. Хедин достал визитную карточку и попросил казака передать ее консулу Петровскому.

Хедин разместился в одной из комнат консульства, отдохнул и отмылся после поездки; вечером его и Петровского пригласил в свою юрту Фрэнсис Юнгусбэнд.

Пол в юрте был выстлан красивыми восточными коврами, а стены скрывались за дорогим шитьем из Кашмира. Посередине находился стол с книгами, лампой и курительными принадлежностями; вокруг стола стояли маленькие, но удобные походные стулья. Возле стен — столы поменьше с индийским и китайским фарфором и медными вещами.

Юнгусбэнд выглядел типичным английским джентльменом: достоинство, вежливость и гостеприимство. Англичанин пригласил их сесть и раскурил кальян, затем появился афганский слуга Юнгусбэнда — долговязый малый в красном мундире и с саблей. Он принес печенье, ликер и виски.

В скором времени в юрту вошел молодой человек — судя по всему китайского происхождения — Джордж Маккартни*, сотрудник британского колониального правительства в Индии, спутник и переводчик Юнгусбэнда. Маккартни был сыном служащего английского посольства в Пекине. Узкий восточный разрез глаз достался ему от мамы-китаянки.

Русско-британские трения и слухи о возможных военных действиях не мешали общаться русским и англичанам в Центральной Азии. Обхождение было вполне джентльменским, но обеим сторонам случалось лгать, что называется, на благо родины.

Разговор за столом у Юнгусбэнда шел на французском, поскольку Петровский не говорил по-английски. В остальном русский был прекрасно образован и начитан, и на все

* В некоторых источниках, посвященных исследованиям С. Хедина, его фамилия транслитерирована на русский язык как Мэкэртней — так ее было принято писать до 1917 г. — *Прим. ред.*

у него была своя точка зрения. Весьма критично Петровский рассуждал о том, как британцы обращаются с населением своих колоний:

— Вы совершенно от них отстраняетесь, вы слишком холодные и недоступные.

Юнгусбэнд соглашался, но отмечал в свою очередь нежелание русских учить другие языки:

— Это скорее исключение, чем правило, когда русский офицер в Туркестане говорит на местном языке.

Хедин в основном сидел и помалкивал. Ему нравился Юнгусбэнд; их симпатия была взаимной. Юнгусбэнд считал Хедина прирожденным путешественником; он завидовал языковым способностям Хедина, таланту художника и научной подготовке. Кроме того, Хедин был уверен в себе и умел молчать — эти качества Юнгусбэнд полагал истинно нордическими.

Хедин не захотел возвращаться назад тем же маршрутом и, как обычно против всех рекомендаций, выбрал самый трудный путь — через перевал Торугарт (ныне территория Киргизстана). От озера Иссык-Куль он повернул на запад, рождественскую ночь провел в караван-сараях, а Новый год встретил в маленькой горной деревушке.

При этом он сделал крюк в двести километров к восточной оконечности Иссык-Куля, чтобы посетить могилу Николая Пржевальского. Выдающийся исследователь Азии Пржевальский умер от тифа в возрасте сорока девяти лет двумя годами ранее — 20 октября 1888 года.

Над могилой Пржевальского возвышался трехметровый крест, издалека заметный в степи, обрамленной заснеженными горами. Вид был величественный. Хедин был глубоко тронут; в одиночестве он простоял целый час у места последнего отдыха своего героя.

Затем были две недели рискованной зимней дороги, и 21 января 1891 года Хедин добрался до Самарканда, немного отдохнул и отправился дальше. На поезде он доехал до Каспийского моря, доплыл до Баку, опять на поезде через Азербайджан и Грузию добрался до Батуми, опять на корабле — через Черное море и на поезде — через Моск-

ву в Санкт-Петербург. 29 марта 1891 года, спустя год после отъезда, он вернулся в Стокгольм.

Хедин чувствовал себя победителем, завоевателем, подчинившим себе целый край — от Кавказа до Синьцзяна. Он выдержал испытание. Теперь ему предстояло прокладывать дороги там, где до него, Свена Хедина, не бывал ни один европеец, — и завоевать всю Азию.

Стокгольм, 5 октября 1891 года

Счастье, как мягкие крылья бабочки, шекотало его изнутри. Свен влюбился. В первый раз. Она была блондинка с голубыми глазами, четкими чертами, темными бровями, прямым носом, с полным чувственным ртом, длинной красивой шеей. Милле слыла красоткой.

На самом деле ее звали Мария Бруман, и она была на девять лет младше своего обожателя. Ее отец, капитан гвардии Макс Бруман, умер молодым. Мама Милле вторично вышла замуж за табачного короля Кнута Лунглёфа, одного из богатейших людей Швеции.

Милле выросла в роскошном дворце, расположенном в Стокгольме на улице, которая тогда называлась Стура Бастугатан (Большая Банная). Она происходила из невероятно богатой семьи и была красива — этому сочетание очень трудно было сопротивляться.

Свен и Милле познакомились весной 1891 года на светском ужине, когда Хедин, после возвращения из Азии, был весьма популярен в Стокгольме. Милле рассматривала его рисунки, слушала рассказы об экзотических странах, о которых почти ничего не знала. Свен казался ей особенным человеком.

Так начался долгий роман, полный возвышенных чувств, душевных бурь и переживаний, — роман, который через годы закончится трагично и странно.

В 1891 году Хедин сделал несколько докладов в Стокгольмском географическом обществе. Сам король Оскар II почтил его присутствием.

По возвращении Свен начал писать книгу — точнее, сразу две книги. Одна повествовала о посольстве в Персию (увесистый том был издан к Рождеству 1891 года), вторая, напечатанная в двух томах в 1892 и 1893 годах под названием «Через Хорасан и Туркестан», рассказывала о путешествии по Азии.

Пятого октября 1891 года Хедин ужинал у директора и основателя страховой компании «Туле» Свена Пальме — дедушки будущего премьер-министра Улофа Пальме.

Среди гостей были Норденшёльд, член парламента С. А. Хедин — родственник Свена, писатели Виктор Рютберг и Август Стриндберг.

Стриндберга весьма интересовал Китай. Довольно скоро диалог в стиле «вопрос-ответ» превратился в длиннющий монолог Стриндберга о китайском языке и его родстве с другими языками. Он выдвигал свои теории с такой безапелляционной уверенностью, как будто бы провел величайшие лингвистические исследования, посрамляющие признанных синологов.

Хедин кратко заметил, что он сам не лингвист и потому судить о сказанном не может.

Родство китайского языка с другими было одной из излюбленных тем рассуждений Стриндберга. К этому он вернулся через много лет в «Синей книге».

Это была первая и последняя встреча Хедина и Стриндберга. Они проговорили около часа, и у Свена остались положительные впечатления — он счел Стриндберга человеком симпатичным.

Галле, 28 июля 1892 года

Хедин отправился на телеграф и послал телеграмму семье в Стокгольм. В ней было только два слова: «Доктор наук».

Потом он вернулся в свой номер в гостинице «Гамбург» в Галле, взялся за перо и описал происшедшее.

«Слава Богу, все закончилось. Я пахал как раб все лето. Хуже всего философия, а это обязательный предмет. Философия, да еще на немецком. Кант! Я должен был знать все работы Картезиуса. Все прошло отлично. Даже философия.

Докторский диплом я получу в сентябре после опубликования диссертации. Но папа может уже сейчас дать объявление в “Нюа даглит аллеханда”, примерно такое...»

Свен немного подумал над формулировкой и написал:

«Свену Хедину, который с конца апреля изучал географию у профессора фон Рихтгофена в Берлинском университете и в июле — у профессора Киркхофа в Галле, 28 июля была присвоена докторская степень в университете упомянутого города».

Диссертация Хедина называлась «Мои наблюдения Демавенда». В основе ее лежал рассказ о восхождении на гору двумя годами раньше; это была укороченная версия повествования из книги «Посольство короля Оскара к персидскому шаху». Другими словами, диссертация выглядела легковесно.

Во время подготовки диссертации Хедин съездил в Фридрихсру, куда в свое имение удалился Бисмарк, когда император Вильгельм II отстранил его от дел в марте 1890 года. Взяв за обыкновение знакомиться со шведскими нефтяными королями, русскими военными губернаторами и восточными владыками, Свен лелеял надежду встретиться и с Железным канцлером. Он постучал в ворота — быстро появился старый дворецкий с пышной седой бородой.

— Что вам угодно?

— Я хотел бы видеть князя Бисмарка. Скажите ему, пожалуйста, что его приветствует шведский студент, который изучал географию у профессора Рихтгофена, дважды проехал через Персию и, кроме того, был в посольстве короля шведского и норвежского Оскара к персидскому шаху. Возможно, рассказы о моих путешествиях развлекут его светлость, — сказал он с привычной самоуверенностью.

Дворецкий ушел. Через несколько минут он вернулся и сообщил, что, к сожалению, князь болен и лежит в постели. Он недавно заснул, и его нельзя беспокоить. Хедин оставил Фридрихсру несолоно хлебавши.

Но каким образом он сумел добиться докторской степени с диссертацией, основанной на полуторадневном восхождении на гору? Вероятно, сказалось его обаяние. Немецкие

профессора были очарованы бойким молодым путешественником, говорившим на многих языках, читавшим блестящие доклады и успевшим издать две книги.

Санкт-Петербург, 9 декабря 1892 года

Часы пробили восемь. Ударил председательский молоток, и шум в зале Русского географического общества затих. Профессор Мушкетов поднялся, чтобы представить докладчика. Все места были заняты.

Среди публики были правительственные чиновники, генералы, члены Географического общества и несколько шведов, живущих в русской столице, в том числе шведский посол Леннарт Рютершёльд и промышленник Карл Нобель.

Мушкетов самым лестным образом представил докладчика — путешественника по Азии Свена Хедина. Публика поаплодировала. Когда Мушкетов сказал, что Хедин будет делать свой доклад на русском, по залу пробежал шепоток удивления. Прежде никогда не бывало, чтобы иностранец делал доклад на русском. Что из этого выйдет?

Вышло все блестяще. Никогда прежде Хедина не вознаграждали такой бурей аплодисментов за прочитанный доклад. Он сиял от счастья, публика говорила, что у него очень слабый, почти незаметный акцент. «Русский доклад прошел просто блестяще», — написал он в письме домой.

На следующем заседании Хедина наградили серебряной медалью общества. Это была его первая награда такого рода, и гордость Свена не имела границ.

Хедин приехал в Санкт-Петербург за неделю до доклада. С собой он привез две свои книги и перевод Пржевальского. Он надеялся получить аудиенцию у царя, чтобы лично вручить их.

Хедин был частным лицом. Но в русской столице с ним обращались как с представителем Швеции. Налаживать контакты Хедину помогал шведский посланник Рютершёльд.

В четверг, седьмого декабря, Хедин и Рютершёльд отправились к министру иностранных дел просить об аудиенции

у царя. Министр поспособствовать просителям отказался, но обещал лично передать книги Хедина Николаю. В тот же день они посетили военного министра Ванновского.

В результате встреч с русскими сановниками Хедин договорился о бесплатной перевозке через Россию багажа новой экспедиции. Кроме того, Хедин посетил посла Китая, и тот тоже посулил ему свое содействие.

Все шло отлично, и он вернулся домой в прекрасном расположении духа. Приближалось Рождество, последнее вместе с семьей перед долгим странствием, в которое он собирался отбыть.

Но тут все его планы пошли прахом.

_____ Стокгольм, 28 апреля 1893 года

Безжизненное, казалось, тело Хедина лежало на операционном столе. Сильно пахло эфиром. Доктор Нурденсон оперировал его правый глаз. Когда доктор сказал Свену о необходимости операции, тот вспомнил профессора Киркхофа.

У Киркхофа были небольшие проблемы с глазом, и один из университетских офтальмологов предложил их решить. Это должна была быть, по заверениям врача, быстрая и безболезненная операция, и Киркхоф согласился. Но операция прошла неудачно, и через несколько дней глаз пришлось удалить.

— Ради Бога, — сказал Киркхоф Хедину, — никогда ни при каких обстоятельствах никому не позволяйте ковыряться у вас в глазах.

Но вот Нурденсон удалял воспаленную часть радужной оболочки его правого глаза...

Воспаление началось сразу же после Нового года. Доктор Нурденсон настаивал на операции. Свен операции не хотел, но в конце концов пришлось согласиться.

Операция прошла успешно. Но тут совершенно внезапно начал болеть левый глаз.

— Это все ваше воображение, — сказал Нурденсон, но ему пришлось поверить факту: левый глаз тоже воспалился.

В дневнике папы Людвига есть записи о состоянии сына: «Свену очень плохо... Свену хуже... Свену еще хуже... Нестерпимая боль в прежде здоровом глазе. Боже, помоги ему!»

Десять дней Хедин пробыл в больнице, потом его перевезли домой. Он испытывал сильную боль. Нурденсон, который заходил к нему несколько раз в день, утихомиривал ее уколами морфия. Он старался изо всех сил, но, казалось, был бессилен. Свену грозила слепота.

Но 24 мая его состояние резко улучшилось, и Свен потихоньку встал на ноги. Как бы то ни было, экспедицию пришлось отложить на неопределенное время. Впрочем, Свен продолжил готовиться к путешествию, диктовал распоряжения и письма.

— Пусть он отвлекается на это, но ни в какое путешествие ему ехать нельзя, — сказал доктор Нурденсон его родным.

Одним из адресатов Хедина был Альфред Нобель. Хедин прямо попросил у него денег на экспедицию. Нобель ответил, что, во-первых, он не заинтересован вкладывать деньги в исследовательские экспедиции и, во-вторых, его касса пуста. «Сейчас я не могу позволить большего, кроме как приложить чек на две тысячи крон».

А Хедину требовалось тридцать тысяч крон — около полутора миллионов в нынешнем денежном исчислении. Пока у него имелось двадцать три тысячи. Самым крупным спонсором стал король Оскар, который пожертвовал пять тысяч. Среди меценатов были также бывший премьер Окерхельм, пуншевый король Седерлунд и десятки других богатых шведов.

Помимо денег Хедин получил в подарок два винтовки, два хронометра, три анероида, набор метеорологических инструментов, топографические принадлежности, компасы, две фотокамеры, фотопластинки, проявочные материалы, два бинокля, сорок очков для защиты от песка и сорок — от солнца, краниометр для измерения черепов — подарок, как легко догадаться, от профессора Ретциуса, того самого, который просил Хедина раздобыть черепа парсов в Персии.

Хедин решил начать экспедицию осенью с теми деньгами, которые удалось собрать. Поздно вечером 16 октября 1893 года друзья и родственники провожали его на Шепсбрун. Ящики и кофры с багажом погрузили на борт финского парохода «Фон Дёбельн». У Хедина было с собой 300 килограммов оборудования. В полночь судно отдало швартовы.

Это был трудный момент для семьи. Старший сын уезжал по меньшей мере на год, а может быть, и навсегда. То, что он задумал, было изрядной авантюрой. Свен мог навсегда исчезнуть в азиатских пустынях или горах без следа. Мать Свена Анна плакала, глядя, как ходовые огни «Фон Дёбельна» медленно исчезают в черно-серой октябрьской ночи.

Незадолго до отъезда Свен спросил Милле Бруман, будет ли она ждать его возвращения.

— Я слишком молода для таких решений. Я не хочу связывать ни себя, ни тебя, — заявила восемнадцатилетняя красавица с улыбкой.

Менее самонадеянный поклонник вряд ли воодушевился бы подобным ответом. Но романтически настроенный Хедин истолковал слова Милле как обещание его дожждаться.

У него была цель, и он был готов преодолеть все препятствия и опасности. Он должен доказать, что достоин Милле. Он собирался удивить и Милле, и весь мир.

Ташкент, 4 января 1894 года

В зале губернаторского дворца в Ташкенте стояло нечто из кипарисовых веток, напоминавшее рождественскую елку. На «елке» теплились огоньки зажженных свечей. Граммофон играл мелодию из оперы Пьетро Масканьи «Сельская честь». Было 4 января 1894 года — канун православного Рождества. По приезде в столицу Туркестана Хедин стал желанным гостем в резиденции фон Вревского.

Из Стокгольма Свен направился в Санкт-Петербург, где пробыл некоторое время, завершая последние приготовления к экспедиции. Ему все-таки удалось получить от братьев Нобель три тысячи пятьсот рублей (семь тысяч крон), так что желанная сумма — тридцать тысяч — набралась.

Хедин получил полную поддержку от русских властей: рекомендательные письма, беспошлинный проезд и казачий эскорт. Посол Китая выдал Свену обещанную визу, так что путь в Поднебесную был открыт.

Последний вечер в Санкт-Петербурге Хедин провел на торжественном ужине у Карла Нобеля, где собралось много шведов.

Четвертого ноября Хедин выехал в Ташкент. Сначала он подумывал ехать через Баку и Самарканд, но там он уже бывал и на этот раз решил проложить путь через город Оренбург. 2250 километров до Оренбурга он проехал по железной дороге. Закутавшись в плед, сидел у окна со стаканом

горячего чая в подстаканнике, посасывал трубку и смотрел на заснеженные, продуваемые ветрами равнины России. Чем дальше на восток ехал поезд, тем безлюднее становилась степь.

После Сызрани железная дорога, или «чугунка», как ее называли русские, пересекла Волгу, широкую как озеро, и Хедин с удовольствием констатировал, что проехал по одному из самых длинных в мире мостов — в полтора километра.

Поездка до Оренбурга заняла четыре дня. Половина пути до Ташкента осталась позади. Дальше предстояло тащиться в повозке по почтовой дороге.

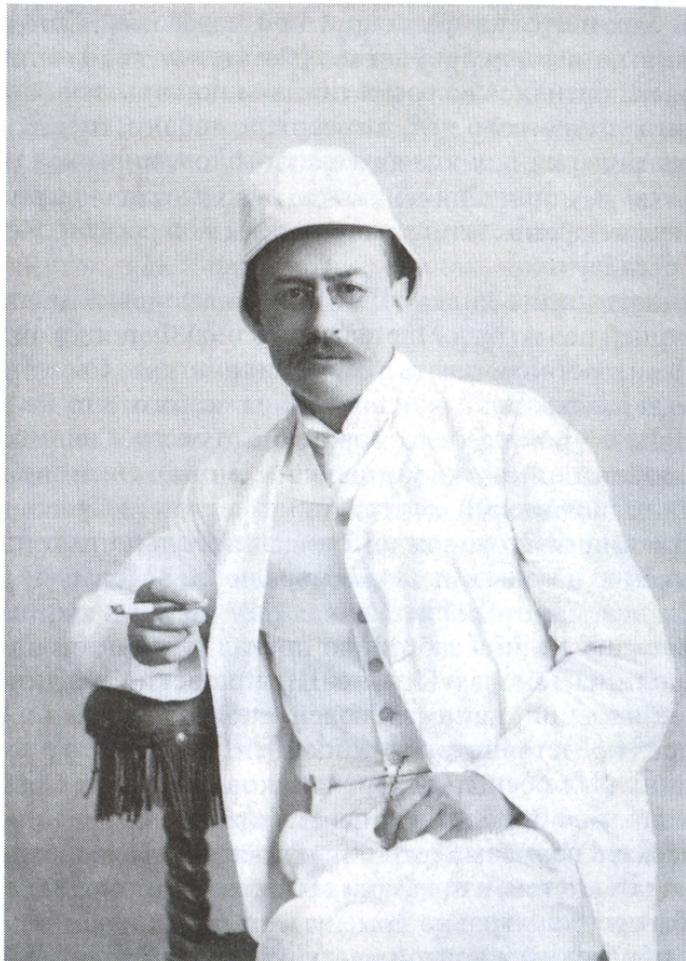
Хедин купил тарантас, четырехколесную русскую повозку без рессор. Установил в нем кофры и ящики и свил из сена, ковриков, мехов и подушек гнездо для себя. Не первый раз Хедин бывал в России и знал, что любое русское изделие при эксплуатации требует запчастей. Соответственно он взял с собой оси, дышло и крепеж.

Четырнадцатого ноября, уже в сумерках, Хедин оставил Оренбург. Вьюга задувала под тент, термометр показывал минус шесть. Свен завернулся в меха и устроился поудобнее.

Его ожидали две тысячи километров по промерзшей степи. Ехал почти без остановок, с ночным горшком в тарантасе, не вылезая наружу ни днем, ни ночью. Вдоль дороги в Ташкент было построено девяносто шесть постоянных дворов, там меняли возничих и лошадей, несколько раз вместо лошадей запрягали верблюдов.

Самая низкая температура, которую он зафиксировал во время поездки, — минус двадцать градусов. Далее, к югу, температура поднялась выше нуля, и тарантас раз за разом увязал в грязи, в итоге сломалась ось. Весь путь занял девятнадцать суток, средняя скорость — пять километров в час.

Хедин любил забавляться с курьезными цифрами. Он записал, что проехал тридцать тысяч телеграфных столбов, поменял сто одиннадцать возничих, триста семнадцать лошадей, одиннадцать верблюдов и что колесо тарантаса повернулось девятьсот восемьдесят три тысячи раз вокруг оси. Видимо, поэтому он продал свой тарантас примерно за две трети от той суммы, которую заплатил за него в Оренбурге.

Москва. Свен Хедин в Ташкенте. 1893 год

Хедин прожил семь недель в по-весеннему теплом Ташкенте. Ужины, светские визиты, балет, опера, шампанское... И конечно, последние приготовления: надо было отремонтировать барометр, пострадавший при перевозке, купить две сотни патронов для дробовика, потому что те, что припас Хедин, испортились во время поездки по киргизской степи.

Свен купил много чая, консервов, табаку, галеты, приготовил подарки для китайцев, монголов, киргизов и прочих, с кем ему придется общаться: револьверы с патронами, часы, граммофоны, компасы, бинокль, микроскоп, украшения и безделушки.

Двадцать пятого января 1894 года он выехал из Ташкента. Следующей целью был Маргелан, столица Ферганской долины. На то, чтобы проехать двести километров, Свену потребовалось десять дней, в основном из-за того, что не хватало лошадей — движение по дороге было очень оживленным.

Полюбовавшись на умирающее море, Свен приехал в Коканд, исламский центр с множеством медресе. Свои впечатления от Коканда он описал довольно лаконично: «разложение и полное падение морали».

В Маргелане Хедина заботливо опекал губернатор Ферганской долины генерал Повало-Швейковский. Хедин жил в его резиденции, нанимал людей, собирал караван и отдыхал перед предстоящими трудностями.

Хедину был обещан эскорт казаков, но, когда Свен рассказал об этом Вревскому и своему коллеге путешественнику генералу Громбчевскому, они принялись его отговаривать, мотивируя это тем, что казаки вызовут у британцев и китайцев подозрения и только помешают.

Громбчевский предложил туркестанцев, для которых Центральная Азия была домом. Он обещал Хедину подобрать хороших людей из тех, кого знал по собственным путешествиям.

Хедин собирался ехать в Кашгар через Ош той же дорогой, что и тремя годами раньше, но Вревский уговорил его изменить планы. Хедину не хотелось вновь ехать через перевал Терек-Даван зимой, и он с благодарностью выслушал соображения Вревского насчет новой и более легкой дороги.

Маршрут должен был пересечь Памир — недоступный безлюдный край. «Никто из иностранцев не имеет сейчас доступа на Памир. Любого иностранца тут же воспринимают как шпиона. У меня же есть особые разрешения от русских и китайских властей, поэтому я могу ехать, куда захочу», — написал он в письме домой.

Маленький караван отправился в путь двадцать третьего февраля, самое худшее время года для экспедиции на Памир — период сильных снежных бурь и глубокого снега. В это время температура опускается до рекордно низких отметок, как в памирских долинах, так и на перевалах. Многие отговаривали Хедина, но, как обычно, его это только раззадорило.

Чтобы облегчить задачу Хедину, генерал Повало-Швейковский послал распоряжение киргизским кочевникам, которых он должен был встретить на своем пути. Им предписывалось готовить для него юрты, мясо и топливо. Генерал дал ему также людей, чтобы прокладывать дорогу через снег и рубить ступени во льду. Целью Свена был Памирский пост — передовое русское военное поселение в четырехстах километрах к югу от Маргелана (сейчас это территория Таджикистана).

Памирский пост, 18 марта 1894 года

Укрепленный поселок Памирский пост был построен летом и осенью 1894 года в долине на высоте 3600 метров. Это окруженное стенами русское поселение в пустынной местности было своего рода предупреждением соседям — Китаю и Афганистану — не соваться дальше на Памир. Что касается англичан, то они поощряли обе эти страны продвигать свои границы в памирские горные области.

Появление Хедина на Памирском посту было большим событием в изолированном от мира русском поселении. Он был первым, если не считать кочевников, новым человеком, которого здесь видели с лета. Задолго до ожидаемого появления Хедина его высматривали в бинокли. Когда караван шведа показался вдаль и начал медленно приближаться

Хедин с русскими офицерами у Памирского поста. Март 1894 года

ся к укреплению, командир выстроил гарнизон для торжественной встречи.

Как только Хедин подъехал, сто шестьдесят солдат приветствовали его громогласным «ура!». Северо-западный ветер полоскал русский флаг на башне с пулеметом. Было 18 марта 1894 года. На пятисоткилометровую дорогу из Маргелана ушло примерно три недели.

Путешествие временами было весьма рискованным. Продвижению каравана сильно мешали снежные бури. Одна лошадь оступилась, упала в расщелину и сломала позвоночник, другая умерла от истощения. Несколько раз Хедину приходилось ползти на четвереньках вдоль края бездонного обрыва.

Три дня между десятым и четырнадцатым марта он провёл на берегу покрытого заснеженным льдом озере Большой Каракуль. Его людям пришлось прорубить цепочку прорубей во льду метровой толщины. Свен запасся в Маргелане лотом и тщательно записывал глубины, чтобы затем сопоставить цифры и определить профиль дна озера.

На Памирском посту Хедин жил вместе с офицерами, нанятые в Маргелане три туркестанца — в юрте. Свен распаковал свои вещи и устроился с комфортом. Было очень приятно видеть над головой крепкий потолок, а не колышущийся от ветра тент палатки и сидеть в тепле, когда температура воздуха ночью опускается до минус сорока.

Хедин очень тепло отзывался о русском гостеприимстве и отмечал, что от него ничего не скрывают: «Я могу зарисовывать и фотографировать все что хочу».

Для гарнизона Памирского поста появление Хедина стало ярким событием на фоне монотонного и скучного житья. Он рисовал, фотографировал, измерял черепа киргизов краниометром профессора Ретциуса, изучал реку Мургаб, протекающую по долине, где стояло укрепление. По вечерам он писал путевые заметки для шведских и норвежских газет.

Командир гарнизона предложил Хедину пожить несколько недель и обещал найти ему проводника.

— Русские и шведы дружат на Памире намного лучше, чем под Полтавой, — пошутил Свен.

Хедин оставался на Памирском посту почти три недели. Седьмого апреля он выехал в Кашгар. По пути он собирался подняться на вершину Мустагаты — семь тысяч пятьсот сорок шесть метров высотой (как считалось в то время — семь тысяч восемьсот метров) — в китайской части Памира.

Когда Свен пересекал границу с Китаем, ему пришлось вспомнить о напряженной обстановке в этом районе. Ходили слухи, что русские вот-вот захватят китайскую часть Памира, и тут появляется караван Хедина с русским проводником с Памирского поста как подтверждение правдивости этих слухов.

К лагерю Свена тут же подъехал вооруженный китайский отряд. Командир подозревал, что Хедин прячет в багаже оружие. Подозрительность уменьшилась, когда выяснилось, что Свен здесь единственный европеец, но исчезла лишь после того, как он предъявил разрешение на поездку и рекомендательное письмо от китайского посла в Санкт-Петербурге.

Хедин рассказал о своих планах подняться на Мустагату и получил разрешение. Четырнадцатого апреля он поехал на юг через моренное поле в верховьях реки Гесс-дарья на высоте три тысячи пятьсот метров.

Прямо перед ним, на юге, вздымалась сверкающая белоснежная вершина Мустагаты. Пятнадцатого апреля Свен миновал озеро Малый Каракуль и подъехал к лагерю кочевников-пастухов у подножия горы.

Знакомые киргизы прежде говорили ему, что на Мустагату невозможно подняться. Широкие расщелины и ледяные кручи преграждают путь по этой священной горе, считающейся надгробием семидесяти двух мусульманских святых. Но местные киргизы были менее пессимистичны. Семнадцатого апреля Хедин пошел в наступление. Атакующие силы составили шесть опытных киргизов и девять яков.

Они поднялись на высоту четыре тысячи четыреста метров, когда начало смеркаться и надо было разбивать лагерь. На следующий день все потонуло в плотных облаках. На высоте пять тысяч триста метров отряд накрыла снежная буря, и пришлось пережить до ночи. Утром снежный шторм усилился. Хедин проснулся от жгучей боли в пра-

вом глазу — опять воспаление! О продолжении восхождения не могло быть и речи...

Кашгар, 6 мая 1894 года

Хедин положил перед собой ручку и бумагу и склонился над письменным столом в павильоне в саду русского консульства. В Кашгаре уже было лето, тридцать два градуса тепла. После холодной памирской зимы это было особенно приятно. Глаз уже почти не беспокоил.

«Кашгар, 6 мая 1894. Дорогие папа и мама! После Памирского поста и двадцати четырех дней в седле вечером первого мая я приехал сюда и встретил самый сердечный прием у Петровского и его жены».

Далее Хедин написал о своих проблемах — в первую очередь с караванщиком Рехим-баем, нанятым по рекомендации генерала Громбчевского. Свен считал его совершенно бесполезным.

«Едва мы выехали с Памирского поста, как он заболел и не мог выполнять свои обязанности. Его пришлось медленно и осторожно везти на верблюде, и мы опасались, что Рехим-бай умрет. Через несколько дней ему стало лучше, но выглядел он как ходячий труп. Но, даже когда Рехим-бай пребывал в полном здравии, он был плохим караванщиком».

Хедин сравнивал его с Ислам-баем, нанятым им в свое время погонщиком: «Замечательный человек, высокий, сильный, спокойный и добродушный. Он оказал мне просто неоценимые услуги». Свен считал, что Ислам-бай сгорает от нетерпения последовать за ним на Тибет.

По своему первоначальному плану Хедин из Кашгара хотел ехать в Ладак и оттуда на восток, через Тибет до Лхасы, далее — Пекин, и потом быстрое возвращение домой. На всё про всё, по прикидкам Хедина, должен был потребоваться год.

Но прошло семь месяцев, а из-за трудностей передвижения по зимнему Памиру Свен добрался только до Кашгара. Петровский предложил Свену воспользоваться весенним таянием снегов в горах и спуститься по реке Тарим

до озера Лобнор. Идея понравилась Свену, фантазия заработала, и мысленно он уже плыл по Тариму во главе целого флота. В письме домой Хедин даже описал этот флот, как он его представлял, но оставил проект «на потом».

Хедин оставался у Петровского до конца июня. Он читал, писал письма и статьи и заводил знакомства. Свен наладил контакт с китайским губернатором в Кашгаре и пожаловался на трудности с представителями китайских властей, с которыми ему довелось встретиться на Памире.

Стоит упомянуть, в каком виде Хедин отправился в резиденцию губернатора: он надел смокинг, нацепил орден, водрузил на голову белую русскую офицерскую фуражку без кокарды; в резиденцию он въехал на белой лошади под желтым английским седлом.

Губернатор встретил его дружелюбно, осудил поведение своих соотечественников и пригласил отужинать. Трапеза состояла из сорока шести блюд, которые, как утверждал Хедин, надолго вывели его из строя из-за болей в животе. В частности, была подана утка по-китайски, ласточкины гнезда и прочая экзотика, от которой, по словам Свена, половина французских гастрономов залилась бы слезами, а остальных бы стошнило. Впрочем, впоследствии Хедин полюбил китайскую кухню.

В сумерках 21 июня Свен выехал из Кашгара. Караванщиком был проверенный спутник Ислам-бай. Хедин также взял с собой китайского переводчика, двух проводников-киргизов, новообращенного миссионера Иоганна, проучившегося два года в шведской библейской школе, и погонщиков с лошадьми.

Озеро Малый Каракуль, 12 июля
1894 года

Озеро Малый Каракуль кажется изумрудом на серо-коричневом фоне высокогорной долины. К югу от озера вздымается заснеженный массив Мустагаты. На востоке возвышается на семь тысяч семьсот девятнадцать метров Конгур.

Хедин разбил лагерь на южном берегу озера 12 июля 1894 года. На следующий день он перенес лагерь восточнее, где земля была не такой высохшей и росла трава. Свену помогли киргизы-кочевники, накануне устроившие в его честь состязание. Всадники на всем скаку старались завладеть козой, отнимая ее друг у друга. Потом несчастное животное стало ужином.

Несколько недель Хедин картографировал местность и занимался ледниками вокруг Мустагаты. 6 августа он предпринял новую попытку покорения горы. Свен ехал на яке в сопровождении шестерых киргизов. На высоте шесть тысяч триста метров им пришлось повернуть назад из-за опасности схода лавины.

Одиннадцатого августа Хедин в третий раз попытался достичь вершины. Он выбрал новый маршрут, но и на этот раз пришлось вернуться. В конце дня на высоте 5800 метров они попали на ледник, изрезанный расщелинами, совершенно незаметными под двадцатисантиметровым слоем снега. В расщелины упали два яка и один из киргизов, всех, правда с большим трудом, удалось вытащить. Хедин утешал себя тем, что не зря с картографической точки зрения потратил время.

На следующий день Свен отдыхал в своей юрте на высоте 3700 метров. Он проснулся, посмотрел на барометр и термометр, потом Ислам-бай принес поднос с завтраком: мясо, рис, хлеб и молоко яка.

Это меню было практически неизменным неделя за неделей, месяц за месяцем. Хедину настолько осточертела жареная баранина, что он довольствовался только чаем, хлебом и рисом. Лишь время от времени он позволял себе побаловаться вкусеньким, открыв банку консервов.

Одним из немногих удовольствий было курение, и Свен постоянно попыхивал трубкой или сигаретой. Его экспедиция была частным предприятием и осуществлялась на средства меценатов, так что приходилось экономить — в первую очередь на приятных вещах и удобствах.

Это отличало его от других известных путешественников Центральной Азии — таких, как Пржевальский и Юнгусбэнд. Они были офицерами, их поддерживали правитель-

ства, и у них были все необходимые ресурсы: деньги и люди. Хедин путешествовал один, ему постоянно приходилось экономить и нанимать людей на месте. Личное обаяние и лингвистические таланты позволяли ему легко сходиться с людьми. Он говорил на их языке, ел ту же еду, что и они, и платил им, когда ему была нужна помощь. Очень важно было и то, что Хедин путешествовал сам по себе, а не ехал, как коллеги, во главе отряда солдат.

Новое восхождение было назначено на 16 августа. Хедин приготовился провести два дня на горе. Он начал подъем вместе с Ислам-баем и шестью киргизами. Он хотел проехать как можно дальше, точнее, выше на яках, чтобы сбросить силы в разреженном воздухе. Был выбран тот же маршрут, что и во время двух первых попыток. Они добрались до высоты 6300 метров, откуда им пришлось возвращаться десятью днями ранее; после совещания с киргизами Хедин решил разбить лагерь для ночевки.

В маленькой палатке Хедина разожгли крохотный костерок из «горошков» яков, он давал тепло, но палатка моментально наполнилась вонью и едким дымом. Хедин вылез наружу. Взошла луна. Он полюбовался пейзажем и постарался его запомнить. Все вокруг было покрыто снегом, посеребрённым лунным светом. Было жутко холодно. Из ноздрей яков вырывался пар, морды покрылись изморозью. Киргизы сбились в кучу возле палатки. Спали они на коленях, опустив головы, как будто молились.

Свен посмотрел на подсвеченную луной горную панораму и констатировал, что сейчас находится на высоте двадцати одной Эйфелевой башни и намного выше вершины Монблана. Потом он вернулся в палатку.

Это была тяжелая ночь, бессонная, несмотря на усталость. Свен промерз настолько, что в прямом смысле стучал зубами. А что же тогда говорить о киргизах снаружи? Они едва не замерзли насмерть.

Взошло солнце, и вместе с ним пришел ураган с запада. Все были измучены холодом, головной болью, бессонницей, никто не хотел есть. Яки, плотно сбившись вместе для тепла, стояли на том же месте, где их оставили накануне. Верши-

ну Мустагаты укутывало облако. Хедин понял, что и на этот раз восхождение не удастся.

Впрочем, он поднялся на высоту 6300 метров и побил неофициальный шведский рекорд, продержавшийся десять лет.

Кашгар, 5 января 1895 года

Пятого января в Кашгаре в сопровождении жены, родственника, слуги и фокстерьера объявился британский путешественник Джордж Литлдейл*. После Кашгара Литлдейлы собирались ехать на восток, затем повернуть на юг, к городу Черчен, и через Тибет добраться до Лхасы. В Кашгаре они остановились у британского консула Джорджа Маккартни.

— Я думаю, Литлдейлы шпионы, — объявил русский консул Петровский, — раньше англичане, я точно знаю, засылали в Туркестан индусов, а теперь на смену им пожаловали вот эти...

— Судя по их маршруту в Лхасу, вряд ли, — возразил Хедин.

Свен счел Литлдейла человеком симпатичным, но весьма своеобразным. Тот путешествовал бесцельно, просто так, и возил с собой кучу инструментов, которыми не умел пользоваться. Мадам Литлдейл сильно ему не понравилась.

— Старая, занудная кошелка, длинная как каланча. Я думаю, она служит мужу вроде пугала — как только бандиты ее видят, тут же врассыпную.

Но хотя Хедин довольно пренебрежительно отнесся к Литлдейлу, он все же увидел в англичанине конкурента.

«Я не хочу, чтобы они заполнили это (Тибет) белое пятно на карте, я хочу быть первым», — написал 11 января родителям Свен.

Для Хедина белые пятна на карте обладали непреодолимой притягательной силой. Путешествовать там, где до него не бывал ни один европеец, и отражать на картах неведомые края — в этом Свен видел смысл жизни.

* В некоторых русских источниках — Георг Литледэль. — *Прим. ред.*

После возвращения с Памира Хедина в Кашгаре, у консула Петровского, ожидала кипа корреспонденции. В первую очередь он жадно набросился на письма из дома. После того как почта была прочитана, надо было проявить фотопластинки, каталогизировать геологические образцы, ответить на письма и написать статьи.

Когда Свен не работал, он общался с немногими кашгарскими европейцами: консулом Петровским, делившимся с ним русскими правительственными секретами; британским агентом Маккартни — другом-соперником, собиравшимся летом подняться на Мустагату с командой швейцарских альпинистов, и миссионером Хёгбергом.

Последнего Хедин презирал и считал «тупицей и невеждой», но об этом знали только его близкие; общался же он с Хёгбергом как настоящий благовоспитанный джентльмен. Свен Хедин принципиально не ссорился с другими людьми. Одним из немногих исключений был Стриндберг, но об этой вражде Свен сожалел до конца жизни.

Хедин в целом скептически относился к деятельности христианских миссионеров в Азии. По этому поводу он писал: «Что бы вы подумали, если в ваш дом ввалится фанатичный невежественный мулла и нагло заявит, что Христос был совратителем душ?»

Свен редко болел, но в середине ноября 1894 года заполучил высокую температуру с головной болью и познал радости запора. «После клизмы мне стало намного лучше, какое облегчение», — осчастливил он родителей в письме.

Другая неприятность могла стоить Хедину жизни. Как-то он пошел в баню консульства, слишком там задержался, и казаки пошли проверить, все ли в порядке. Свен лежал без сознания на полу под обломками обвалившейся трубы. Если бы не казаки, дело могло кончиться плохо.

В Кашгаре Хедин узнал о судьбе французского офицера и исследователя Дютрейля де Рина. Четверо его спутников приехали в Кашгар и рассказали, что де Рина убили тибетцы. Одного из четверки, русского солдата, тут же привели к Петровскому.

Обстоятельства убийства были весьма мутными, но постепенно удалось выяснить, что вина лежит не на сопровождавших и помощниках, а в первую очередь на соотечественнике и компаньоне де Рина — Фернанде Гренаре. Впоследствии Хедин написал если не обвинительную, то, скажем так, критическую статью о Гренаре в одну из французских газет.

Литлдейл покинул Кашгар 22 января 1895 года. Хедин медлил до 17 февраля. В одиннадцать утра арба с Хедином, запряженная четверкой лошадей, выехала из ворот в толстенной стене, окружавшей Кашгар. Во второй арбе ехал незаменимый Ислам-бай. Все эти два с половиной месяца Хедин держал его при себе, хотя и не нуждался в его услугах, и платил ему жалованье.

Рядом бежали примкнувшие к ним собаки: Джолдаш и Хамра. Хедин любил собак и зачастую общался с ними с большей охотой, чем с людьми.

Арбой Хедина правил Иоганн, он с радостью принял на себя обязанности помощника Хедина, чтобы оказаться подальше от своего коллеги миссионера Хёгберга.

Высоченные колеса постукивали по каменной дороге. Хедин перелистывал «Руководство путешественника» профессора Рихтгофена и сквозь проем в приоткрытом тенте посматривал на пыльный пейзаж. На голых ветвях тополей не было ни листика. Хедин еще не знал, что он на пути к своему самому опасному и самому знаменитому приключению.

Меркит, 10 апреля 1895 года

Улочки деревни Меркит в верхнем течении Яркенд-дарьи были полны народа. Люди с любопытством смотрели на восьмерку верблюдов, со спокойной важностью вышагивавших через деревню. Передовой верблюд был самый представительный: крупный, сильный и белый, на шее побрякивали колокольчики.

На пятом верблюде между горбами уютно устроился Свен Хедин, первый европеец в Мерките.

— Они никогда не вернутся обратно, — зловеще выкрикнул из толпы какой-то местный Нострадамус.

— Верблюды слишком перегружены, они не смогут идти по глубокому песку, — провозгласил другой умник.

Было десятое апреля 1895 года, наступала весна, пригревало солнце, деревья начали зеленеть. Поля вокруг Меркита были засажены и политы, пели птицы. С отъезда Хедина из Кашгара в феврале прошло почти два месяца, то есть намного больше, чем он запланировал. Очень много времени ушло на то, чтобы найти восемь хороших верблюдов за приемлемую цену. Ислам-бай в итоге купил их в Яркенде, заплатив за каждого по сто двадцать крон (шесть тысяч крон сегодня).

Пока помощники покупали верблюдов, Хедин осматривал окрестности и слушал рассказы местных крестьян о заброшенных древних городах в пустыне Такла-Макан. Там, рассказывали ему, лежат груды золота и серебра, но если кто-то пытается взять сокровища, то его навсегда забирает колдовство пустыни. Это была довольно популярная в местных деревнях история. Прежде Хедину доводилось читать ее в «Путешествиях Марко Поло». Так что рассказу было по меньшей мере шестьсот пятьдесят лет.

Кроме Ислам-бая, он нанял еще трех помощников — погонщиков верблюдов: Магомет-шаха, пятидесяти пяти лет, с окладистой седой бородой, Касим-ахуна, сорока восьми лет, и Джолчи из Меркита, которого пришлось нанять из-за того, что Иоганн стушевался. Хедин глубоко презирал его за слабость и трусость.

«Святой Иоганн возвращается, я не буду по нему скучать. Как ему не хватает мужества без колебаний предать себя воле Господа, какая огромная разница с моим верным мусульманином Ислам-баем!» — записал Хедин в дневнике.

Из-за того что Иоганн дезертировал в последний момент, его преемника выбирали без должной тщательности. На первый взгляд Джолчи подходил для работы: каждый год он уезжал в пустыню искать золото, у него даже было прозвище Джолчи-проводник. Но скоро, хотя и слишком поздно, выяснилось, что о нем ходит дурная слава. Выбор Джолчи едва не стал роковым.

Первый день они ехали на восток до появления дюн. Затем повернули на северо-восток в направлении горного массива Мазартаг. Никто не знал точно, но идол Хедина Пржевальский считал, что Мазартаг простирается через всю пустыню в юго-восточном направлении до Хотан-дарьи, и так положил его на своей карте.

Хедин считал, что сможет пересечь пустыню вдоль пологого склона Мазартага. Он надеялся найти там источники и твердую почву, а не песок, а возможно, даже и остатки древних городов.

Он подремывал и фантазировал, покачиваясь на спине верблюда.

Мазартаг, 21 апреля 1895 года

Английская офицерская палатка Хедина стояла среди деревьев рядом с озером. Он получил палатку от Маккартни, а тому она досталась от английского лейтенанта, умершего на пути из Памира в Кашмир. Пол был застелен пестрым ковром, вдоль стен стояли сундуки, сумки с инструментами и складная кровать.

Озеро лежало у подножия Мазартага. Хедин забрался на ближайшую скалу, чтобы осмотреться.

То, что он увидел, опровергало предположения Пржевальского. Никакой горной гряды, пересекавшей пустыню, не было. С востока до юго-запада был лишь один песок.

Таким образом, Хедин стал первооткрывателем. Но то, что он открыл, ничего хорошего его предприятию не сулило.

Он посоветовался со своими спутниками и решил отдохнуть у озера один день. Возможно, это был последний шанс пополнить запасы воды. Впереди он видел только пустыню.

— Хотан-дарья — в четырех днях пути, и мы найдем воду по дороге, — уверял Джолчи.

— Наберите воды на десять дней, — распорядился Хедин.

Джолчи и Касим занялись водой; из своей палатки Хедин слышал, как они заливают канистры. Жужжали мухи. Хедину не нравилось, что Джолчи ссорится с остальными. Проводнику не нравилось подчиняться Ислам-баю.

Они выехали рано утром на следующий день. Под копытами верблюдов была ровная степь. Сидя между горбами, Хедин, как обычно, считал верблюжьи шаги, чтобы определить пройденную дистанцию, и тщательно записывал свои наблюдения.

В тот день они покрыли расстояние в двадцать семь с половиной километров. Сухая плоская глинистая степь постепенно сменялась все более высокими и труднопроходимыми дюнами. С гребней барханов, достигавших иногда высоты тридцати метров, они видели лишь неохватную панораму пустыни: огромные песчаные волны среди моря желтого песка до самого горизонта.

Нормальный человек на месте Хедина, возможно, заколебался бы при виде безжизненного выжженного солнцем песчаного океана. Но Свен верил в свою удачу, она всегда была с ним. Он хотел добиться славы и известности. Он не собирался поворачивать назад.

Зато, по-видимому, повернула собака Хамра. Когда они разбили лагерь на небольшом куске твердой почвы между дюнами, обнаружилось, что она куда-то исчезла. Верный Джолдаш следовал за своим хозяином навстречу катастрофе.

Такла-Макан, 25 апреля 1895 года

Когда канистры с водой утром 25 апреля грузили на верблюдов, Хедину показалось, что они почти пустые. Свен проверил, и оказалось, что воды осталось на два дня. Но прошло только двое суток после того, как они пополнили запас у озера — воды должно было хватить еще на восемь дней. Рассерженный Свен повернулся к своим людям и спросил:

— Почему вы не набрали воды на десять дней, как я распорядился?

— Это Джолчи решил, господин.

— Как ты мог? — обратился он к проводнику, но тот лишь беспечно отмахнулся:

— Успокойтесь, господин, нам до воды осталось два дня пути.

Хедин постарался заставить себя довольствоваться этим объяснением — все, что прежде говорил Джолчи насчет доро-

ги и воды, было верно. Свен не видел причин сомневаться и на этот раз. К тому же он был готов безрассудно положить-ся на судьбу. В Мерките его нагнало письмо из Стокгольма, в котором сообщалось, что Милле Бруман выходит замуж.

Если бы известие о Милле не добралось до него, возможно, Свен перенес бы экспедицию на другое, менее сухое, время года. Но словно в ответ на свое унижение он решил не отступать и теперь стоял посреди песчаного моря, форсировать которое оказалось намного сложнее, чем он представлял: наверху полыхало солнце, а запас воды не оставлял выбора — оставалось лишь верить в то, что Джолчи не ошибается.

Воду строго экономили. Хедин, как и его люди, пошел пешком, чтобы не утомлять верблюдов. Вдруг один из верблюдов начал спотыкаться, а потом лег. Его поклажу переложили на других верблюдов. Затем еще один из верблюдов отказался идти дальше.

На рассвете следующего дня Хедин пошел вперед один. Шаг за шагом вверх и вниз по барханам, которые теперь были по пятьдесят — шестьдесят метров высотой, по глубокому засывающему песку. Через тринадцать километров он упал, обессилевший от жары и жажды, и его нагнали остальные. Вместе они прошли еще несколько километров и разбили лагерь.

Касим взял лопату и начал копать, пытаясь найти воду. Джолчи стал смеяться над ним, но замолчал, когда его спросили, где же Хотан-дарья, до которой, по его словам, они уже должны были дойти.

На глубине одного метра песок стал влажным. Все начали по очереди копать с удвоенной энергией, даже Джолчи. Когда стало совсем темно, зажгли лампы и поставили их в углублениях в стенках импровизированного колодца. Проходили часы, и чем глубже они копали, тем влажнее и прохладнее становился песок.

Яма достигла трехметровой глубины. Касим снизу поднял блестящее от пота лицо и отбросил лопату.

— Господин, песок сухой, — сказал он.

Верблюды, от которых зависела жизнь, слабели на глазах. Чтобы сберечь силы оставшихся животных, Хедин решил оставить на месте как можно больше груза: провиант

на несколько месяцев, масло, хлеб, сахар, крупа, консервы, керосин — все было сложено на ковер. Рядом воткнули шест с экзemplяром «Нюа даглит аллеханда» вместо флага. Они собирались позже вернуться и все забрать. Тем вечером они пировали: шампиньоны, супы, омар, сардины и другие консервы, содержащие жидкости. Тайком, чтобы его не застукали непьющие мусульмане, Хедин попробовал утолить жажду китайским спиртом, предназначавшимся для спиртовки, но стало только хуже.

На всех оставалось четыре литра воды в двух жестяных банках. Но когда они утром собирались в путь, оказалось, что одна из жестянок пуста. А на следующее утро Ислам-бай застал Джолчи, когда тот украдкой пил воду из жестянки. Ислам-бай наградил его увесистой оплеухой. В банке было теперь лишь полтора литра, которые Хедин собирался разделить вечером, по триста грамм на каждого.

Главный вопрос сейчас звучал для них просто: сколько дней человек может жить без воды? Магомет-шах сказал, что однажды в Тибете не пил тринадцать суток, но добавил, что было прохладно.

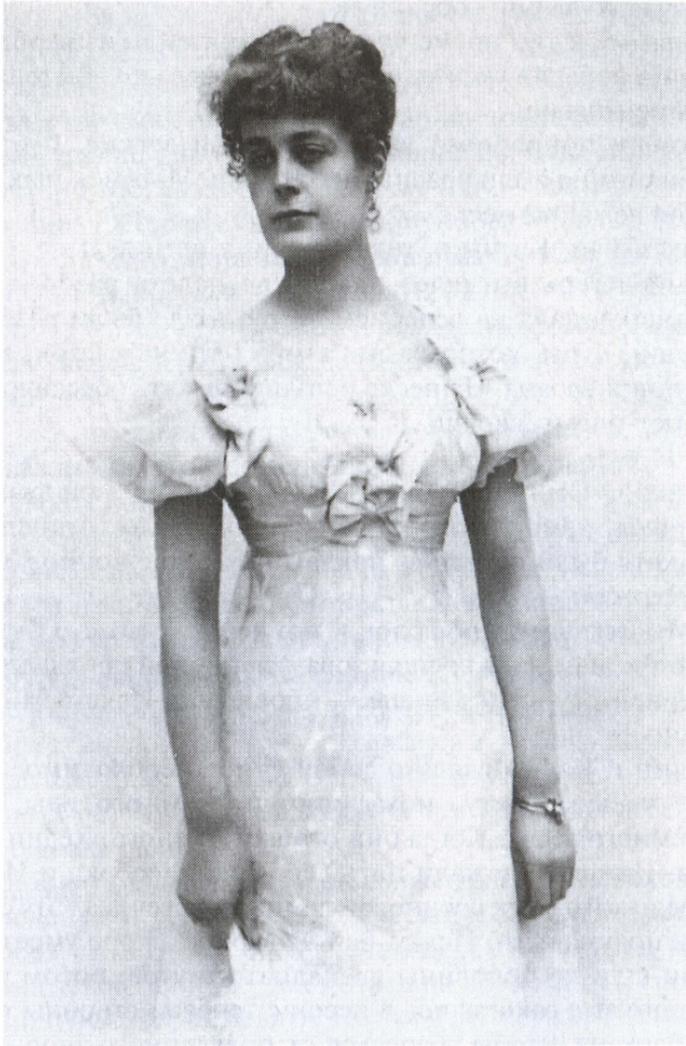
Когда караван расположился на ночлег вечером и Хедин собрался разделить оставшуюся воду, банка оказалась пустой. На этот раз воду выпили Магомет-шах и Касим. Джолчи отстал, все подумали, что, наверное, он уже умер, и не очень горевали по этому поводу. «Господи, помоги нам!» — написал Хедин в дневнике.

Такла-Макан, 1 мая 1895 года

Но утром первого мая Джолчи появился в лагере и заявил: — Сегодня мы найдем воду.

Его утверждение было встречено без эмоций.

Верблюды, которые не пили и нормально не ели почти неделю, были в очень плохом состоянии. Хедин едва шел: он падал, поднимался, делал несколько шагов и падал опять. Только Ислам-бай еще сохранял какие-то силы. Вечером Хедин приказал резать последнего оставшегося барана — кто-то предположил, что можно будет напиться бараньей

Милле Бруман

кровью. Но никто так и не смог заставить себя выпить из сосуда, куда они собрали ее.

Ислам-бай тем временем сделал коктейль из верблюжьей мочи, добавив уксуса, сахара и еще чего-то. Вытошнило его моментально.

Джолчи попробовал жевать бараньи легкие. Его руки и физиономия были красными от крови. Магомет-шах неподвижно лежал на песке.

Ислам-бай, Касим и Хедин решили идти дальше. Оставляемый лагерь выглядел как после налета разбойников. Палатка хлопала на вечернем ветру, везде были разбросаны вещи, куры, которых они выпустили из клеток, клевали останки барана. На песке остались лежать обессиленные Магомет-шах и Джолчи.

Стемнело. Они шли очень медленно: их задерживали верблюды, измотанные животные то и дело останавливались, хотя были почти без поклажи. В конце концов Хедин не выдержал:

— Мы оставим верблюдов и пойдем как можно быстрее на восток, нам надо воспользоваться ночной прохладой.

— Я не могу идти дальше, — прошептал Ислам-бай едва слышно.

Хедин и Касим взяли с собой самое необходимое: компасы, часы, лопату, нож, спички, немного еды, — то, что немного весит. Когда они отошли немного, Хедин обернулся. На песке лежали пять верблюдов, собака и Ислам-бай. Мягкий свет керосиновой лампы подсвечивал эту сцену. Хедин подумал, что Ислам-бай, наверное, скоро умрет.

Они шли до половины двенадцатого утра, потом разделись догола и закопались в песок с теневой стороны песчаного бархана, чтобы уберечься от полуденного зноя, и так пролежали до темноты. Затем снова пошли, пока усталость не свалили их с ног.

Проснулись они на рассвете. Было третье мая. Касим не пил третьи, а Хедин четвертые сутки. И тут вдруг появилась надежда на спасение: Касим высмотрел на горизонте зеленый тамариск.

Когда они дошли до куста, Хедин растер несколько веточек, вобрал в себя их свежий запах. Вдали они увидели одинокий тополь, дошли до него и, хотя очень устали, все-таки попробовали вырыть рядом с ним колодец. Но копать уже не было сил.

Четвертого мая они добрались до настоящего леса. Касима было трудно узнать: щеки провалились, губы синие, язык распухший и белый. Он бредил на ходу. Хедин решил сделать привал. После отдыха он попробовал помочь Касиму подняться, но тот покачал головой и махнул рукой, показывая, чтобы Хедин шел дальше один.

Хедин взял лопату и пошел через лес на восток. Через полчаса он увидел перед собой белый песок и широкую канаву. Ему потребовалось какое-то время для того, чтобы сообразить, что это и есть Хотан-дарья, или, наверное, правильное сказать, то, что еще недавно было Хотан-дарьей, — русло реки было сухим.

Как обычно, считая свои шаги и записывая расстояние и направление, Хедин побрел по руслу реки, надеясь все-таки найти немного воды. Он прошел два с половиной километра. Дно реки оставалось таким же сухим. И тут неожиданно за поворотом все изменилось.

Зрелище, которое он увидел, было просто магическим: серебристый ломтик луны отражался в небольшом, около двадцати метров, водоеме. Он наклонился, чтобы напиться — в первый раз почти за неделю, но тут же сказал себе «нет». Ведь он был ученым.

Прежде чем начать пить, он должен сделать необходимые наблюдения о реакции человеческого организма на сильное обезвоживание. Он медленно положил пальцы правой руки на левое запястье, посмотрел на хронометр и сосчитал слабый пульс: сорок девять. Потом взял кружку и влил воду в сжавшееся горло. Вкус был божественный. Потом сделал еще глоток, и еще, и еще. Так он выпил почти три литра.

Иссохшая сморщившаяся кожа на руках медленно направлялась по мере того, как жидкость пополняла кровь и попадала в вены. Он чувствовал, что сердце начинает биться сильнее и чаще, и опять измерил пульс: пятьдесят шесть ударов в минуту.

То, что Свен сумел выйти прямо на воду, было невероятной удачей.

Хедин вспомнил о Касиме: тот умирал от жажды в трех часах хода.

Хотан-дарья, 6 мая 1895 года

Свен сидел и размышлял. Касим слишком плох и сам не сможет дойти до воды; следовательно, Хедин должен отнести ему воду. Но в чем нести? Кружка слишком мала...

Но он сообразил: сапоги! Его крепко сшитые, не пропускающие воду кожаные сапоги! Свен стащил сапоги, наполнил водой до краев, нанизал ушками на рукоятку лопаты и понес, как коромысло.

Его застигла темнота, и пришлось дожидаться рассвета, чтобы не заблудиться. Когда посветлело, он быстро нашел Касима.

— Я умираю, господин, — простонал тот.

— Не хочешь немного воды, Касим? — спросил Свен, но вместо ответа услышал только вздох. Касим, разумеется, не подозревал о содержимом сапог и думал, что Хедин шутит. Свен снял сапоги с лопаты. Касим остолбенел от изумления и начал пить жадными глотками.

История о том, как белый исследователь спас своего слугу, принесла ему воду в сапогах, постепенно разошлась по всему миру. Она рассказывалась и пересказывалась десятками и сотнями газет и принесла Хедину мировую известность.

Ислам-бай тоже выкарабкался. Он не только спасся сам, но и ухитрился привести одного из верблюдов с поклажей — записями Хедина и кассой. Но Магомет-шах и Джолчи погибли в пустыне. Позже Хедин выплатил вдове Магомет-шаха внушительную сумму.

Камеры, пластинки, анероиды и другие научные инструменты, без которых бессмысленно было продолжать экспедицию, пропали. Свен вернулся в Кашгар и заказал новое оборудование из Швеции. Дожидаясь, пока его доставят, он еще раз съездил на Памир, где в это время работала боль-

шая русско-английская комиссия по проведению пограничной линии.

Он увидел два палаточных города — русский и английский, в каждом пара сотен жителей. Под любопытными взглядами кочевников русские и англичане собрались в дикой и практически ненаселенной местности, чтобы провести границу между двумя империями.

Русскую делегацию возглавлял старый знакомый и благодетель Хедина генерал Повало-Швейковский, английскую — генерал Джерард, известный в Индии как один из самых отчаянных охотников на тигров. Генерал собственноручно убил шести шестнадцать тигров. Стараниями Джерарда и ему подобных тигры теперь стали редкостью. В английской делегации Хедин обнаружил и своего старого друга Маккартни.

Они встречались за две недели до этого у приграничного укрепления Ташкурган. Китайский комендант пригласил обоих на опиум. Хедин сделал несколько затяжек из опиумной трубки, но не позволил себе увлечься.

Он при комиссии, решавшей вопросы границы, на четыре недели. Каждый день собирался уехать, но его постоянно уговаривали побыть еще несколько дней. Житье было и удобным, и приятным: общение, события, хорошие ужины с шампанским, французское вино и паштет из гусиной печени.

Свен был представителем нейтрального государства и как бы сам по себе. На практике это означало, что обе стороны охотно приглашали его на вечера и ужины.

Четырнадцатого сентября 1895 года русские и британцы пришли к соглашению. Работа комиссии была завершена, и все могли возвращаться по домам. Генерал Джерард пригласил Свена ехать с ним в Индию, а генерал Повало-Швейковский — в Маргелан.

Но Хедин поблагодарил и сказал «нет». Его ждала пустыня Такла-Макан.

Хотан, 14 января 1896 года

Четырнадцатого января 1896 года из Хотана, расположенного у южной оконечности пустыни Такла-Макан,

вышел маленький караван: три верблюда, два мула и пять человек. Один — в высоких сапогах, потрепанной европейской одежде, лицо с резкими чертами, орлиный нос и ухоженные усы — ехал на верблюде. Остальные, туркестанцы, шли пешком. Хедин всегда одевался по-европейски. Это внушало уважение.

Кроме Ислам-бая, со Свенем отправились Керим-Джан из русского Туркестана и два охотника, Ахмед-Мерген и Касим-ахун — отец и сын, которые здорово помогли Хедину при встрече на Хотан-дарье после его смертельного марша через пустыню.

Ближайшей целью каравана была горная область возле Хотан-дарьи, примерно в 250 километрах от Хотана. Так же как и гора к северу от Такла-Макан, откуда Свен начал поход через пустыню, она называлась Мазартаг. Видимо, это и стало причиной ошибки Пржевальского. Мазартаг не был единой горной системой, протянувшейся через всю пустыню, как считал Пржевальский, а двумя разными, разделенными пустыней горными массивами с одинаковым у туземцев названием.

От Мазартага Свен намеревался отправиться на восток, к реке Керия-дарья, и выйти в пустыню на поиски древнего города, о котором он слышал в Хотане.

Основываясь на прошлом опыте, Свен взял с собой минимум багажа, чтобы не утомлять верблюдов. Большую часть вещей и кассу он оставил у русского торгового агента в Хотане.

Хедин приехал в Хотан, оазис в 500 километрах к юго-востоку от Кашгара, девятью днями ранее. На дорогу ушло почти три недели — много, принимая во внимание не слишком большое расстояние. Причина была в том, что Свен решил уточнить географические данные, полученные прежде европейцами. Он нанес на карту более пятисот географических названий, расспрашивая местных жителей. Кроме того, он картографировал триста деревень оазиса и их положение в системе оросительных каналов.

Методика Свена Хедина включала тщательный и интенсивный сбор фактов. Приезжая в новое место, он задавал одни и те же вопросы в одинаковом порядке. Количество

людей, род занятий и продукция, могилы святых, мечети, легенды, характер земледелия, дороги, расстояния, количество воды в реках, замерзание льда, таяние льда, ветры, бури, дожди и многое другое.

Расспросы могли занимать до трех часов. Все тщательно записывалось. У Хедина был помощник, секретарь из Кашгара. На эту работу уходила куча времени.

Но теперь эта кропотливая работа была позади. Его ждала увлекательная охота за руинами легендарного города. После четырех дней пути вдоль замерзшей реки Хотан караван добрался до деревни, где Хедин нанял двух проводников, которым доводилось находить в пустыне следы затерянного города.

Открытие погребенного в песках города стало бы археологической сенсацией. 19 января караван отправился на восток через дюны Такла-Макан.

Они ехали не более пяти-шести часов в день, чтобы не утомлять верблюдов. Потом разбивали лагерь, и двое начинали копать колодец. Это была тяжелая работа. Сначала надо было пробить двадцатисантиметровый слой мерзлого песка, а потом копать до глубины в полтора — два с половиной метра, чтобы добраться до грунтовых вод. Еще двое тем временем собирали сухие ветки тамариска для костра. Температура по ночам опускалась до двадцати градусов мороза и ниже, и они все, включая Хедина, спали на песке под открытым небом, завернувшись в меха. Палатку и складную кровать Свен тоже оставил в Хотане, чтобы максимально облегчить ношу верблюдов.

Керим-джан ухаживал за верблюдами, Ислам-бай готовил ужин, а Хедин сидел на ковре, в меховой одежде и мягких теплых сапогах, и делал зарисовки местности, фиксировал высоту барханов, их угол и направление движения. На четвертый день пути барханы подросли до пятнадцати метров.

В конце концов они вышли к мертвому лесу и обнаружили на его восточной оконечности руины города. Из песка торчали деревянные балки, остатки стен из плетеного тростника, обмазанного глиной. Стены одного из домов сохранились лучше остальных, и была видна роспись: легко одетые женщины на коленях с простертыми в молитве руками, бородатые мужчины индоевропейского типа, одетые как совре-

менные священники, собаки, лошади, корабль на бурных волнах.

Хедин жалел, что лишился фотоаппаратов. Пришлось находки зарисовать; он обозначил цвета, чтобы потом обстоятельно воспроизвести все в красках. Судя по характеру рисунков, когда-то здесь был буддистский храм.

В ходе дальнейших раскопок они нашли в песке множество гипсовых фигурок Будды. Обнаружили также фризy, резной деревянный лист, колонну, деревянный винт, жернов и фрагмент свитка с надписью. Все описывалось и складывалось в ящики для отправки в Стокгольм. Среди руин просматривалось нечто вроде парка с когда-то тенистыми тополями. Город занимал площадь диаметром в три-четыре километра.

Хедин был счастлив, как ребенок в Рождество. Вот оно, эпохальное открытие. Он нашел Помпею пустыни. Он чувствовал себя сказочным принцем в пробуждавшемся заколдованном лесу.

Находки указывали на то, что город населяли буддисты. Хедин сделал вывод, что город был оставлен 1200 лет назад еще до завоевания мусульманами Центральной Азии. Основываясь на наблюдениях о скорости продвижения песчаных барханов, он вычислил, что город был населен по меньшей мере 1500 лет назад; тогда в здешних фруктовых садах созревали абрикосы.

Хедин предположил, что изначально город был построен на берегу реки Керия-дарья, но со временем река отступила от города. В итоге расстояние между городом и рекой оказалось настолько большим, что его пришлось оставить. Сейчас Керия-дарья протекала на востоке, в нескольких днях пути от этого места.

Проводники Свена называли город по имени пустыни Такла-Макан. Сегодня эта находка известна как Дандан Ойлик.

Через неделю после открытия Дандан Ойлик Хедин нашел в пустыне остатки еще одного города. Он располагался в дне пути от Керии-дарьи и назывался Карадун — Черный холм. Хедин услышал о развалинах города от случайно встреченных местных пастухов.

Карадун оказался меньше, чем Дандан Ойлик, и, судя по всему, относился к тому же времени. Использовались те же строительные материалы, архитектура и роспись. По дороге они нашли высохшее русло. Это подкрепляло теорию о том, что раньше Керия-дарья протекала много западнее.

Второго и третьего февраля Хедин провел археологическую разведку Карадуна. Археолог из него был никакой, и Свен это хорошо понимал. Но после него в этих местах работали настоящие археологи, европейские и китайские.

Первым из них стал Аурель Штейн, венгерский еврей-выкrest, принявший английское подданство. Пользуясь картами Хедина, Штейн добирался до мест археологических находок и исследовал их. Свена это ничуть не беспокоило. Напротив, Хедин с легкой душой оставлял подробные исследования на долю экспертов. Когда Штейн втыкал лопату в песок, Свен был уже далеко, заполнял оставшиеся на карте белые пятна.

Это разделение ролей спасло репутацию Свена Хедина в современном Китае. К Штейну прочно приклеился ярлык грабителя — из-за того, что многие археологические ценности он отправил в Британский музей в Лондоне. Хедина же очень высоко ценят в Китае за его вклад в исследования китайской истории, геологии и географии. Археологические находки Свена, экспонирующиеся в Этнографическом музее в Стокгольме, китайская сторона считает законными.

Керия-дарья, 8 февраля 1896 года

После Карадуна Хедин вернулся к Керии-дарье и двинулся на север вдоль русла реки. 8 февраля он отдыхал возле леса в доме старика, всю свою жизнь прожившего в безлюдье с женой и детьми. О том, что происходит за горизонтом, старик имел весьма туманные представления.

Он рассказал о великом событии: три года назад сюда забрел тигр и задрал корову. Хедин оживился:

— Наверное, тигр пришел из лесов у реки Тарим, там их много.

Появление в этих местах тигра вроде бы указывало на то, что, продвигаясь на север, можно сравнительно легко добраться до Тарима, однако старик в сомнении покачал головой:

— Если и есть река под названием Тарим, то до нее несколько месяцев пути.

Он также сказал, что Керия-дарья заканчивается менее чем в двух днях пути на север, а дальше, до самого конца мира, по представлениям старика, простиралась пустыня.

На следующий день Хедин и его люди поехали дальше. Как и говорил старик, на второй день они добрались до конца реки, которая исчезала в пустыне. Они разбили лагерь возле высохшего русла, выкопали колодец. Вода появилась на двухметровой глубине. Было 10 февраля 1896 года.

Вдоль высохшего русла рос тополиный лес, и ветер посвистывал в увядших ветвях. Маленький островок жизни на берегу бескрайнего моря песка. Во второй раз менее чем за год Хедин собирался пересечь пустыню, в которой до него никто не бывал.

Согласно первоначальному плану Свен должен был уже возвратиться в Хотан. Но искушение пройти по девственным, совершенно не исследованным местам было слишком велико.

На десятый день пути Хедину выпал шанс увидеть то, о чем он и не мечтал, — диких верблюдов. Согласно представлениям европейских ученых, дикие верблюды жили в пустыне Кумтаг в двух тысячах километрах к востоку и в нескольких других местах, но никак не в районе Керии-дарьи*. Хедин раньше только один раз видел дикого верблюда — в виде чучела в коллекции Пржевальского, находящейся в музее Санкт-Петербурга.

Было 11 февраля. Охотник Касим ехал впереди. Неожиданно Касим остановился и сделал знак остальным. Хедин огляделся, чтобы понять, в чем дело. Метрах в ста пятидесяти он увидел стадо верблюдов. Свен поднес к глазам бинокль и смотрел, как Касим со своим примитивным кремневым ружьем подкрадывается к животным. За ним полз Исламбай с современной русской винтовкой, подаренной Хедином.

* В апреле 2008 года китайские ученые сообщили о найденных ими следах диких верблюдов в районе Керии-дарьи как об открытии.

Касим прицелился и выстрелил. Верблюды всполошились и побежали на север. Но один был ранен, бежал с трудом, медленно и вскоре упал. Свен с любопытством наблюдал за охотой. Сам он не мог заставить себя убивать животных.

Верблюда разделали, его горбы были больше и крепче, чем у одомашненных собратьев, и буквально переполнены жиром. Выкопали колодец, но безуспешно.

Впрочем, настырный Касим продолжал копать колодец и все же нашел воду на глубине четырех метров. Через четыре дня, отдыхая в оазисе, они заметили следы пантеры. Можно было предположить, что караван уже недалеко от реки Тарим.

Они переночевали у одинокого тополя, между барханов. Хедин ликовал: «Я первый европеец в этих диких краях. Я как король-завоеватель и подчинил себе эту землю. Она принадлежит мне».

Они не копали колодец этим вечером, пользовались водой из запаса, предполагая на следующий день выйти из пустыни. Но через два дня вокруг по-прежнему был лишь песок, а влага в выкопанном колодце так и не показалась. Пришлось выпить оставшуюся воду.

Свен решил идти на север еще один день и, если не удастся пополнить запас воды, возвращаться, хотя отступать ему очень не хотелось.

Двадцатого февраля, после десяти дней в пустыне, караван Свена Хедина вышел к лесу у реки Тарим. Они вернулись в обитаемые места.

Абдал, 19 апреля 1896 года

Все население деревни Абдал собралось на берегу реки и с любопытством рассматривало медленно приближавшуюся лодку. Восемь дней Хедин и два гребца плавали по системе озер в нижнем течении реки Тарим, между пустынями Такла-Макан и Лоб.

Главным образом Свена интересовало озеро Лобнор, куда впадала река Тарим, прежде чем исчезнуть.

Вечером 19 апреля, проплыв за день шестьдесят километров, Хедин ступил на берег и тут же заметил в толпе людей знакомое лицо.

— Неужели я вижу Кунчикан-бека!

Все изумленно ахнули. Белый человек был здесь в первый раз, но каким-то чудом знал старосту деревни.

Чудо объяснялось вполне естественным образом и было связано с Пржевальским.

Пржевальский побывал в Абдале в 1885 году, почти двенадцать лет назад, и Хедин узнал Кунчикан-бека по портрету в книге Пржевальского. Староста, которому теперь перевалило за восемьдесят, повел Свена в свой дом из тростника и показал портрет и другие подарки от русского исследователя.

Следующие несколько дней Хедин плывал по Лобнору. Озеро очень интересовало географов и исследователей девятнадцатого века. Причина была в том, что на старых китайских картах Лобнор обозначался севернее другого озера — Каракошун. Объясняли это по-разному.

Одна теория утверждала, что китайские картографы просто ошиблись, а на самом деле Лобнор и Каракошун одно и то же озеро. Это объяснение поддерживали Пржевальский, его ученик Петр Козлов и Русское географическое общество.

Профессор Рихтгофен и его ученик Свен Хедин считали Лобнор и Каракошун разными озерами. В этом случае на месте, указанном на китайских картах, должно быть озеро или следы озера. Хедин надеялся найти подтверждение теории своего учителя.

Из Абдала до Хотана была тысяча километров. На обратном пути Хедин попал в затруднительное положение из-за того, что у него не было китайского паспорта. Губернатор Чакалыка не разрешил ему ехать в Хотан через Черчен без паспорта и предложил возвращаться в Хотан через пустыню.

Такая перспектива Хедина не радовала: надо было делать огромный крюк и, кроме того, пересекать пустыню в летнюю жару. Но больше всего его расстраивало то, что придется возвращаться уже пройденным и положенным на карту путем.

Положение спас командир китайского гарнизона, с которым Хедин сумел подружиться.

— Губернатор не сможет вас задержать, если я не отдам приказ моим солдатам остановить вас, — констатировал новый поклонник Хедина и пояснил, что такого приказа отдавать не собирается.

И Хедин без проблем отправился в Хотан.

Губернатор Хотана, в отличие от своего коллеги в Чакалыке, проявил заботу о Свене и приготовил ему удобное жилье в тенистом парке. Там Хедин мог заниматься своими картами и записями последних месяцев, писать письма и готовиться к экспедиции через Тибет. Верный Ислам-бай прислуживал ему.

Хотан, 29 июня 1896 года

В благодарность за гостеприимство Хедин подарил губернатору Хотана золотые часы с цепочкой. Военный комендант получил револьвер и патроны.

В десять часов утра 29 июня Свен выехал из города во главе длинного тяжело нагруженного каравана. На этот раз весь багаж он взял с собой. Археологические находки, ковры, сувениры, купленные в Хотане, и все то, что не могло понадобиться во время этой поездки, он упаковал и послал в Кашгар консулу Петровскому для дальнейшей отправки в Швецию. Сам Хедин направлялся в Пекин, который с самого начала обозначил конечной целью своего путешествия.

По прямой из Хотана до Пекина было более трех тысяч километров, но ни о какой прямой Хедин, разумеется, не помышлял. Вместо того чтобы сразу ехать на восток к Пекину, он свернул на юг, чтобы перевалить через горную цепь Куньлунь, разграничивающую северные высокогорья Тибета и песчаные холмы пустыни Синьцзяна. В Тибете Свен собирался повернуть на восток, пройти, как обычно, неизвестными путями и через не поддающееся подсчетам время добраться до Пекина.

Тибет был замкнут, неизучен и таинственен и поэтому тянул к себе. Хедин вновь собирался ступить на землю, где до него не бывал ни один европеец. Разумеется, Свен хотел

описать и положить на карту этот край. И конечно, он мечтал о подвигах, которые сделают его знаменитым.

Хедин думал пересечь Куньлунь с севера на юг, продвигаясь вдоль реки Керия-дарья, бравшей начало в горах Тибета, но вскоре выяснил, что это невозможно. Вода поднялась слишком высоко. Он вернулся на большую восточно-западную караванную дорогу между горами и пустыней, чтобы найти какой-нибудь более подходящий путь на Тибет.

Хедин ехал по тем же дорогам, что и Марко Поло шестьсот лет назад. Караван двигался неторопливо с постоянной скоростью. 30 июля он выехал из поселка золотодобытчиков Купа с внушительным караваном: двадцать одна лошадь, двадцать девять мулов, шесть верблюдов, три собаки, овцы. Его сопровождали восемь помощников — Ислам-бай, Фонг Ши, Парпи-бай, Ислам-ахун, Рослак, Гамдан-бай, Ахмет-ахун и Курбан-ахун. Фонг Ши, молодой китаец из Хотана, должен был в дороге учить Хедина китайскому.

Парпи-бай, так же как и Ислам-бай, был родом из Оша; прежде он участвовал в трех европейских экспедициях. Он рассказывал у лагерного костра длинные истории о своих путешествиях с французскими исследователями Тибета Дютрейлем де Рином и принцем Анри Орлеанским*.

В небольшой деревушке на полпути к Куньлуню Хедин нанял восемнадцать горцев. Они должны были следовать вместе с караваном две следующие недели.

Через несколько дней они добрались до местности, названия которой горцы не знали. Вместо имен собственных Хедин начал использовать буквы и цифры, чтобы обозначать на карте реки, озера и горные вершины.

Они достигли высоты 4500 метров. Корм для животных становился все хуже, и все, кроме Хедина, страдали от горной болезни. Больше всех маялись Фонг Ши и Ислам-бай: у обоих нестерпимо болела голова. Температура по ночам опускалась ниже ноля, хотя был август. И людям, и животным было трудно в этих негостеприимных местах, за исклю-

* Погиб в 1901 году в ходе экспедиции по Индии и Индокитаю.

чением Хедина, разумеется. Он вновь упивался восторгами первопроходца.

Фонг Ши становилось все хуже. Примерно через неделю Хедин решил отправить его обратно домой, хотя китайцу было заплачено за три месяца вперед. Одного отсылать его было нельзя, и Свен выделил ему сопровождающего.

Конечно, потеря Фонг Ши расстроила Хедина: как он будет обходиться в Китае без переводчика? Кроме того, ему было много интереснее общаться с китайцем, чем с мусульманами-туркестанцами. «Образованный китаец с любой точки зрения на голову выше, чем мусульманский мулла», — отметил он в записной книжке.

Через три дня ухудшилось состояние Ислам-бая. Он кашлял кровью. Из-за этого даже пришлось приостановить движение каравана. «Было бы ужасно грустно потерять его», — записал Хедин в дневнике.

Когда Ислам-баю стало легче, караван вновь пришел в движение. Медленно, но верно они двигались на восток. Иногда долины заканчивались тупиками, и им приходилось возвращаться обратно. Ежедневно они проходили в лучшем случае тридцать километров, а иногда не более пяти. С северо-запада постоянно дули штормовые ветры, почти ежедневно выпадал снег или град, время от времени грохотал гром.

В середине сентября они пересекли маршрут принца Анри Орлеанского, которым тот шел в 1890 году. Парпи-бай был тогда вместе с принцем и узнал местность. Они нашли обрывки верблюжьих одеял, оставленных экспедицией француза.

В остальном вокруг не было ни малейших признаков присутствия человека — трудно представить себе более дикий край, чем Северный Тибет. Единственными живыми существами были дикие ослы, антилопы и яки, на которых они иногда охотились ради мяса. Яки были непростой добычей: раненый як едва не затоптал Ислам-бая, прежде чем тот добил его выстрелом в упор.

В одно прекрасное утро все нанятые горцы пропали. Они удалились ночью, прихватив с собой скот и деньги, выпла-

ченные им накануне. Хедин послал за ними троих людей во главе с Парпи-баем. Те настигли дезертиров, взяли на мушку и два дня спустя привели пред очи Хедина.

Свен не был кровожадным, но нужен пример в назида-ние. Он выстроил местных ренегатов перед своей палаткой и огласил приговор: зачинщику двенадцать ударов кнутом, остальные должны отныне спать связанными, и теперь он оставлял за собой право не заплатить им, если они будут плохо выполнять свои обязанности. Кроме того, они должны были отработать бесплатно три дня, которые у экспедиции отнял их побег.

В начале октября экспедиция подошла к краю Тибетско-го нагорья и собирались начать спуск к пустыне Цайдам в нынешней китайской провинции Цинхай. Первым человеком, которого они встретили с начала августа, была монгольская женщина, которая выскочила неизвестно откуда, сердито размахивая руками, когда Ислам-бай едва не застрелил ее домашнего яка, по ошибке приняв за дикого.

Через Цайдам многие сотни лет идут паломники из Монголии к святым местам в Тибете. Поэтому в здешних местах живет множество монголов. Хедин нанял Дорчу, мужа спасительницы яка, в качестве проводника и... учителя иностранного, в данном случае монгольского, языка. У монгольского кочевника они купили новых лошадей, которые поступили в введение Парпи-бая.

Хедин обратил внимание на то, что буддисты монголы, в отличие от мусульман, практикуют моногамию и монгольские женщины более свободны и самостоятельны, чем мусульманки. Монголки носили одежду, оставлявшую открытой грудь, которая, по наблюдениям Хедина, была, независимо от возраста женщин, «все, что угодно, только не хорошей формы; висит и болтается, как полупустые мешочки».

Шестнадцатого октября Дорча отправился домой. Хедин после двух недель занятий с ним мог уже сам объясняться по-монгольски. Вместо Дорчи он нанял проводником молодого монгола по имени Лопсанг.

Осень в Цайдаме выдалась невероятно холодной, по ночам температура падала до минус двадцати пяти. Вечером черни-

ла в ручке Хедина замерзали, и ему приходилось отогревать ее, чтобы делать записи.

В городе Донкыр Хедин встретил белого человека — первого за год, прошедший с тех пор, как он оставил Кашгар. Это была американка, врач, жена миссионера Рейнхарда, который находился в отъезде. Христианские миссионеры в то время заполнили весь Китай.

— Так приятно поговорить наконец о чем-нибудь еще, кроме пастбищ, дичи, охоты и опасных перевалов. Но меня удивляет, как ваш муж оставляет вас одну среди этих диких людей, — сказал Хедин госпоже Рейнхард. Они долго разговаривали о Дунганском восстании, которое прокатилось по этой области Китая.

Хедин пробыл в Донкыре два дня. 18 ноября он взял курс на Синин и приехал туда 23 ноября, заезжая по пути в ламаистские монастыри. В Синине он распрощался со всеми своими туркестанскими помощниками, за исключением Ислам-бая. Когда подсчеты, кто сколько должен получить, были закончены, Хедин удвоил сумму. Он относился к деньгам как к инструменту достижения цели и тратил их без сожалений.

— Без вас я бы многого не сделал, — сказал Хедин. Он снабдил своих помощников провиантом на дорогу и отдал им всех лошадей, за исключением двух, которые были нужны ему самому. Парпи-бай получил в подарок револьвер и патроны.

От Синина до Пекина оставалось 1500 километров. Он выехал из города первого декабря.

Пекин, 2 марта 1897 года

Забрякал дверной звонок, слуга-китаец открыл и увидел худого молодого человека, загоревшего до цвета меди и с неухоженной бородой на лице, в пропыленной потрепанной одежде.

— Кого вам угодно? — спросил китаец по-русски.

— Господина Павлова, — ответил молодой человек и представился.

Слуга пошел докладывать. Павлов был поверенным в делах России в Пекине.

— Господин Хедин из Швеции.

— Приси, — сказал Павлов. Месяцем раньше он получил телеграмму из Санкт-Петербурга о скором приезде шведского исследователя. К его встрече все было готово. Один из покоев резиденции ждал гостя.

Пол был застелен редкостными коврами, стены обиты вышитым китайским шелком, в нишах стояли антикварные китайские вазы. У стены стояла удобная кровать, посередине комнаты — стол, который прогибался под тяжестью груды писем и пачек газет. Разительный контраст с обшарпанными китайскими постоялыми дворами, где Хедин ночевал последнее время.

Он почти три месяца добирался до Пекина — на целый месяц больше, чем рассчитывал. Свену временами казалось, что кто-то нарочно испытывает его терпение. Только на то, чтобы нанять верблюдов, он убил две недели. Хедин чувствовал, что по горло сыт путешествиями. Поэтому он оставил Ислам-бая медленно тащиться с багажом, а сам поспешил в Пекин, навстречу цивилизованной жизни.

Он уже десять месяцев как не имел ни весточки от родных и близких. Свен с жадностью накинудся на письма и газеты. Рекордсменом оказался папа Людвиг: со времени отъезда сына он написал ему более ста сорока длинных писем. Свен узнал все домашние новости, в том числе самую главную: его сестра Анна вышла замуж.

Среди прочих были письма от Рихтгофена с новогодними поздравлениями и пожеланиями и от Британского географического общества, председатель которого Джон Скотт-Келти сообщал, что общество выражает желание заслушать в Лондоне доклад Хедина.

На следующий день пришел портной-китаец снимать мерку — надо было подготовиться к выходу в свет. Хедин, сам того не ожидая, стал местной знаменитостью. Все хотели познакомиться с «тем самым Свеном Хедином». Деньги у Свена практически закончились, но Павлов предоставил ему кредит.

Через два дня фрак, сюртук и костюм были сшиты, и Хедин отправился с визитами к пекинским представите-

лям Нидерландов, Франции, Германии, Великобритании и США. Его поздравляли с успешным завершением поездки, с любопытством расспрашивали. Секретарь германского представительства показал ему газету со статьей о Лобноре, которую Свен написал в Хотане в прошлом году.

Один званый ужин сменял другой. Казалось бы, после целого года, проведенного в пустынях и горах Центральной Азии, где он общался только с туркестанцами, Свен должен был получать кучу удовольствия от светской жизни. Но он чувствовал себя крайне неуютно, особенно с женщинами.

«Меня прекрасно принимают, но мне очень неловко с женщинами, я вздрагиваю, когда они до меня дотрагиваются; я совершенно потерял способность вести пустые беседы о высоких материях».

Хедина тянуло домой. Он ждал лишь прибытия Ислам-бая с багажом. Наконец пришло известие, что Ислам-бай добрался до Калгана, и Хедин смог назначить день отъезда. У него имелось три маршрута на выбор: через Тихий океан и Атлантику, Ванкувер и Нью-Йорк; через Индию и Суэц; через Монголию и Сибирь. Он выбрал последний.

Четырнадцатого мая он сел в запрежненную ослами коляску и в сопровождении казака из русского представительства в Пекине выехал в Калган. Через четыре дня непрерывной тряски по плохой дороге он встретился с Ислам-баем. Одна нога у того была в гипсе — на Ислам-бая опрокинулась повозка с багажом.

«Мне надо было отослать его домой вместе с остальными еще в Синине», — подумал Хедин, у которого прежнее восхищение Ислам-баем переросло в раздражение. «Насколько он был хорош в необитаемых местах, настолько же он неловок с людьми. Он ненавидит китайцев, и из-за этого у меня были проблемы. И потом, просто очень трудно три года все время видеть одного и того же человека», — объяснил он миссионеру Ларссону, у которого остановился в Калгане.

От Калгана до Урги в Монголии (Улан-Батор на современных картах) тысяча километров. В пути Хедин заботился о своем пострадавшем слуге, в Улан-Баторе они расстались. Ислам-бай с русским почтовым курьером уехал домой в Ош. «Было горько расставаться с ним», — написал Хедин в своей

книге о путешествии по Азии. На самом деле он скорее чувствовал облегчение, нежели сантименты.

Подгоняемый ностальгией, лишь с одной остановкой в Иркутске, он быстро проехал две тысячи километров до Канска, где в то время заканчивалась Транссибирская магистраль. Через девять дней, 14 марта, он вышел из поезда в Санкт-Петербурге.

Пятого мая царь Николай II дал ему аудиенцию в Царскосельском дворце. Император развернул большую карту и попросил Хедина показать на ней свой маршрут. Свену опять пришлось рассказывать о знаменитом переходе через пустыню Такла-Макан. Царь попросил Хедина держать его в курсе планов и пообещал помогать всеми средствами.

Прежде чем уезжать из Петербурга, Хедину надо было решить очень важную задачу: найти хороший дом для Джолдаша — собаки, которую он назвал именем прежнего Джолдаша, погибшего во время перехода через Такла-Макан. Новый пес верно следовал за Хедином более года, и, откровенно говоря, когда Хедин расставался с Джолдашем, то грустил куда больше, чем в случае с Ислам-баем.

Стокгольм, 10 мая 1897 года

Пароход «Нурдкустен» («Северный берег») подплывал к пристани на набережной Шеппсбрун. Прошло три года и семь месяцев после отъезда Хедина с родины, он проехал и прошел двадцать шесть тысяч километров и до последнего эре потратил тридцать пять тысяч крон.

Он помахал рукой встречающим. На пристани стояли отец, мать, брат, сестры, другие родственники, друзья. Милле Бруман среди них не было.

Прямо на пристани его атаковал репортер из «Стокгольмской ежедневной газеты». Позже они пробеседовали несколько часов, и Свен подробно рассказал о своих приключениях.

Вернувшись в редакцию, репортер написал: «Первое впечатление от личности доктора Хедина — это одухотво-

ренность, энергия и сдержанная сила. Глядя на его жилистую крепкую фигуру и загорелое сильное лицо, начинаешь понимать, как он смог преодолеть препятствия и опасности, в изобилии встречавшиеся на пути».

В тот же день, когда «Стокгольмская ежедневная газета» опубликовала пространное интервью с «отважным исследователем», Хедин получил аудиенцию у короля Оскара II. Король прицепил к груди Хедина Рыцарский крест ордена Северной звезды.

Двумя днями позже Хедина пригласил на ужин в отель «Феникс» аэронавт Андре, который собирался лететь на воздушном шаре «Орел» к Северному полюсу. А еще через два дня Хедин провожал Андре на перроне стокгольмского вокзала. Инженер уезжал в Гётеборг и оттуда должен был отплыть на Шпицберген, где был намечен старт.

Андре стоял на платформе с огромной охапкой красных роз. «Он настоящий герой, прямой, решительный, мужественный и волевой, — подумал Хедин, не скупившийся на броские шаблоны, когда описывал выдающихся людей. — Пусть ему повезет».

Но экспедицию Андре постигла неудача. Он и его спутники замерзли во льдах.

Проводив Андре, Хедин отправился на торжественный ужин по поводу открытия Международной выставки искусств и ремесел в Юргордене. Когда официальные тосты были произнесены, Хедина попросили подойти к королю Оскару II, который встал из-за королевского стола и вышел на середину зала.

Протрубили фанфары. Король поднял бокал — шум утих.

— Здесь присутствует человек, которого мы должны чествовать особо, — сказал король. — Этот человек — доктор Свен Хедин. Он недавно вернулся в отчизну после путешествия, наполненного риском и опасностями, достигнув результатов, которые обогатят сокровищами новых знаний человечество.

Оскар II провозгласил здравицу Хедину и предложил поднять за него бокалы.

Хедин после возвращения из первой экспедиции
в Центральную Азию. 1897 год

Хедин не переставал думать о Милле — он знал, что замуж она все-таки не вышла. Он послал ей короткую записку: «Я был тебе верен четыре года. Когда я могу с тобой встретиться?»

Она назначила ему место и время, и Свен явился в дом табачного короля. Милле, очень красивая, вышла навстречу. Хедин смотрел на нее, как под гипнозом. Но все его надежды моментально улетучились.

— Добро пожаловать, — бросила она сухо и небрежно, как будто бы они виделись в последний раз только вчера. Она не выказала ни малейшей радости при виде Свена.

После этого они продолжали встречаться, и Милле то была милостива к нему, то холодна и недоступна. Хедин же был безнадежно влюблен и никак не мог сам прервать эти разрушительные отношения.

«Она любит меня, но из-за какой-то детской гордости, не хочет в этом признаться, — утешал он себя. — Я никогда не оставлю ее...»

К счастью, Хедину было чем заняться помимо любовных страданий. Издатели в нескольких странах нетерпеливо ожидали рукопись книги о его путешествии. Институты и географические общества по всей Европе предвкушали его доклад.

Свен писал по ночам, когда его никто не беспокоил. Обычно он работал до четырех часов утра.

Пятнадцатого октября он прочитал свой первый большой доклад. Присутствовали король и члены Географического общества. Через четыре дня Свен выступил в Копенгагене, еще через неделю — в Санкт-Петербурге. В обоих городах был аншлаг. В Петербурге Хедина принял царь. Перед отъездом шведский путешественник навестил Джолдаша, которого оставил у шведского профессора, жившего в русской столице. После Петербурга турне продолжилось: Берлин, Лейпциг, Гамбург, Франкфурт и Гессен. 21 ноября Хедин прибыл в Лондон, где прочитал три доклада. Затем его ждали Ливерпуль, Ньюкасл, Эдинбург, Глазго и Манчестер. 10 декабря Хедин вернулся в Лондон, встретился с американским полярным исследователем Робертом Пири и подписал контракт с английским издательством.

За два месяца Свен сделал восемнадцать докладов в пяти странах на четырех языках: шведском, русском, немецком и английском. В середине декабря он вернулся в Стокгольм, а 20 января 1898 года отправился в новое турне: Кристиания, Гётеборг, Париж... В столице Франции 23 января Хедин делал доклад для Географического общества. «Французский Хедина безупречен, — сообщал парижский корреспондент шведской «Вечерней газеты». — Его звучный поставленный голос был слышен в каждом уголке зала. Интеллигентная внешность, глубочайшее внутреннее спокойствие и превосходные манеры весьма способствовали успеху доклада. Ни у кого из присутствовавших ни на единый миг не ослабевало внимание. По ходу доклада интерес скорее возрастал, сообщение доктора Хедина доставило чрезвычайное удовольствие и получило всеобщее одобрение».

Свен прожил во французской столице восемь беспокойных дней. Его наградили орденом Почетного легиона, приняли в «Альпийский клуб»; кроме того, он был приглашен отужинать к французскому президенту Феликсу Фору.

Он побывал в опере и театре, посетил могилу Наполеона, повстречался с исследователем Тибета принцем Анри Орлеанским. Курьезным вышел прием в его честь в редакции газеты «Журналь». Кульминацией приема стал показ порнофильма. Кинематограф в то время еще был сенсацией. На экране появилась женщина, которая разделась, залезла в ванну, поплескалась, снова вылезала, тщательно вытерлась и оделась снова. В общем, захватывающий сюжет. Мужская часть зрителей была в восторге.

Из Парижа Хедин направился в немецкий город Галле, затем прочитал доклад в Страсбурге. Там ему выпал шанс полетать на воздушном шаре. Далее в программе стояла Вена. Император Франц-Иосиф дал ему аудиенцию. Следом за Веной были Данциг, Копенгаген, Мальмё и Лунд.

Когда Хедин вернулся в Стокгольм в марте, у него оставалось только два месяца на завершение книги о путешествии по Азии. 16 мая он должен был ехать в Англию. До этого времени рукопись необходимо было закончить, а работы еще оставалось много.

Двадцать четвертого апреля Хедин был награжден «Медалью “Веги”».

Лондон, 12 июня 1898 года

Свену Хедину было шесть лет, когда Генри Мортон Стенли произнес свои знаменитые слова: «Доктор Ливингстон, я полагаю»*. В тринадцать лет Свен зачитывался бестселлером Стенли «Как я нашел Ливингстона». Валлийский искатель приключений был одним из любимых героев и примером. А теперь в прессе самого Хедина называли «азиатским Стенли». Трудно было бы желать большего признания успеха.

В середине мая 1889 года Свен приехал в Лондон, чтобы участвовать в ежегодном торжественном приеме в Географическом обществе. Когда председатель Географического общества Джон Скотт-Келти упомянул, что Стенли находится в Лондоне, Хедину очень захотелось с ним познакомиться.

Он явился к Стенли без приглашения, когда у того были гости. Дверь открыл слуга в сюртуке, провел Хедина в салон и объявил его имя. Никто, похоже, не понял, кто он такой.

Стенли вежливо поздоровался с Хедином и пригласил к столу. Свен принял его рассматривать. Стенли было пятьдесят семь лет. Усы белые, волосы седые. Тремя годами раньше он начал политическую карьеру в качестве лидера палаты общин в британском парламенте. «Он, кажется, в хорошей форме», — подумал Хедин.

За спиной Стенли была сложная жизнь и, в отличие от Хедина, очень непростое нищее детство. Стенли родился в Уэллсе, в семнадцать лет он нанялся на корабль и сошел на берег в Новом Орлеане. Там его усыновил торговец хлопком Генри Мортон Стенли, но своему приемному сыну он, по сути, передал только лишь имя.

Когда Стенли было двадцать, началась война Севера и Юга. Сначала он воевал на стороне южан, но потом пере-

* Эти слова отправившийся на поиски Ливингстона Стенли произнес, найдя его в африканской деревне Уджиджи близ озера Танганьика. — *Прим. ред.*

бежал к северянам. После войны Стенли работал как независимый журналист. В 1867 году он был корреспондентом «Нью-Йорк геральд» в Мадриде, когда владелец газеты Гордон Беннет дал ему задание найти пропавшего в Африке миссионера и исследователя Дэвида Ливингстона. Стенли нашел Ливингстона и стал богатым и знаменитым — примером и предметом обожания для миллионов мальчишек, мечтавших об открытиях, чести и славе.

Стенли негромко разговаривал с другими гостями, потом повернулся к Хедину и спросил:

— По каким делам вы в Лондоне и что привело вас ко мне?

— Я всегда хотел познакомиться с великим исследователем. Еще в детстве я прочитал вашу чудесную книгу «Как я нашел Ливингстона», а позже с огромным удовольствием прочитал ваши путевые записки, — лил ушатами лесть на Стенли Хедин.

— Но не ради же этого вы приехали в Лондон?

— Нет, меня пригласило Королевское географическое общество. Сегодня на ежегодном ужине мне должны вручить медаль...

— Ах, вы тот самый Свен Хедин! — воскликнул Стенли, поднялся, позвал свою молодую красавицу жену, попросил тишины и представил гостям Свена в самых лестных словах. Потом Стенли попросил Свена рассказать о путешествии. Конечно, особый интерес у него вызвал переход через Такла-Макан. Через пару дней он пригласил к себе Хедина на ужин и записал его рассказ на фонограф*.

Встречи со Стенли были для Хедина чрезвычайно важны. Но кульминацией пребывания в Лондоне стали дни, проведенные с Милле, которая последовала в Англию за ним.

Милле, казалось, была полна любви. Никогда прежде они не были так близки. Свену даже позволялось целовать ее. «Я завоевал ее, она — моя», — думал ошалевший от любви Хедин.

* Копия этой записи хранится в шведском радиоархиве. — *Прим. автора.*

Но как только они приехали в Стокгольм, все вернулось на круги своя. Она моментально выстроила вокруг себя невидимую стену и то поощряла его к ухаживаниям, то отталкивала. Свен ничего не понимал и решил наконец поставить все точки над «i».

Милле уехала отдыхать в Марстранд, так что объясняться пришлось письменно. «Почему ты такая загадочная? Почему ты так бессердечно играешь моими чувствами? Я должен знать: “да” или “нет”». Она отвечала в том духе, что, дескать, не понимает, что он имеет в виду...

Прошло лето, наступила осень. В октябре вышла из печати книга Хедина «В сердце Азии». Он послал Милле экземпляр. Несколькими неделями позже, когда Свен вернулся из лекционного турне, она поблагодарила за книгу и выразила свое восхищение: «Прочитала от первого до последнего слова».

Через короткое время Милле написала Свену, что ошиблась, пообещав ждать его еще два года, когда он уедет в следующее путешествие. Разве она может знать, что случится с ее чувствами за это время? Потом вдруг до Свена дошли слухи о каком-то мужчине, который крутится возле Милле. Встревоженный, он позвонил матушке Милле и попросил организовать встречу с дочерью.

Они встретились 18 ноября в доме сестры Милле.

— Я тебе недостойна, ты для меня слишком хорош, — сказала Милле со слезами на глазах. В первый раз Свен видел, как Милле плачет. — Я не могу выйти замуж за путешественника. Все это так неопределенно. Но если ты пообещаешь больше никогда не уезжать... — Продолжение фразы повисло в воздухе.

Он не ослышался? Неужели это она серьезно? Неужели она хочет, чтобы он отказался от того, что является целью и смыслом его жизни? В Хедине проснулась гордость, и он ответил:

— Я никогда не откажусь от моего предназначения, даже ради женщины, которую люблю. Если ее любовь настолько ничтожна, что она ничем не может пожертвовать ради меня, то, значит, о ней не стоило мечтать.

Вероятно, Хедин забыл, что прежде ответил интервьюеру из «Шведской ежедневной газеты» на вопрос, планирует ли он новые путешествия в Азию. «Трудно сейчас сказать, мно-

гое может произойти за два года, например женитьба. Тогда, наверное, это будет невозможно».

Бескомпромиссный ответ Хедина спровоцировал мелодраматическую реакцию Милле.

— Если ты любишь Азию больше, чем меня, то самое лучшее для нас обоих — расстаться, — сказала она тихо, слезы ручьями лились по щекам. И они пришли к согласию, что отношения между ними закончены, но они остаются друзьями.

Хедин поднялся. Плача, Милле попыталась задержать его, но он был непреклонен. Хедин вернулся домой опустошенный. Впервые этим вечером мать услышала от него о несчастной любви.

«Мне его бесконечно жаль, — написала она в дневнике. — Как он только может работать? Написал большую книгу и столько еще другого, потом доклады. Он очень волевой и работоспособный. Мой любимый мальчик. Помогите ему, Боже, пройти через это».

Хедин ушел с головой в дела. Чтобы побороть любовный недуг, он решил ускорить подготовку к следующей экспедиции. В это время его настигло известие о Милле — Хедин прочитал в газете о ее помолвке. «Она могла бы сообщить мне об этом и сама», — с горечью подумал он.

Перед отъездом в свою вторую исследовательскую поездку по Азии он счел необходимым написать Милле о формальном прекращении их отношений. А Милле вдруг обнаружила, что любит Свена и ее помолвка была ошибкой. Милле совсем запуталась, она не знала, как поступить. Чтобы спокойно подумать, она в компании тети уехала в норвежский горный санаторий.

По ночам она не могла заснуть. Сидя в кровати, она в отчаянии написала Свену:

«Любимый, сможешь ли ты простить меня? Можешь ли ты простить меня? Скажи, можешь ли ты хоть когда-нибудь простить меня? Никто, даже ты, не осуждает меня больше, чем я себя.

Ты меня презираешь и, естественно, никогда не захочешь меня увидеть. Но во всяком случае я должна сказать, что люблю тебя так, как может любить женщина единствен-

ный раз в своей жизни. Я не должна была позволить, чтобы ты уехал, не зная, как сильно я тебя люблю...

Я полюбила тебя, я люблю тебя и буду любить тебя вечно. Аминь...

Все лучшее, все самое благородное во мне я храню для тебя и никогда не отдам никому другому. Ты был солнцем моей жизни, и теперь, когда тебя нет, я блуждаю во мраке...

Я боготворю и обожаю тебя, ты сама моя жизнь.

Если ты не спасешь меня, я погибла!»

С облегченной душой Милле собралась отправить свое письмо, и в этот момент ей принесли письмо от Свена, она сразу же узнала почерк на конверте. Дрожа от нетерпения, она начала читать:

«Дорогая Милле!

Возможно, это было невежливо с моей стороны не писать тебе все это время, но я совершенно не представлял, что тебе написать. У меня была возможность подумать, и мне кажется, я обрел ясность. Не жди меня больше. Если мы когда-нибудь встретимся, то это обернется лишь горем и печалью для нас обоих. Видимо, мы слишком хороши для того, чтобы укрепко сковывать нашу судьбу неразрывными тяжкими оковами.

Буду ли я счастлив когда-либо, даже если ты станешь моей? Я убежден, что ты разделяешь мое мнение относительно того, что отношения между нами никогда не были бы тем союзом, каким он должен и обязан быть — гармоническим. И если ты, равно как и я, чувствуешь сейчас горечь, вспоминая все светлые и счастливые моменты, пережитые нами вместе, я знаю, что ты скоро придешь к моей ясной уверенности в том, что самая большая услуга, которую мы может оказать друг другу, — это совершенно разорвать узы наших мечтаний.

Я убежден в том, что никогда не смогу сделать тебя счастливой. И моим долгом, как перед тобой, так и перед самим собой, считаю не удерживать тебя долее. Я знаю наверное, что наша сказка навсегда закончена и ты, как и я, теперь совершенно и абсолютно свободна.

Как было глупо с моей стороны верить в то, что ты будешь готова к нашим отношениям, потому что я предоставил тебе свободу. Какими безрассудно дерзкими были мои мечты.

Желаю тебе счастья. Прости меня, если можешь. И все же я пытаюсь надеяться, что где-нибудь в дальнем уголке твоего сердца останется хорошая и добрая память обо мне. Как безнаджна наша любовь!

И в конце еще одна, по-моему, важная вещь. У тебя много моих писем, и я знаю, что они в хороших руках. Конечно, ты можешь делать с ними все, что хочешь, но все же я осмеливаюсь обратиться к тебе с просьбой: я был бы очень благодарен, если бы ты сожгла их все. Что же касается твоих писем, то одно я ношу с собой, остальные надежно хранятся в особом конверте с надписью: «Сжечь в случае моей смерти». После возвращения я либо сожгу их сам, либо отошлю тебе.

Что же касается моих книг, то мне будет приятно, что у тебя останутся память и доказательства того обожания, которое я чувствую к тебе, что навсегда останется неизменным.

Пожалуйста, не расстраивайся, читая это письмо. Мне было очень трудно его писать. Попробуй понять меня, хоть чуть-чуть. Я не пытаюсь ничего добиться.

Спасибо за светлую и теплую память, которую я навсегда сохраню о тебе.

Прощай».

Словом, это было полное и решительное окончание их истории. Милле решила не отсылать свое письмо.

Из-за чистой случайности Милле получила письмо Свена прежде, чем успела отправить свое. Что бы было, если бы письмо Хедина пришло на день позже? Или, напротив, она бы написала свое днем раньше? Возможно, их жизнь пошла бы по-другому. Но этот июньский день 1898 года вынес свой приговор. Долгий роман Свена и Милле закончился.

Хедин всегда считал себя удачливым, но, видимо, в любви фортуна была не на его стороне.

Санкт-Петербург, 26 июня 1899 года

Двадцать шестого июня Хедин приехал в Санкт-Петербург, ничего не ведая о драме в норвежском горном санатории, главным героем которой был он сам. «Как замеча-

тельно уехать от нее подальше и от всех связанных с нею проблем», — написал он родителям из Санкт-Петербурга. Если бы Хедин знал о том, что происходит на самом деле, то, возможно, он был бы менее категоричен. Но о том, что произошло, Свен узнает лишь через десять лет.

В Петербурге он пробыл несколько дней. В начале апреля царь дал ему аудиенцию и пообещал бесплатный проезд и перевозку багажа по России. Русский Генеральный штаб предоставил в распоряжение Хедина карты, в том числе лучшие, секретные, карты Тибета и Центральной Азии.

Кроме того, царь предложил Хедину двух казаков, которые должны были встретить его в Восточном Туркестане и сопровождать сколько понадобится. Все расходы на их содержание Николай взял на себя: жалованье, питание, путевые издержки, оружие, патроны, обмундирование.

Хедин не говорил и не делал ничего такого, что могло бы раздражать его благодетелей. Он следовал житейской мудрости «не кусай руку, кормящую тебя». В это время в Петербург приехала делегация европейских государственных деятелей и ученых, чтобы вручить русскому императору письмо протеста против политики России в Финляндии. Среди делегатов были Норденшёльд и профессор Брёггер, преподававший Хедину геологию. Несмотря на свое теплое отношение к Финляндии и абсолютно ясную позицию в духе националистической шведской традиции, Хедин не стал подписывать петицию.

Европейская делегация уехала из Петербурга несолоно хлебавши. Когда представители Европы прибыли в Петергофский дворец, чтобы вручить протест царю Николаю II, их просто не пустили.

Тридцатого июня Хедин выехал из Петербурга в Москву. Все купе было в его распоряжении. Он вез больше тонны оборудования и инструментов, упакованных в двадцать три специально изготовленных кофра. Их делали с таким расчетом, чтобы можно было легко навьючить на лошадей и верблюдов.

К этой поездке он подготовился более профессионально. В багаже были совершенные средства: фотокамера, складной брезентовый ялик, новейший граммофон и в качестве подарков два замечательных заводных игрушечных медведя.

В жилет, который Хедин по ночам засовывал под подушку, были зашиты два векселя на сорок тысяч крон, которые он мог обналичить по приезду в Ташкент. Векселя подписали Эммануэль Нобель и король Оскар II, который и в этот раз был главным спонсором. Таким образом, Хедину не пришлось пересекать всю Россию с большой суммой наличных — два миллиона крон в нынешнем денежном выражении.

Целью поездки, которая включала полуторасуточное плавание на корабле через Каспийское море, был город Андижан в Ферганской долине. Из Красноводска на восточном берегу Каспийского моря, благодаря русскому военному министру генералу Куропаткину, Хедин ехал в собственном салон-вагоне.

Вагон был шикарно оборудован, в нем имелись душ и ванная; его прицепили последним, так что Хедин мог делать остановки по своему выбору. Если он хотел задержаться у какой-нибудь станции, ему надо было только сказать. Никаких проблем с багажом или поисками комнаты в гостинице. Свен не вылезал из душа, потому что температура днем поднималась выше сорока градусов.

Четырнадцатого июля поезд остановился на андижанском вокзале. На перроне Хедина встречал проверенный спутник Ислам-бай. На его груди сверкала золотая медаль, награда короля Оскара, — знак признания заслуг перед Швецией, точнее, Хедином во время предыдущей экспедиции.

Свен открыл окно и крикнул Ислам-баю, чтобы тот заходил в вагон. Они проговорили несколько часов, вспоминая то, через что им пришлось пройти.

После предыдущей экспедиции Ислам-бай получил прибыльную должность сборщика налогов. Но он был готов оставить ее на несколько лет и ехать вместе с Хедином.

От раздражения и усталости, которые Ислам-бай вызывал у Хедина в конце поездки два года назад, не осталось и следа. Свен восторженно описывал своего слугу: «Он уверен в себе, силен, загорелый как темная медь, спокоен, послушен и готов к любым неожиданностям».

Хедин застрял в Андижане на две недели, у него опять воспалились глаза, а кроме того, случилось сильное рас-

стройство желудка — сочетание на редкость дискомфортное. Свен жил в доме русского офицера, с которым познакомился во время предыдущей поездки. Ислам-бай тем временем готовился к отъезду. Он закупал провизию, организовывал караван, так что недомогание Хедина делу не помешало.

Они отправились в путь 31 июля и через три недели приехали в Кашгар. Там, по своему обыкновению, Свен остановился в доме консула Петровского. Несколько недель ушло на подготовку к дальнейшему пути. Хедин и Ислам-бай покупали верблюдов, нанимали людей, докупали провиант и оснащение, обменивали русские рубли на китайское серебро.

Трансакцию провел местный меняла, превративший 11 500 рублей в 161 серебряный слиток, общим весом в 300 килограммов. Петровский выделил двух казаков для охраны, а китайский мандарин в Кашгаре — двух полицейских.

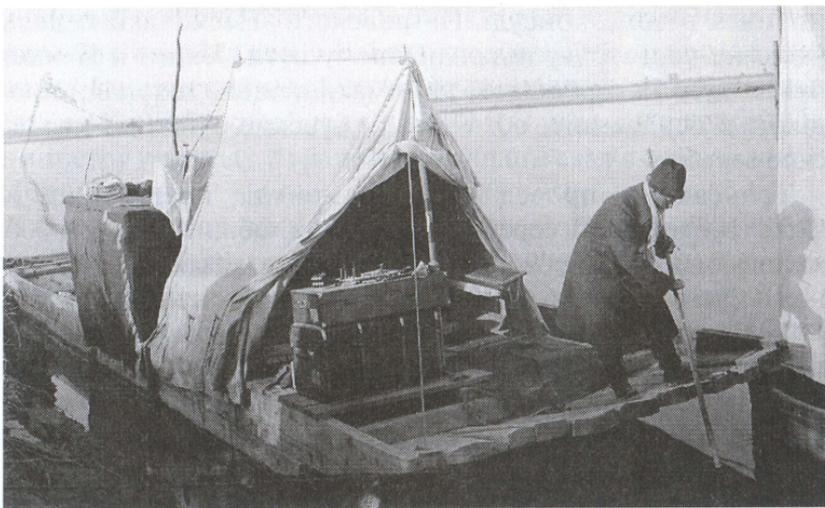
Хедин хотел осуществить идею Петровского и спуститься по реке Тарим до озера Лобнор. Он надеялся подтвердить свою теорию блуждающих озер. Затем он собирался ехать в Лхасу к далай-ламе, а оттуда направить стопы к истокам реки Инд в юго-западной части Тибета. Завершить путешествие он намеревался в Индии.

В Кашгаре Свен получил письмо от сестры Альмы, в котором сообщалось, что Милле, «бедная девочка», вышла замуж.

Пятого сентября все было готово к отъезду. Хедин попрощался с друзьями и знакомыми: консулом Петровским, британским консулом Маккартни, миссионером Хёгбергом, о котором Хедин отзывался еще хуже, чем прежде, китайским мандарином, возглавлявшим местную администрацию, и всеми прочими. Длинный караван тронулся в путь.

Лайлык, 17 сентября 1899 года

Хедин устроил верфь на западном берегу реки Яркенд у деревни Лайлык. В нескольких километрах к востоку находилась деревня Меркит. Четыре с половиной года назад Свен начал оттуда свой беспримерный марш через пустыню Такла-Макан, принеший ему мировую известность.

Хедин на реке Тарим. 1899 год

Хедин купил паром, который использовали для переправы людей и животных через реку. Это была деревянная конструкция одиннадцати с половиной метров в длину и два с половиной метра в ширину. Паром выволокли на берег и начали переделывать. В носовой части сделали настил и поставили на него палатку. За палаткой установили квадратную кабинку-фотолабораторию, за которой сложили багаж. На задней палубе построили помещение для команды и устроили очаг. Пол палатки Свена был застелен ковром, обстановку составляли кровать и сундуки. Они же выполняли роль рабочего стола и стула. За работами следили казаки Чернов и Сиркин.

Вечером накануне отплытия Хедин устроил праздник, чтобы поблагодарить всех, кто принимал участие в строительстве. На ветках деревьев повесили китайские фонарики, слух собравшихся улаждал граммофон Хедина. Подавались рисовый пудинг, баранина, чай и фрукты.

Семнадцатого сентября Свен приказал отдать швартовы, и его флотилия неторопливо заскользила вниз по течению реки на северо-восток. Одновременно караван лошадей и верблюдов с основной частью багажа и припасов двинулся к оговоренному месту встречи у озера Лобнор. Каравану предстоял путь в тысяча пятьсот километров.

Караван вели Сиркин и Чернов. С Хедином плыли Исламбай и Кадер, нанятый за умение писать на восточнотуркестанском (сейчас этот тюркский язык называется уйгурским*).

Матросскую часть экипажа составили трое местных жителей. Один орудовал шестом на носу, два других — на корме. Кроме того, имелось вспомогательное плавсредство, нагруженное живыми овцами и курами и всякими припасами; оно плыло на привязи в кильватере хединского флагмана. Управлял им местный житель по имени Хан.

Как обычно, Хедина сопровождали собаки. Он назвал их Довлетом и Джолдашем. Псарня впоследствии пополни-

* На уйгурском Такла-Макан означает «Войдешь — не выйдешь», а Мазартаг — «Гора-кладбище».

нилась еще одним барбосом — Хамрой, потом уменьшилась: Довлет, любимец Свена, внезапно заболел и умер.

Флотилия скользила по реке. Свен сидел за своим импровизированным письменным столом и делал зарисовки. Под рукой лежали компас, бинокль, фотокамера, хронометр, ручка и картографический планшет. Хедин накладывал на карту реку и окрестности: излучина за излучиной, приток за притоком.

По вечерам Хедин читал. Он взял с собой порядочную библиотеку: в ней были и книги Сельмы Лагерлёф, которую он очень любил, и «Хижина дяди Тома» Бичер-Стоу, и трехтомный труд по климатологии, и книга о буддизме...

Плавание продолжалось почти два с половиной месяца. Хедин скользил по глади Тарима мимо тополиных лесов, оазисов и песчаных барханов. Раньше ему никогда не доводилось путешествовать с такими удобствами.

Седьмого декабря 1899 года они благополучно пристали к берегу у места под названием Янги-Чоль, где их ждал караван. Река начала замерзать, и оставшееся до Лобнора расстояние по воде можно было проплыть уже только весной. Паром загнали в небольшую бухточку, и он намертво вмерз в лед.

Через две недели Хедин направился на юго-запад через восточную часть Такла-Макан в новую рискованную экспедицию по пустыне. Он надеялся найти забытые города. Чтобы груза было как можно меньше, он решил не брать с собой палатку и спать под открытым небом. Температура ночью падала до минус тридцати. Запасы воды представляли собой здоровенный блок льда, который ташили за собой на буксире. Никаких городов на этот раз Хедин не нашел и через два месяца вернулся в штаб-квартиру у Янги-Чоль. Это было в конце февраля 1900 года.

Пока Хедин искал затерянные города, в его штаб-квартиру прибыли два казака, обещанные царем. Их звали Шагдур и Чердон. По национальности они были монгольскими бурятами. Оба были в темно-серых мундирах, при саблях, в черных каракулевых папахах и начищенных до зеркального блеска сапогах. Из Читы, где они жили, казаки добрались до Янги-Чоль за четыре с половиной месяца.

Пятого марта Хедин отправился в очередной поход по пустыне. Объектом его исследования стала пустыня Лоб, простирающаяся к востоку от реки Тарим и соединяющая Такла-Макан с пустыней Гоби.

Хедин собирался следовать на восток сухим руслом реки Конче-дарья, положить местность на карту и выяснить, куда река впадает. Эта река была найдена несколькими годами ранее русским ученым Петром Козловым, но не исследована. Помимо картографирования, целью Хедина было найти причины изменения положения озера Лобнор.

Само по себе путешествие обещало быть очень интересным, но результат оказался еще более примечательным. Хедин стоял на пороге фантастического открытия, бесценной археологической находки, переворота в исследованиях Великого шелкового пути.

Пустыня Лоб, 29 марта 1900 года

Небольшой караван Хедина вышел из оазиса Алтимиш-булак 27 марта и направился на юг через пустыню Лоб к озеру Лобнор/Каракошун. Следующий день стал днем триумфа. Свен заметил осыпь с ракушками и торчавшие из иссохшей глинистой почвы остатки тростника. Он буквально наткнулся на то, что искал. Вот оно, доказательство — под копытами верблюдов. Они стояли на дне высохшего озера.

Старые китайские карты, обозначавшие озеро значительно севернее нынешнего Лобнора, были верны. Древние китайские картографы, он сам и Рихтгофен — правы. Пржевальский и Козлов — ошибались. Своей находкой Хедин поставил точку в их научном споре.

Караван двигался вдоль бывшего северного берега высохшего озера, отмеченного остатками когда-то зеленевших здесь тополей. Весеннее солнце пригревало, ледяной блок, их водяной запас, потихоньку подтаивал. Казак Чернов и туркестанец Ёрдек ехали чуть впереди остальных. Вдруг они остановились. Чернов помахал ему рукой. Хедин подъехал. Вторая сенсация за день: на берегу бывшего озера ясно просматривались руины домов.

Связь была очевидной. Прошлое обретало плоть и кровь. Когда-то в этих иссохших и мертвых местах благодаря воде Лобнора бурлила жизнь. Хедин распорядился разбить лагерь и пошел осматривать руины.

Они нашли осколки глиняной посуды, железные топоры, множество маленьких чаш, ассоциировавшихся у Свена с буддистским храмом. Возле одного из домов выкопали несколько фрагментов прекрасно обработанного дерева с резьбой и орнаментом. Они обнаружили также остатки четырех глинобитных башен, вытянутых в цепочку с интервалом в один километр, вероятно сигнальных. Свен пришел к выводу, что это место — часть древнего торгового пути из Корлы в Дуньхуан и Хиань — Великого шелкового пути.

Хедин охотно бы остался здесь хотя бы еще на день, но таявшие в прямом смысле слова запасы воды вынуждали поторапливаться. 29 марта караван снялся с места. Они прошли двадцать километров и остановились на ночевку. И тут выяснилось, что на раскопках Ёрдек забыл лопату. Хедин колебался, стоит ли возвращаться за ней, но лопата была нужна — в первую очередь для того, чтобы копать колодцы.

Около полуночи Ёрдек уехал, и через два часа началось то, чего Свен опасался. Поднялась песчаная буря. Туркестанец заблудился, но благодаря этому была сделана третья за одни сутки сенсационная находка: Ёрдек нашел остатки древнего города. Через сутки туркестанец чудом нашел караван и показал Хедину взятые в городе две дощечки.

Свену очень хотелось осмотреть город, но любопытство пришлось поумерить, и караван продолжил путь на юг. Через несколько дней они вышли к ранее неизвестной системе озер в южной части пустыни Лоб. Несколько недель Хедин ее исследовал и картографировал. Эти недавно образовавшиеся озера к северу от Лобнора Свен считал еще одним доказательством своей теории блуждающего озера.

Наносы и ил, которые несла с собой река, в конце концов закупоривали русло, и воде приходилось искать себе новый путь. Естественно, что лишившееся притока воды озеро в нижнем течении реки пересыхало. Происходило это примерно раз в тысячу лет.

Хедин сделал вывод, что воды реки Тарим вернутся в свое старое, изъеденное эрозией русло. Сухая чаша бывшего озера, на дне которого он стоял, вновь заполнится водой, а ныне существующее озеро постепенно обмелеет и высохнет.

Одиннадцатого мая он написал домой: «Бедняга Козлов, он смешон со своей теорией. Я совершенно определенно могу утверждать, что за время этой поездки узнал о районе Лоб больше, чем все европейцы до меня, вместе взятые. Все дороги и тропинки положены на карту, и их паутина отчетливо сходится на месте старого озера».

Пустыня Лоб, 7 марта 1901 года

Наконец Хедин смог отправиться в пустыню на поиски найденного Ёрдеком города. Но вопрос был в том, сумеет ли он его найти. Хедин решил разослать своих людей во всех направлениях, но они возвращались вечер за вечером без результата. Закончился еще один день, все вернулись в лагерь, ничего не найдя. Не было только казака Шагдура. Уже стемнело, и Хедин распорядился разжечь сигнальный костер. Сушняка, остатков бывших лесов, было много, взметнулось пламя, видное издали на плоской поверхности пустыни. Шагдур увидел отблеск костра и быстро нашел лагерь. У казака были новости.

— Я нашел и то, и другое: и город Ёрдека, и лагерь, где он забыл лопату.

Итак, на исходе третьего дня поиски увенчались успехом. На следующий день, 7 марта 1901 года, Хедин в первый раз увидел город, найденный Ёрдеком благодаря забытой лопате. Он смотрел на руины с чувством полководца, завоевавшего новые владения.

На песке с прошлого года сохранились следы копыт лошади Ёрдека. Они взялись за лопаты. Какие секреты скрываются в песке? Может быть, сейчас он узнает то, чего не знал до него ни один человек.

В первую очередь Свен мечтал найти какие-нибудь письменные свидетельства; тогда можно было бы получить ответы на многие вопросы. Хедин объявил: кто первый найдет

письмена — получает награду. Приз достался неугомонному Шагдуру. Он выкопал небольшую деревянную дощечку, которую отбросил как бесполезную, но Хедин перевернул ее и увидел то, что искал.

На следующий день дело дошло до развалин, напоминавших конюшню из кирпича-сырца с тремя стойлами. И здесь, в правом углу, под полуметровым слоем песка и глины Хедин нашел археологический клад. Жители города побросали туда то, что сочли ненужным. Но с исторической точки зрения этот мусор был на вес золота. Среди прочего там было около двух сотен бумажных фрагментов и сорок две деревянные дощечки с письменностью.

Через три дня Хедин решил, что пора заканчивать. Он был очень доволен результатом: находки упаковали в ящики, погрузили на верблюда для транспортировки через Россию в Стокгольм. Специалисты-синологи должны были изучить материал и вынести свои суждения.

Хедин был географом, а не археологом, у него не было знаний, необходимых для того, чтобы в полном объеме воспользоваться информацией, скрывающейся в находках. Он догадывался, что найденный им материал очень важен, но пришлось ждать около двух лет, пока не появились результаты экспертизы. Лишь тогда стало ясно, что Хедин открыл азиатскую Помпею, затонувшую в океане песка. 29 марта 1900 года, когда были найдены остатки города, стало важным днем для археологии.

Звезда Хедина еще ярче засияла на научном небосводе*.

Чакалык, 8 апреля 1901 года

Чакалык — город на юго-западной окраине пустыни Лоб. К югу от него начинаются горы, подымающиеся все выше к тибетским нагорьям.

* Хедин никогда не скрывал, что город был найден Ёрдеком, но вся слава досталась ему одному. Тот же Ёрдек преподнес Хедину еще один подарок: мавзолей с памятными надписями возле города Юли. — *Прим. автора.*

Хедин приехал в Чакалык 8 апреля. Это было первое относительно большое поселение за полтора года, в котором он оказался. Он отвык от скопления людей и очень смутился, когда его разглядывали незнакомцы.

Ислам-бай устроил базовый лагерь в караван-сараяе рядом с резиденцией китайского губернатора. Караван-сарай был маловат, так что спали даже в кладовке. Хедину поставили юрту во дворе рядом с ручейком. Он наслаждался удобствами и покоем и отсыпался.

По возвращении он вновь увидел казаков Сиркина и Чернова. Дело в том, что десятью месяцами раньше они получили приказ военного министерства вернуться в Кашгар: в Центральной Азии было неспокойно и военное министерство считало, что все военнослужащие должны быть на своих постах. Хедин, по-настоящему привязавшийся к надежным и исполнительным казакам, имел свою точку зрения на приказ министерства. Он пожаловался царю. Николай II прочитал письмо, и последовал контрприказ: Сиркина и Чернова отправили обратно через Восточный Туркестан в помощь шведскому исследователю.

Казаки были дисциплинированы, инициативны и значительно умнее прочих слуг Хедина, интересовавшихся по большей части охотой, едой и сном. Они хорошо помогали в научной работе. Кроме того, с ними просто было приятно поговорить в свободные минуты. Добрые отношения Хедина с казаками не нравились Ислам-баю. Он считал, что казаки оттесняют его от Хедина. Закончилось все тем, что Ислам-бай попросил отпустить его домой. Возможно, он надеялся, что Свен начнет его уговаривать остаться, но тот с легкостью согласился. С Ислам-баем Хедин отослал в Кашгар все археологические, геологические и зоологические материалы, фотографии, рисунки, записные книжки, карты и снаряжение, которое не должно было пригодиться на Тибете.

Особое поручение было дано казакам-бурятам Шагдуру и Чердону. Свен отправил их в город Карашар в нескольких десятках километров от Корлы. Они должны были найти там говорящего на тибетском наречии монгольского ламу и купить полный набор монгольского джентльмена: одежду, сумки, кухонную утварь и все прочее.

Хедин хотел пробраться в священный город Лхаса, резиденцию далай-ламы, закрытую для европейцев. Свен собирался переодеться в монгольского паломника и отправиться в Лхасу с Шагдуром и Чердоном. Пока Шагдур и Чердон ездили в Карашар, Ислам-бай покупал вьючных животных и провизию для поездки на Тибет. Сиркин помогал Хедину в фотолаборатории копировать карты. К этому времени Свен начертил более семисот карт и считал необходимым снять копии. Один комплект он хотел взять с собой.

Четвертого мая прибыл почтовый посыльный из Кашгара и привез письма Хедину. Ему писали Николай II, Оскар II, семья, Норденшёльд, Петровский, Скотт-Келти, Эммануэль Нобель. В свою очередь Свен отправил письмо лорду Керзону, вице-королю Индии, с просьбой об открытом кредите в Ладаке, куда он намеревался попасть после перехода через Тибет. Свен уже ощущал нехватку денег, но рассчитывал с легкостью удовлетворить своих кредиторов позже, когда потекут рекой гонорары за книги о его приключениях.

Письма Керзону и королю Оскару с просьбой наградить Ислам-бая еще одной золотой медалью он отправил с Исламбаем в Кашгар. Ислам-бай плакал, расставаясь со своим господином. Хедин был сдержан. Он записал в дневнике: «С отъездом Ислам-бая я буду чувствовать пустоту и вместе с тем и облегчение. Он совершенно не сочетается с казаками, не далее как вчера вечером они опять сцепились, и мне пришлось их мирить».

Хедин ждал возвращения Шагдура и Чердона. Они приехали 14 мая, привезли все необходимое, а заодно и настоящего монгольского ламу по имени Гелинг в красном халате с желтым кушаком и в китайской шапке. Он бывал прежде в Лхасе и говорил по-тибетски.

Шагдур соврал ламе, что предстоит повести трех бурятов в Лхасу. То, что одним из бурятов будет переодетый Свен Хедин, лама, разумеется, не знал.

Кроме Шагдура и Чердона со Свеном отправились Ёрдек и торговец из Карашара. То, что оба рассказали Хедину, не самым лучшим образом характеризовало Ислам-

бая. Ёрдека Ислам-бай грозился убить, а торговец поведал, что он одолжил Ислам-баю крупную сумму денег, а когда попросил вернуть долг, тот отказался платить. Оказалось, что человек, которому Хедин безгранично доверял пять лет, не только регулярно присваивал деньги Свена, но и постоянно обманывал людей, с которыми имел дело как караванщик. Прежде, когда Ислам-бай был рядом, никто не отваживался сказать Хедину правду о нем.

Хедин ни разу не заподозрил Ислам-бая. Он постоянно награждал своего, как он думал, верного слугу за экономию денег и ему же он доверил сопровождать бесценный груз — результаты своих исследований — в Кашгар. Но, как бы то ни было, неприятную правду пришлось признать.

Хедин, не откладывая, написал письмо Петровскому, в котором рассказал о проступках Ислам-бая. Он попросил консула задержать Ислам-бая, когда тот приедет в Кашгар, и посадить в тюрьму. Свен послал письмо с почтовым курьером, который, как он надеялся, опередит обманщика. По мнению казаков, Ислам-баю, который был русским подданным, светила Сибирь. Но эта перспектива ничуть не поколебала решимость Хедина предать дело огласке. Как обычно, он находил в плохом и хорошее:

— Чем бы ни закончилась история с этим пройдохой, это будет отличная глава для моей книги.

Через три дня после возвращения Шагдура и Чердона, 17 мая 1901 года, он отправился в дорогу. Незадолго до отъезда у них появился еще один спутник — Молла-шах. Несколько лет назад он уже ездил через Тибет в Ладак вместе с Литлдейлом. Хедин с удовольствием принял опытного спутника.

Тибет, лагерь XLIV, 27 июля 1901 года

Хедин надел бордовый монгольский халат, натянул монгольские сапоги грубой кожи, водрузил на голову желтую китайскую шапку с наушниками, повесил на шею четки в сто восемь бусин и медную ладанку с изображением Будды, потом затянул пояс с ножом, палочками для еды, огнивом и трубкой — предметом, без которого ни один настоящий

Хедин, переодетый в монгольского пилигрима,
при попытке достичь Лхасы. 1901 год

монгол не выходит из дома. Экипировку завершили монгольские очки с синими стеклами.

С этого момента он превратился в бурятского монгола-паломника. Гелинг-лама предупредил о тибетских жандармах, которые патрулируют дороги в одном дне пути от священного города. Хедин доверял ламе, он действительно знал Лхасу и дороги к ней. Каждый вечер Гелинг-лама помогал Свену освежить монгольский, который он успел позабыть за пять лет.

Когда Хедин рассказал ламе о своих планах переодетым пробраться в Лхасу, тот забеспокоился.

— Даже если вас раскроют, вам это ничем особенно не грозит, а вот мне, наверное, голову отрубят как предателю. Кроме того, я не могу обманывать, — сказал Гелинг и попросил разрешения оставить караван.

Хедин, конечно, возражал. Ему был нужен переводчик, говорящий на тибетском; кроме того, он опасался того, что Гелинг-лама расскажет о его планах другим паломникам. Свен попросил ламу проехать вместе с ними хотя бы часть пути. Впоследствии, впрочем, он уговорил ламу не покидать их.

Они были в дороге уже два месяца и прошли за это время девятьсот пятьдесят километров. Дорога была на редкость трудной: глубокие ущелья, широкие реки, перевал высотой в 5500 метров. На пути им попадались бездонные пропасти, скользкая глина, зыбучие пески. Корма для животных почти не было. Погода тоже не радовала: в течение одного дня проливной дождь мог смениться градом, град — снегом, а потом на синем хрустальном небе появлялось солнце. Температура по ночам иногда падала до минус десяти, несмотря на летнее время.

Заполняя очередные белые пятна, только за первый месяц пути Хедин начертил пятьдесят карт. Он старательно избегал пути, пройденного Литлдейлом шесть лет назад и принцем Анри Орлеанским десятью годами ранее.

Двадцать четвертого июля они разбили лагерь — сорок четвертый после отъезда из Чакалыка. Высота была 5146 метров.

С научной точки зрения задуманная Хедином поездка в Лхасу не представляла ни малейшего интереса. Город

был детально описан, здесь было полно китайцев, потому что Тибет был частью Китайской империи, и индийцев, шпионивших в пользу Британии. В Лхасу рвался не Хедин-исследователь, доктор, а Хедин-авантюрист, тешащий свое тщеславие. Он хотел быть первым европейцем в Лхасе с 1847 года, после французских миссионеров Хука и Габе, которые провели там два месяца, прежде чем их раскрыли. В общем, Хедин хотел собрать яркий материал для своей книги.

Двадцать седьмого июля он попрощался с большинством своих спутников, которым предстояло дожидаться в лагере ушедших в Лхасу. Расставание получилось не очень веселым: все помнили об убитом на Тибете французе Дютрей-ле де Рине.

— Если мы не вернемся сюда в течение двух с половиной месяцев, сворачивайте лагерь и возвращайтесь в Кашгар, — сказал Хедин.

Он сел на белую лошадь и вместе с Шагдуром, Гелинг-ламой, двумя собаками и Ёрдком, который должен был сопровождать их еще на протяжении нескольких дней, отправился на юг. Багаж был нагружен на пять мулов. Во внутреннем кармане монгольского халата у Хедина были aneroid, компас, часы, записная книжка и маршрутная карта. Любой из этих предметов мог раскрыть его инкогнито.

Двое суток спустя они подъехали к двум озерам и разбили лагерь на узком перешейке между ними. Разожгли костер. Шагдур достал ножницы и остриг Хедина, потом Ёрдк намылил и обрил ему начисто голову. Дивясь своему гладкому, как бильярдный шар, черепу, Хедин собственноручно избавился от усов. Довершил превращение Гелинг-лама: он втер в шею, лицо и голову Хедина жир с какой-то гадостью, и лицо Свена приобрело коричневый цвет.

Пока три стилиста-самоучки трудились над его преобразованием, началась буря. Хедин, Шагдур и лама заползли в палатку, Ёрдк караулил. Около полуночи он просунул внутрь голову и прошептал:

— Кто-то едет.

Все моментально схватили оружие: две винтовки и один револьвер. Буря ревилась вовсю, луны почти не было видно

за облаками. Выбравшись из палатки, они заметили силуэты трех всадников, гнавших перед собой двух лошадей.

Буря сыграла вору на руку. Даже собаки ничего не услышали. Оказалось, что угнали лошадей Хедина и Шагдура. Хедин скрипел зубами от злости, его первым порывом было нагнать воров, но он взял себя в руки. Эта троица могла быть лишь частью большой банды.

Итак, у них осталось две лошади на троих. Лама ехал на муле. Ёрдеку, который должен был возвращаться в базовый лагерь, предстояла прогулка в семьдесят километров на своих двоих. Он трясся от страха, предвкушая ужасы обратного пути. Хедин передал с ним записку Сиркину, чтобы тот усилил охрану лагеря.

На следующую ночь их опять навестили неизвестные верховые, но они были в полной готовности. Всадники исчезли в темноте, как только поняли, что их обнаружили. Поливал дождь, время от времени гремел гром.

Через несколько дождливых дней они вышли к воде. Можно было подумать, что это озеро, но на самом деле — река Сачу-Цзангпо. Из-за непрерывных дождей она разлилась настолько широко, что противоположного берега не было видно. Желто-серые бурные массы воды с ревом неслись на юго-запад. Хедин медлил, обдумывая, как преодолеть очередное препятствие, и тут плавающий как топор Гелинг-лама решительно въехал в поток, ведя за собой на уздечке мулов с поклажей.

Шагдур и Хедин последовали за ним. Глубина была около одного метра. Где-то на середине им удалось передохнуть на песчаной отмели. Оттуда сквозь дождевую пелену был виден противоположный берег. Вода все время прибывала, надо было торопиться, иначе можно было застрять на отмели. Лама опять первым въехал в воду. Глубина быстро увеличивалась. Метров через десять вода уже покрывала спину мула. Лама поднял колени, чтобы не налить воды в сапоги, и решительно двинулся к берегу, но тут внезапно один из мулов с грузом оступился, его понесло течением, только голова и ящики виднелись в воде. К счастью, его вынесло на твердую землю, и мул выбрался на берег ниже по течению.

Ничего не зная о разыгравшейся за его спиной драме, Гелинг-лама ехал вперед и в итоге целый и невредимый выбрался на берег. За ним по пятам следовал, как легко догадаться, тоже не умеющий плавать Шагдур. Хедин ехал замыкающим.

Свен чувствовал, как лошадь все глубже и глубже погружается в бурлящую воду. Вода поднялась до колен, а в следующую секунду уже выше седла. Хедин видел, как лама и Шагдур кричат и машут руками, указывая ему путь, но ничего не было слышно из-за шума воды. И тут дно ушло, и лошадь поплыла — Хедин крепко вцепился в гриву. Их понесло течением, но, к счастью, на более мелкое место. Одним сильным рывком лошадь смогла выбраться на берег.

На форсирование реки ушло полчаса. Все, до чего прежде не сумел добраться дождь, промочила река. Хедин вылил воду из сапог и повесил их сушиться на седло.

Тибет, лагерь LIII, 5 августа 1901 года

На восьмой день пути они вышли к дороге, по которой паломники шли в Лхасу. Для конспирации даже между собой говорили только по-монгольски. Шагдур было приказано обходиться с Хедином как со слугой.

Но одно происшествие поставило под сомнение всю их хитрую маскировку. Старый тибетец показал пальцем на Хедина и сказал: «Пелинг». Так тибетцы называли европейцев.

Пятого августа они разбили лагерь в долине на высоте 4850 метров над уровнем моря. Со всех сторон их окружали горы. На юго-востоке к самому небу вздымались снежные вершины.

В нескольких сотнях метров от их лагеря стояли черные палатки тибетских кочевников. Хедин обновил маскировку: втер в лицо, руки и шею чудо-состав «Хочу быть монголом» и только после этого прилег отдохнуть. В сумерках его разбудил Шагдур.

— Сюда идут три тибетца, — предупредил казак.

Шагдур и Гелинг-лама пошли им навстречу, Хедин остался в палатке. Ему показалось, что прежде, чем вернулся Шагдур, прошла вечность.

— Похоже, плохо для нас дело оборачивается, — сказал Шагдур по-русски. — Я не понял, о чем шла речь, но точно слышал слова «швед-пелинг», потом «чанто» (мусульманин), «бурят» и «Лхаса». Они сидят там и разговаривают. Лама, глядишь, вот-вот заплачет и всю дорогу кланяется.

Вскоре пришел и лама. Он был очень взволнован и начал рассказывать дрожащим голосом:

— Один из этих троих большой начальник. Он очень коварный, и у него хитрые глаза. Он сказал, что слышал о шведе-пелинге, который едет в Лхасу, и о большом караване с вооруженными европейцами южнее. А потом он задал тысячу вопросов.

Во время поездки лама учил Хедина отвечать на вопросы, которые обычно задают патрули, охраняющие Лхасу. Но сейчас самому ламе пришлось пройти через настоящий допрос, к которому он готов не был. Их явно подозревали. Человек, ведший допрос, приказал им оставаться на месте и обещал вернуться на следующий день.

Хедин был обеспокоен и удивлен тем, что тибетец говорил о «шведе-пелинге». Откуда он узнал? Хедин было подумал, что его выдал лама, который не мог лгать, но отбросил эту мысль. Он не мог поверить в то, что симпатичный монгол предал его.

Они засиделись до глубокой ночи, обсуждая, что их может ожидать. Гелинг-лама был вне себя от беспокойства.

Рано утром приехали трое других тибетцев и попросили Хедина снять монгольские очки с синими стеклами — они хотели увидеть его глаза. Свен их разочаровал. Глаза у него были карие, такие же темные, как у них самих. Потом им занудилось посмотреть многозарядную винтовку Шагдура и револьвер Хедина, после чего они убыли.

Примерно через полчаса пришли четверо. Один из них, пожилой седой лама, сказал:

— Вы должны оставаться здесь и ожидать решения губернатора, можно вам ехать дальше или нет. До этого вы под арестом. Мы предоставим вам все необходимое.

А потом начали происходить неприятные вещи. В нескольких сотнях метров как будто из-под земли выросли пятьдесят всадников, одетых в красные, черные и серые халаты,

в высоких белых шапках и с красными повязками на головах; они были вооружены копьями, мечами и дробовиками.

Хедин внимательно рассматривал их в бинокль. Определенно это были солдаты, хотя и смахивали на банду разбойников. Хедин видел, как они о чем-то разговаривают, энергично жестикулируя. Потом солдаты поставили большую белую палатку, разожгли костры. Пока ничего не происходило — казалось, солдаты не проявляют никакого интереса к трем монгольским паломникам. Но их присутствие пробудило в Гелинг-ламе страшные фантазии.

— Они приехали, чтобы нас убить, — сказал он мрачно. От того, что происходило дальше, его страхи только росли.

У Хедина тоже екнуло сердце, когда он увидел, как солдаты садятся на лошадей и собираются в плотную компактную группу. Галопом они понеслись прямо к их палатке. Он успел подумать о том, что если бы тибетцы действительно хотели их поубивать, то, наверное, сделали бы это как-нибудь проще.

Хедин и Шагдур взяли оружие на изготовку, солдаты устрашающе вопили, размахивали мечами и копьями. Копыта лошадей выбивали комья из вымоченной дождем почвы. Всадники были уже совсем близко. «Похоже, сейчас нам будет совсем плохо», — успел подумать Хедин. Но всадники разделились на две группы, обогнули палатку с двух сторон и вернулись к исходной точке.

Эта процедура повторилась несколько раз, после чего тибетцы начали упражняться в стрельбе. Спокойствия ни Хедину, ни его спутникам эти забавы не прибавили.

В середине дня солдаты снялись с места и поехали на северо-запад. «Уж не собираются ли они напасть на наш базовый лагерь?» — подумал Хедин.

Следующие несколько дней вокруг них постоянно шныряли разные личности — подглядывали, подслушивали. Какие-то люди увели лошадей и мулов. Хедина и его спутников караулили зорко, но обращались с ними скорее как с гостями, а не пленниками.

Гелинг-лама был настроен мрачно, он рассказал историю об одном ламе, которому из-за какого-то прегрешения запретили возвращаться в Лхасу. Чтобы заслужить проще-

ние, он прошел весь путь из Зурги в Монголии до Лхасы следующим образом — делал шаг, ложился на землю с раскинутыми руками, поднимался на колени, потом в полный рост и повторял всю процедуру снова. У ламы ушло на это шесть лет. Гелинг-лама опасался, что его ожидает что-то подобное.

На третий день ареста, 8 апреля, с востока подъехала группа всадников. Они остановились перед палаткой, один из них спешил и представился на плохом монгольском — это был переводчик губернатора. Он учинил новый допрос и сказал, что без специального разрешения дорога в Лхасу им закрыта.

На следующий день переводчик появился опять и заявил, что губернатор приглашает их на ужин, на котором будет подан зажаренный целиком баран. Хедин вежливо отказался: он опасался, что их по-тихому убьют.

— Воспитанные люди, прежде чем приглашать на ужин, обычно знакомятся. Нам ничего не нужно от губернатора, а если он хочет чего-либо от нас, пусть приезжает сюда. Я не хочу, чтобы мною командовали люди, которых я вообще не знаю, — сказал Хедин с грубоватой прямоотой, совершенно не сочетающейся с обликом тихого слуги паломника.

Переводчик уговаривал Свена без малого два часа, но безуспешно. В конце, видимо в качестве решающего аргумента, он сказал, что если вернется без Хедина, то его разжалуют. Но Свен стоял на своем.

Через несколько часов из палаточного лагеря, выросшего в долине в нескольких километрах к югу, выехала группа всадников, выстроилась в линию и направилась к палатке Хедина. В середине на белом муле ехал человек в роскошном красном плаще поверх желтого шелкового халата, в зеленых монгольских бархатных сапогах и синей китайской шапке — губернатор Хладже Церинг.

Он остановил мула перед палаткой. Охрана засуетилась и моментально расстелила на земле ковер, потом накидала на него подушки, и губернатор изволил слезть с мула. За ним следовал высокий лама. Хедин пригласил их в палатку и предложил присесть на мешки с кукурузой, отчетливо попахивающие сыростью.

Губернатор был сама учтивость и сиял. Самым дружеским тоном он начал расспрашивать Хедина. Но когда Свен рас-

сказал о своем желании посетить Лхасу, губернатор сделал характерный жест, проведя рукой поперек горла.

— Ни шагу к Лхасе, это будет стоить вам головы! А мне — моей. Я выполняю свой долг. У меня есть прямой приказ от далай-ламы.

Хладже Церинг был непреклонен. Когда Хедин понял, что дискуссия ни к чему не приведет, он поднял вопрос об их украденных лошадях. Сначала губернатор отнекивался, дескать, все произошло за пределами его провинции, но потом передумал.

— Я дам вам двух лошадей и эскорт до вашего лагеря. Вы также получите провиант, овец и все, что надо. И можете ехать, куда угодно, но только не на юг.

На следующий день Хедин отправился за обещанными лошадьми. Но когда их привели, только поморщился: худющие, в плохом состоянии. Свен отправился к Хладже Церингу.

— Как можете вы, такой богатый и влиятельный, предлагать мне этих заморышей? Я их не возьму, — сказал Хедин надменно.

После некоторой заминки слуги привели двух ухоженных коней, и Свен их с радостью принял.

Позже, когда они с Хладже Церингом просто сидели и разговаривали, Хедин получил объяснение столь мягкому обращению с ними. Как он и подозревал, сверху пришло указание обращаться с ними хорошо.

— Вы важный человек, — сказал губернатор, — и я получил указания от далай-ламы обходиться с вами со всем уважением.

Хедин еще несколько раз попытался открыть себе путь в Лхасу, но без успеха, и им пришлось возвращаться в базовый лагерь. Он ехал с эскортом из трех тибетских офицеров и двадцати солдат. 20 августа они вернулись в лагерь. Хедин радовался пережитому приключению — будет о чем писать.

Свен не особенно убивался по поводу того, что не удалось побывать в Лхасе. «Есть препятствия, которые перебороть просто невозможно... Самое важное для меня — то, что я отважился на эту поездку, самую рискованную и опасную из всех прежде», — говорил себе Хедин.

Гелинг-лама получил наказание, которого так боялся: ему запретили возвращаться в Лхасу.

Ле, Ладак, 20 декабря 1901 года

Двадцатого декабря 1901 года Хедин приехал в небольшой город Ле, столицу провинции Ладак. Жилье со всеми удобствами для Свена было приготовлено заранее. Со времени отъезда из Кашгара, то есть больше двух лет, Хедин не принимал ванну.

Последний раз Хедин получал известия из дома одиннадцать месяцев назад. Первым делом он пошел на почту, забрал, ожидавшую его корреспонденцию и послал телеграмму домой. Сгорая от любопытства и нетерпения, Свен вскрывал письма из Стокгольма. Дома все было в порядке, но, к своему огорчению, Хедин узнал о смерти Норденшёльда.

Свен получил ответ на свое письмо вице-королю Индии лорду Керзону:

«Уважаемый д-р Свен Хедин!

Я всегда с интересом читаю в газетах о Ваших замечательных приключениях. Я был очень рад узнать, что могу надеяться на Ваш приезд в Индию через короткое время. Ваши просьбы я спешно выполнил с величайшим удовольствием. Во время Вашего пребывания в Индии, два-три месяца, полагаю, казаки могут жить в Ле. Одного из них Вы можете взять с собой в качестве личного слуги. Я дал инструкции казначейству предоставить Вам кредит в размере 3000 рупий, деньги можете вернуть в любое удобное Вам время. Надеюсь, Вы не сочтете обременительным мое желание увидеть Вас в Калькутте, где я проживаю с января до конца марта, и я буду иметь удовольствие видеть Вас моим гостем и услышать от Вас рассказы о пережитом и увиденном».

Знаток Азии и высший представитель Британской империи в Индии, лорд Керзон точно так же, как и русские, очень интересовался рассказами отважного шведского путешественника о Тибете и других районах Центральной Азии. Хедин поблагодарил вице-короля телеграммой.

«Я думаю, это будет замечательная поездка, — писал Хедин домой, извиняясь перед родными за то, что откладывает возвращение в Швецию. — Я никогда не прощу себе, если не воспользуюсь этой возможностью».

Двадцать девятого декабря казак Сиркин и десять туркестанцев отправились домой. Сиркин не видел жену и детей семь лет. В Ле с Хедином остались три туркестанца, Гелинг-лама и два казака, Чердон и Чернов, которые должны были вести в Ле метеорологические наблюдения во время отсутствия Хедина. В Индию Свен решил взять казака Шагдура.

Они отправились в путь в новогоднюю ночь. Наступал 1902 год. Хедин и Шагдур ехали через высокие перевалы Гималаев, Шринагар, Лахор и Дели в Агру. Свен решил, что ничего красивее Тадж-Махала он прежде не видел. Далее он проехал через Варанаси, где полюбовался процедурой публичного сожжения тел на костре и массовым сплавом покойников по Гангу. Примерно через три недели пути Хедин добрался до Калькутты, в то время столицы Британской Индии.

Четверо лакеев в красных с золотом ливреях встретили Свена на станции. После завтрака на паровом катере он поднялся по реке Хугли к дворцу Баракпур, где его ожидал лорд Керзон.

Свен гостил у Керзона десять дней. Из-за занятости вице-короля по большей части он общался с его американской женой, одной из самых красивых женщин, которых он когда-либо видел. Керзон был трудоголик. Иногда казалось, что он один пытается управлять своими владениями, населенными 325 миллионами подданных. Но он находил время для Хедина, подолгу расспрашивал о его путешествиях и рассматривал карты.

Из Калькутты на поезде Свен доехал до Хайдерабада, в Бомбее он видел Башню молчания местных парсов, напомнившую ему поход за головами в окрестностях Тегерана двенадцать лет назад, потом были Джайпур и Равалпинди. Повсюду Свена встречали как важную персону.

По мнению «Бомбейской газеты», Хедин совершенно не соответствовал шаблонному представлению о путешественниках. «Скорее его можно принять за эlegantного и обра-

зованного туриста, а не выдающегося исследователя пустынь Центральной Азии. Внешне он очень простой и естественный... Хедин обладает редким искусством передавать свою радость окружающим».

Через три месяца Свен вернулся в Ле, а десятью днями позже, 5 апреля 1902 года, началось долгое возвращение домой. Первым пунктом был Кашгар.

Кашгар, 27 мая 1902 года

Обливаясь горячими слезами, Ислам-бай бросился на колени перед Хедином, когда они встретились возле деревни Япчен к югу от Кашгара.

— Что все это значит? Я ничего не понимаю! — восклицал он.

Когда Ислам-бай почти год назад вошел в русское консульство в Кашгаре, к его удивлению, консул Петровский приказал обыскать его вещи, конфисковать ворованное, после чего Ислам-бая отпустили, но приказали оставаться в Кашгаре.

«Ну конечно, ты и понятия не имеешь, откуда на твою голову свалились неприятности», — подумал Хедин иронически. У него не было ни малейших сомнений в виновности своего бывшего помощника, но тем не менее он обращался с Ислам-баем дружески.

— Очень неприятно, но ты сам себе выкопал эту яму, — сказал с сожалением Свен.

Двумя неделями позже, 27 мая, в Кашгаре Ислам-баю были предъявлены обвинения, он все отрицал. Перед слушанием дела Хедин отечески посоветовал ему говорить правду.

— Если ты будешь врать, я и пальцем не пошевелю. И пусть русское правосудие делает с тобой, что хочет. Но если ты во всем признаешься, тогда наказания не будет. Правда и признание вины в твоём случае — одно и то же.

Когда Ислам-бай взялся отрицать все обвинения, Хедин умыл руки. Он больше не хотел принимать никакого участия в этом человеке, о котором писал домой два года назад: «Ислам-бай — номер один. Он прошел через новое испытание. Ислам-бай организовал караван из сорока трех лошадей

и восьми мулов и купил провизию на восемь месяцев на семнадцать человек. Я дал ему двадцать серебряных слитков и думал, что придется занимать еще в Корле, но он вернул мне три слитка. Ислам-бай мог бы смело оставить их себе, и я бы ничего не заподозрил и считал, что со своей задачей Ислам-бай справился блестяще, потому что он купил замечательных животных».

— Совершенно невозможно разобраться в таком запутанном деле, — сказал консул Петровский. — Во-первых, прошло уже около двух лет, во-вторых, нет свидетелей, и, в-третьих, пытаясь себя обелить, обвиняемый все отрицает. Единственное, что можно сделать, так это конфисковать его имущество для того, чтобы выплатить долги. А потом он может идти восвояси. В этом случае другого наказания не последует.

Хедин согласился. Но этим дело не закончилось. Через несколько недель в Оше, родном городе Ислам-бая, ему предъявили обвинения и судили — и по русским законам, и по закону шариата. Ислам-баю грозила высылка в Сибирь, но Хедин вмешался, и наказание ограничило двумя неделями заключения. Свен посчитал, что Ислам-бай уже достаточно наказан.

Хедин, как обычно, остановился у консула Петровского — в той самой комнате, что и в первый приезд сюда десять лет назад. Новые карты Хедина Петровский изучал с таким же интересом и тщанием, как и лорд Керзон в Калькутте три месяца назад.

Из Кашгара Хедин уехал 31 мая. Через три месяца в Андижане он занял место в купе третьего класса, откинулся на спинку мягкого дивана и отправился к Каспийскому морю. С ним были казак Чердон и Гелинг-лама. Чердон собирался ехать домой, к озеру Байкал. Лама, которому запретили появляться в Лхасе, не мог вернуться в свой монастырь в Карашаре — там его бы наверняка наказали за помощь Хедину — и собирался осесть в монастыре в Астрахани.

Во время остановки в Санкт-Петербурге Хедин посетил в Петергофе Николая II, чтобы поблагодарить за казаков и рассказать о своих приключениях. Несколько дней спустя он плыл через Балтийское море на борту парохода «Фон

Дёбельн». В телеграмме он просил домашних не сообщать газетчикам точный день своего приезда.

Стокгольм, 27 июня 1902 года

Едва семья Хедин села за праздничный обед, как раздался звонок в дверь. Это был гофмаршал Август фон Розен.

— Доктор Хедин, я пришел приветствовать вас от имени Его Величества короля. Его Величество желает наградить вас Командорским крестом ордена Северной звезды и возвести в дворянское достоинство.

Такую же честь король оказал Норденшёльду двадцать два года назад. Представители старшего поколения семьи были в восторге. Дядя Хедина ликовали. Молодая поросль восприняла дворянство Свена с иронией. Что же касается самого Хедина, то ему оставалось только поблагодарить Его Величество. Честолюбию Хедина дворянство льстило, но все же он не захотел, как предлагал король, называться «фон Хедином» или «Хедином Лобнорским». И без того в прессе на его счет хватало насмешек.

Свен сам нарисовал свой герб: земной шар с Азией в центре, три раковины наutilus, символизирующих три его азиатских путешествия. Герб украшал орнамент, а на ленте под земным шаром был девиз на латыни: «*Voluntate et labore*» («Воля и труд»). В сатирической прессе герб Хедина моментально окрестили «Щит с сапогами».

Следующие два месяца он писал книгу о своем путешествии, готовил доклад и диапозитивы. Хедину нравилось работать в беседке у самой воды. С проплывающих мимо судов до глубокой ночи был виден свет лампы в его доме.

В начале ноября Хедин сделал первый доклад о путешествии, иллюстрируя его сотнями диапозитивов. Присутствовали члены Географического общества и король Оскар. По окончании доклада король обнял Хедина.

Через несколько дней Хедин отправился в лекционное турне, которое началось с Санкт-Петербурга. В некотором

роде это была благодарность за русскую помощь. Затем он выступил в Копенгагене, где был приглашен на ужин к кронпринцу. Далее его ждала Великобритания. Свен сделал доклады в Лондоне, Ньюкасле, Данди, Абердине и вновь в Лондоне.

Королевское географическое общество наградило Свена золотой медалью Ливингстона. Он вновь побывал в гостях у Стенли. Ему предложили сто тысяч крон (больше миллиона долларов в нынешнем исчислении) за большое лекционное турне по Англии и США. Но нехватка времени заставила Свена отказаться — ему надо было писать книгу.

К Рождеству Свен вернулся в Стокгольм. Дома он узнал о награде французской Академии наук, к которой присовокуплялись три тысячи франков. На одном из званых ужинов между Рождеством и Новым годом Свен первый раз встретился с Сельмой Лагерлёф. Она была одним из его любимых писателей, а Лагерлёф, в свою очередь, восхищалась им.

В конце января 1903 года началось новое лекционное турне. Первым пунктом поездки была Кристиания, потом Париж, где Свена наградили орденом Почетного легиона, Лион, там Хедина ожидала еще одна французская награда. Из Лиона Свен выехал в Берлин. Германский император Вильгельм II дал аудиенцию шведскому путешественнику. Как обычно в описании Хедином сильных мира сего, германский император имел вид благородный и величественный: «Самый элегантный немец из всех, с кем прежде доводилось встречаться, пожалуй, только Рихтгофена можно с ним сравнивать».

Нигде его не встречали так, как в Германии. «Я получаю горы писем и едва успеваю их вскрывать. Я никогда не был так популярен в Швеции, как в Германии, и не ощущал подобной славы. Здесь я настолько знаменит, что пугаю самого себя», — написал он домой.

Турне по Германии и Австро-Венгрии, где его принял император Франц-Иосиф, продолжалось весь февраль. Хедин вернулся в Стокгольм в начале марта, как раз вовремя, чтобы узнать, что риксдаг проголосовал за выделение ему семидесяти пяти тысяч крон на публикацию научных материалов экспедиции и издание карт.

В течение марта и апреля Хедин продолжал работать над путевыми записками. Их должны были опубликовать в десяти странах одновременно: Швеции, Норвегии, США, Англии, Германии, России, Франции, Италии, Богемии и Венгрии.

В начале мая началась следующая лекционная поездка. На этот раз — в Германию, Италию и Англию. В Англии Свен должен был присутствовать на ежегодной встрече в Королевском географическом обществе. В Германии одна фирма, производитель сигар, обратилась к Свену с разрешением использовать его имя как торговую марку своей продукции. «Вот что мы будем курить!» — написал он домой.

Десятого мая Хедин читал доклад в итальянском Географическом обществе. Среди публики присутствовали король Виктор-Эммануил III и королева Елена. Приезд венценосной пары держали в секрете. Коляска с королевской четой подъехала в окружении охраны на велосипедах. «Похоже, невесело им живется», — подумал Свен, глядя на толпу жандармов и охранников, опекавших короля и королеву.

На одном из званых ужинов в Италии Хедин познакомился с молодой аристократкой Анниной Менотти. Вот что он написал об Аннине Менотти своей сестре Альме:

«Ей двадцать один год. Она красива как сон. Я был приглашен в ее дом у озера, и мы собирались плыть под парусом к острову, только мы вдвоем — она и я. Южная кровь, наверное, слишком горяча для меня. Я получил от нее письмо, она умоляет меня не забывать ее. Она приехала за час до начала моего доклада, чтобы сесть поближе. Женщины странные. Покорее бы вернуться в мои пустыни».

«Азия стала моей нареченной», — написал он позже, но память об Аннине Менотти хранил всегда. В записках Хедина спустя сорок лет Аннина Менотти обозначена как «моя старая пламенная римская любовь».

Висбаден, 18 апреля 1903 года

Синолог Карл Химли взял ручку и накорябал мелким малочитаемым почерком: «Висбаден, 18 апреля 1903 года. Многоуважаемый господин доктор Хедин...»

Химли был самым авторитетным синологом Европы. Именно ему Хедин выслал археологические материалы, найденные в пустыне Лоб два года назад. Ответа пришлось ждать долго, но Свен не был разочарован.

После многих месяцев дешифровки, консультаций с другими лингвистами Химли поздравил Хедина с тем, что он сделал сенсационное открытие.

Найденный им город назывался Лулан. Это маленькое королевство упоминается в китайских хрониках двухтысячелетней давности. Но не было никаких сведений о том, где это королевство находилось. Благодаря Ёрдеку, забытой лопате и Хедину Лулан вновь появился на карте.

Когда-то процветающее королевство на северном ответвлении Великого шелкового пути между Корлой и самым западным поселением Китая Дуньхуаном было оставлено жителями, когда пустыня постепенно засыпала поля, поглотила леса и сделала жизнь здесь невозможной.

На месте цветущего края остались только дно высохшего озера, остатки деревьев и развалины. Почти две тысячи лет они хранили молчание, скрывая тайну экологической катастрофы, пока дерзкий и целеустремленный шведский исследователь не сумел раскрыть их секрет.

Самые старые письма из найденных Хедином относились к середине третьего века. Самые, если можно сказать, свежие — к началу четвертого. На основе изучения текстов Карл Химли пришел к выводу, что строение, где Хедин сделал свою находку, принадлежало богатому китайскому торговцу, который занимался перевозкой товаров, сдавал внаем повозки и вьючных животных и доставлял письма в Дуньхуан.

Для поездок в Дуньхуан примерно в четырехстах километрах на восток он использовал лошадей и волов. Судя по письмам, сообщение с Дуньхуаном было постоянным. Об этом свидетельствовали многочисленные записи о расходах на корм для животных.

Химли выдвинул теорию о том, что дом, где были найдены письменные документы и надписи на деревянных дощечках, вероятно, был зернохранилищем. Причем зерно можно было класть туда под залог, с тем чтобы выкупить потом.

Находка Лулана стала эпохальным событием в исследованиях Великого шелкового пути. Город пришел в упадок из-за того, что иссякла река Конче-дарья, а следом за ней высохло озеро Лобнор. Это дало Хедину новое надежное доказательство того, что озеро Лобнор с интервалом в тысячу лет последовательно передвигается либо на юг, либо на север после того, как наносы и ил закупоривают питающие озеро реки.

Лондон,
19 июня 1904 года

Хедину курили фимиам. Вышла из печати его новая книга «Азия — десять тысяч километров неизвестных дорог», двухтомник в тысячу четыреста страниц. Британским рецензентам особо приглянулась дерзкая попытка Хедина проникнуть, переодевшись монголом, в Лхасу; они были в восторге от его открытия Лулана и описания высохшего озера Лобнор.

«Эту книгу интересно читать с первой и до самой последней страницы. Книга переполнена событиями и приключениями» («Морнинг пост»). «Книга доставит большое удовольствие всем любителям приключений и читателям, интересующимся наукой» («Дейли экспресс»). «Примечательная книга об очень примечательном путешествии» («Таймс»). «Эти путевые записки надолго станут образцом книг о путешествиях» («Стандарт»). «Книгу будут читать с большим интересом. Доктор Хедин выполнил свою задачу очень основательно, с полным успехом» («Бирмингемская газета»). «Выдающийся шведский путешественник и исследователь доктор Свен Хедин станет еще более знаменит, чем прежде, благодаря книге о своем последнем путешествии» («Глоб»). «Его новую книгу читаешь с неослабевающим интересом» («Дейли телеграф»).

Выход книги совпал со вступлением Британского экспедиционного корпуса в Тибет. Несколько месяцев спустя, 19 июня 1904 года, Свен Хедин осудил это вторжение в статье, опубликованной в немецком еженедельнике «Ди Вох».

В июне 1903 года лорд Керзон направил дипломатическую делегацию в деревушку на границе между Индией и Тибетом. Делегацию сопровождало пятьсот солдат. Целью британской дипломатической миссии было заключение договора о ненападении и торгового соглашения с представителями Китая и Тибета. Тибет тогда формально подчинился Китаю. Британскую делегацию возглавлял старый знакомец Хедина Фрэнсис Юнгусбэнд, дослужившийся до звания полковника.

Юнгусбэнд ждал на границе до ноября — никто из китайцев или тибетцев так и не появился. Делегация была отозвана. Тогда Керзон, боясь, что в регионе появятся русские войска, решил послать в Лхасу внушительный отряд британских войск, чтобы вынудить далай-ламу сесть за стол переговоров с англичанами. Правительство в Лондоне одобрило это предприятие.

На этот раз под командованием Юнгусбэнда было 3000 солдат и 6000 шерпов в качестве носильщиков и обслуживающего персонала. Юнгусбэнду эта кампания сулила возможность стать первым европейцем в Лхасе за полвека. Как и Хедин, он давно там мечтал побывать. Пятнадцатью годами ранее он планировал пробраться в священный город, переодевшись паломником, но потом счел эту затею слишком рискованной. Сейчас у Юнгусбэнда был прямой приказ вице-короля. В этот раз путь в Лхасу открывала не хитрость, а сила.

Отряд провел зиму в приграничном районе между Индией и Тибетом и выступил в марте 1904 года. 31 марта британцы встретили сопротивление. Проход через перевал перекрывало около трех тысяч тибетцев, вооруженных мушкетами. То, что произошло дальше, можно характеризовать одним словом — «бойня». Семьсот тибетцев было убито, сто пятьдесят ранено. Потери британской стороны составили одного убитого и несколько раненых.

Следующая стычка обошлась тибетцам в двести жизней. Потери английских войск не стоили упоминания.

В начале августа 1904 года Юнгусбэнд с триумфом вошел в Лхасу, перебив по дороге две тысячи тибетцев. Британцам это удовольствие стоило двухсот убитых, около четырехсот человек они потеряли по другим причинам.

На подходах к Лхасе отряд Юнгусбэнда встретил китайский губернатор со своей личной гвардией и сопроводил в город. Там не было ни малейших признаков ни русских, ни далай-ламы. Заменявшие его монахи были вынуждены согласиться на британские предложения. В конце сентября британцы оставили город.

Когда Хедин прочитал сообщение английского военного корреспондента об успешном наступлении британцев и потерях среди аборигенов, он был возмущен. Свен полностью стоял на стороне тибетцев. Он иронизировал по поводу утверждений британцев относительно планов России атаковать Индию через Тибет. Хедин напомнил, что ближайший русский пограничный пост находится в тысяче семистах километрах от Лхасы.

«Страхи насчет тайных планов России относительно Тибета — чудовищная химера, — писал Свен. — Оккупация русскими Тибета совершенно невозможна. Тем, кто сомневается, советую прочитать второй том моей последней книги. Из тридцати девяти верблюдов я потерял тридцать. Лишь одна лошадь из сорока пяти вернулась едва живой. Трое моих людей* умерли от горной болезни. Ни одна армия в мире не сможет завоевать Тибет с севера... Английская военная кампания на Тибете — это новый пример беззастенчивой наглости империализма, характерной для большой политики нашего времени, делающей положение малых стран неуверенным и зыбким».

Но была одна проблема. Оба архитектора «нового примера беззастенчивой наглости империализма», Керзон и Юнгусбэнд, были друзьями Хедина. Английское и американское издания книги Свена вышли с посвящением Керзону. Хедин без труда решил эту этическую проблему, отделив личность человека от его работы. Он самым лестным образом отозвался о Керзоне и Юнгусбэнде. Но, не скрывая горечи и разочарования, написал: «Было бы в тысячу раз почетнее пробраться в Лхасу, переодевшись паломником, а не вламываться в священный город во главе целой армии, осквернившей свой путь кровью мирных тибетцев».

* Хедин не оговорился: во время первой экспедиции от горной болезни умер один туркестанец, а второй — двое.

Хедин загодя известил Керзона о своей статье и отправил ему рукопись. Если Свен опасался резко негативной реакции Керзона, то напрасно. «Замечательнейший д-р Хедин, Вы, разумеется, имеете полное право высказать Вашу точку зрения на события в Тибете, и я разделяю Ваши благородные чувства к этому несчастному народу», — написал Керзон в ответ и далее вновь пустился в рассуждения, что военный поход Юнгусбэнда был вынужденной мерой, дабы помешать русскому вторжению.

В Англии, где в то время еще была свежа память о недавно закончившейся непопулярной англо-бурской войне, статья Хедина привлекла всеобщее внимание. Мнения, разумеется, разделились. Проправительственные журналисты и политики называли его русским агентом, в то время как оппозиция использовала авторитет имени Свена Хедина для критики правящего кабинета.

В Швеции, без малого пятьсот лет страдающей русофобией, реакция была единодушно негативной. Газеты окрестили Хедина «русофилом».

У Свена было много русских друзей, он любил русский народ, царь оказывал поддержку его экспедициям. Но именно с Россией воевал один из любимцев Хедина, Карл XII. Россия была историческим врагом Швеции, и в выборе между двумя империями Свен Хедин не колебался ни секунды. Но он не был параноиком-русофобом.

В этой связи уместно вспомнить историю с точильщиками. В то время в Швеции было довольно много русских точильщиков и пильщиков. Они приезжали сюда из Новгородской губернии. Нашлась умная шведская голова, заподозрившая, что они на самом деле шпионы.

Бедолаг, приехавших в Швецию на заработки, задерживали, допрашивали, устанавливали за ними слежку и наблюдение. Особо отличился полицмейстер Стокгольма. Сей бдительный и изощренный муж решил пригласить к себе на ужин несколько русских работников. Дескать, если они переодетые офицеры-шпионы, то умеют прилично вести себя за столом и обязательно попадутся.

Но пыльщики и точильщики держали вилку и нож как навозные вилы. Свен веселился: «Никакие они не шпионы, просто в России безработица».

Но скоро его взгляды на Россию изменятся.

Санкт-Петербург, декабрь 1904 года

Царь Николай II сидел за письменным столом в Царском селе в Царском дворце и перебирал кипы бумаг. Письма, телеграммы и правительственные документы, ожидавшие высочайшей резолюции. Он дал указание флигель-адъютанту привести к нему посетителя в половине третьего.

Вошел старый знакомый. Элегантный, темноволосый, с холеными усами. В руках книги. Царь встал из-за стола и пошел навстречу приветливо улыбаясь:

— Как дела, доктор Хедин? Хотя и спрашивать не стоит. Я вижу сам.

— Большое спасибо, а как чувствует себя Ваше Величество?

— Лучше быть не может! Или вы считаете, что я похож на больного? — осведомился со смешком царь.

Хедин протянул Николаю свою книгу — подарочный экземпляр в русском переводе.

— Я уже видел вашу книгу, и мне доставило особое удовольствие посвящение казакам. — Царь раскрыл книгу и прочитал вслух: — «Это посвящение лишь в малой степени отражает мои дружеские чувства и огромную благодарность за Вашу дружбу, неоценимые услуги и неколебимую верность». Меня глубоко тронули ваши слова, — добавил Николай.

Они поговорили о картах и иллюстрациях к книге, о поездке императора в Индию и про статью Хедина о генерале Куропаткине для «Таймс». Свен познакомился с Куропаткиным в 1890 году в Центральной Азии. Сейчас Куропаткин командовал русской армией в войне с Японией.

Русско-японская война началась 8 февраля 1904 года после внезапного нападения японского флота на русскую

военно-морскую базу Порт-Артур — арендованный у Китая единственный незамерзающий порт России на Тихом океане.

Российская империя видела в этой войне шанс укрепить свои позиции на Дальнем Востоке и взять под контроль китайские территории в Монголии и Корее. Сама мысль о возможном поражении России вызывала смех в салонах Санкт-Петербурга.

Но ко времени визита Хедина к царю война продолжалась уже девять месяцев. Обе стороны несли большие потери. Однако в Петербурге спокойно воспринимали известия с полей сражений. В Москве, где Хедин провел несколько дней, также не было заметно ни малейших признаков того, что страна участвует в самом крупном со времен наполеоновского нашествия вооруженном конфликте.

«Почему в России так благодушествуют? — задавал он вопрос в статье для «Шведской ежедневной газеты», написанной по возвращении в Швецию. — Да, потому, — отвечал самому себе Хедин, — что здесь твердо уверены в победе».

На самом деле дела у русских складывались неважно. В феврале 1905 года они проиграли крупное сражение под Мукденом в Маньчжурии. Через два месяца японцы у Цусимы разнесли переброшенный на Дальний Восток балтийский флот России.

В Швеции, так же как и в большинстве европейских стран, общественное мнение было на стороне Японии. Хедин в своих суждениях был более осмотрителен и призывал шведскую прессу не раздражать понапрасну обидчивого соседа на востоке.

Хедин не одобрял шведского, европейского и американского энтузиазма по поводу успехов японцев. Не потому, что предпочитал Россию Японии, — Свен считал, что понимает русских. Русская экспансия была вызвана стремлением выйти к морю. Россия продвигалась на юг и на восток. Куда повернут русские, если их остановят на востоке и они потеряют свой единственный незамерзающий порт на Тихом океане?

Для Хедина ответ был очевиден. Не было необходимости в особо изощренном геополитическом анализе, чтобы прийти к выводу: есть только два возможных направления, а именно — на юг и на запад. Но на юге лорд Керзон делал

все возможное для того, чтобы перекрыть России выход к Индийскому океану. Таким образом, русским оставалось только одно возможное направление — на запад к Атлантике, через слабую в военном отношении Швецию.

Когда Русско-японская война закончилась так, как и опасался Хедин, то есть продвижение на восток для России было закрыто и Япония обрела статус великой азиатской державы, Хедин пришел к выводу о необходимости укреплять оборону Швеции. В своей статье в немецкой «Ди Вох» он констатировал: «Для малого государства, у которого нет силы, чтобы защитить себя, утрата независимости — лишь вопрос времени». Это довольно банальное утверждение относилось к Тибету, но также лежало в основе его воззрений на оборону Швеции.

Все внешнеполитические и военные взгляды Хедина после 1905 года вытекают из победы Японии над Россией. Хедин верил в стремление русских к Атлантике. Но в декабре 1904 года, когда Хедин разговаривал с Николаем II в Царском Селе, отношения между шведским исследователем и русским самодержцем можно было назвать идиллическими.

— Помните, — сказал царь, когда Хедин откланивался, — вы получите столько казаков, сколько вам понадобится для вашего следующего путешествия. Вне зависимости от того, что будет в России — мир или война.

Шведская «Вечерняя газета» была недалеко от истины, комментируя статью Хедина в «Таймс», в которой он тепло отзывался о Куропаткине: «Доктор Хедин принадлежит к плеяде великих исследователей, но он очень чувствителен к вниманию к себе, и его сердце легко завоевать дружеским отношением».

Хедин был тщеславен, легко поддавался лести и был другом своих друзей — от русского царя до Гитлера.

_____ Лондон, 25 марта 1905 года

Статья в ведущей британской газете «Таймс» от 25 марта 1905 года стала сенсацией в Швеции. Автором был знаменитый норвежский полярный исследователь Фритьоф Нансен, темой — уния Швеции и Норвегии. Статья отра-

жала чаяния норвежцев, стремящихся к самостоятельности и желающих получить международную поддержку.

В эти дни новый посол Англии в Швеции Джеймс Реннел Родд давал прием по поводу своего назначения. Присутствовали члены королевской семьи во главе с кронпринцем Густавом. Во время ужина принц начал расспрашивать посла о его мнении насчет статьи Нансена.

Ничего путного посол не ответил. Он должен был оставаться нейтральным, но указал на то, что в Швеции есть исследователь столь же знаменитый и прославленный, как Нансен, — Свен Хедин. И почему бы ему не ответить на статью Нансена в «Таймс»? Присутствовавший среди гостей Свен счел это приглашением к действию.

За исключением критической статьи по поводу английского вторжения в Тибет и размышлений в «Шведской ежедневной газете» о последствиях поражения России в войне с Японией Хедин прежде не занимался политикой. Он был исследователем, экспертом в географии и геологии Азии. О перипетиях борьбы за унию Хедин знал не больше обычного среднестатистического шведа, скорее даже меньше, учитывая многолетние путешествия.

Но ответ Нансену готовил не только Хедин. Ему помогал Эрик Тrolле — тогда секретарь кабинета Министерства иностранных дел. В восемь часов вечера 28 марта 1905 года Хедин постучал в дверь дома Тrolле, который довольно поздно получил «Таймс» и едва успел прочитать статью Нансена. Они проработали до глубокой ночи. Хедин отвечал за формулировки и полемический аспект. Солью и ключевым моментом стал тезис, можно сказать, кредо Хедина вплоть до самой смерти: «оборона Швеции и русская угроза».

Он писал как об аксиоме о видах России на Скандинавский полуостров вследствие поражений в Корее и Маньчжурии: «К большому благу Норвегии было бы глубоко и основательно обдумать этот важный вопрос, а не погрязать в сепаратистских фантазиях. И когда норвежец с известным всему миру именем использует свое влияние, чтобы превратить унию в односторонний и невыгодный для нас союз, то нашим долгом является предупредить иностранные государства не воспринимать предложенное без критики».

Утром 29 марта Хедин передал рукопись переводчику. Во второй половине дня перевод был готов. Дома у переводчика собрались Хедин, Тrolле и министр иностранных дел Август Гюльденстольпе. В полночь Хедин отнес текст на телеграф, чтобы послать в «Таймс». Это стоило две тысячи крон, почти девяносто тысяч крон в современном денежном исчислении.

Статья была опубликована 1 апреля. Через несколько дней был напечатан ответ Нансена. Можно было бы предположить, что полемика вокруг унии омрачит их дружбу. Но Хедин вновь продемонстрировал свое умение отделять личность человека от его политических взглядов. То же самое сделал и Нансен.

Кризис унии тем временем углублялся. Пошли разговоры о войне с Норвегией. Но когда король Оскар совершенно ясно объяснил, что войны с Норвегией ради возрождения унии не будет, Хедин всем сердцем поддержал мирную линию.

«Никто в Швеции не хочет войны. И никакой войны не будет, — сказал Хедин американскому корреспонденту. — Уния имеет настолько малую ценность для Швеции, что не стоит проливать ни одной капли шведской крови для того, чтобы силой поддерживать ее».

Несколькими месяцами позже в интервью датской газете «Наша страна» Хедин выразился еще более лихо: «Я считаю разрыв унии чудесным подарком...» И добавил высказывание о предполагаемой русской угрозе: «Русские собираются занять норвежскую часть Финской марки*, когда Швеция долее не несет военной ответственности за Норвегию. Я вижу это совершенно отчетливо, как свершившийся факт. Я вхож в русские офицерские круги и знаю, что в русском Генеральном штабе есть такой план. Порт-Артур навсегда потерян для России, и это должно развернуть продвижение ее экспансии в другом направлении, через Финскую марку», — предрекал он зловеще.

Так Хедин сделал первый шаг на том пути, который в конце концов приведет его к падению. Но тогда он по-прежнему был яркой звездой, романтическим искателем приключе-

* Область на севере Финляндии, граничащая с Норвегией.

ний, прославленным исследователем. На картах еще хватало белых пятен, и они ждали его.

Стокгольм, 13 ноября 1905 года

Тринадцатого ноября 1905 года около часа дня Хедин вприпрыжку взбежал по ступеням дворца. Его незамедлительно провели в аудиенц-зал.

— Что-то вы припозднились, — заметил король Оскар.

— Но, Ваше Величество, еще нет часа дня.

— Есть, есть, извольте сами убедиться, — пробурчал король.

Оба посмотрели на часы, было без пяти час.

— Ну ладно, во всяком случае, можете сесть. Что вы хотите?

— Я хотел попрощаться с Вашим Величеством, я уезжаю в пятницу в Азию.

— Ах так? Ну да, ну да... Желаю вам удачной поездки.

Хедин решил, что наступил подходящий момент задать королю вопрос:

— Ваше Величество, очень огорчительно, что в этот раз, в отличие от предыдущих, вы не входите в число моих меценатов.

— Да, действительно огорчительно, но мои финансы не те, что прежде. Как вы знаете, я потерял мои норвежские владения и не могу позволить себе дополнительных расходов. Да пребудет с вами Господь! — сказал король и вышел из зала.

Расстроенный Свен зашел к своему другу Фредрику Вахтмейстеру, занимавшему пост министра иностранных дел. Хедин рассказал ему о своей безрадостной встрече с Оскаром и попросил рекомендательное письмо от короля к персидскому шаху.

— Не ты один пострадал сегодня от плохого настроения Его Величества, — утешил Свена Вахтмейстер. — Уверяю тебя, он может и хочет поддержать твою экспедицию. Норвежские владения не играют никакой роли. Письмо к шаху получишь. Я дам тебе знать завтра утром.

На следующий день к Хедину пришел посыльный с письмом от короля. Оскар пригласил его на новую аудиенцию.

На этот раз король принял Хедина с распростертыми объятиями и воскликнул с увлажнившимися глазами:

— Простите меня за то, что я был так холоден и недружелюбен с вами вчера. Мне было очень трудно последнее время. Норвегия доставила массу неприятностей. Естественно, как и прежде, я буду вашим меценатом. Главный казначей оговорит с вами детали.

На этот раз Хедину удалось собрать средств даже несколько больше, чем прежде. Среди его основных спонсоров, как обычно, были Нобели, консул Оскар Экман, камергер двора Фред Лёвенадлер, крупный оптовик Вильям Олссон и мистер Руффер из Эдинбурга.

Целью Хедина вновь был Тибет. Его по-прежнему притягивала Лхаса, и на карте Азии, в центре Тибета, еще оставалось белое пятно в шестьдесят пять тысяч квадратных километров.

Свен мечтал найти новые горные цепи, способные поспорить с Гималаями по высоте, сказочные тибетские озера, о которых слышал в преданиях. И разумеется, он думал о славе и почестях по возвращении.

Хедин писал одному из своих филантропов Оскару Экману: «Там можно ожидать блестящих географических открытий. Каждый шаг сулит науке новые завоевания. Запланированная мною экспедиция, возможно, завершит эпоху великих открытий в исследованиях внутриконтинентальных областей».

Хедин отправился в путь 16 ноября. В ходе двух предыдущих поездок его маршрут пролегал через Россию. На этот раз он планировал проехать через Турцию и Персию и войти в Тибет со стороны Индии. Лорд Керзон заверил Хедина, что предоставит ему всю мыслимую поддержку. «Я найду Вам хорошего картографа и также предоставлю в Ваше распоряжение помощников, сведущих в астрономии и метеорологии», — писал Керзон Хедину 7 июля 1905 года, подтверждая свои обещания всячески содействовать Хедину.

В выборе между русской и британской поддержкой Хедин предпочел последнюю. После английской военной операции на Тибете влияние Британии там значительно усили-

лось. Хедин рассчитывал, что английская помощь избавит его от проблем с тибетцами, с которыми ему довелось столкнуться во время предыдущей поездки. Сыграли также, видимо, в выборе предпочтений свою роль его высказывания о видах России на Скандинавский полуостров.

В Персии Хедин собирался посетить большое соляное озеро — Дешт-и-Кевир, которое представляло собой большую пропитанную солью высохшую плоскую равнину. Там не было ни оазисов, ни растительности, ни животных. В сильный дождь соляная пустыня превращалась в смертельную ловушку: почва становилась мягкой и скользкой, верблюды проваливались в трясину.

Хедин хотел пересечь соляную пустыню дважды: туда и обратно. Он нанял несколько верблюдов, проводника и поехал. Накануне прошел дождь. Верблюды не шли, а исполняли что-то вроде странного танца; они то и дело с шумом падали, и их приходилось поднимать на ноги. Ехать на верблюдах было совершенно невозможно, и их вели под уздцы — так было легче и людям, и животным. Время от времени над бездонным грязевым болотом попадались прочные соляные пласты — такыры, и тогда движение ускорялось.

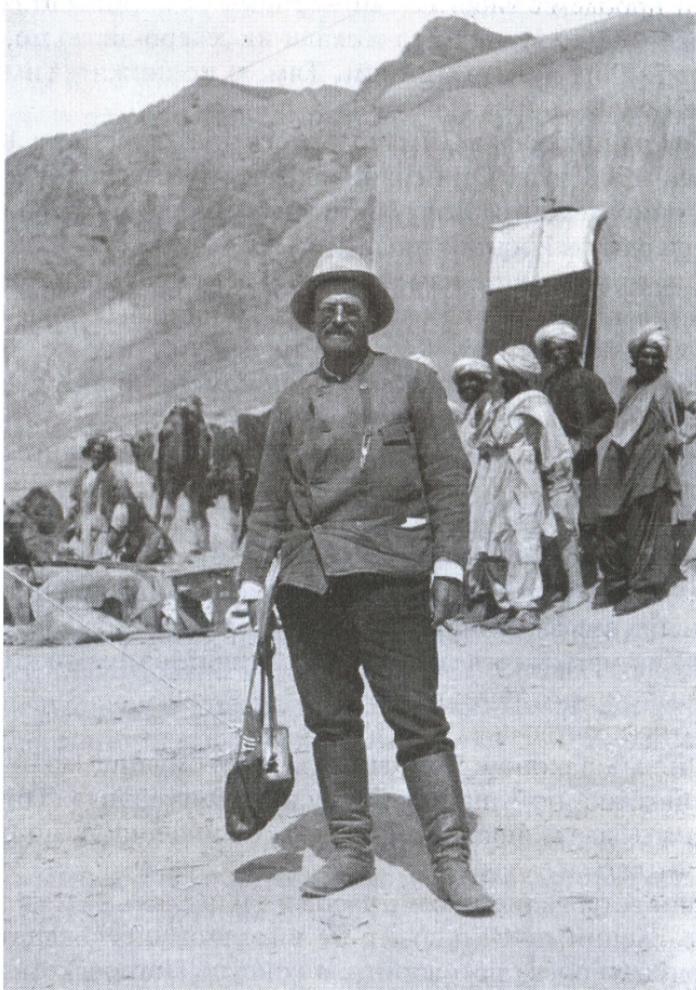
После наступления темноты сделали короткий привал. Едва поставили палатку, как по полотнищу забарабанил дождь, но вскоре прекратился. Три часа отдыха — и караван снова в пути. Еще через сутки они вышли на твердую землю. Сто тридцать километров были пройдены за сорок восемь часов.

Теперь предстояло пересечь соляную равнину в обратном направлении, но другой дорогой. На это ушло трое суток.

Хедина уже ждал караван, с которым он должен был ехать на юго-восток, в Белуджистан...

Симла, 22 мая 1906 года

Симла находится на высоте двух тысяч метров на южном склоне Гималаев. Сейчас Симла — столица индийского штата Химачал-Прадеш. В прежние времена это была летняя столица британцев в Индии.

Хедин в Персии. 1905 год

Когда в Калькутте становилось слишком жарко, вице-король и колониальная администрация упаковывали бумаги и архив, садились в поезд и ехали на северо-запад по сухим североиндийским равнинам. Там, у подножия Гималаев, было свежее и прохладнее.

Хедин приехал в Симлу по железной дороге из Куэтта 22 мая 1906 года. Он нервничал, у него были плохие предчувствия. Хедин не получал никаких известий от британца номер один в Индии с июля 1905 года.

С тех пор многое изменилось. В Лондоне правительство консерваторов сменили либералы. В Индии был новый вице-король — лорд Минто. Керзон вышел в отставку, не поделив власть с новым британским главнокомандующим в Индии лордом Китченером Хартумским.

Месяц назад Хедин написал лорду Минто, но ответа не получил. Это было плохим признаком. Прием на перроне в Симле Свена не успокоил. Его встречал чиновник из Министерства иностранных дел. Хедин ожидал, что они отвезут его в какое-нибудь удобное место, но чиновник лишь спросил, где он собирается жить.

— Как называется лучшая гостиница? — мрачно спросил Хедин.

— «Гранд».

Он нанял рикшу. Чиновник передал ему письмо от старого знакомого по Кашгару Фрэнсиса Юнгусбэнда. Тот сожалел, что дела помешали встретиться Хедина лично, но предлагал увидеться за ужином.

Они встретились в семь часов и засиделись далеко за полночь. Хедин и Юнгусбэнд не виделись шестнадцать лет, и им было о чем поговорить: о консуле Петровском, Лхасе, тибетском военном походе, который Хедин вежливо называл «миссией». Ни словом не были упомянуты тибетские планы Свена. Юнгусбэнд ничего не сказал по этому поводу, а Хедин не стал спрашивать. «Если бы все было ясно и просто, — подумал Хедин, — он бы мне сам рассказал».

Все опасения Свена подтвердились, когда с извинениями и сожалениями ему было сказано о негативном решении Лондона к его экспедиции:

— Учитывая политическую обстановку, правительство не может позволить вам пересечь границу между Индией и Тибетом.

— Если бы я узнал об этом раньше, в Тегеране, то мог бы поехать через русский Туркестан, получить обещанных царем казаков и въехать в Тибет с севера, — сказал Хедин с горечью.

Но запрет не был окончательным. Все британское руководство в Симле — лорд Минто, Китченер, Юнгсбэнд — было на стороне Хедина, они надеялись, что он получит свое разрешение. Минто делал все, чтобы подвигнуть Лондон изменить решение в пользу Хедина.

Новое правительство в Лондоне не хотело допускать Хедина в Тибет по нескольким причинам. Нынешний министр по делам Индии Морли ранее пребывал в оппозиции, он осудил вторжение на Тибет в не менее резких выражениях, чем Хедин, и теперь считал, что тибетцев надо оставить в покое. Хедин, однако, был убежден, что как раз для него можно сделать исключение.

Второй причиной, по которой Хедина не хотели пускать в Тибет, стало только что подписанное соглашение с Китаем и введущиеся с Россией переговоры. После поражения в войне с японцами русские, на взгляд британцев, перестали быть такими страшными. Лондонское правительство не хотело портить отношения с Китаем, равно как и осложнять переговоры с Россией. Поэтому Лондон считал нежелательным вход в Тибет официальной экспедиции с территории Британской Индии.

Через две недели ожидания, скрашенного оживленной светской жизнью и зваными ужинами, пришел ответ из Лондона. Хедину отказали в разрешении пересечь границу Тибета с территории Индии. Правда, оставалась лазейка: он мог въехать в Тибет любым способом, не причиняющим ущерба интересам внешней политики империи. «Если он сумеет проникнуть в страну с севера и вернется в Индию, окажите ему всю возможную помощь», — распорядился Морли.

Хедин бесился от злости. Он обозвал Морли «политическим ископаемым» и счел его оговорку циничной.

«С таким же успехом Морли мог бы телеграфировать: “Сделайте все возможное, но только сделайте поездку Свена Хедина совершенно невозможной. Но когда он, возможно, с честью вернется в Индию, окажите ему всю возможную помощь, которая, естественно, будет невозможной, потому что все трудности будут уже позади”», — писал Хедин домой.

Впрочем, Хедин даже в этой ситуации видел положительное. Если он не будет зависеть от британцев, то, значит, не будет иметь перед ними никаких обязательств и сможет ехать, куда захочет. Прожив три недели в Симле, Хедин выехал в Шринагар в Кашмире и начал наперекор всему готовить экспедицию.

— Вы только ничего мне не говорите о своих планах, — сказал Хедину Минто при прощании. Он понимал, что Свена не остановит запрет Морли, но не хотел осложнять свое положение.

Шринагар, 17 июня 1906 года

Семнадцатого июня 1906 года Хедин приехал в Шринагар. В небе висели тяжелые темные тучи. Хлестал дождь. За водяной завесой сгнули окружающие город горы. Погода была под стать настроению Свена. Хедин чувствовал себя одиноким и забытым. Если бы он поехал через Россию, то вся возможная помощь была бы в полном его распоряжении, но теперь думать об этом было поздно...

Он решил говорить всем, что собирается через Ле и Каракорумский перевал направиться в Восточный Туркестан. О Тибете ни слова.

Тем временем в Шринагар приехал Юнгусбэнд, назначенный губернатором Кашмира. Судьбы шутила зло, намереваясь сделать друзей врагами.

Но дружба бывает не только в романах. Вместо того чтобы всячески мешать Хедину, полковник Фрэнсис Юнгусбэнд рекомендовал Хедину «своего» караванщика Мухаммеда Ису. Мухаммед Иса тридцать лет путешествовал по Азии с европейцами, несколько раз бывал в Тибете и говорил по-тибетски.

Через месяц все было готово. Особо прочувствованно Хедин прощался с Юнгусбэндом. «Он положил мне руки на плечи, долго благодарил и, казалось, вот-вот обнимет», — написал полковник жене.

Уезжая из Шринагара, Хедин суммировал свои индийские впечатления: «Мне никогда не доводилось встречаться с таким упорным противодействием и глупым крючкотворством и в то же время такой сердечностью, дружбой и глубокой симпатией».

Со своим новым караванщиком Мухаммедом Исой Свен уже пересекался в Кашгаре.

— Мир тебе, — сказал Хедин, вновь встретившись с Мухаммедом Исой. — Ты все тот же, несмотря на годы, что прожиты. Я хочу увидеть самые высокие горы и вижу путь на сорок восемь лун.

— Куда с благословения Аллаха лежит наш путь?

— Как только мы пройдем последнюю деревню в Восточном Туркестане, ты все узнаешь.

— На какое время делать припасы?

— На три месяца.

Утром 14 августа Мухаммед Иса был счастлив. Тридцать четыре мула, восемьдесят восемь лошадей, десять яков и, разумеется, люди — тридцать четыре души — это был самый большой караван за все время его путешествий с европейцами.

У Хедина было легко на душе. Разумеется, он не знал, что через неделю после его отбытия пришла очередная телеграмма из Лондона, которой предписывалось любой ценой не позволить ему свернуть с караванного пути и оказаться в Тибете.

Озеро Лигтен, 20 сентября 1906 года

Караван миновал три перевала в шесть тысяч метров, потом через плоскогорье Аксай Шин вышел к озеру Лигтен — так его назвал английский капитан Веллби в 1896 году. Прошел месяц после отъезда из Ле. Высота и бескормица

делали свое дело: животные умирали почти каждый день и от каравана уже мало что осталось. Нанятые Хедином индусы, непривычные к горам, умоляли его разрешить им вернуться обратно. На берегу Лигтена Хедин отпустил их. Он отослал с индусами письма, фотографии и все прочее, что счел ненужным.

Целью Хедина была не Лхаса — его интересовал Шигацзе. После бегства далай-ламы в Монголию там, в монастыре Ташилумпо, была резиденция панчен-ламы — человека номер два в ламаистской иерархии.

Путь до Шигацзе был долгий. Хедин не имел понятия, что ему встретится на пути — какие препятствия: пропасти, реки, горы...

Становилось все холоднее, шел обильный снег, дул сильный ветер. По ночам температура падала до минус тридцати. Лошадям и мулам такие условия на пользу не шли. К 24 октября у Хедина осталось лишь тридцать восемь животных из девяноста четырех, с которыми он отправился в путь. Волки преследовали караван, и каждую ночь им доставалась пожива.

Двенадцатого ноября они встретили первого за семьдесят девять дней человека. Все радовались, но у Хедина выход в обитаемые места вызвал смешанные чувства. Без пропуска, разрешения, без военного эскорта он въехал в страну, которая совсем недавно пережила вторжение чужих войск. Хедин не питал иллюзий. Тибетцы никогда не любили европейцев, а после британского похода причин для приязни стало еще меньше. Свен не исключал того, что их просто возьмут на мушку.

Озеро Ниангцзе, 12 января 1907 года

Тибетец Хладже Церинг, губернатор провинции Накцанг, получил донесение: европейец, что пять с половиной лет назад хотел пробраться в Лхасу, объявился вновь. Губернатор отправился в окрестности озера Ниангцзе, где Хедин уже десять дней занимался промерами.

Губернатор был одет в китайский шелковый кафтан с пышными меховыми отворотами и воротником. В мочке

левого уха висела тяжелая золотая серьга с крупными круглыми камнями бирюзы. На голове — шапка с двумя лисьими хвостами и белой стеклянной бляхой. На ногах — кожаные сапоги на толстой белой подошве.

В сопровождении пешего эскорта из десяти человек Хладже Церинг подъехал верхом к исхлестанной непогодой выдавшей виды палатке Хедина. Губернатор слез с седла, они поздоровались как старые друзья. Свен пригласил его в палатку. На полу были разложены одеяла и подушки, посередине стояла керосинка, и были приготовлены египетские сигареты.

Хедин пригласил губернатора присаживаться на почетное место и, скрестив ноги, сел напротив. У входа в палатку расположился Мухаммед Иса в парадном вишнево-красном халате, подаренном Юнгусбэндом; он должен был переводить.

— Как губернатор Накцанга я не могу разрешить вам продолжить путь и обязан незамедлительно просить вас покинуть мою провинцию. У меня есть инструкции от правительства в Лхасе, — начал Хладже Церинг.

— Но правительство Индии и Лхасы заключили договор, у них теперь дружественные отношения, — заметил Свен.

— Хедин-сагиб, вы не знаете, чем для меня обернулась наша прошлая встреча. Мне пришлось из своего кармана оплатить все издержки, связанные с вашим появлением, и я почти разорился. Мы старые друзья, но я больше не могу позволить себе неприятностей из-за вас.

— Но все же вы не станете принуждать меня возвращаться той же дорогой. Я выехал из Ладака с караваном, в котором было сто тридцать животных, а сейчас их осталось только девять.

— Мне совершенно безразлично, сможете ли вы найти путь в Шигацзе, но через мою провинцию вы не поедете.

— Панчен-лама ожидает меня в своей столице, и никто другой не имеет права запретить мне ехать туда.

— Накцанг под властью правительства в Лхасе, а не панчен-ламы.

— Далай-лама уехал в Монголию, когда английские войска подходили к Лхасе, следовательно, панчен-лама сейчас — высшее духовное лицо в Тибете.

— К данному случаю это неприменимо, я следую указаниям от правительства в Лхасе.

— А я не уеду из Накцанга, пока не получу от панчен-ламы подтверждения, что дорога для меня закрыта.

Хедин блефовал, и тибетец это понимал.

— Так, может быть, у вас есть разрешение от панчен-ламы? — спросил Хладже Церинг.

Хедин сдаться не собирался. В уме он перебирал варианты: например, такой — свернуть на запад к озеру Дангра-юм, чтобы там повернуть на восток к Шигацзе. А если из этого ничего не получится, то можно было бы поехать в Пекин и там, как в свое время Марко Поло, очаровать китайского императора и получить у него разрешение на поездку в Тибет.

В тот же день он нанес Хладже Церингу ответный визит. Откинувшись на подушки в палатке губернатора, оба господина продолжили обсуждение возможных планов Хедина:

— Я не могу ни при каких обстоятельствах позволить вам ехать к Дангра-юм, это священное озеро.

— Дорога на запад тоже запрещена?

— Да, на юг, восток и запад. И на север...

— Ну и что мне делать?

— Ждите, — сказал тибетец.

На следующий день обстановка изменилась как по мановению волшебной палочки. Губернатор с охраной явился к палатке Хедина на рассвете.

— Хедин-сагиб, я посоветовался со своим секретарем, и мы решили, что единственный возможный выход в сложившихся условиях — это ехать в Шигацзе. Я прошу вас послезавтра быть готовым к отъезду.

Для Хедина это стало полной неожиданностью. Предложение губернатора могло завести в ловушку, но Свен, понимая это, все равно чувствовал себя счастливым.

Шигацзе, 12 февраля 1907 года

Хедин добрался до Шигацзе примерно через месяц, как раз вовремя, чтобы оказаться первым европейцем на празд-

нике буддистского Нового года в храмовом городе Ташилумпо. На следующий день в сопровождении тибетцев он шел через лабиринт узких улочек и монастырей на аудиенцию к панчен-ламе.

Хедин приоделся перед встречей: лакированные ботинки, крахмальная рубашка и фрак, долгое время почивавший на дне сундука. Хедина провели через вереницу проходов, залов, арок и потом вверх по крутым лестницам. Низко поклонившись, он вошел в комнату и поклонился еще несколько раз, приближаясь к тибетскому живому святому номер два.

Панчен-лама сидел на скамеечке в оконной нише, перед ним на маленьком столике стоял чай и рядом — бинокль. Он был шестой реинкарнацией панчен-ламы и носил полное имя Тубдэн Чёки Нима Келег Нанджал, ему было двадцать пять лет.

Хедин описывает панчен-ламу как уникальную, единственную в своем роде личность: «Я никогда не забуду его взгляд, казалось излучающий целый мир добра, мягкости и любви к людям. Никогда прежде я не видел такой улыбки и такого благородного лица». Каждый раз когда их взгляды встречались, Хедину казалось, что святой улыбается ему, кивает, как бы говоря «доверься мне, поверь в мою дружбу, я делаю только добро».

Они разговаривали три часа: о самом Хедине и его путешествиях, о Китае, Японии и британских властях в Индии (панчен-лама недавно побывал там с официальным визитом), о ламаизме, о Швеции в частности и о Европе в целом. Однако легко предположить, что Хедин ждал от самого авторитетного человека на Тибете не только светского разговора — ему была нужна поддержка.

Хедин попросил разрешения рисовать и фотографировать все, что он захочет, в храмовом городе и свободно путешествовать по Тибету. Дозволение он получил. Правда, панчен-лама тут же попросил не рассказывать о его гостеприимстве китайцам

Хедин уходил от панчен-ламы, едва не приплясывая. В качестве подарка он оставил ему сияющий алюминиевый контейнер с походной аптечкой, которая включала различные медикаменты, шприц для инъекций и морфин.

Спустя двадцать лет, в 1927 году,
Хедин второй раз посетил панчен-ламу

Хедин выехал из Шигацзе 27 марта в компании четырех китайских соглядатаев. Караван медленно продвигался на запад вдоль северного берега Брахмапутры. Припасов было вдоволь, куплены новые лошади и мулы. От первоначального каравана осталось несколько лошадей и один мул.

Дорога, которой следовал караван, должна была привести к священному озеру Дангра-юм. Была середина апреля, но весеннее тепло заставляло себя ждать. По ночам было минус пятнадцать.

По пути Хедин услышал рассказы о монахах, которые позволяют замуровывать себя в пещерах на всю жизнь. Им оставляли только небольшое отверстие для того, чтобы подавать еду и воду. И один монах, дескать, прожил в пещере шестьдесят девять лет. Караван Хедина проезжал мимо пещеры, обитателя которой замуровали три года назад.

Через две недели пути через горы Хедин добрался до окрестностей озера Дангра-юм. Но тут караван остановили люди Хладже Церинга. Они сообщили, что губернатору досталось на орехи от правительства в Лхасе за то, что он позволил Хедину ехать в Шигацзе. Потом они вежливо, но решительно заявили, что если он поедет дальше на север, к Дангра-юм, то им придется его застрелить.

Хедин не стал спорить. При этом он с удивлением отметил для себя, как вежливо тибетцы с ним обращаются, несмотря на беспокойство, которое он им причиняет. «Тибетцы — лучшие из всех азиатов», — записал он в дневнике.

Хедин направился на юг. В первый день лета внезапно умер караванщик Мухаммед Иса. По рождению Иса был буддистом, но потом перешел в ислам, поэтому его похоронили согласно мусульманскому обычаю. Хедин собственноручно поставил на могиле камень с памятной надписью на английском языке.

Новым караванщиком Свен назначил Гуффара, старшего из своих людей.

Восьмого июля Свен начал поиск истока Брахмапутры. В конце концов он добрался до края большого ледника в массиве Кубигангри на границе с Непалом, на высоте

5000 метров обнаружил вытекающую из льдов реку и пришел к выводу, что это и есть исток Брахмапутры.

Он был несказанно счастлив и с удовлетворением записал, что все прежние обозначения на картах истоков реки были неправильными. Удивляться этому не приходится — никто из составителей этих карт в этих местах не бывал.

«Кубигангри, — писал он домой, — название, которое школьники должны будут теперь заучивать, потому что отсюда берет начало Брахмапутра, одна из самых знаменитых рек на свете. И я открыл ее истоки!»

Двадцать шестого июля Хедин встал лагерем на восточном берегу священного озера Манасаровар. Половину своих людей, тринадцать человек во главе с Гуффаром, он отправил домой в Ладак, потому что экспедиция приближалась к концу, и он решил, что столько помощников ему больше не нужно.

Манасаровар, 7 августа 1907 года

Манасаровар находится на высоте 4600 метров в юго-западной части Тибета. Для индуистов и буддистов это озеро священо. С незапамятных времен к нему приходят паломники. Чтобы очиститься от грехов, они босыми идут вокруг озера, омываются в его чистой холодной воде, пьют ее и набирают во фляги, чтобы отнести домой.

Хедина сюда привели несколько иные потребности: он хотел измерить глубину озера, определить профиль дна и, если получится, найти истоки реки Сатледж. Он полагал, что они находятся у большого ледника в горном массиве Ганглунг к юго-западу от Манасаровара.

В начале августа Хедин устроил у южной оконечности озера неподалеку от монастыря Тугу Гумпа базовый лагерь. Однажды вечером на закате он устроился у входа в палатку и нарисовал акварелью грандиозную панораму, которую видел перед собой. Поверхность священного озера слегка морщили маленькие волны. На северо-западе к ярко-желтому небу тянулась горная цепь. Взгляд невольно останавливался на покрытой снегом горной вершине, возвышавшейся

ся над остальными. Это была гора Кайлас — по индуистской мифологии дом Шивы и поэтому самая святая из всех гор.

Для индуиста не менее важным, чем совершить омовение в Манасароваре, было обойти вокруг горы. Причем при искуплении грехов учитывались два «показателя»: количество кругов и высота, до которой добирался паломник. Для особо злостных грешников предназначался маршрут на высоте 5700 метров. Непривычные к холоду и разреженному воздуху, индусы мерли десятками. Но смерть на горе Кайлас считалась для индуиста наивысшим счастьем.

На рассвете 7 августа Хедин отправился на своем ялике в плавание по озеру. На крыше монастыря Тугу Гумпа лама дудел в рог. Утро было тихое, холодное. У стен монастыря в озере, клацая зубами, топтались в воде полуголые индусы. Хедин задержался, чтобы полюбоваться на них, а потом дал команду гребцам. Сам он правил, сверялся по компасу, измерял глубину, делал записи. Омывающиеся грешники, в свою очередь, с любопытством посматривали на манипуляции Свена.

Когда Свен объявил, что хочет пересечь на лодке Манасаровар, тибетцы взялись его страшить: дескать, соваться в озеро, где живут боги, — верная смерть; мол, вода на середине озера совершенно не такая, как у берегов, там пузырь, и если лодка на него заплывет, то, перевалив через вершину, заскользит вниз с невероятной быстротой и безвозвратно уйдет под воду.

Никакого пузыря, конечно, они не обнаружили, но то, что случилось в этот день, вполне можно принять за козни озерных богов.

Сначала все шло хорошо. Немного мешал ветер с северо-запада. Хедин отмечал глубину: 53, 63, 69, 72, 72, 75, 55 метров. Небо на юге было чистым, но на севере вокруг горы Кайлас собирались тучи. Тяжелое серое облачное покрывало спускалось с горы, наползало на озеро, и скоро ни горы, ни берега не стало видно.

Хедин scomандовал навалиться на весла и тут увидел песчаный смерч — и не один: смерчи стояли подобно желтым колоннам на фоне плотных темно-фиолетовых туч.

Начался дождь. Крупные тяжелые капли сменились градом, молнии расчертили облака. Затем хлынул ливень и моментально вымочил их до нитки. До берега было недалеко, но он пропал из виду. Хедин правил по компасу. Он подумал, что, наверное, ему не стоило так долго рассматривать омовения индусов. Они могли бы давно уже быть на берегу.

Волны становились все выше. Вода заливала ялик. Держать прежний курс стало невозможно. Единственным выходом было плыть по ветру в направлении волн. Шторм набирал силу. Очередная волна подхватила ялик сзади и потащила вверх. В течение нескольких секунд с гребня волны была видна вся округа. Вдалеке на юге по-прежнему светило солнце, на севере все было черно и выглядело угрожающе. Потом ялик скользнул вниз, и вокруг опять оказалась одна пенящаяся вода.

Через час борьбы со штормом они все-таки приблизились к крутому берегу у монастыря Гуссул Гумпа*. Свен засунул промокший блокнот под кожаный жилет и снял тяжелые, пропитанные водой сапоги. Тут же мощная волна ударила их о камни. Один из гребцов прыгнул в воду, она доходила ему до груди. Он удерживал лодку, пока Хедин и другой гребец выбирались из ялика.

Неимоверными усилиями они вытащили ялик на берег. Они были спасены и даже нашли убежище — небольшую пещеру. Монахи из монастыря видели их сражение с волнами. Они спустились вниз и предложили Хедину и его спутникам обогреться у огня и перекусить.

Кораблекрушение не отвадило Хедина от плаваний. Август и начало сентября он изучал Манасаровар и другое озеро рядом с ним — Лангак. Оба озера соединялись с Сатледжем. Затем он отправился к горе Кайлас и вместе с паломника-

* Хедину очень нравился этот монастырь. Оттуда открывался чудесный вид на Манасаровар и окружающие горы. Монастырь был разрушен во время «культурной революции» и вновь отстроен на остатках старого фундамента в 80-е годы после реформ Дэн Сяопина, когда религия в Китае была разрешена. — *Прим. автора.*

ми обошел ее, но в отличие от желающих избавиться от грехов ехал верхом.

Экспедиция подходила к концу. Согласно первоначальному плану оставалось выполнить лишь одну задачу: найти исток Инда. 8 сентября 1907 года Хедин отправился в путь и через пару дней добрался до верховий реки, которая в этом месте была всего лишь ручейком.

Местный пастух пообещал Хедину показать дорогу к Львиной пасти — так называлось место, где брал начало Инд, и на следующий день первым из европейцев Хедин увидел исток великой реки. Четыре подземных ручья вытекали из-под скал и сливались в один поток с местным названием Сенге-Цзангпо.

Хедин был очень доволен — он сделал все, что задумал. Через две недели он въехал в Гартук, ему надо было забрать там почту и деньги.

Но в Гартуке он понял, что сделано еще не все.

Танкси, Ладак,
27 ноября 1907 года

Двадцать седьмого ноября 1907 года Хедин созвал людей, чтобы поблагодарить их и рассчитаться. В Танкси их дороги расходились, его спутники возвращались к своим семьям в Ладак.

Хедин планировал продолжить путь с новой командой. Он решил поменять старых проверенных помощников на новых, совершенно незнакомых, не потому, что был чем-то недоволен. Это была военная хитрость. По дороге в Гартук Свен начал прикидывать планы еще одной поездки.

Он решил отправиться на Тибет. Там еще оставались белые пятна, которые необходимо было заполнить; кроме того, он хотел изучить горный хребет, названный им по праву первооткрывателя Трансгималаев.

Если этого не сделает он, то скоро появится кто-нибудь еще и завладеет его славой. Такой сценарий для Хедина был неприемлем, и он принял решение провести еще одну зиму на Тибете.

В странствиях Хедина всегда сопровождали собаки

Попытка добиться разрешения на экспедицию у местных властей успеха не имела. Опять Хедину было необходимо переиграть своих противников.

Он начал распускать слухи, что устал от Тибета и собирается через Ладак ехать в Хотан в Восточном Туркестане и оттуда в Пекин. На самом же деле, как и годом раньше, он собирался повернуть к Тибету.

Пропуск в Восточный Туркестан у него был, и это делало слухи вполне правдоподобными. Чтобы уменьшить риск, Хедин посвятил в свои планы только одного человека — старого своего знакомого купца Гулама Расула, который по счастливому стечению обстоятельств оказался в Гартуке. Расул помог ему в подготовке экспедиции.

В начале ноября пришли деньги и письмо от полковника Данлопа Смита из Симлы. Он писал, что Россия и Великобритания пришли к соглашению не допускать в Тибет научные экспедиции без предварительного согласования. Таким образом, планам Хедина теперь препятствовали не только Англия, Китай и Тибет; его старый союзник Россия тоже становилась помехой.

Хедина эта новость развеселила. Выходило, что он получил монополию на исследования в Тибете и отныне мог не беспокоиться насчет конкурентов.

Прощание с людьми было очень трогательным. Они следовали за ним пятнадцать месяцев. Хедин вызывал их одного за другим в палатку и вручал плату за службу. Трое «морских волков», которые рисковали с ним жизнью в ялике на озерах, получили дополнительную премию. Люди, не скрываясь, плакали и называли Хедина благодетелем.

Свен со слезами на глазах смотрел, как его команда седлает лошадей. Но он не мог взять этих людей на Тибет еще один раз. Их могли узнать, и это разрушило бы все планы Хедина. Сам он собирался изменить внешность и переодеться.

Третьего декабря Хедин отправился в новый путь. В караване были двадцать один мул, девятнадцать лошадей, две собаки, овцы и одиннадцать людей. Управлял караваном маленький морщинистый человечек в большой желтой шубе. Его звали Абдель Керим.

Было уже очень холодно. Ночью 2 декабря температура упала до минус двадцати трех градусов. Люди считали, что они едут в Хотан. Истинную цель Хедин до времени держал в секрете. Чтобы Абдель Керим купил достаточно припасов для людей и животных и при этом не догадался о его настоящих планах, Хедин сказал караванщику, что собирается по пути посетить несколько мест, так что рассчитывать надо на два с половиной месяца.

Они следовали старым караванным путем, соединяющим Индию и Восточный Туркестан, к Каракорумскому перевалу. Однажды, когда Хедин разговаривал со старшим встречного каравана, к нему вдруг подошел человек и протянул горсть сушеных абрикосов. С опозданием Хедин узнал Моллу-шаха из Черчена. Он был с Хедином на Тибете в 1902 году и с тех пор продолжал странствовать. «Какая чудесная кочевая жизнь у этих азиатских караванщиков», — думал Хедин, прощаясь со своим старым помощником.

Спустя две недели Хедин начал искать проход через горы к Тибету. Однажды вечером, когда он сидел у лагерного костра, к нему подошел Абдель Керим.

— Сагиб, у нас осталось запасов на восемь или девять дней. Но беспокоиться не надо, в течение этого времени мы выйдем к Шахидуллаху.

— Восемь или девять дней? Ты что, с ума сошел? Я разве не приказал купить припасы на два с половиной месяца?

— Я купил достаточно на дорогу в Хотан, — оправдывался несчастный караван-баши.

— Я же тебе сказал, что собираюсь ехать в Хотан кружным путем и это займет минимум два месяца.

— Да, сагиб, я поступил неправильно, — покаялся Абдель Керим и начал всхлипывать.

Первым порывом Хедина было разжаловать караван-баши, но потом он отказался от этой мысли. Винить стоило в первую очередь себя. Из прежнего опыта Хедин знал, что все приготовления надо контролировать самому. Он начал обдумывать ситуацию. Если он появится в Шахидуллахе, то об этом по телеграфу моментально известят Пекин, и китайские власти используют все средства, чтобы

не пустить его в Тибет. О том, чтобы купить припасы в Ле, и речи быть не могло, в этом случае о его планах узнали бы тибетцы и британцы.

Но в ста шестидесяти километрах лежало озеро Аксай-Чин. Хедин был там в прошлом году. Возле озера корма животным хватало с избытком. Потом можно было пройти по неисследованному тибетскому нагорью шестьсот пятьдесят километров и снова выйти в обитаемые места.

Кроме того, были хорошие шансы встретить по дороге пастухов-кочевников. Караван-баши выжидающе смотрел на Свена, ожидая его решения. «Даже если мы все потеряем и придется ползти на карачках, я все равно не сдамся», — сказал себе Хедин.

Двадцатого декабря они повернули на восток и въехали в заснеженную долину, показавшуюся многообещающей. Увы, тупик. Пришлось возвращаться. Голодные животные рыли копытами снег и жевали хвосты друг у друга. Термометр показывал минус тридцать пять градусов.

Они вернулись на караванный путь к Хотану. Только накануне Рождества, отметив тяжкий путь трупами павших лошадей, Хедин нашел проход на северо-восток. Он отмечал праздник в своей палатке. Зажег две стеариновые свечи, поставил на кофр фотографию семьи и прочитал рождественские молитвы.

Спустя несколько дней Хедин позвал к себе Абделя Керима и рассказал о своих настоящих планах. Свен не стал скрывать, что хорошо известен тибетцам и что ему придется переодеться, когда они выйдут в обитаемые места.

Разочарование людей в караване было большим — все уже думали о скором прибытии в уютный Хотан. Но никто не протестовал. Хедин подумал, что, вероятно, кажется им сумасшедшим.

Караван за две недели дошел до озера Аксай-Чин. Там действительно было много желтой прошлогодней травы.

На горном хребте над озером была могила Мухаммеда Исы. Свену взгрустнулось.

Тринадцатого января 1908 года караван оставил окрестности озера. Было минус тридцать.

Стокгольм, 3 июля 1908 года

«Где Свен Хедин? Есть ли основания для беспокойства?» — вопрошал заголовок в «Шведской ежедневной газете» от 3 июля 1908 года. Тот же вопрос интересовал шведскую «Вечернюю газету» и газеты всего мира.

Хедин выехал из Ладака в начале декабря 1907 года. С тех пор о нем не было ни слуху ни духу. Свен предупредил домашних, что даст знать о себе не раньше апреля. Но апрель прошел, потом июнь, и начался июль — и по-прежнему никаких известий.

Пошли слухи о гибели Хедина. Один из друзей семьи пришел к родителям Свена выразить соболезнования. Заголовки газет, сообщающих о его исчезновении, больше напоминали некрологи.

Двадцать четвертого июля Хедины получили письмо от шведского представителя в Лондоне. Он сообщал, что, по здешним сведениям, Свена видели живым и здоровым в районе селения Мустанг три или четыре месяца назад. Впоследствии выяснилось, что это ошибка, но тревога в те дни поутихла.

Следующее сообщение пришло из Симлы, от лорда Минто. Он информировал английского посла в Стокгольме о том, что Свена видели на дороге между Лхасой и Ле.

В начале августа от Минто пришла телеграмма, в которой говорилось, что Хедина видели в полном здравии десять дней назад на Тибете. Но и это сообщение оказалось ошибочным.

А Хедин в это время сидел в своей палатке и писал домой первое с начала декабря письмо.

«Тирапури Пинг, 31 июля 1908 года.

Я очень волнуюсь, когда пишу это письмо. Сколько всего могло произойти дома за эти месяцы. Последний раз я получил от Вас весточку в начале октября, почти год назад. Надеюсь, вы все здоровы и я скоро узнаю множество хороших новостей из почты, которая ждет меня в Симле. Раньше у меня не было никакой возможности связаться с вами».

После озера Аксай-Чин караван Хедина, несмотря на жуткий холод, глубокий снег и снежные бури, совершил несколько переходов через перевалы на высоте более пяти тысяч метров. Иногда за целый день они едва проходили пять километров. Не чувствуя заочневших рук, Хедин заполнял картографические листы, засекал по компасу и хронометру ориентиры и делал зарисовки.

В начале февраля караван приблизился к обитаемым местам. Хедин собрал людей и объяснил, что им следует говорить, будто они находятся на службе у богатого торговца Гулама Расула из Ле и приехали покупать шерсть. Главный в караване Абдель Керим, а Свена следует называть Бабахаджи.

Хедин переоделся в ладакскую одежду и каждое утро подкрашивал лицо, шею и руки. Он шел пешком и гнал овец, вполне профессионально орудуя пастушеским посохом.

На этот раз Хедин замаскировался более тщательно, и ему удалось пройти неразоблаченным весь неисследованный район — через Трансгималаи и потом вниз, в долину Брахмапутры. Когда его все же раскрыли, он почти что обрадовался, поскольку устал от постоянного напряжения; особенно же ему надоело управлять овцами.

Окрестности Сага-дзонг,
24 апреля 1908 года

Караван Свена стал лагерем в долине неподалеку от крепости Сага-дзонг. В дне пути пролегал большой торговый путь через долину Брахмапутры.

Абдель Керим шепотом предупредил Свена о приближении каких-то людей. Хедин, не выходя из палатки, посмотрел в бинокль: восемь вооруженных всадников, из них двое, судя по одежде, чиновники.

Когда всадники подъехали к лагерю, Абдель Керим пригласил их в свою палатку. Свен слышал обрывки разговора, и неожиданно прозвучало «Хедин-сагиб». Беседа продолжалась около часа. Потом визитеры подсели к лагерному костру выпить чая.

Абдель Керим шепотом рассказывал Хедину о том, что они слышали, будто переодетый Хедин-сагиб путешествует вместе с караваном. Караван-баши отнекивался, но от него потребовали письменной клятвы. Это было серьезно. Свен не мог себе позволить, чтобы караванщик взял такой грех на душу. Кроме того, Хедин подумал, что если даже его завернут назад, то он успеет многое сделать, как это бывало раньше, на обратном пути.

Свен подошел к костру. Он ничем не отличался от своих слуг: темная кожа, обычная ладакская одежда, замызганный тюрбан, — но люди встали.

— Сидите спокойно, — сказал Хедин, устраиваясь у огня. Прямо перед собой он увидел знакомое лицо. — Узнаешь меня, Пемба Церинг? Я Хедин-сагиб, тот самый, что был здесь в прошлом году. Вот я опять здесь. Что ты собираешься со мной делать?

— У нас строгий приказ из Лхасы не пускать европейцев.

На следующий день Свен поехал с Пемба Церингом в Сага-дзонг на встречу с местным губернатором.

— Единственный возможный путь для вас, Хедин-сагиб, возвращаться той же дорогой, которой вы приехали.

Свена подобная перспектива вполне устраивала. Он опять пересечет Трансгималаи, а потом можно будет повернуть на запад, исследовать еще один неизвестный район и пройти вновь через Трансгималаи в обратном направлении.

Хедин использовал свои дипломатические таланты, хитрость, знакомство с панчен-ламой и добился практически всего, что хотел. Но тибетцы категорически отказались переслать его письма, и Свен не смог дать знать о себе. Хедин надеялся, что слухи о его появлении в Центральном Тибете дойдут до Ле с караванами. Так и произошло, но много позже, нежели рассчитывал Свен.

Десять тибетских солдат присматривали за Хедином на обратном пути. Сначала караван двигался на север, перевалил Трансгималаи и вышел к озеру Теринам, отсюда — на северо-запад, вдоль северного склона горной цепи. Далее Хедину было разрешено следовать на запад, что ему и требовалось. Именно на западе находилась область Центрально-

го Тибета площадью в 65 000 квадратных километров — белое пятно, украшенное штампом «Не изучено».

Через месяц Свен в восьмой раз перевалил через Трансгималаи; теперь у него сложилось довольно ясное представление об открытой им горной цепи.

В середине июля Хедин вышел к селению Токчен, к западу от озера Манасаровар. До Симлы было рукой подать. Он распределил груз на оставшиеся десять лошадей и мулов, а сам шел пешком. Дорога была такая, что волосы вставали дыбом: узенькие подвесные мосты над бездонными пропастями, кручи, обрывы, и все время — то вверх, то вниз. Но последние два дня Хедин ехал с комфортом. Полковник Данлоп Смит, до которого дошло известие, что шведский путешественник возвращается, выслал ему навстречу коляску.

Пятнадцатого сентября Свен Хедин въехал в Симлу.

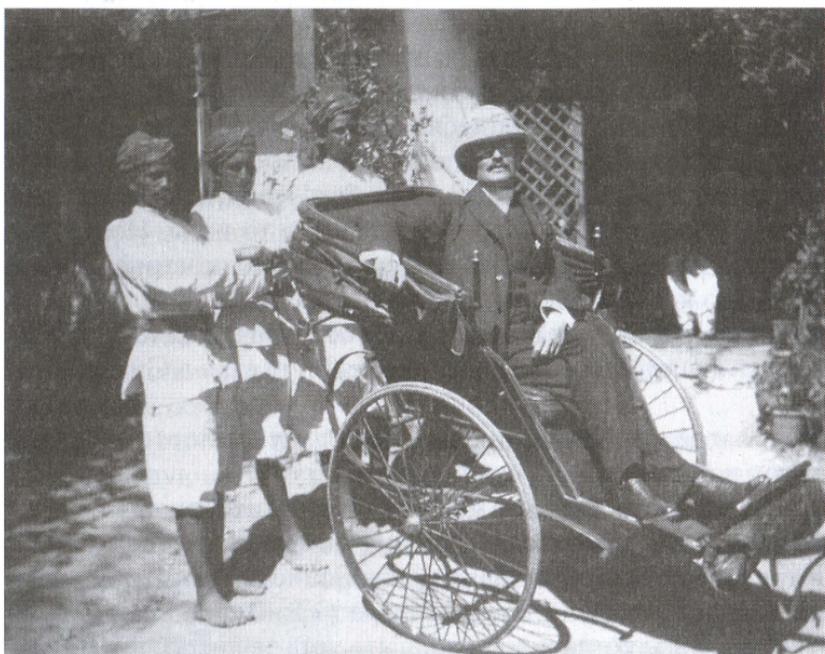
Первым делом Хедин пошел к портному; за портным последовал парикмахер.

Слухи о его приезде распространились очень быстро. Самым проворным оказался корреспондент «Таймс». Второе и третье место в забеге заняли журналисты из «Дейли мейл» и «Дейли телеграф». Хедин выбрал «Таймс». Но не безвозмездно. Свен согласился раскрыть уста за двести фунтов.

Вечером его пригласил на ужин лорд Минто. Расспросам не было конца. Следующим вечером во дворце вице-короля был бал: шуршали шелка, сверкали бриллианты. Это был другой мир. Контраст с горными безлюдьями, простыми пастушескими палатками и буддистскими монастырями, в которых Хедин провел последние два года, был почти сюрреалистическим. Но было и нечто схожее: он находился в центре внимания.

Через девять дней после его приезда в Симлу во дворце вице-короля собралось сто пятьдесят избранных гостей. Тронный зал превратили в аудиторию. Трон сдвинули в сторону, на его место повесили большую цветную карту, начерченную самим Хедином, а по обе стороны от карты — рисунки и акварели.

Во фраке с красной розой в петлице Свен подошел к карте. Он давно не выступал перед большим скоплением людей

Две зимы в Тибете позади. Хедин вернулся в Симлу, посетил парикмахера и портного и готов показаться на людях

и волновался, однако быстро успокоился и три часа рассказывал о своих приключениях. Аплодировали ему от души.

Присутствовавшие в зале знали, почему Хедину пришлось ехать кружным путем, но Свен ни словом не упомянул о попытке британского правительства сорвать экспедицию. Он вообще воздержался от политики. После доклада вице-король выступил с речью и долго расхваливал Хедина.

Спутники Хедина жили в караван-сараях на южной окраине города. Он часто навещал их. Перед тем как им возвратиться домой, в Ладак, Хедин нанял фотографа и снялся со всеми перед входом во дворец вице-короля. Расставание, как обычно, было очень эмоциональным.

— Бедняги! Они так искренне горюют, расставаясь с вами. Это лучше всяких слов говорит о том, кем вы для них были, — заметила Мари Минто, жена вице-короля, оказавшаяся свидетелем этой душераздирающей сцены.

Но для самого Хедина труднее всего было расстаться с собаками, которые сопровождали его в пути.

Симла, 7 октября 1908 года

Хедин быстро втянулся в оживленную светскую жизнь Симлы: обеды, ужины, балы, чаепития сменяли друг друга. Когда супруги Минто 7 октября уехали из Симлы, он переехал из дворца вице-короля в усадьбу лорда Китченера.

Китченер прославился во время английских колониальных войн в Судане и Южной Африке. В Судане он быстро, эффективно и жестоко подавил арабское восстание. За это достижение империя наградила его тридцатью тысячами фунтов и присвоила титул лорда Хартумского.

Методика Китченера была довольно проста: убивать как можно больше. Он на практике проверил ее в Судане при помощи пулеметов, после чего его назначили главнокомандующим британскими войсками в войне с бурами в Южной Африке. По иронии судьбы Китченер был ярким противником этой войны, но как офицер считал необходимым выполнить свой долг перед страной. Не особенно

Хедин с лордом Китченером в Симле. 1908 год

разбираясь в средствах, он с редкостной целеустремленностью навалился на буров и добился не меньших успехов, чем в Судане. За южноафриканскую мясорубку Китченер получил пятьдесят тысяч фунтов и титул виконта.

Рациональная жестокость Китченера распространялась не только на врагов, но и на собственных солдат. Для большей, как он считал, эффективности военных операций Китченер до минимума сократил число военных санитаров, и раненые оставались лежать на земле на произвол судьбы.

Корреспондент шведских «Ежедневных новостей» так описывал Китченера: «Первое, на что обращаешь внимание в этом человеке, это его голубые глаза — прозрачные, буквально ледяные. В них сразу видны ум и энергия, но ни малейших признаков чувств».

Хедин Китченеру нравился — он был в его вкусе: целеустремленный и не останавливающийся перед смертельной опасностью. Китченер особо оценил решение Свена совершить еще один зимний поход по Тибету.

— Меня это восхищает. Такие поступки требуют железной воли, — сказал Китченер с полным одобрением.

Хедин был гостем главнокомандующего пять дней. Они вели бесконечные разговоры — во время прогулок, за ужином, сидя в креслах перед камином. Китченер порой говорил совершенно неожиданные вещи.

— Странно, почему меня никогда не выдвигали на Нобелевскую премию мира. Кто, как не я, умиротворил Судан и Южную Африку? Для дела мира на планете я сделал в наше время, наверное, больше, чем все остальные, но что-то никакой Нобелевской премией для меня и не пахнет.

Хедин не знал, что ответить.

— Да, но как именно вы умиротворяли Судан?

— Я пулеметами перебил всех, кто мог носить оружие, и там наступило полное спокойствие.

Хедин попробовал сослаться на взгляды Нобеля:

— Нобель имел в виду другой мир — не через насилие и кровопролитие. Он хотел объединения всех людей на основе гуманизма, взаимопонимания и просвещения. Он хотел

поддерживать движение за мир, и если не распустить совсем, то хотя бы уменьшить существующие армии.

— Здесь они не правы. Никто не может отрицать, что я добился в Судане мира, — заявил виконт.

Хедин попробовал объяснить:

— Я думаю, что большинство героических поступков, которые направлены на укрепление и консолидацию Британской империи, не относятся к тому миру, который имел в виду Нобель.

— Я понимаю. Он был мечтатель и фантазер и не осознал, что наша империя означает для всего человечества.

Китченер сам сел на козлы и повез Хедина на станцию. Хедину надо было на поезде доехать до Бомбея, где предстояло сесть на корабль, отплывающий в Японию. Его пригласило японское Географическое общество, которое жаждало выслушать рассказ о его путешествии. Телеграмма японцев подкреплялась просьбой представителя Швеции в Токио Густава Валленберга, который хотел использовать авторитет Хедина на благо шведских торговых интересов в Японии. Свен никогда прежде не был в Японии и сразу согласился.

Плавание заняло месяц. Корабль останавливался в Коломбо, Сингапуре, Гонконге и Шанхае — это были совершенно новые места для Хедина. 12 ноября они причалили в порту Йокогамы. На пристани его встречала целая депутация.

Двадцать шестого ноября Хедина принял император Муцухито, который перед этим пожаловал ему орден Священного сокровища. Согласно этикету Хедин должен был появиться у императора с орденом, но не получилось. Чиновник, который должен был прислать награду Хедину, перепутал Швецию и Швейцарию и послал орден не в то посольство.

Император Муцухито был одним из авторов реформ, превративших Японию в крупнейшую азиатскую индустриальную державу. Он встретил Хедина в европейском костюме со шведским орденом Серафимов на груди.

Император засыпал Свена вопросами о Тибете и экспедиции. Хедин увидел в нем в первую очередь любознательного человека — «на редкость симпатичного, дружелюбного и по-хорошему любопытного». «Я совершенно не чувство-

вал, что передо мной божественный владыка, каким его считают японцы», — записал он.

Немногим смертным выпала честь видеть императора так близко. Об аудиенции сообщили все японские газеты. Одна из них написала: «Исключительно важно, что Его Величество изволил проявить к шведскому гостю такой живой интерес и провести с ним так много времени».

Из Японии Хедин отправился в Корею, затем в Маньчжурию и по Транссибирской железной дороге приехал в Москву. Там его встречала сестра Альма. В поезде Хедину пришло в голову вернуться на родину на борту лоцманского судна «Вега». Хедин был на вершине. Его чествовал и славил весь мир. Подняться выше было уже невозможно.

Лондон, 8 февраля 1909 года

Восьмого февраля 1909 года Хедину предстоял доклад в Лондоне. В президиуме сидело руководство Королевского географического общества, а также министр по делам Индии лорд Морли.

Хедин поднялся со своего места, взял указку и оглядел забитый до отказа зал. В первых рядах расположились полярный исследователь Роберт Скотт, Фрэнсис Юнгусбэнд, лорд Керзон и Аурель Штейн.

Доклад Свена скорее походил на хорошо поставленный танец. Собственно, так оно и было, потому что он уже прочитал этот доклад в Симле, Токио и Стокгольме и довел почти до совершенства. Как и четыре месяца назад в Симле, Свен обошел молчанием политические перипетии.

Потом с места поднялся Морли. Когда Свен узнал, что будет выступать министр по делам Индии, он заметил:

— Это может быть занятно! Интересно, уж не собирается ли он меня отчитывать за то, что я обошел все его запреты и указы?

Морли посмотрел на маленький листок, который держал в руке.

— Я позволю от общего имени поблагодарить доктора Свена Хедина, — начал Морли и с воодушевлением произнес речь, расхваливая достоинства Хедина. Завершил он свое

выступление так: — Независимо от того, было мое решение задержать господина Свена Хедина правильным или неправильным, сегодня вечером он взял полный реванш.

Речь Морли вызвала в зале одобрительные возгласы. Когда стихли аплодисменты, Хедин поднялся, чтобы поблагодарить.

— Я могу сказать, что три года назад не особенно любил лорда Морли. Хотя и тогда я прекрасно понимал, что он служит благу Британской империи. Сейчас, после того как я двадцать пять месяцев путешествовал по неизведанным местам Тибета, все это предстает в ином свете. И я понимаю, что никто не оказал мне столько услуг, как лорд Морли, — сказал Хедин и пояснил: — Если бы у меня было разрешение ехать в Тибет по дороге из Симлы в Гартук, то я бы организовал большой тяжело груженный караван, который тибетцы заметили бы наверняка уже на перевале Шипки. И еще: лорд Морли закрыл для меня границу между Индией и Тибетом, благодаря чему я оказался один на один с большим белым пятном на карте Тибета. Так что это не просто пустые слова, когда я говорю, что никто не оказал мне больших услуг, чем министр по делам Индии. Три года назад я, может быть, и не любил его, но сейчас беру на себя смелость считать его одним из моих лучших друзей до конца жизни.

После этих слов Хедин подошел к лорду Морли и под приветственные крики и аплодисменты пожал ему руку.

После Лондона Хедин посетил Манчестер, Ливерпуль и несколько шотландских городов. В Манчестере студенты едва не разорвали Хедина на куски, когда в полном восторге от доклада несли его на руках к автомобилю.

Затем Хедин вернулся в Лондон. Он должен был сделать доклад в Королевском географическом обществе, на этот раз для коллег. До сих пор поездка по Англии была полным триумфом.

Лондон, 23 февраля 1909 года

Доклад был назначен на 23 февраля. Сравнительно узкий круг собрался в здании Королевского географического общества на Сэвилл-Роу. Свен прекрасно понимал,

Восторженная встреча Хедина в Манчестере. 1909 год

что в этот раз аплодисментов не будет, но был совершенно не готов к такому количеству возражений и явному неудовольствию.

Хедин уже сражался с критиками в Русском географическом обществе, которые оспаривали его выводы касательно озера Лобнор.

Критики в Лондоне ставили под сомнение открытие Хедином как истоков Брахмапутры, Инда и Сатледжа, так и новой горной цепи Трансгималаи. С интересами науки это имело мало общего, скорее можно было говорить о зависти и ущемленных самолюбиях.

В зале присутствовали бывший шеф британского геодезического управления в Индии полковник Томас Холдич, побывавший на Тибете капитан Сесил Роулинг и альпинист Том Лонгстафф.

Лонгстафф недавно поднялся в Гималаях на вершину горы Трисул, более семи тысяч метров высотой. В своей статье в журнале Королевского общества он уже высказывал определенные сомнения в отношении открытий Хедина.

— Доктор Лонгстафф понятия не имеет о тех местах, о которых я говорю. И по очень простой причине. Он там никогда не был и вынужден цитировать полдюжины других путешественников и географов, которые там тоже никогда не были. Какая польза может быть от такой бессмысленной критики? Это просто беспомощная возня, — сказал в ответ Хедин.

Название «Трансгималаи» никому не понравилось — особенно усердствовал Холдич. Хедин представил, что бы сейчас здесь творилось, если бы он назвал горную цепь Хединберг, как предлагали лорды Минто и Керзон.

Свену пришлось сказать высокому собранию, что попытка раскритиковать материалы, которые он еще не опубликовал, выглядят довольно странно.

Собрание на Сэвилл-Роу навсегда оставило свой отпечаток у Хедина на сердце и сказалось на его отношении к Англии.

После доклада участники дебатов собрались за ужином, во время которого попросил тишины археолог Аурель Штейн. Пользуясь картой Хедина, Штейн вышел к засыпанному песками Лулану и провел там раскопки.

— В руинах забытого города я нашел кое-что особенное, — сообщил Штейн.

Стало тихо. Все смотрели на археолога. Штейн достал из кармана металлическую рулетку с гравировкой «Стокгольм» и сказал, что нашел ее в Лулане и хочет вернуть владельцу, Свену Хедину.

Председатель Королевского географического общества Леонард Дарвин выпросил у Хедина эту рулетку для музея общества. Там она хранится и поныне.

_____ Стокгольм, 18 июля 1910 года

Восемнадцатого июля 1910 года шведская «Вечерняя газета» опубликовала статью Августа Стриндберга под заголовком «Первооткрыватель-надуватель». Для разминки Стриндберг проехался по полярным исследователям. Какой такой Нансен герой, если он дошел всего до 86 градуса, а Пири вообще ничем не может доказать, что побывал на полюсе. Потом указующий перст великого мизантропа ткнул в Хедина: «Разве Свен Хедин открыл новые земли? Нет! Тогда за что его чествовать? Хедин описал бесконечные песчаные дюны и обозначил на карте горные вершины, о которых всегда было известно, просто никто не утруждал себя нанесением их на карту. Обыкновенный землемер, без всяких живописных приключений, выполнит работу Хедина».

Свен помнил, как он познакомился со Стриндбергом. Тогда Стриндберг показался ему симпатичным и забавным. А теперь он втягивал Свена в бессмысленные дебаты...

Август Стриндберг обиделся на весь мир, когда Сельма Лагерлёф получила Нобелевскую премию по литературе в 1909 году. Стриндберга одолевали желчность и зависть. В 1910 году он опубликовал в «Вечерней газете» статью под заголовком «Обожаемый фараон», в которой издевался над почитанием Карла XII как защитника западной цивилизации от восточного варварства.

Стриндберг поливал монархию, шведскую академию, всех успешных и талантливых людей. В июле настала очередь

Хедина. Стриндберг вооружился двумя картами, вычерченными в Сибири шведскими военнопленными в XVIII веке, — он нашел их, когда собирал материал о Карле XII тридцать лет назад. Стриндберг пытался с их помощью представить открытия Хедина как не имеющие никакой ценности пустячки.

Свен разозлился и взялся за перо. Он закончил письмо в газету жестко и беспощадно: «Как стервятник, Стриндберг живет мертвечиной, но набрасывается и на живых, если они не огрызаются. Когда проходишь мимо его дома, кажется что там лежит покойник и вот-вот подъедет катафалк забрать тело. Вокруг него расползается темнота. Несчастный одинокий странник, живущий на развалинах своей трагической жизни. Под визг флейт и труб, дерганным шагом живого мертвеца он начал свой поход под черными знаменами, они ведут его».

Письмо Хедина было опубликовано в «Ежедневных новостях» 22 июля. Слова Свена многим не понравились, в том числе их общему со Стриндбергом издателю Карлу Отто Бонниеру. Хедин корил себя, подумал, что лучше было бы промолчать, и решил извиниться. Он обратился к общему со Стриндбергом знакомому с просьбой организовать встречу. Но тот лишь улыбнулся: «Невозможно. Он тебя не поймет. Заподозрит, что ты пришел обидеть его, и не откроет дверь».

Популярность Хедина росла. Он посетил с лекциями Германию, Австрию, Швейцарию и Италию, где был представлен папе Пию X. Осенью в Стокгольм приехал бывший американский президент Теодор Рузвельт. Когда их познакомили, Рузвельт воскликнул:

— Вы хотите сказать, что это тот самый Свен Хедин?! Чертовски рад встретиться, нам есть о чем поговорить.

Увлечением Рузвельта была охота. У него округлились глаза, когда Хедин сказал, что не охотился во время своих путешествий.

— Не понимаю: дикие края, множество дичи — это же такой шанс!

— Как сказать, — ответил Свен, — может быть. Но я не охочусь по двум причинам: мне не нравится убивать и я считаю соревнование охотника и дичи слишком неравным.

— Но вам же приходилось стрелять, чтобы добыть пищу или в целях самозащиты.

— Конечно. Но мне не нравится убивать для удовольствия, и у меня всегда рядом были охотники. Я не смогу заставить себя перерезать горло барану, даже в случае крайней нужды. Но не буду колебаться ни секунды, если надо стрелять в бандитов ради спасения жизни.

Последний раз Свен виделся с Милле двенадцать лет назад. Она ушла в прошлое, но ее место так никто и не занял.

Неожиданно Милле объявилась. Она хотела, чтобы Свен навестил ее, когда мужа и детей не будет дома.

Спустя двенадцать лет Хедин узнал об истории с письмами.

Милле не стала разрывать помолвку, как собиралась, и вышла замуж за богатого помещика Альберта Линдстрёма. Свен спрашивал себя, что бы случилось, если бы он тогда не написал ей.

Письмо Милле он, скорее всего, получил бы в Санкт-Петербурге. Вся Швеция тогда знала, что Свен Хедин отправился в новую экспедицию. Король, Нобель и многие другие ожидали результатов его работы, а не романов. Свен мог только гадать и предполагать, как бы все могло сложиться тогда. Как бы то ни было, спустя двенадцать лет они начали тайно встречаться на квартире двоюродного брата Милле — Роберта на Бастугатан.

Стокгольм, 19 декабря 1911 года

Майор Хеденгрэн поднялся по ступенькам подъезда дома 5Б на набережной Нурра Бласиехольмен, где жила семья Хедин. Примерно год назад в доме освободилась квартира, и Свен снял ее, чтобы быть поближе к родным. Впервые за сорок пять лет у него появилось собственное персональное жилье. Майор остановился перед дверью с табличкой «Доктор Свен Хедин». Ему прежде не доводилось встречаться со знаменитым путешественником, а дело было деликатным. Хеденгрэн позвонил в дверь.

— Майор Габриэль Хеденгрэн из штаба Министерства обороны, — представился он. — У меня к вам конфиденциальный разговор.

Хедин проводил гостя в кабинет. За окнами было темно. Начиналась драматическая глава в шведской политике.

Причиной визита стала инициатива нового либерального правительства Карла Стааффа отменить решение прежнего кабинета о строительстве нового броненосца для шведского флота.

Майор сразу взял быка за рога:

— Доктор должен объяснить людям наше военно-политическое положение, абсолютную необходимость укреплять оборону и что деньги на строительство броненосца должны быть найдены.

— Я? Но я разбираюсь в Азии, а не в военном деле.

— Это не имеет значения. Весь материал, который вам понадобится, вы немедленно от меня получите, — ответил Хеденгрэн.

Свен не колебался. Он был убежден в том, что без сильной обороны независимость Швеции окажется под вопросом. Прорисовывались контуры нового международного конфликта, и нужда в сильной обороне была, по его мнению, острой как никогда. Хедин с охотой взял на себя роль вестника, который протрубит тревогу и пробудит народ от ложных снов о вечном мире.

Хедин предложил написать брошюру в пятьдесят — сто страниц и издать ее тиражом миллион экземпляров.

— Надо сделать так, чтобы, когда люди открывали газету, наша маленькая книжечка падала им прямо на колени. Можете быть уверены, что они обязательно посмотрят, что же такое написано в этой бесплатной брошюре.

Майор одобрил, но засомневался насчет финансов.

— Есть много богатых людей, которые думают так же, как и мы. Я знаю некоторых и убежден, что на такое дело нам дадут деньги с удовольствием, — сказал Хедин

Они обсудили название брошюры и остановились на «Слово предупреждения».

Время поджимало. В течение трех следующих вечеров Хеденгрэн накачивал Хедина сведениями, потом Свен начал писать. Даже Рождество проскочило незаметно. Широкими мазками он изображал мир, стоящий на пороге мировой войны.

Через пять дней рукопись было готова. 30 декабря Свен Хедин пришел с ней к Карлу Отто Бонниеру и сказал, что ему нужен тираж в миллион экземпляров. Бонниер остолбенел. Но, прочитав рукопись, он сказал «нет». Бонниер был либералом и одобрял Карла Стааффа. Впрочем, когда Хедин начал подыскивать другого издателя, Бонниер передумал: деньги перевесили идеологию. Первый тираж в четыреста двадцать тысяч экземпляров он обещал выпустить 24 января.

Тем временем Хедин рыскал по стране, добывая деньги. Четвертую часть всех необходимых средств — семьдесят три тысячи крон (три миллиона крон сегодня) — он получил от судовладельца Акселя Аксона Йонссона. Щедро раскошались также табачный король Кнут Юнглёф и вдова пуншевого короля Седерлунда.

Центральной идеей «Слова предупреждения» была угроза со стороны России — привычная для Хедина страшилка. Брошюра почти целиком была посвящена угрозе с востока. Хедин играл на исконной шведской русофобии и описывал ужасы, которые постигнут Швецию, если ее оккупируют русские: «В красных домиках под соснами и березами расквартированы солдаты. Без возражений несчастная хозяйка круглые сутки должна поить их кофе. Кофейник непрерывно булькает на плите. Если она осмеливается попросить денег — в ответ лишь смеются. В “Гранд-отеле” и в “Роял-отеле” живут вражеские офицеры, длинные ряды столов ломятся от шведской еды. Школы превращены в казармы, и дети должны оставаться дома».

При этом Хедин озаботился тем, что скажет его старый друг и благодетель царь Николай насчет демонизации России. Никакая другая страна не оказывала Хедину такой сердечной поддержки. Лучше всего, решил Хедин, если царь услышит все от него самого, и он заказал билет в Санкт-Петербург.

В предыдущий раз они виделись два с половиной года назад, когда Николай приезжал в Стокгольм с официальным визитом. Его Величество вновь обещал Хедину любую поддержку и пожаловал свой портрет вместе с сыном.

— Я написал брошюру, чтобы предостеречь шведов. Другие государства в районе Балтийского моря, особенно Россия, закладывают новые военные суда и вооружаются. Следовательно, мы в Швеции должны делать все возможное и быть наготове, — сказал Хедин, встретившись с царем в Царском Селе.

— Но те военные суда, которые мы строим, мы строим не против вас. Мы думаем совсем о другом государстве, чьи силы нарастают и создают угрозу для нас на Балтике, — сказал Николай, подразумевая Германию.

— Конечно, Ваше Величество, я знаю, что Россия имеет лишь дружеские намерения в отношении Швеции, — заметил дипломатично Хедин. — Я хотел заранее известить вас о моей брошюре, чтобы это не стало для Вашего Величества неожиданностью, и вновь выразить мою благодарность Вашему Величеству и России за доброту и помощь мне.

Хедин уходил от царя с надеждой на то, что «Слово предупреждения» не будет воспринято Николаем как враждебный выпад. Это была их последняя встреча.

Недолгое время спустя на банкете в Санкт-Петербурге Николай попросил посла Швеции известить короля Густава V о том, что он удивлен и огорчен тем, что Хедин, который всегда встречал в России дружбу и поддержку, мог написать о военных устремлениях русских против Швеции.

Россия закрыла двери для Хедина.

Хедин вернулся в Стокгольм 25 января. В тот же день его брошюра стала вываливаться на колени десяткам тысяч подписчиков газет по всей стране.

Правая пресса сразу возлюбила Хедина, либеральная и социалистическая принялась поносить. «Слово предупреждения» никого не оставило равнодушным. Не проходило и дня, чтобы та или иная газета не комментировала брошюру Хедина. Скоро прорезались оппоненты. Первым был Стриндберг с памфлетом «Курьер царя, или Секреты пильщиков-точильщиков».

Для того чтобы добраться до шведов, не читающих газет, Хедин привлек к распространению брошюры священников и учителей. Он рассылал каждому из них по двадцать пять экземпляров и письмо. Многие отвечали и просили прислать еще. Бонниер продолжал печатать брошюру, и тираж достиг миллиона. Последние сто экземпляров вышли в особом издании, часть их была продана за двести пятьдесят крон каждый (около десяти тысяч крон сегодня). Королева Виктория получила миллионную копию, брошюру с номером 999 999 Хедин приберег для себя.

Незадолго до «Слова предупреждения» была опубликована самая успешная, по крайней мере с коммерческой точки зрения, книга Хедина для юного читателя «От полюса до полюса» — книга, которую полюбили и любят до сих пор многие поколения школьников. Это был его первый литературный опыт, прежде Хедин писал только научные труды и путевые записки.

Первые два тома «Трансгималаев», рассказ о путешествии по Тибету, вышли из печати осенью 1909 года, меньше чем через год после возвращения. В 1910 году была напечатана в двух томах книга «По дороге в Индию» — рассказ о путешествии из Швеции в Симлу. Хедин писал быстро, и это давало свои плоды: он много зарабатывал — по несколько миллионов ежегодно в нынешнем денежном исчислении.

Фалун, 9 сентября 1913 года

Неожиданно командующий войсками в провинции Даларна полковник Фредрик Бьёркман пригласил его на офицерское собрание. И вот Хедин пытается собраться с мыслями и сымпровизировать речь.

Только что полковник Бьёркман превозносил Свена до небес, благодарил за мужество, проявленное в дебатах по вопросам обороны, сравнивал с Карлом XII и уверял в полной поддержке всего офицерского корпуса. Этикет требовал от Свена ответной речи.

Около тридцати офицеров и несколько гражданских ожидали, что он скажет. За несколько последних месяцев Хедин проехал на автомобиле по Швеции более трех тысяч километров. Он хотел собрать свежие впечатления перед речью в шведской Академии наук, предложившей ему место в президиуме.

Хедин подошел к столу с пуншем, постучал по бокалу и заговорил. Его речь звучала национально-романтическим панегириком Швеции. Потихоньку она перетекла в политическую полемику с теми, кто не хочет пожертвовать деньги на укрепление обороны.

— Неужели эта страна не заслуживает того, чтобы ее защищать? — риторически вопрошал Хедин. — Мы сталкиваемся с различными вариациями национального самоубийства, которое называется социалистическим разоружением и антимилитаристской агитацией. Мы видим, как находящийся у власти блок представителей нашего народа ставит на карту свободу отчизны и, пренебрегая обороной, играет в орлянку нашей независимостью...

На переднем плане: Хедин флиртует с баронессой Фалькенберг.

Слева его сестра Альма.

Справа от баронессы Фалькенберг — Роальд Амундсен,
покоритель Южного полюса.

Стокгольм, 1913 год

Четыре недели спустя Хедин произнес речь об оборонительной политике на собрании Общества трезвости в церкви Большая Шедви в Даларне. Так же как и в Фалуне, он говорил восторженно и патриотично. Затем последовала атака на правительство и левых и напоминание о русской угрозе. Закончил Хедин словами:

— Мы, единый христианский народ, никогда не опустим наши знамена. Боже, храни отчизну! Боже, храни короля!

Эта речь вызвала оживленные дебаты в прессе. Не успели они утихнуть, как Хедин еще раз выступил в офицерском собрании в Даларне и призвал к завоеванию Норвегии и части территории Дании — Северной Зеландии. Об этом стало известно благодаря военному музыканту юнкеру Йохану Герхаалу. Во время выступления Хедина юнкер был в соседней комнате и делал записи, которые стали достоянием прессы.

Из крупных газет первой об этом написала стокгольмская «Вечерняя газета». Публикация вызвала грандиозный резонанс. Согласно Герхаалу, Хедин сказал: «Если я однажды протрублю в трубу и призову вас, надеюсь, что вы будете готовы и поймете меня». Это истолковали, как призыв готовиться к перевороту.

Хедин назвал записи юнкера «полным идиотизмом». Это, однако, не помешало прессе, как шведской, так и датской и норвежской, день за днем пережевывать и склонять на все лады приписываемые Хедину поджигательские высказывания.

Тем временем у Хедина появился своеобразный военный советник — лейтенант Карл Беннедик, который оказал на него изрядное влияние. Первая речь, сочиненная ими вместе, была произнесена Свенем в начале декабря на собрании Христианского союза молодежи. Когда Хедин с нажимом произнес: «Все поймут меня, когда я однажды протрублю в трубу», его слова были встречены бурной овацией.

Две недели спустя Хедин вновь держал речь, на этот раз перед собранием стокгольмского Женского социал-демократического союза. Ему впервые предстояло выступить перед враждебно настроенной аудиторией.

Стокгольм, 14 декабря 1913 года

Речь Хедину вновь помогал писать Беннедик. Они просидели несколько вечеров и ночей дома у лейтенанта. Хедин выучил написанное наизусть. Оппонировать ему должен был Фредрик Стрём, секретарь партии социал-демократов.

Хедин и Стрём вместе поднялись на трибуну. Зал был забит людьми. Первым выступил Стрём. Он был искусным оратором и выступал перед единомышленниками.

— Да, — говорил Стрём, — необходимо вооружаться, но не против внешних врагов, а против бедности и капитализма!

Его проводили шквалом аплодисментов.

Настала очередь Хедина. Его друзья опасались, что ничем хорошим это мероприятие не закончится. Показательно поведение доброго друга Свена — Эрика фон Розена, который держался возле Хедина с револьвером в кармане, дабы уберечь его, если, не дай Бог, на него нападут. Тут же находился домашний врач Хедина, готовый в случае необходимости оказать ему медицинскую помощь.

Сам же источник беспокойства не ведал об этих приговорах. После многих лет среди киргизов, туркестанцев, тибетцев и монголов Хедин был уверен, что в Стокгольме ему нечего бояться.

Он говорил без малого два часа. Время от времени из зала доносились недовольные возгласы, но револьвер фон Розена и докторский саквояж не понадобились.

Главным врагом Швеции Хедин, разумеется, называл Россию, но доставалось и Норвегии, которая полностью зависела от Англии, союзника опять-таки России. Бедолаги пильщики и точильщики, приезжавшие в Швецию на заработки, теперь в интерпретации Хедина стали зловещим признаком притязаний России на Швецию. Поэтому Хедин требовал больше броненосцев и увеличения срока службы призывников.

— В современном мире, — иронизировал Хедин, — полным-полно волков, не питающих ни малейшего уважения к социал-демократическим овцам.

— Да здравствует республика! — закричал кто-то, но другие слушатели заставили его замолчать.

Когда публика расходилась, Свен услышал обмен мнениями.

— Да он сам дьявол, этот Хедин.

— Насчет дьявола не знаю, но черт наверняка.

Хедина такие реплики только радовали. Как он и рассчитывал, выдержки из его выступления были опубликованы всеми крупными шведскими газетами и впоследствии долго обсуждались.

На фоне всего этого почти незамеченным прошло избрание Свена в президиум шведской Академии наук.

Стокгольм, 6 февраля 1914 года

В политической истории Швеции 6 февраля 1914 года стало особенной датой. Никогда прежде вмешательство в политику частного лица не вызывало таких скорых и серьезных последствий.

Утром 6 февраля церкви Стокгольма заполнили тысячи крестьян с сине-желтыми значками, явившиеся со всей Швеции. После заутрени они собрались на площади Густава-Адольфа. Без четверти одиннадцать крестьянская масса пришла в движение и потянулась к королевскому дворцу. Крестьяне разбились в группы по губерниям, каждая под своим флагом. Здесь была вся Швеция: от Лапландии на севере до Сконе на юге.

Идея провести манифестацию, чтобы продемонстрировать единение народа и короля, возникла у проповедника Нюберга и оптовика Фрюкберга. Хедин непосредственного участия в подготовке мероприятия не принимал, но в стороне не остался; именно он способствовал тому, что манифестация оказалась вписана в историю Швеции.

Пока площадь перед дворцом заполнялась крестьянами, оркестр королевских гвардейцев исполнял марш. Ветер полоскал знамена. Наконец из ворот дворца вышел король. Все сняли шапки и запели здравицу.

От имени крестьян выступил Уно Нюберг:

— Мы далеки от партий и политики, но мы хотим сказать нашему королю о нашем общем желании и надежде на то, что защита родины, нашей земли, на которой с незапамятных времен трудились наши предки, будет надежной и что мы и наши потомки сохраним нашу свободу и независимость.

Затем на трибуну взошел король. На солнце сверкал его шлем с пышным желтым плюмажем. Справа от Его Величества, у подножия трибуны, затянутой темно-синей тканью с вышитыми желтыми коронами, стояли принцы.

Затаив дыхание, Хедин слушал королевскую речь.

«Никаких поправок, — с удовольствием подумал он, когда Его Величество закончил. — Практически слово в слово».

Речь, только что произнесенную королем Швеции, написали они с Беннедиком.

Свен Хедин, как, впрочем, и многие другие, довольно пренебрежительно относился к Густаву V. Он считал, что король слаб и пренебрегает своими обязанностями. Союзником номер один в королевском доме у Хедина была королева Виктория, немка по происхождению. К ней Свен относился со всем уважением.

В письме профессору Харальду Йерне в середине декабря 1913 года Хедин писал: «Я считаю, что наш король заслуживает порицания в полной мере. Забывая о своем долге, занимая такой пост, он совершает смертный грех. Я написал ему два длинных письма и совершенно ясно и четко высказался насчет того, что ему надо делать и чего Швеция и шведы ожидают от него сейчас. Король меня поблагодарил. Но что он сделал?»

Месяцем позже ситуация изменилась. 21 января 1914 года, за две недели до манифестации крестьян, Хедин был у короля. На следующий день он послал письмо Габриэлю Хеденгрену, тому самому офицеру, который вдохновил его на «Слово предупреждения» и, собственно, втянул в политику. Хедин писал: «Его Величество в порядке. Я был у него вчера. Он в восторге от плана крестьянской манифестации, прием будет роскошным».

Это была почти победа или, точнее, полпобеды. Нужно было, чтобы крестьяне услышали ответное слово короля, соответствующее их чаяниям. Хедин призвал Беннедика. Благодаря Фрюкбергу он был информирован о том, с какими просьбами крестьяне обратятся к королю. Оставалось только собраться с мыслями и написать королевский ответ.

Королевское слово должно быть мудрым, выражать силу и волю. Король обязан соответствовать образу отца отчизны, главного военачальника, который безгранично доверяет своему народу, верящему, в свою очередь, в короля и готовому выполнить в трудное время свой долг.

Хедин и Беннедик засучили рукава и приступили к сочинительству. Через три дня Свен позвонил своему старинному — еще по персидскому посольству — знакомцу Клаесу Левенхаупту, камергеру королевского кабинета.

— Я хочу встретиться с королем, — сказал Хедин.

Левенхаупт попросил подождать, потом перезвонил:

— Приходи прямо сейчас, он примет тебя в одиннадцать.

От квартиры Свена на Бласиехольмен до дворца было рукой подать. Король ожидал Хедина в кабинете.

— Ты о чем-то хотел поговорить?

— Крестьяне ожидают услышать от своего короля речь настоящего монарха, и я позволил себе, с помощью военного советника, написать то, что, я убежден, их порадует, — сказал Свен, протягивая рукопись королю.

Густав V прочитал очень внимательно, сложил листы, убрал во внутренний карман и сказал:

— Это я скажу крестьянам!

— Наверное, можно что-то улучшить или поправить, — предложил Свен.

— Нет, здесь не надо ничего ни добавлять, ни улучшать. Зайди, пожалуйста, к Трюггеру (Эрнст Трюггер — лидер правых), пусть он прочитает. Я жду тебя здесь завтра в два часа, расскажешь мне, что думает Эрнст.

— Блестяще, вот что я думаю, — сказал Трюггер. — То самое королевское слово, которого ожидают крестьяне. Но какую позицию займет правительство? Король играет по-крупно-

му и рискует, тут нельзя колебаться и идти на попятный. Ты не боишься, что короля уболтают его настырные советники и он даст слабину?

Трюггер как в воду глядел. Едва ли не накануне манифестации Хедин был приглашен к Густаву на обед. За столом, помимо Его Величества и Свена Хедина, собрались королева Виктория, кронпринц Густав-Адольф и просто принцы — Карл и Евген. Принцы уговаривали короля смягчить речь: нынешние формулировки, по их мнению, почти наверняка могли вызвать правительственный кризис.

Король позволил себя уговорить и попробовал склонить Хедина к изменению текста.

— Ваше Величество, как я могу менять те слова, которые, как вы сами раньше сказали, вы должны сказать крестьянам? — парировал Свен.

Прения продолжились. Принцы упорствовали, король колебался, но тут вмешалась королева.

— Густав, — сказала с заметным немецким акцентом Виктория, вставая из-за стола, — если ты отступишь, то тебе придется обходиться без меня.

Король бросился к жене с криком:

— Сядь, Виктория, ради Бога сядь! Я скажу эту речь!

Манифестация крестьян вызвала бурную активизацию политической деятельности по всей стране. Везде собирались митинги, произносились речи, проходили демонстрации. Ялмар Брантинг — однокашник короля по Бесковской школе* — организовал социал-демократическое шествие в поддержку правительства Стааффа, причем умудрился собрать больше народа, чем Нюберг и Фрюкберг.

Стаафф потребовал от короля, чтобы он заранее информировал правительство о своих политических выступлениях, но Густав V возразил:

— Я не хочу лишаться права свободно общаться с моим народом.

Стаафф подал в отставку 10 февраля.

* Известная частная стокгольмская школа для детей из видных семей.

Очень немногие знали правду об авторстве знаменитой речи на дворцовой площади — это оставалось секретом до 1951 года*.

В конце марта Хедин написал новую брошюру «Второе слово предупреждения», также напечатанную миллионным тиражом. Карл Стаафф заметил в связи со «Вторым словом предупреждения»: «У Хедина лучше получалось распространять цивилизацию в варварских странах, чем варварство в нашей цивилизованной Швеции».

Лето семья Хедин проводила на вилле Клиппуден в Лидингё. 25 июля Хедин стоял во дворе виллы и смотрел, как к Стокгольму подходит французская эскадра.

На борту одного из судов был президент Франции Раймон Пуанкаре, который завернул в Швецию на обратном пути из Санкт-Петербурга после встречи с Николаем II. Вечером король давал банкет в честь высокого французского гостя, и Хедин, разумеется, был в числе приглашенных. После того как Густав V и президент Франции обменялись приветственными речами, король представил Свена французскому президенту. Пуанкаре с чувством пожал Хедину руку.

Во время банкета министру иностранных дел Франции Вивиани несколько раз приносили телеграммы, заметно нервничая, он их читал тут же, в зале. После последней телеграммы Вивиани подошел к Пуанкаре, о чем-то с ним переговорил, и вскоре французские гости покинули зал. У самого дворца внизу лестницы их ожидали шлюпки. Светлой шведской ночью французские суда ушли в свое последнее мирное плавание. До начала мировой войны оставалось три дня.

Новости, которые заставили французскую эскадру спешно поднять якоря, моментально изменили ситуацию и в Швеции. Предложения по укреплению обороны были приняты. Хедин чувствовал себя триумфатором.

«Мировая история не знает ничего столь грандиозного, как эта немецкая война против почти всей Европы, и ниче-

* Из уважения к Густаву V до его смерти Хедин не разглашал то, что речь написали они с Беннедиком.

го более скандального, чем политика Англии», — написал он своему немецкому издателю Альберту Брокхаусу вскоре после начала войны. Свен принял немецкую точку зрения на войну целиком и полностью.

Он не мог понять, равно как и простить, британского альянса с Россией против Германии. Разве его старый друг лорд Керзон не предупреждал все время о русской угрозе Индии и разве не Керзон всего два месяца назад написал Свену письмо, самым лестным образом отзываясь о политической и патриотической деятельности Хедина «в укреплении скандинавского единства против общей опасности», то есть России?

А сейчас Англия Керзона вступила в союз с этой Россией «в борьбе против германской культуры» — как охарактеризовал Свен происшедшее. Кроме Швеции три страны многое значили для него, а теперь две из них были в состоянии войны против третьей. Прогерманская позиция была для Хедина само собой разумеющимся делом. Нигде он не был так популярен и почитаем, как в Германии. Именно Германия была той единственной силой, которая могла удержать Россию от экспансии на запад. Так думал Хедин, так рассуждало большинство русофобов в Швеции.

Как и многие шведы, Свен был уверен в том, что Германия победит в войне. Преисполненный великошведского романтизма, Хедин видел шанс в том, чтобы, следуя в кильватере победоносной Германии, вернуть Швеции земли и честь, отнятые Россией.

Люксембург, 19 сентября 1914

«**К**ажется, в комнате светлеет, когда встречаешь взгляд Кего спокойных голубых глаз», — подумал очарованный Хедин, когда германский кайзер вышел к приглашенным к обеду гостям. Свен смотрел в глаза Вильгельма II как загипнотизированный. «Кажется, его взгляд обладает магнетической силой, в нем неколебимая воля, решительность и мощная энергетика, быстрота мысли, юмор, доброта, искренность и уверенность».

Кайзер крепко пожал Хедину руку, поприветствовал и уселся рядом с собой за просто сервированный стол. Было 19 сентября 1914 года, завтракали в немецком представительстве в Люксембурге, теперь превратившемся в ставку немецкого военного командования. В нескольких десятках километров к югу, по другую сторону границы с Францией, шла позиционная окопная война.

Хедин хотел побывать на войне и попросил разрешения поехать на Западный фронт. Очень быстро, еще в Стокгольме, он получил разрешение. Несколько дней Свен провел в Берлине, потом отправился в поездку на автомобиле с шофером, предоставленным в его распоряжение немцами. Два дня он провел в Трире на Мозеле, родном городе Карла Маркса, посетил там полевой госпиталь. Затем приехал в Люксембург и остановился неподалеку от немецкого штаба на Западном фронте. От начальника штаба фон Мольтке он получил все необходимые пропуска и приглашение на обед к кайзеру.

Сейчас он сидел за обеденным столом рядом с кайзером и, хотя был голоден, едва попробовал бифштекс, равно как и десерт, и лишь пригубил красное вино. Хедину было не до того: он смотрел на Вильгельма и слушал. Но когда Свен вернулся в гостиницу, он тут же заказал себе в комнату бутерброды.

Большинство тех, кто хотел поехать на фронт, получали отказ, но Хедина в Германии обожали. В Германии известие о его поездке восприняли с восторгом, реакция дома, в Швеции, была значительно более сдержанной.

«Зачем Свен Хедин едет в Германию? — вопрошала либеральная «Карлстадс тиднинген» и сама же отвечала: — Он едет для того, вероятно, чтобы втянуть нас в войну. Несмотря на ясно выраженную правительством, риксдагом и всем шведским народом волю сохранять полный нейтралитет, он вынашивает свои планы, противные интересам страны».

Статья была перепечатана всеми газетами. Поднялась волна слухов; за комментариями журналисты обратились к министру иностранных дел Валленбергу.

— Доктор Хедин перед своим отъездом в Германию уверил меня в том, что придерживается политики нейтралитета, — сказал Валленберг. — Его поездка целиком и полностью носит частный характер и предпринимается для того, чтобы ознакомиться с боевыми действиями, что необходимо для его книги, которая, вероятно, выйдет из печати к Рождеству.

Хедина, похоже, все это не очень интересовало. Он ездил вдоль линии Западного фронта, вооруженный блокнотом для зарисовок, фотокамерой и записной книжкой. Он побывал в госпиталях, интервьюировал французских военнопленных, разговаривал с людьми в занятой немцами Северной Франции, повидал разрушенные войной города и деревни, разговаривал с немецкими офицерами, попадал под артиллерийский и минометный обстрел, вникал в то, что такое окопная война, и съездил в оккупированную Бельгию.

Во всем, что Свен видел, он замечал немецкое превосходство — в организации, оружии, обучении солдат, мотивации и даже в полевой форме. Немецкая была серой, малоза-

метной, а французские солдаты по-прежнему были в старых мундирах: синий китель и ярко-красные бриджи.

Еще до отъезда из дома Хедин был уверен в том, что Германия победит в войне. И эта убежденность лишь укрепилась, когда ему довелось увидеть немецкую военную машину в действии. Для Германии он был просто идеальным фронтовым репортером.

В середине октября три шведские газеты одновременно опубликовали текст, который представлялся как частное письмо от Свена Хедина другу в Швеции. Письмо, которое было не более приватным, чем и сам «друг», которым оказался редактор «Афтонбладет» Сольман, вызвало заметную реакцию как в Швеции, так и за границей, особенно во Франции.

Оценка была не особо лестной для Хедина. Шведская «Блекингё лэнс тиднинген» («Краевая газета Блекингё») заметила: «Это письмо писал не швед, его писал немец».

Хедин взваливал всю ответственность за войну на государства Антанты. «Германия никогда бы не тронула ни одну деревню на французской земле и никогда бы не послала ни одну пулю через границу, если бы ее не принудили к этому против ее воли», — писал он. Утверждения газет о том, что немцы обращаются с французскими военнопленными жестоко, он полностью отвергал. «Я своей честью клянусь в том, что эти утверждения ложь. За линией огня жизни французов ничего не угрожает, насколько это в человеческих силах».

Он продолжал: «Мир никогда еще не сталкивался с подобной гекатомбой лавины лжи, как во время этой войны. Всех собак вешают на Германию, ее поливают ложью».

Датское правительство запретило статью, сочтя ее пристрастной. Во Франции тон комментариев варьировался от иронии до негодования. Газеты перепечатавали сообщения о решении датской цензуры. Председатель французского Географического общества, который лично награждал Хедина в 1903 году орденом командора Почетного легиона, опубликовал резкое открытое письмо Хедину в «Фигаро».

Хедин тем временем отдыхал на знаменитом бельгийском водном курорте Остенде. Элегантная набережная Остенде

теперь была линией фронта. Море патрулировали британские миноносцы. Из окна своей комнаты в гостинице «Литораль» Хедин слышал пушечные выстрелы — это британские военные корабли обстреливали германские береговые позиции.

Вообще-то Свен собирался остановиться в «Маджестике», но все номера там были заняты. И Хедину следовало поблагодарить за это Господа, потому что через несколько дней снаряд с английского миноносца угодил в ресторан гостиницы как раз во время обеда, разукрасив внутренностями и кровью обедающих стены и потолок.

Спустя два месяца Хедин вернулся в Стокгольм. Его возвращению домой предшествовало интервью в Берлине. Его перепечатала газета «Эресундс постен» («Эресундская почта») под заголовком «Скандалные военные призывы. Свен Хедин призывает Швецию броситься в военный водоворот».

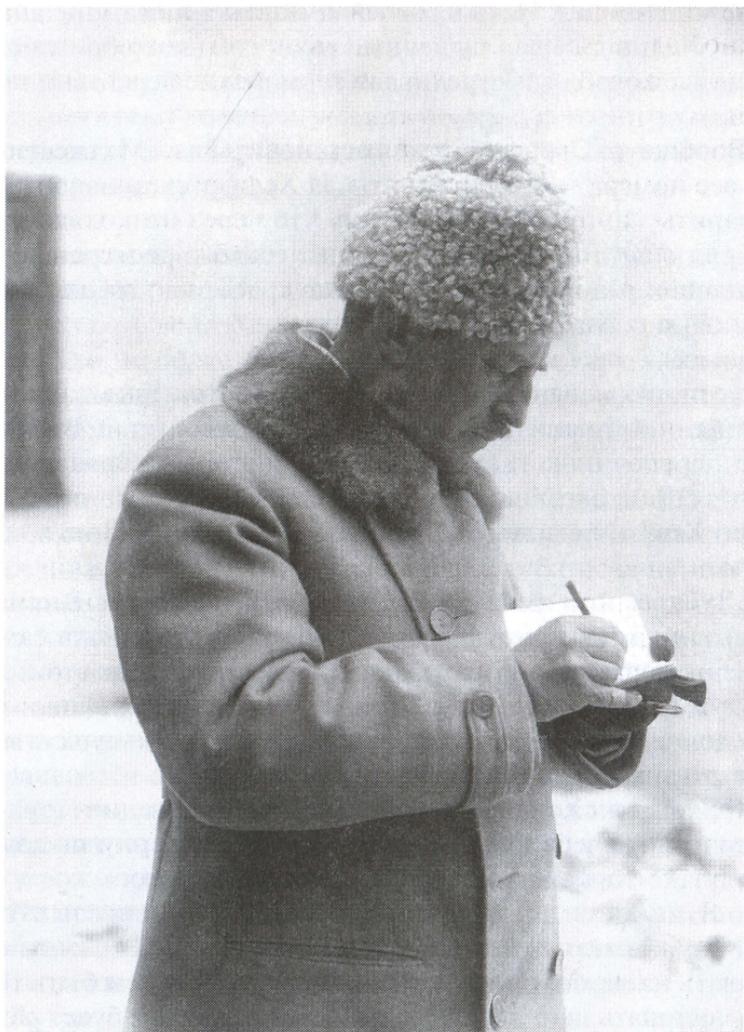
«В Германии действуют, на Севере говорят. Высшим достоянием считают формальный мир, который на самом деле — смертельный удар. Сейчас весь мир противостоит свободе и настоящему миру. Если наш народ не ощущает своего долга и своего места в борьбе германцев за существование, то его дни сочтены».

Но хотел ли Хедин на самом деле, чтобы Швеция вступила в войну во имя пангерманизма? Когда Свен вернулся домой, его тут же спросили об этом во время интервью.

— Я никогда не говорил, что мы должны ввязываться в войну, — ответил он. — Я лишь сказал, что мы должны осознавать наше положение, исполнять свой долг и быть готовы защищать наш нейтралитет. Если Германия будет разбита, то мы будем поработены Россией.

Хедин также сказал, что собирается написать книгу о своих фронтовых впечатлениях.

Книга под названием «С Западного фронта» появилась на прилавках книжных магазинов в середине февраля. В Германии она вышла в двух изданиях: одно оригинальное, полное, и второе — сокращенное, специально для солдат-фронтовиков. Германское издание Хедин посвятил немецким

Свен Хедин — военный корреспондент.
Восточный фронт, 1915 год

солдатам. Посвящение на шведском издании было довольно провокационно: «Тем из моих соотечественников, которым нужно лучше понять народ, знающий свой долг». Посвящение задавало тон всей книге и вполне могло заставить рецензентов и читателей закрыть ее, едва начав читать.

Тех же, кто продолжал чтение, ожидало захватывающее повествование, несмотря на буквально пародийное, доходящее до смешного, восхваление всего немецкого. Славословия Германии и кайзеру не имели границ. Что же касается обвинений немцев в жестоком обращении с военнопленными, то в изложении Хедина ангелоподобные немцы с пленными едва не нянчились.

Книга «С Западного фронта» — это и путевые заметки, и военный репортаж. Хедин не приукрашивал войну: смерть, горе, разрушения. Он писал об отстреленных языках, разорванных телах, разбросанных мозгах и сырых скользких окопах, смердящих дерьмом. Но при этом он изображал войну как нечто великое, прекрасное и благородное. В конце концов, если верить ему, шла борьба за существование немецкой культуры.

Своих русских друзей Хедин потерял, когда написал «Слово предупреждения». Своим прогерманским энтузиазмом в войне он оттолкнул от себя своих французских и британских друзей. Франция лишила его ордена Почетного легиона, французское Географическое общество и Королевское географическое общество лишили его звания почетного члена. Хедин воспринял это как оскорбление.

Иерусалим, 31 июля 1916 года

Глава американской колонии в Иерусалиме Льюис Ларсон представил Хедина собравшимся.

— Сельма Лагерлёф просила меня передать вам всем самый теплый и сердечный привет, — сказал Хедин, обращаясь к двадцати шести шведам, обосновавшимся в Иерусалиме. Все они были родом из деревни Нос в Западной Даларне. В 1896 году они продали свои дома, оставили друзей и род-

ственников. В Иерусалиме шведы влились в американскую колонию.

Сельма Лагерлёф услышала о них в 1897 году во время летней поездки в Даларну, ее тронула и заинтересовала эта история. Она сочла ее хорошей основой для романа. В 1899 году она побывала в Иерусалиме, собирая материал. В результате был написан ее лучший роман «Иерусалим».

Иерусалимские шведы с благодарностью вспоминали Сельму Лагерлёф, но книга им не понравилась. Хедин заключил, что в литературе иерусалимские шведы ни черта не смыслят. Они понятия не имели о современных шведских авторах, таких, как Фрёдинг, Хейденстам и Стриндберг. Приятным исключением оказался сам Свен. В библиотеке колонии была его книга «От полюса до полюса».

Шведские пилигримы прожили в Иерусалиме двадцать лет, и Хедин спросил, не скучают ли они по Швеции. Он был в шоке, когда услышал.

— Нет, мы хотим жить и умереть здесь. В Иерусалиме мы счастливы.

Для Свена это было почти предательство, но он утешал себя тем, что колонисты с любопытством расспрашивают его о Швеции. «Значит, — заключил Хедин, — их сердца не закрыты для отчизны».

Хедин думал о новых экспедициях в Гоби и Тибет, но из-за испорченных отношений с русскими и британцами мог о них лишь мечтать. В его распоряжении оставались страны, где доминировала Германия и ее союзники.

Хедин месяц прожил в Багдаде. Там он сдружился с английским генералом Таунсендом, с которым познакомился восемь лет назад в Симле, когда тот был начальником штаба у Китченера. Генерал попал в плен, после того как его войска были разбиты в сражении с турками к югу от Багдада. Они встретились на вечернем приеме, который давал Халил-паша, победитель Таунсенда.

— Вы помните, как мы познакомились в Симле? — спросил Свена Таунсенд. — Кто мог подумать, что вам доведется видеть меня побежденным.

Таунсенд и Свен общались как старые знакомые и подолгу разговаривали: о Симле, Гималаях, манговых садах, фельд-маршале лорде Китченере — словом, обо всем, кроме войны.

В Мосуле Свен узнал о смерти Китченера. Фельдмаршал направлялся в Россию на крейсере «Гемпшир». 5 июня 1916 года возле Оркнейских островов судно подорвалось на немецкой мине и затонуло с 600 моряками и пассажирами.

Хедин был опечален гибелью Китченера, но в то же время видел в происшедшем большой успех немцев: «Его гибель — большая победа и удача для стран оси, — писал Свен из Мосула домой, — но я чувствую пустоту. Китченер был крупнейшей величиной в Англии и блестящей личностью. С этим англичанином я бы обязательно встретился после войны».

По пути из Мосула Хедин посетил руины древних ассирийских городов Асура и Ниневии; в это время немецкие археологи проводили там раскопки. В Дамаске Свена свалил сильный приступ малярии. Почти неделю его мучила лихорадка. Однако, едва оправившись, Хедин поехал осматривать Петру. Перед возвращением в Европу он посетил Синайский фронт.

Двадцать четвертого сентября Хедин вернулся в Швецию. В Стокгольме он засел за письменный стол и по обыкновению быстро сочинил две антибританские книги: «Багдад, Вавилон и Ниневия» вышла из печати в начале лета, а «Иерусалим» — поздней осенью 1917 года.

Падение монархии и приход к власти в России правительства Керенского Хедин воспринял положительно. Он выражал надежду на то, что новая Россия не будет столь большой угрозой для Швеции, как прежняя. И тут же увидел главную опасность в Англии с ее «беспардонным экспансионизмом и жадной мирового господства». «Только немецкий меч спасет мир от этого вампира», — писал он в полной убежденности.

Поездка Хедина по Ближнему Востоку совпала по времени с геноцидом армян в Турции. Эти события получили в мире громкий резонанс и были, разумеется, использованы противниками Турции в пропагандистских целях.

Двадцать страниц книги «Багдад, Вавилон и Ниневия» Свен посвятил судьбе армянского народа.

«Преследование армян, жестокости против беззащитных женщин и детей относятся к самым мрачным страницам войны, — написал Хедин и не удержался от того, чтобы лягнуть Россию: — Эти преследования превосходят жестокость, с которой два миллиона русских немцев, после начала войны с Германией, были сосланы и брошены властями в сибирские чумные бараки».

Озабоченность в мире, и особенно в Англии, армянским вопросом Хедин считал скорее пропагандистским ходом, нежели искренним сочувствием. Возможно, он не был столь уж и не прав.

«Я не могу поверить тому, что константинопольское руководство руководит жестокостями, о которых мы услышали во время войны. Вероятно, ответ за это несут местные власти, солдаты и жандармы», — написал он со своей обычной наивной верой в то, что люди, которых он знает и которым доверяет, способны только на добро. В данном случае речь шла о турецком военном министре Энвер-паше, который без проволочек выдал Хедину все необходимые бумаги и разрешения на поездку. Он же, по мнению историков ответствен в первую очередь за побоище армян.

_____ Стокгольм, 4 февраля 1917 года

Четвертого февраля 1917 года стало скорбным днем в доме Хединов. США разорвали дипломатические отношения с Германией. Америка была в шаге от войны. Новость как бомба поразила Хединов. «Несправедливый, жестокий удар по немецкому народу и его высочайшей культуре», — так высказалась об этом сестра Свена Альма.

Семнадцатого февраля умер патриарх семьи Людвиг Хедин. Ему было 90 лет. Еще накануне смерти Людвиг переписывал набело рукопись книги Свена «Багдад, Вавилон и Ниневия». Выйдя на пенсию, он взял на себя заботы по переписке сына и общению с издателями. Старый архитектор скрупулезно копировал письма Свена домой и даже

некоторые рисунки, которыми тот обыкновенно сопровождал свои послания.

Семья была для Свена своего рода штабом, а отец начальником этого штаба. Кабинет старшего Хедина опустел, но руководство «штабом» взяла на себя Альма, а переписывание набело — младший брат Карл.

Закончив книги о поездке по Ближнему Востоку, Хедин с жадностью набросился на новую работу — на этот раз по заданию шведской Академии наук, которая поручила ему написать биографию Бенгта Оксеншерны, побывавшего в XVII веке, помимо прочего, в Персии, Турции и Египте и даже испробовавшего себя в качестве средиземноморского пирата.

Было известно, что Оксеншерна вел дневник, но где он? Хедин даже добился разрешения вскрыть захоронение Оксеншерны, но дневника не нашел. Хедин продолжил поиски в Германии и в архиве Дармштадта наконец обнаружил сорок страниц — начало дневника, прерывавшегося на приезде Оксеншерны в Неаполь.

Одновременно Хедин пишет еще две книги: «Южный Тибет», большую научную работу о тибетской экспедиции 1905–1909 годов, и «Путь через Восточную Персию».

Обе книги порядком припозднились из-за политической деятельности Хедина. Продолжая работать над ними, он нашел время написать полемическую книгу «Судьба Швеции».

Берлин, 5 октября 1918 года

Свен Хедин сидел в дипломатической ложе немецкого рейхстага вместе с послом Швеции в Берлине бароном фон Эссенем. На календаре было 5 октября 1918 года. На трибуну поднялся слывший либералом принц Максимилиан Баденский. Двумя днями ранее после долгих колебаний он принял пост рейхсканцлера и сформировал правительство из «умеренных» и социал-демократов.

Новый рейхсканцлер объявил рейхстагу, что он пошлет ноту о прекращении огня президенту США Вудро Вильсону. Таким образом, Хедин стал свидетелем удручающего для него зрелища: либерал Максимилиан Баденский объявил о капитуляции Германии с той самой трибуны, с которой метал молнии великий Бисмарк. Свен не мог понять, что происходит. Немецкая армия не была разбита, и враг еще не ступил на землю Германии.

Что произошло? Хедину было нужно объяснение, и он нашел его, но не на фронте военном. «Германию победили не вражеские армии, а немецкие демократы собственной персоной», — написал он в предисловии к книге «Судьба Швеции».

Из-за капитуляции Германии и беспорядков, которые начались в России годом раньше после большевистского переворота, сложилась новая геополитическая ситуация. И Хедин счел необходимым для Швеции переориентироваться на западные державы: «Должны мы ответить “да” или “нет” на нынешние требования Антанты участво-

вать в сдерживании славянской анархии? Ради нашего собственного блага необходимо ответить “да”, в этом случае мы, по крайней мере, спасем честь и получим возможность продолжать существовать как независимое государство»*.

«Судьба Швеции» — 800 страниц пространных обвинений против шведских политиков — вышла из типографии в июле 1918 года. «Разумеется, я не хотел участия Швеции в войне, — уверял Хедин, — но шведский нейтралитет должен был быть нейтралитетом с позиции силы...»

Стокгольм 14 июля 1919 года

Одиннадцатого ноября 1918 года во Франции в Компьене в железнодорожном вагоне было подписано соглашение о перемирии. Первая мировая война закончилась. Следующие шесть месяцев в Версале государства Антанты обсуждали условия мирного договора. Германия не была приглашена.

Когда Франция, Англия и США выработали окончательный вариант договора и предложили без обсуждения подписать его Германии, немецкая делегация в знак протеста покинула Версаль. Но через полтора месяца новое правительство Германии и большинство в рейхстаге проголосовали за Версальский мирный договор, и 28 июня 1919 года он был подписан. Германию принудили выплачивать контрибуции и репарации, она лишалась колоний, изрядной части своей территории и, разумеется, армии.

Не только в Германии условия договора считали несправедливыми. В частности, экономист Джон Мэйнард Кейнс назвал их «неразумно тяжелыми». Британский премьер-министр Ллойд Джордж понимал, что уничтожение Германии может привести к новой войне, и пытался добиться уступок, но Франция была непреклонна.

Свен Хедин на Версальский договор отреагировал как был на красную тряпку. Он считал его несправедливым и уни-

* Речь идет об интервенции в Россию. Решение было принято в Лондоне на конференции Антанты 15–16 марта 1918 года.

зительным. Несколько позже Свен пишет своему бывшему однокашнику профессору Вальтеру Штальбергу: «Германия не была побеждена вражеским оружием на поле боя. Она была побеждена собственным народом. Вот в чем трагедия». И тут же добавляет, что не оплакивает Германию, ибо убежден в реванше.

«Народ придет в себя и прозреет. И реакция будет страшной. Тогда Германия вновь вернет свое величие и наступит день справедливого суда для Максимилиана Баденского и других демократов, “освободивших” народ... Война еще не закончена. Германия еще не втоптана в землю, она готова к свершению великих подвигов. Я тешу себя надеждой на то, что увижу, как немцы обойдутся с Польшей так же, как японцы с Кореей, она этого заслуживает»*.

Возможно, Хедин был бы осторожней в высказываниях, если бы знал, что адресат злоупотребит его доверием.

Штальберг был в полном восторге от письма своего шведского друга. Он прочитал вслух письмо Свена на августовском собрании консервативной националистической народной партии. С его же благословения письмо было напечатано газетой «Ди Пост».

Новость быстро добралась до Швеции. «Краевая газета Блекингё» написала 20 августа: «Свен Хедин опять вляпался в политику... Он оказал бы большую услугу Родине, самому себе и близким, если бы лазал по Тибету и не касался политики».

Стокгольм, 7 апреля 1920 года

У Свена Хедина накопилось около 3000 набросков, рисунков и акварелей: люди, животные, интерьеры, пейзажи. У него не было амбиций художника. Рисование он считал частью научного документирования. Тем не менее 7 апреля 1920 года Хедин выставил 900 своих работ в залах Художественного общества. Выставка была благотворительной,

* 22 августа 1910 года Япония «присоединила» к себе Корею в качестве колонии.

сбор направлялся в пользу стокгольмской кадетской школы. Ей же достался и гонорар от написанной Свенем и изданной Бонниером книжечки «Зарисовки вживую».

В денежном отношении выставка оказалась не столь успешной, как рассчитывал Хедин, но отзывы были блестящими. Критики Свена зарыли топор войны и курили ему фимиам, восхищаясь универсальным талантом: ученый, одаренный художник и литератор в одном лице.

На работы Свена пришли посмотреть самые именитые шведские художники: Георг фон Розен, Бруно Лильефорс, Андерс Цорн, Альберт Энгстрём, принц Евгений.

Энгстрём постоянно потешал читателей «Стрикса» («Сова») карикатурами на Хедина, но благодаря общему знакомому писателю Вернеру фон Хейденстаму они уважали и ценили друг друга.

Однажды Хейденстам позвонил Свену из «Континенталья», где обычно останавливался, приезжая в Стокгольм.

— Было бы очень неплохо, если бы ты заглянул в мою обычную берлогу. Я тут сижу с Альбертом Энгстрёмом. По-моему, просто глупо, что вы до сих пор не познакомились и не подружились.

Хедин подъехал. В ресторане гостиницы он увидел Энгстрёма, мрачного как туча. Тот посмотрел на Свена и изрек замогильным голосом:

— Ну, с чего начнем?

— Выпьем на брудершафт, — предложил Хедин и добавил: — Легче пойдет.

— Тогда наливай, — согласился Энгстрём.

— Альберт, если ты перестанешь отделывать меня в «Стриксе», я решу что ты слабак. Так что в следующем номере жду чего-нибудь особо ядовитого, — предупредил нового друга Свен.

— Теперь это сложнее, но я постараюсь, — обещал Энгстрём.

После той встречи прошло семь лет. И вот теперь Хедин читал отзыв Альберта Энгстрёма: «Должен констатировать, что мне крайне редко встречались настолько интересные и живые работы. Хедин с его энергией, импульсивностью и многими интересами не мог, конечно, сосредоточиться

лишь на живописи. Но эта выставка — совершенно заслуженный триумф... Хедин отличный художник!»

В марте 1920 года к власти пришло первое в истории Швеции социал-демократическое правительство во главе с Ялмаром Брантингом. Хедин считал, что социал-демократия угрожает стабильности общества. За демократами и социал-демократами, по его мнению, всегда следовал хаос; в качестве доказательного примера он ссылаясь на Германию.

Брантинг и Хедин встретились в «Гранд-отеле» 24 апреля на праздновании Дня «Веги».

Свен давно мечтал о новой экспедиции, о его планах знали лишь Альма и Брокхаус. Неожиданно, но, вероятно, не без задней мысли он разоткровенничался с премьер-министром:

— Я хочу затеять большую научную экспедицию.

— Шведскую экспедицию? — заинтересовался Брантинг.

— Да, с молодыми учеными разных специальностей. Но это будет стоить дорого — по грубым подсчетам, миллион крон. Как считает ваше превосходительство, пойдет риксдаг на такую жертву?

— Не стоит рассчитывать на риксдаг, — отрезал премьер, но тут же добавил: — Есть и другие средства. Ведь речь идет о патриотизме, великом шведском предприятии, а на это деньги всегда найдутся. Приходите ко мне, когда определитесь с планами. Я помогу всем, чем смогу.

_____ Стокгольм, 7 мая 1922 года

Весной 1922 года британская экспедиция планировала покорить величайшую вершину мира Эверест. Известие об этом вызвало живейший интерес. Всех интересовало, удастся ли на этот раз покорить снежного исполина. Хедин сомневался в успехе экспедиции. 7 мая в воскресном приложении «Свенска дагбладет» была напечатана его статья, в которой он объяснил причины своего скептицизма.

Есть люди, которым удалось справиться с разреженным воздухом на высоте почти в девять тысяч метров. Это выяви-

лось из опыта воздухоплателей и в ходе экспериментов в барокамере. Но им не пришлось преодолевать неслыханные психологические трудности и физические нагрузки, которые ожидают альпинистов на Эвересте.

Хедин напомнил, как ему самому на Мустагате пришлось повернуть обратно на высоте шесть тысяч триста метров, хотя большую часть пути он проехал на яке. Свен описывал пронизывающий ледяной ветер, бездонные пропасти, налетающие как кометы снежные заряды и постоянный риск оказаться пол лавиной.

«Но тяжелее всего, — писал Свен, — постоянный и неутомимый упадок сил по мере подъема. И даже если до вершины будет оставаться лишь “последний бросок”, сил на него может уже не остаться, потому что люди будут в наихудшем физическом состоянии».

Хедин оказался прав в своих предположениях. 21 мая Джордж Мэллори, Эндрю Нортон и Ховард Сомервел вышли из лагеря на высоте семь тысяч шестьсот метров на штурм вершины. На высоте восемь тысяч сто метров им пришлось повернуть. Они побили рекорд, но до вершины оставалась высота примерно в две Эйфелевы башни*.

Хедин написал несколько статей об Эвересте. В одной из них речь шла о том, кому в действительности принадлежала честь первому нанести эту вершину на карту. Считалось, что первым это сделал полковник Джордж Эверест, глава индийской геодезической службы. Однако Хедин, который никогда не был на Эвересте, но изучил все с ним связанное, указал на карту французских иезуитов, составленную ими в Пекине в 1717 году. На карте Эверест обозначен под тибетским названием Джомолунгма.

Хедин написал об этом короткую статью для «Таймс». Газета напечатать ее отказалась. Тогда Свен послал письмо

* В 1924 году Мэллори в третий раз пошел на штурм вершины и пропал. В 1999 году замороженное тело Мэллори было найдено на северо-западном склоне Эвереста. Никто не знает, погиб Мэллори при подъеме или уже после покорения вершины на обратном пути. Первыми на вершину Эвереста поднялись 1 мая 1953 года новозеландец Эдмунд Хиллари и непалец Тенцинг. — *Прим. автора.*

своему давнему знакомцу Фрэнсису Юнгусбэнду, занимавшему пост президента Королевского географического общества, но ответа не получил. Оголтелая поддержка Хедином Германии во время и после войны сделала его персоной нон грата в Великобритании.

Через несколько дней после публикации статьи в «Свенска дагбладет» Хедин делал доклад в Упсале. Интерес был без преувеличения — ажиотажный. Мест явно не хватило, и около сотни человек толпились в дверях. Средства от доклада должны были пойти на помощь безработным Нурланда, времена были тяжелые.

Хедин рассказывал о Лулане, Атлантиде пустыни, приоткрывшей свои тайны только после расшифровки найденных писем.

Он говорил два часа. Слушатели отблагодарили его громовыми аплодисментами и на руках донесли до ресторана, где был организован званый ужин.

Часть шестая
Планы новой экспедиции
(1922–1926)

Стокгольм, 17 августа 1922 года

«Дагенс нюхетер» первой сообщила новость читателям 17 августа 1922 года. «Свенска дагбладет» тут же послала к Хедину корреспондента за подробностями. Речь шла о плане новой экспедиции на Тибет.

Раньше Хедин странствовал как европеец-одиночка и нанимал местных работников и помощников. На этот раз Свен хотел собрать целую команду шведских специалистов различных областей науки: ботаников, метеорологов, топографов, зоологов — и взять шведскую охрану для сопровождения.

Прежние тибетские маршруты Хедина пролегли в западных и южных областях края. Новая экспедиция должна была идти на северо-восток. Хедин надеялся найти истоки великих китайских рек Хуанхэ и Янцзы. Он также хотел выяснить и нанести на карту, как горные цепи проходят через Центральный Тибет.

Хедин считал, что британцы не пустят его в Тибет через Индию, его просьба о поездке по России была отклонена советскими властями, — оставался лишь Пекин. В китайской столице Свен рассчитывал на помощь геолога и палеонтолога Й. Г. Андерссона, руководившего тогда геологическими изысканиями в Китае.

Андерссон участвовал в научных экспедициях в Арктике и Антарктике. В 1914 году он стал советником по науке первого китайского президента Юань Шикая. Хедин надеялся, что доброе имя и авторитет Йохана Андерссона откроют

ему двери в Китае. Свен также предполагал скоординировать свои геологические изыскания на Тибете с геологическими работами Андерссона в Северном Китае и Монголии.

— В этом случае геологическая картина будет более полной и целостной, — растолковывал Хедин корреспонденту «Свенска дагбладет».

Он сказал, что хотел бы начать экспедицию в 1923 году и рассчитывает, что на нее уйдет три-четыре года.

В конце интервью корреспондент (дама, подписавшаяся псевдонимом «Некто») спросила, почему Хедин так долго медлил с новой тибетской экспедицией.

— Вот! — ответил Свен и указал на увесистую стопку корректур. Это были пять томов из девятитомной книги «Южный Тибет», в которой были собраны научные результаты предыдущей экспедиции Хедина. Над этой книгой он работал тринадцать лет — с 1909 года.

Свен управился бы значительно быстрее, но его отвлекали другие дела и другие книги. За три последних года он опубликовал почти пятисотстраничную биографию Бенгта Оксеншерны и роман в двух частях «Тсангпо-лама выбирает путь» о странствиях по Тибету молодого ламы. Свои переработанные статьи об Эвересте Хедин издал под заголовком «Эверест и другие азиатские проблемы».

Свои литературные гонорары он собирался потратить на издание «Южного Тибета». Риксдаг выделил на книгу 75 000 крон, 160 000 крон пожертвовали частные лица, но этого оказалось мало. 130 000 крон Хедину пришлось выложить из своего кармана.

«Южный Тибет» вышел в декабре 1922 года. Работа Хедина получила самые лестные рецензии не только в Швеции и Германии, но и в Великобритании. «Таймс» отметила научную ценность и качество издания.

«За наши новейшие знания о Тибете мы должны поблагодарить автора этой книги больше, чем любого другого исследователя» — писала газета, «позабыв» англофобские высказывания Хедина.

В сентябре 1922 года Свен Хедин выступал с докладами в Лейпциге и Берлине. У входа в лекционный зал в Берлине

собралась такая толпа, что он не мог протолкнуться внутрь и обратился за помощью к полицейскому:

— Дело в том, что это я должен читать доклад.

— Вы уже четвертый, кто мне это говорит, — отбрил Свена блюститель порядка.

Сан-Ремо, 17 ноября 1922 года

Хедин работал на износ, и это не могло не сказаться на здоровье. Врачи прописали Хедину отдых в теплом климате. Безделье и одиночество в Средиземноморье Свена совсем не привлекали.

— Я лучше тихо и мирно загнусь в своем старом доме, чем на Ривьере или Сицилии, — ворчал Хедин, но доктора были неумолимы.

Хедин в конце концов согласился с их доводами и, уж коли так вышло, решил отправиться в поездку не один, а с немецкой княгиней Элизабет Фуггер, с которой познакомился в Берлине двенадцатью годами ранее. В то время Элизабет была фрейлиной германской императрицы.

Все бы здорово, но — пустячок. Княгиня замужем, и у нее было двое детей. Хедин, однако, не посчитал положение безнадежным. Вероятно, соображения насчет княгини появились у него после визита к Фуггерам в их замок Велленбург под Аугсбургом, когда Свен приезжал в сентябре в Германию с лекциями. Он послал князю Фуггеру телеграмму с просьбой отпустить Элизабет с ним в Италию на месяц-другой. Ответная телеграмма была краткой: «Приезжайте в Велленбург забирайте».

Элизабет и Свен поселились в Сан-Ремо в элегантном отеле. В номере были две спальни, гостиная и большой балкон.

Семнадцатого ноября они сидели в гостиной и писали письма. Свен написал Альме, которая находилась в США:

«Совершенно бесполезно пытаться описать Элизабет. Я живу опьяненный блаженством...

Что бы со мной в жизни ни случилось и какие дороги мне ни пришлось бы пройти, я всегда буду вспоминать это время

в Сан-Ремо как величайшее счастье... Мы думаем лишь друг о друге и друг за друга».

— Когда ты закончишь письмо, я бы хотела черкнуть три слова Альме, — сказала Элизабет.

— Три слова совсем немного, хотя очень многое можно сказать и тремя словами.

— В самом деле, например?

— Я тебя люблю!

— Я знала, что ты это скажешь, — рассмеялась Элизабет.

Свен вернулся к письму:

«Мы веселимся как дети. Сейчас Элизабет пишет отцу. Вчера мы послали ему телеграмму: “Сердечный поклон, Элизабет и С.Х.”. Я сожалел о том, что мы не могли подписать ее Свен и Элизабет Хедин».

Свен вышел на залитый солнцем балкон и устроился в шезлонге. Элизабет заботливо укрыла его одеялом.

«Я потом долго целовал ее руки. Но без какой-либо эротики, совершенно невинно. Передай маме, чтобы она о нас не беспокоилась».

Элизабет помогала Хедину переводить на английский лекцию о тибетских монахах, которую он собирался прочитать во время турне по Соединенным Штатам. Вечером они сидели в гостиной, говорили о любви и загадочных превращениях судьбы. В час ночи они с неохотой разошлись по своим спальням. Хедин читал, лежа в кровати. Через полчаса раздался стук в дверь.

Хедин смотрел на Элизабет. Она стояла в синем кимоно, с распущенными черными волосами. Элизабет пришла пожелать ему спокойной ночи. Церемония повторялась ежедневно.

В Сан-Ремо Хедина приехали навестить фон Хейденстам и Кате Банг. Мужчины обсуждали дела. Дамы угнездились в гостиной и сплетничали о мужчинах. Кате рассказывала о бывшем муже, отношениях с Хейденстамом и объясняла, почему она не хочет идти за него замуж. Элизабет Кате подержала. Уже при Хедине она сказала:

— Я думаю, ты совершенно права. Самое дурацкое, что вы можете сделать, так это пожениться. Брак — дело непрочное,

глупое и полное неестественного принуждения. Люди должны расставаться легко и свободно, если отношения не клеятся.

Хедина слегка удивил радикализм Элизабет, но про себя он отметил, что слова у нее расходятся с делом.

Позже в тот же день, оставшись одни, Свен и Элизабет опять проговорили допоздна, и Хедину было поведено, что их любовь выше всего вульгарного и в ней не может быть ничего плотского.

После нескольких недель в Сан-Ремо они направились южнее — Рим, Неаполь, потом Палермо на Сицилии. Хедин все сильнее ощущал отчужденность. «Для меня, как обычно, мечта закончилась, — написал он Альме. — Осталась лишь игра, и я ее продолжаю».

После Палермо они собирались пожить десять дней в Сиракузах.

— Как ты считаешь, — спросил Свен Элизабет, — там будет так же чудесно, как в Сан-Ремо?

— Нет, такое счастье не повторяется.

Сиракузы,
6 декабря 1922 года

В Сиракузах было холодно и ветрено. Они поселились в отдельных номерах в разных концах коридора. Шестого декабря Свен написал Альме:

«Было очень трудно пожелать ей спокойной ночи и уйти. Мы до бесконечности стояли у ее двери. Я целовал ей руку, потом снова и снова. Она улыбается, но ничего не хочет менять. Весьма увлекательный роман».

Два дня спустя, когда Хедин опять стоял под дверью Элизабет, он спросил ее:

— Любишь ли ты меня хоть чуть?

— Мужчины — это нечто! Ты как ребенок. Ничего не понимаешь, ничего не чувствуешь и не видишь. Неужели я бы поехала с тобой, если бы...

Продолжение повисло в воздухе.

Приближалось окончание поездки. «Врата рая так и не откроются для меня», — констатировал Хедин в очередном письме сестре.

— Если бы я знала, как все обернется... но все равно о таком счастье я и не мечтала, — сказала Элизабет вечером.

— Наша сказка заканчивается.

— Она не закончится, пока мы живы.

Детройт, 11 апреля 1923 года

Генри Форд был в двадцатые годы двадцатого века героем. Немногие смогли сделать так много для мирового прогресса, как он. Форду даже предлагали выставить свою кандидатуру на президентских выборах 1924 года.

Автомобильный король был одним из богатейших людей на земле, а Хедин искал спонсоров тибетской экспедиции. В начале апреля он приехал в Детройт. Свен должен был выступить с лекцией перед шведскими американцами. Хедин познакомился с фабрикантом Карлом Парсонсом, в «девичестве» Персоном — тот американизировал свою фамилию, полученную от отца, шведского крестьянина из Халланда, эмигрировавшего в США. Парсонс-Персон выпускал жалюзи и окна для автомобилей, Форд был его крупнейшим заказчиком. Свен попросил нового знакомого организовать встречу с американским магнатом. Парсонс позвонил в офис Форда, но, как оказалось, тот только что уехал во Флориду, и никто не знал, когда он вернется.

Парсонс рассказал Хедину, что почти невозможно встретиться с Фордом лично. Он сам никогда с ним не виделся, хотя и вел дела. Парсонс объяснил, что из всех форм управления Форд самой продуктивной считает диктатуру и правит своей империей железной рукой. Множество людей стремится попасть на прием к Форду, но везет одному из тысячи.

Но два дня спустя, 11 апреля, около двух часов дня Парсонс влетел в номер Хедина:

— Форд ждет нас в два.

Парсонс погнал машину по улицам Детройта, наплевав на правила. Они остановились у одноэтажного, на взгляд

Свена, вызывающе простого офисного здания. Секретарь Форда мистер Лиеболд предложил им присесть и подождать.

Парсонс кивнул на стеклянную стену:

— Вон там, прямо перед нами, спина Генри Форда.

Из кабинета вышло несколько человек. Секретарь указал вслед одному из них:

— Анри Ситроен, французский автомобильный король, он рассказывал мистеру Форду о пробеге своих автомобилей через Сахару.

Форд подошел к Хедину, крепко пожал руку:

— Очень рад встрече с вами!

Хедин без экивоков заговорил об Азии. Свен предлагал совершить азиатскую экспедицию на машинах Форда. Но Форд Азией не интересовался. Он считал наиболее перспективным рынком Советский Союз и очень надеялся, что обстановка там скоро стабилизируется.

Хедин поинтересовался, сколько времени это может занять, и заметил:

— Предположим, лет десять, будем надеяться — быстрее. Рано или поздно наступит день, когда русским понадобятся ваши трактора и автомобили. Но сейчас Россию уродуют бессовестные евреи. А вы, как я слышал, их не жалуете.

— Те, кто считают, что я ненавижу евреев, ошибаются. Они ничего не производящие паразиты, но я веду с ними дела. Вы, наверное, видели, как старый пес греется на солнце и спит вполглаза из-за того, что его донимают блохи. Для христиан хорошо, что на нашей шкуре паразитируют еврейские блохи, — не проспим все на свете.

— Оригинально, — заметил Хедин.

В общем-то Свен Хедин ничего не имел против евреев. К примеру, своим издателем в Соединенных Штатах он выбрал немецкого еврея Леберехта, ставшего в США Лайврайтом. Хедин с большим уважением отзывался о его деловых качествах и характеризовал его как «необычайно симпатичного человека». Хедину и самому довелось послужить объектом антисемитских нападок, и он прекрасно понимал, что это такое. Но Свен хотел потрафить Форду и использовать его антисемитизм себе во благо.

— Евреи хорошо поживились, сначала на войне, а потом и после войны.

Автомобильный король согласился:

— Совершенно верно. Войну затеяли евреи. Война — житница евреев, — усмехнулся Форд.

На этом обсуждение еврейской темы закончилось, и они перешли к европейской «большой политике».

— Историческая миссия Германии состоит в том, чтобы отстроить заново и организовать Россию, — сказал Хедин.

Форд возразил:

— Сомневаюсь. Немцы умный народ, но их возможности без армии и флота ограничены. Франция лишь инструмент в руках Англии против немцев, а самой Англией правят евреи. Я понимаю, почему вы, шведы, опасаетесь русского соседства, но, думаю, Россия в будущем вам не опасна.

Форд начал говорить о шведах:

— У меня работает много шведов. Думаю, они лучшие представители своего народа. Для того чтобы переменить судьбу и переехать в другую страну, нужны и предприимчивость, и смелость. Когда у меня будет время, вероятно в будущем году, я поеду в Швецию. Хочу посмотреть, откуда берется такой толковый народ. Возможно, я построю у вас заводы. — Форд помолчал. — Но не считайте, что я работаю ради богатства! Я презираю деньги. Они ничего не стоят, если не улучшают жизнь. И я действительно счастлив, если мне это удастся. Любой мой рабочий может пойти в мой магазин и купить небольшой автомобиль за пять долларов*. Долг вычитается из еженедельной зарплаты, те же пять долларов. Скоро автомобиль становится его собственным. Пару лет назад я построил шесть тысяч домов для рабочих по две тысячи пятьсот долларов**. Каждый со своим палисадником. Но спонтанная благотворительность ничего не дает. Нужду надо вырывать с корнями.

* Минимальная часовая оплата на заводах Форда в то время.

** Форд первым ввел на своих заводах научную организацию труда, которая предусматривала систему поощрений и льгот для работников.

Они проговорили полтора часа. Форд подарил Хедину свой четырехтомный труд «Еврейский вопрос» в шикарном кожаном переплете. Том первый: «Международное еврейство», далее соответственно: «Еврейская деятельность в Соединенных Штатах», «Еврейское влияние в американской жизни» и «Аспекты еврейской власти».

Он открыл «Международное еврейство» и написал: «От Вашего друга Генри Форда».

Четыре месяца Хедин разъезжал по США. Он читал лекции на Восточном побережье, побывал в шведских поселениях на Среднем Западе*, подписал с Лайврайтом контракт на книгу «Моя жизнь исследователя». Ходили также разговоры о фильме в Голливуде о переходе Хедина через пустыню Такла-Макан. Дуглас Фербенкс намеревался быть продюсером.

В Чикаго Хедин совершенно случайно познакомился с руководством железнодорожной компании «Санта-Фе» и получил приглашение совершить бесплатную поездку на поезде, чтобы посмотреть Большой каньон, самый известный геологический феномен в Аризоне.

Три недели Хедин бродил вокруг чуда, которое мечтал увидеть еще подростком. Он много рисовал, вечерами пространно излагал свои впечатления в письмах матери. В итоге после возвращения в Швецию на свет появилась отлично иллюстрированная книга о Большом каньоне.

После Аризоны Хедин посетил Калифорнию, где прочитал несколько лекций. Большую часть гонораров Хедин передал в фонд нуждавшихся в Германии и жертвам землетрясения в Японии. Его планы раздобыть денег у богатых выходцев из Швеции провалились. Только в Сан-Диего Свену повезло: он получил сто тысяч крон от шведского инженера Джона Фрэнсиса Андерсона, родом из Йемсхёга в Блекинге. Андерсон разбогател в Соединенных Штатах на строительстве мостов, тоннелей и подрядах для базы американского Тихоокеанского флота Пёрл-Харбор. Андерсон был одним

* Первая шведская колония была основана в нынешнем штате Делавэр еще в 1638 году.

из спонсоров строительства первого завода Генри Форда. В качестве благодарности за пожертвование Хедин обещал замолвить за него словечко перед Густавом V на предмет награждения «Медалью “Веги”».

Заканчивалась поездка по США. Хедин планировал возвращение домой через Китай и Сибирь, но никакой уверенности в том, что это получится, не было. Советские власти уже один раз отказали ему в визе. Выяснить этот вопрос заранее возможности не было: Соединенные Штаты не признавали режима большевиков. 20 июля 1923 года в газете «Сиэтл пост» появилась статья под заголовком «Известный исследователь выступает за признание Советов». Вопрос признания Советской России был весьма актуален в США. В статье Хедин разъяснял, что было бы разумно признать большевистский режим: «Многие современные государственные деятели считают, что большевики однажды уйдут в небытие и появится какое-то другое правительство, которое мы, вероятно, будем поддерживать. Но о пользе и выгоде мы должны думать сегодня»*.

Пекин, 29 октября 1923 года

В Шанхае Хедин пришел к шведскому генеральному консулу Лиллиехёэку посоветоваться о поездке через Сибирь.

— Увы, — сказал Лиллиехёэк, — Транссиб закрыт для шведов, потому что наше правительство не признало Советы.

Ничего нового Хедин для себя не услышал и отправился в Пекин, чтобы встретиться с советским посланником в Китае. 29 октября он встретился с послом Караханом, высоким армянином с иссиня-черной бородой.

Хедин уже давно не говорил по-русски, и ему пришлось подбирать слова. Тем не менее он вполне ясно изложил свои сожаления по поводу того, что Сибирь в настоящее время закрыта для шведов.

* Соединенные Штаты признали Советский Союз 16 ноября 1933 года.

— Да, это так. Мне также очень жаль, что Швеция поступает столь недальновидно в отношении моей страны, — сказал посол. — Но для вас дорога открыта. У вас будет возможность сравнить новую Россию и старую. Я выдам вам паспорт и специальное письмо пограничникам и немедленно пошлю телеграмму товарищу Чичерину, нашему народному комиссару иностранных дел. Я советую вам навестить его, когда приедете в Москву.

В 1923 году из Пекина до Сибири можно было добраться двумя маршрутами: простым и удобным — на поезде через Маньчжурию — и более сложным — на верблюдах или машине по Монголии через ее столицу Ургу (Улан-Батор) до железнодорожного узла Верхнеудинск (Улан-Удэ). Хедина, разумеется, заинтересовал второй путь.

В Пекине он встретил старого приятеля Ларссона. Бывший миссионер Ларссон занимался торговлей лошадьми, у него был торговый дом в Калгане с филиалом в Урге. В Северном Китае и Монголии он прослыл легендарной личностью.

Ларссон закупал лошадей в Монголии и продавал китайской армии. Поставлял Ларссон в Китай и скаковых лошадей.

— Поехали со мной, — сказал Ларссон Хедину, — я выезжаю из Калгана в Ургу пятнадцатого ноября. Расходы на бензин, масло и провиант делим пополам.

Тринадцатого ноября Свен на поезде приехал в Калган. Многое изменилось здесь с 1897 года. Вокруг железнодорожной станции, которой тогда, собственно говоря, и не существовало, отстроился целый квартал. В основном там жили европейцы и американцы. От Калгана до Урги была тысяча километров. Основным видом транспорта все еще оставались верблюды, но количество автомобилей потихоньку увеличивалось. В одну из двух своих машин Ларссон погрузил серебряные слитки и несколько китайских пассажиров, в другую сели они с Хедином.

Выехали 15 ноября. Хедин посмотрел на термометр: минус 2,5 градуса, — и температура продолжала падать. Несмотря

на меховую одежду и одеяло, в открытой машине здорово пробирало. На ровных участках удавалось разогнаться до 60–70 километров в час. Ночевали путники в монгольских юртах, стоявших вдоль караванного пути. Через два дня они попали в снежную бурю. Временами приходилось прокапывать путь машине через сугробы. Когда путешественники садились в машину утром четвертого дня, термометр показывал минус 20. К вечеру, застывшие от холода, они добрались до Урги.

Там их остановили, багаж тщательно перетряхнули и устроили личный досмотр. Это стало стандартной процедурой для страны, все более подпадавшей под советское влияние. Семимильными шагами Монголия приближалась к тому, чтобы стать первым государством-сателлитом Советского Союза.

В Урге Хедин побывал в шведской миссии и клинике, построенных в конце 1910 года. Он также встретился с премьер-министром Монголии Церен-Дорчи. С богдо-гегеном, религиозным лидером страны, с которым Свен познакомился 27 лет назад, увидеться не удалось. Этот человек, третий по святости после далай-ламы и панчен-ламы в ламаистской иерархии, был настолько изъеден сифилисом, что больше не показывался на люди.

Хедин вновь встретился с учеником Пржевальского Петром Козловым. Свен не без опасения ожидал этой встречи. После публикации «Слова предупреждения» Козлов ратовал за то, чтобы исключить Хедина из Русского географического общества. Кроме того, Пржевальский и Козлов, с одной стороны, и Хедин — с другой расходились во мнениях относительно происхождения озера Лобнор.

Но все оказалось забытым. Козлов пошел навстречу Свену с распростертыми объятиями и смачно облобызал. Хедину этот русский обычай никогда не нравился, а в случае с небритым Козловым не понравился еще больше.

Предыдущий раз они виделись пятнадцать лет назад, и Козлов успел за это время состариться. Последний из поколения великих русских географов, с поредевшими седыми волосами, бледной обвисшей кожей и глубокими морщина-

Хедин с Петром Козловым. Урга, 1923 год

ми, он выглядел совершенным стариком. Видимо, перемены в новой России дались Петру Кузьмичу нелегко.

Они проговорили четыре часа: о планах на будущее, событиях в Советском Союзе, об обстановке в мире, политике и о том, что заставило Хедина написать «Слово предупреждения». Потом Козлов пригласил Хедина на ужин.

Хедин прожил в Урге пять дней. Когда 25 ноября все бумаги были готовы и необходимые формальности выполнены, Свен выехал в Верхнеудинск. Дорога была покрыта глубоким снегом, машина постоянно застревала — и так все 620 километров. Приближалась суровая сибирская зима.

Москва, 9 декабря 1923 года

После двухдневного ожидания в Верхнеудинске Хедин сел в сибирский экспресс. Он ехал в мягком вагоне — так при великом демократе Ленине для пушего равноправия окрестили вагоны первого класса. Хедин купил два билета, чтобы быть в купе одному.

В Иркутске к Хедину в вагон пришла небольшая депутация и попросила его пройти в здание вокзала. Хедин подумал, что это какая-то ошибка. Но никакой ошибки не было: его встречала профессура Иркутского университета, прослышавшая о его приезде. В честь Хедина была заготовлена приветственная речь. Хедин выслушал ее и сымпровизировал ответное слово. Надо признаться, весьма короткое, потому что Свен боялся опоздать на поезд. Напоследок Хедин пообещал прислать экземпляр «Южного Тибета» Иркутскому университету — и отбыл.

Девятого декабря 1923 года в половине второго дня сибирский экспресс остановился на Ярославском вокзале в Москве. На перроне Хедина встречала целая делегация шведов и русских. К своему изумлению, среди них Свен увидел Альберта Энгстрёма. Тот был с деловой поездкой в Москве.

Один из русских приветствовал Хедина от имени Чичерина. Нарком распорядился прислать за Хедином машину, которая должна была отвезти его в гостиницу «Савой». Чичерин ожидал Хедина у себя в девять часов вечера.

Но, как оказалось, соотечественники тоже позаботились о Свене, и ему было приготовлено жилье в шведском торговом представительстве, что Хедин и предпочел, поблагодарив русских. Там же, на перроне, его ожидали журналисты.

«Я старый друг России, и я желаю русскому народу счастья в обретении своего собственного будущего. Моя поездка по Советской России была замечательной: в поезде образцовый порядок и полный комфорт и в помине нет “ужасающего варварства”, о котором постоянно говорят враги России» — так записал слова Хедина корреспондент бюро новостей РОСТА.

Ровно в девять Свен вошел в кремлевский кабинет Георгия Чичерина. Чичерин принадлежал к высшему русскому дворянству и был дипломатом в царское время. В ноябре 1917 года Чичерин примкнул к большевикам, а в 1918 году сменил Льва Троцкого на посту комиссара по иностранным делам.

Обстановка в кабинете была спартанской. Комиссар сидел за большим столом и скорее смахивал на философа, нежели на злодея-большевика. Георгий Васильевич взялся расспрашивать Хедина о его впечатлениях от поездки по США, Японии, Китаю и Монголии. Оба сошлись на том, что восхищаются китайской культурой.

Чичерин с пониманием отнесся к прогерманскому настрою Хедина.

— Я полностью понимаю вашу позицию, она совершенно естественна, принимая во внимание исторические связи Швеции и Германии, — сказал Чичерин.

Хедину показалось, что Чичерин и сам симпатизирует немцам*.

У Хедина были опасения, что большевики ограничат свободу его передвижений по Москве, но Чичерин его заверил:

— Вы вольны видеть все, что захотите. Я сожалею лишь о том, что вы будете здесь так недолго.

* Чичерин был одним из инициаторов Брестского мира и Рапалльского договора — первого договора Советской России с европейским государством — Германией.

Хедин был очарован встречей с Чичериным, его манерами, интеллектом, совершенным отсутствием большевистской риторики. Они беседовали по-немецки. Бывший царский дипломат, Чичерин говорил на всех основных европейских языках плюс эстонский.

Хедин прожил в Москве почти неделю. Его обласкало советское руководство и обхаживали академические круги. Он прочитал доклады в Академии наук, русском Географическом обществе и в Обществе востоковедов.

— В прошлом Швеция не могла испытывать какой-либо симпатии в отношении России из-за агрессивной царской политики. Политика Советской России создает надежную основу для дружеских связей русского и шведского народов, — сказал Хедин в интервью РОСТА, которое было незамедлительно напечатано в шведских газетах.

Хедин уезжал из Москвы 15 декабря вместе с Альбертом Энгстрёмом. Через три дня интервью у него брали уже шведские журналисты. Хедин рассказал о своей встрече с Генри Фордом и выразил надежду на то, что возможное избрание его президентом пойдет на пользу как Америке, так и Европе. Свен очень высоко оценил уровень американской науки, но на вопрос о сухом законе ответил, что это чистейшей воды лицемерие. Он подчеркнул свою симпатию к Китаю, пояснив при этом: «Ненависть в отношении иностранцев в Китае просто невероятная, и китайцы правы: христиане грабят Китай и прибирают его к рукам».

Стокгольм, 19 декабря 1923 года

Девятнадцатого декабря 1923 года в половине одиннадцатого финский корабль «Хебе» подходил к Шеппсбрун. На пристани толпились журналисты и фотографы. На палубе первого класса стояли Энгстрём в настоящей русской меховой ушанке и Хедин в черной персидской каракулевой шапке. Справа от Хедина стояла еще одна знаменитость — директор банка Улоф Ашберг, по прозвищу Красный банкир.

Таможенники осмотрели багаж Хедина, взяли пошлину — банку русской икры, и Свен сошел на берег — к семье, друзьям и журналистам. Высказывания Хедина в Москве вызывали у всех любопытство и вопросы.

Что случилось со старым русофобом и сторонником сильной Швеции Хедином? Что он имел в виду? Неужели он полностью изменил свое мнение? Хедин стал большевиком? Газетчики жаждали интервью. Свен старательно избегал разговоров о политике, но охотно и даже с энтузиазмом говорил о своих впечатлениях от Советской России.

«Россия — страна, устремленная в будущее, с большими возможностями, намного большими, чем у Америки», — сказал он в интервью «Вестманландской краевой газете».

Корреспонденту «Афтонбладет» Хедин рассказал о том, что Россия сейчас намного более свободная страна, нежели в царское время: «Когда вы раньше ехали в Сибирском экспрессе, то повсюду были жандармы, а если вы что-то записывали или фотографировали, то тут же оказывались под подозрением как шпион. В этот раз ничего подобного не было».

«Свен Хедин сегодня настолько же заядлый русофил, насколько в прошлом — русофоб», — констатировал корреспондент газеты «Арбетарен» («Рабочий») после встречи с Хедином и отметил, что «к радости Ленина, доктор Хедин стал его поклонником».

Панегирик Хедина новой России вызвал моментальную реакцию: буржуазная пресса, которая обыкновенно стояла за него горой, встретила его высказывания со скепсисом. Так, «Новое ежедневное обозрение» писало о рекламе русского туризма с безвкусными преувеличениями, но одновременно выражало понимание поведения Хедина в отношениях с властями новой России. «Париж стоит мессы, а даровые казачьи эскорты и караваны верблюдов для исследователя Азии, безусловно, значат очень много», — комментировало «Новое ежедневное обозрение».

«Эстерсунд-постен» в редакционной статье несколько иронически замечала: «Еще со времен Екатерины и Потемкина власть имущие в России были хорошими режиссерами, особенно в тех случаях, когда надо было пустить пыль

в глаза иностранцам». «Гётеборг постен» указывала на то, что никогда еще не была настолько уверена в политической слепоте Хедина. Левая пресса всюду веселилась по поводу всего этого.

Не замедлила «поддержать» Свена и Милле Линдстрём: «Я не понимаю, как ты счел возможным такое сказать и сделать. Ничто теперь тебе не поможет. Сколько бы ты книги написал и сколько бы докладов ни сделал — это непоправимо. Как человек политики ты мертв. Ты не вернешь доверия. В глазах большинства ты стал большевистским агентом. Ты выстрелил в спину своим друзьям, которым ты стольким обязан. Никто, кроме тебя, не добился такого положения в науке и одновременно в политике. Но ты испугался, что тебя забудут, ты опять захотел шумихи. Советы задурили тебе голову лестью...»

Хедин считал своих критиков идиотами, извращающими его слова и не понимающими его мотивов. В связи с «потемкинскими деревнями», которыми большевики якобы зашорили ему глаза, Свен напомнил, что семнадцать раз был в России, бегло говорит по-русски и сам планировал свои передвижения.

Хедин подчеркивал важность добрососедских отношений с Россией в свете неизбежной, по его мнению, новой войны из-за Версальского мира. Он также напоминал о гигантском коммерческом потенциале России для шведских предпринимателей.

Если Свен надеялся, что его объяснения угомонят критиков, то ему пришлось в этом разочароваться.

Социал-демократ Артур Энгберг в январе 1924 года позволил себе в адрес Хедина в газете «Арбетет» («Труд») такие высказывания: «Мы, шведы, просим прощения у господина Хедина за то, что нас раздражает пара полуевреев его пошиба, которые раз за разом выступают в присвоенной ими роли наставников нации и манипулируют величием Швеции. Шведский народ обойдется без дирижерской палочки царского агента с восточными взглядами и менталитетом».

Через несколько дней Хедин прочитал о себе в газете «Бранд» («Пожар»): «Хедина характеризует не его обаятель-

ная сияющая улыбка, а крючковатый нос, вынюхивающий поживу!»

В общественном мнении Европы того времени большевизм и еврейство слились в единое понятие. Между евреем и большевиком ставился знак равенства. С этикеткой «еврей» причины славословий Хедина в адрес новой России становились легко объяснимы.

Газеты соревновались между собой, рассуждая, насколько сильна в Хедине еврейская кровь. 2 июля 1924 года газета «Гнистан» («Искра») опубликовала гигантскую статью, препарирующую генеалогическое древо Хединов. Газета сообщила, что евреем был дедушка отца мамы Свена, следовательно, Хедин был евреем на шесть процентов. Но по мнению газеты Хедин внешне и внутренне типичный еврей. «Никто не осмелится отрицать наличие у Хедина специфических еврейских черт: его слабость к званиям и наградам, громогласная самореклама, переменчивость во взглядах, что продемонстрировала его поездка в Москву, когда он переметнулся к “красным”».

1924 год явно был не из лучших в жизни Свена Хедина. Тибетская экспедиция откладывалась на неопределенный срок. Путевые записки «Из Пекина в Москву» были довольно прохладно встречены рецензентами. Он закончил книгу «Моя жизнь исследователя» для Лайврайта. Вышла также книга о Большом каньоне, но это мало что изменило.

_____ Стокгольм, 19 февраля 1925 года

Девятнадцатого февраля 1925 года в квартире Хедина ступить было негде. Множество гостей приехали поздравить его с шестидесятилетием. Принц Вильгельм преподнес Свену его портрет маслом, написанный профессором Эмилем Эстерманом два года назад. Этот портрет принц и другие друзья Хедина выкупили, чтобы подарить юбиляру.

Скульптор Карл Миллес подарил Свену свою работу. Еще одну скульптуру, бюст Гёте, Хедину подарил немецкий поверенный в делах. Альма вручила брату рукопись книги «Мой брат Свен», позже изданную издательством «Бонниер».

Вскоре после юбилея Хедина умер Ялмар Брантинг. Социал-демократ Брантинг и Хедин были политическими противниками и стояли по разные стороны баррикады, но это не мешало симпатии, которую они испытывали друг к другу. 25 февраля в газете «Социал-демократ» была напечатана статья Свена в память Брантинга. «Даже схватившись с Брантингом, — писал он, — вы чувствовали, что сражаетесь с джентльменом. Мы были друзьями в паузах между боями».

В конце апреля, заболев коклюшем, умерла мама Хедина, немного не дожив до восьмидесяти семи лет. Анна Хедин очень много значила для своих семи детей.

Двадцать девятого августа 1925 года на вилле Хединов в Лидингё, где они жили летом, зазвонил телефон. Знакомый офицер сообщил Свену, что с ним хочет встретиться адмирал фон Леветцов*. Адмирал выполнял просьбу немецкого изобретателя и авиастроителя Гуго Юнкерса.

Дессау, 5 сентября 1925 года

Большой трехмоторный цельнометаллический «Юнкерс-23» поднялся в воздух с аэродрома Булльтофта. На борту были Хедин, адмирал Леветцов и несколько других пассажиров. Через три с половиной часа пилот должен был посадить машину в Германии на аэродроме завода Юнкерса возле Дессау.

Но над Лолландом** все три мотора остановились. Пассажиры застыли от неожиданности. Адмирал показал Свену, как потуже затянуть ремень безопасности. Самолет планировал к земле, было слышно, как крылья со свистом режут воздух. Пилот вертел головой, высматривая подходящую площадку для вынужденной посадки.

* Магнус фон Леветцов (1884—1972) — во время Первой мировой войны руководил оперативным отделом германского флота.

** Датский остров между Швецией и материковой Данией.

Приземлились удачно. Летчик осмотрел машину, все было в полном порядке. Двигатели легко завелись, и самолет снова поднялся в воздух.

Летели в плотной облачности, шел дождь. Потом «Юнкерс» поднялся над облаками, и опять засияло солнце.

Летчик пошел на снижение, ему надо было сориентироваться. Они пролетали над Любеком. Вдруг, так же внезапно, как и в прошлый раз, моторы остановились. Пилот опять удачно посадил самолет, осмотрел двигатели и проверил подачу топлива. Все было в порядке. Взлетели.

Неподалеку от Потсдама моторы остановились в третий раз. И летчик снова сумел посадить тяжелую машину на вовремя подвернувшееся поле.

Вечером они долетели-таки до аэродрома назначения. Полет занял восемь с половиной часов. Их встречал сам Гуго Юнкерс.

— Господин доктор, это что-то неслыханное! Три вынужденные посадки и восемь часов вместо трех. Представляю, что вы думаете о нас и наших машинах.

— Не беспокойтесь, профессор. Путешествие было замечательным. Я получил особенное удовольствие от того, как уверенно и элегантно пилот сажал самолет.

Для географических исследований появление авиации означало настоящую революцию. С воздуха можно было за короткое время осмотреть и положить на карту большие территории. Кроме того, с воздуха хорошо просматривались археологические объекты.

Юнкерс планировал создать трансконтинентальную сеть воздушных сообщений, распространяющуюся, разумеется, и на Азию, что весьма заинтересовало Хедина.

После ужина дома у Юнкерса Хедин показывал на карте районы, которые он хотел рассмотреть с самолета.

— Господин доктор, когда с вашей экспедицией все утрясется, я предоставлю в ваше распоряжение два самолета с экипажами, топливом и запчастями. Вы сами решите, как долго вы будете пользоваться самолетами. Все расходы я беру на себя, — сказал Юнкерс.

Идеи переполняли Свена. Он хотел пролететь над долиной Брахмапутры, пролететь вдоль Желтой реки, провести аэрофотосъемку Куньлуна.

Но люди предполагают, а Господь располагает. Дела Юнкерса ухудшились. Ему грозило банкротство, и в итоге правительство Германии национализировало заводы Гуго Юнкерса.

_____ Стокгольм, 30 августа 1926 года

Хедин нашел для себя утешение в поездке к бывшему кайзеру Вильгельму II. Кайзер прочно засел в замке Доорн в Нидерландах, откуда лидеры Антанты безуспешно пытались его выкурить. С благословения Вильгельма Хедин написал эксклюзивный репортаж об этом визите, напечатанный шведскими и иностранными газетами.

Хедину не сиделось на месте. Он подумывал о лекционном турне по Аргентине, Чили и Перу*. Кроме того, он задумал новую книгу «Мои британские друзья» — своего рода портретные зарисовки выдающихся британцев, с которыми ему довелось лично познакомиться.

К величайшему счастью Хедина, впервые за все долгие послевоенные годы его приехали навестить старые английские друзья — исследователь Тибета Чарлз Белл с женой; вскоре после них в гостях у него побывал нобелевский лауреат писатель Рабиндранат Тагор.

Тридцатого августа Свен получил приглашение из германского представительства в Стокгольме. Хедина встречал шеф представительства фон Розенберг. Он представил ему советника министерства Бранденбурга и советника правительства Мюлиг-Хоффмана, представлявшего государственную воз-

* В этот период попечительством шведского судовладельца А. А. Йонссона шведские писатели, художники и литераторы могли бесплатно путешествовать в Южную Америку на его судах. Такую поездку совершил, в частности, Эверт Таубе — известнейший поэт, чьи песни поет вся Скандинавия. — *Прим. автора и пер.*

Хедин у бывшего кайзера Германии Вильгельма II.
Замок Доорн, Голландия, весна 1926 года

душную компанию «Дойче Люфтганза» («Немецкая воздушная компания»).

— Господин доктор, мы понимаем, насколько вы огорчены и разочарованы в связи с тем, что ваша договоренность с профессором Юнкерсом оказалась нарушенной, — начал разговор Бранденбург, намекая на майскую статью Хедина в «Берлинер тагеблатт» («Берлинский ежедневник») — гневную отповедь немецкому правительству за то, что довели до жизни такой Юнкерса и его предприятия. — Правительство Германии приняло решение: поскольку «Дойче Люфтганза» является прямым преемником компании профессора Юнкерса, она выполнит его обязательства перед вами.

Это был один из счастливейших моментов в жизни Хедина.

«Люфтганза» намеревалась открыть воздушную линию Берлин — Пекин через русский Туркестан, Синьцзян и Монголию. Но для этого надо было провести разведку и найти подходящие места для аэродромов, дозаправки и обслуживания самолетов.

Эту рекогносцировку и было предложено возглавить Свену. Причем он мог взять с собой специалистов по своему выбору и параллельно с изысканиями для авиакомпании вести свои собственные.

В конце октября все было готово к отправлению, а 20 ноября родные получили телеграмму от Хедина из Пекина: «Только что приехал. Все великолепно. Комната очаровательна».

События в Китае после падения императорской власти в 1911 году принимали все более хаотический характер. В 1926 году в стране шла гражданская война. Многочисленные армии воевали друг с другом. В Пекине, Северном Китае и Маньчжурии разбойничал Чанг Тсолин.

Разрешение на проведение научных работ Хедин должен был получить у него. Через несколько недель Свену удалось добиться принципиального согласия. Он обязался взять с собой «в поле» двух китайских геологов, а его экспедиция стала называться «китайско-шведской».

Штаб-квартира экспедиции Свена находилась в Баотоу во Внутренней Монголии, примерно в пятистах километрах к северо-западу от Пекина. Главным караванщиком Хедин назначил своего старого знакомого Хертига Ларссона.

В начале марта, когда волокита и бумагомарание, казалось, закончились, Свен телеграммой велел Ларссону купить двести верблюдов и готовиться в путь.

И тут опять возникли проблемы.

Часть седьмая
Путешественник-исследователь
(1927—1935)

Пекин, 6 марта 1927 года

Войска националистической партии Гоминьдан под предводительством генерала Чан Кайши победоносно продвигались на север Китая. Главным лозунгом Гоминьдана было избавление Поднебесной от иностранного владычества. Жажда национального реванша быстро охватила и академические круги в Пекине.

Шестого марта к Хедину пришел огорченный Андерсон. Накануне состоялось собрание пекинской научной общест-венности, и китайцы решили «принять меры» против ино-странных научных экспедиций.

Но Хедин не собирался сдаваться. Почти два месяца он уговаривал, интриговал, использовал связи и дипломатию. 27 апреля было подписано «Соглашение между ассоциацией китайских научных учреждений и доктором Хедином о науч-ной миссии на северо-западе Китая».

Предприятие Свена не случайно было названо в доку-менте «миссией», а не «экспедицией». Это было одним из требований китайской стороны. Дескать, экспедиции проводят только в нецивилизованных краях, населенных дикарями.

В девятнадцати пунктах соглашения все было подро-бно расписано: финансирование, сбор материалов и образ-цов и порядок обращения с ними. Хедин должен был вклю-чить в «миссию» десять китайских специалистов и студентов и получал китайского «соруководителя».

Девятого мая Свен наконец выехал из Пекина в Бао-тоу, где его ожидали Хертиг Ларссон и еще пятнадцать европейцев.

Хучерту-Гол, 22 июля 1927 года

Приимерно в ста пятидесяти километрах к северу от Бао-тоу у реки Хучерту стоял палаточный лагерь экспедиции Хедин. Верблюды нагуливали жир на зеленых холмах. По округе рыскали волки. Ларссону удалось подстрелить одного с расстояния пятьсот метров.

Двадцать второго июля все было готово. Самая большая научная экспедиция в истории Азии двинулась в путь: пять шведов, одиннадцать немцев, десять китайцев, переводчики, монгольские и китайские работники и погонщики. Сорок тонн экспедиционного оборудования везли двести восемьдесят девять верблюдов.

Перед отправлением Хедин собрал людей и жестко обозначил, что в экспедиции запрещаются любые проявления расовой и политической розни.

— Мы должны показать на деле, что белые и желтые могут прекрасно жить и работать вместе и что наука выше политических рамок и расовых предрассудков.

Чтобы все участники экспедиции были в равном положении, Хедин отклонил предложение китайской стороны оплачивать содержание своих сограждан. Свен назначил китайцам равную с европейцами плату.

Его опасения насчет китайского «соруководителя» Сю Пинчанга быстро развеялись. Тот оказался разумным, доброжелательным малым и не вмешивался куда не надо.

Основную группу в сто пятьдесят верблюдов, груженных большей частью припасов, вел Хертиг Ларссон. Ему помогали десять погонщиков-монголов. Верблюды Ларссону не нравились: из-за слишком долгого безделья на вольном выпасе верблюды одичали.

Ларссон как в воду смотрел. В мгновение ока степенно вышагивающий караван превратился в стадо диких живот-

ных, разбегающихся в разные стороны. Хертигу и монголам с трудом удалось поймать тринадцать верблюдов. Прочие удалились за горизонт вместе с кассой экспедиции.

Верблюдов, кладь и кассу пришлось разыскивать два дня. Четыре «корабля пустыни» все же исчезли безвозвратно.

Двадцать восьмого сентября «Бродячий университет», как прозвал экспедицию Хедин, вышел к реке Эдзин-Гол. Было невероятно приятно оказаться возле изобилия воды после долгого пути по степи. В тени раскидистых тополей разбили лагерь, состоящий из двадцати шести синих с белым орнаментом монгольских юрт, подбитых пухом.

По вечерам люди собирались вокруг лагерного костра: разговаривали, пели, слушали граммофон. До начала ноября этот лагерь должен был выполнять роль базового.

Эдзин-Гол получила свое название по имени города Эдзин. Марко Поло побывал там в 1274 году. В те времена путешественники закупали в городе припасы перед долгими странствованиями через пустыню. Теперь лишь руины, засыпанные песком, остались на месте когда-то процветавшего города. Эдзин нашел Петр Козлов в 1909 году. Прекрасно сохранившиеся в пустыне росписи, предметы быта, искусства и, что самое важное, множество манускриптов представляли фантастическую научную ценность*.

Восьмого ноября экспедиция разделилась на три группы. Точкой сбора был выбран караванный город Хами, в семистах километрах на запад.

Предстояло пройти весьма непростой маршрут. Эту часть пустыни монголы прозвали Черная Гоби. Корма для верблюдов здесь было крайне мало, а расстояние между колодцами, напротив, очень большое.

Через четыре дня после выхода с Эдзин-Гол отряд Хедина накрыла песчаная буря. Два дня пришлось пережидать. Всё и все были буквально пропитаны песком. Через неде-

* Находки Козлова в Эдзине, или Хара-Хото, как называли его монголы, выставлены в Эрмитаже, в специальном зале. — *Прим. автора.*

Хедин с Хертигом Ларссоном.
Из палатки выглядывают другие участники экспедиции

лю пути опять налетела буря. Вдобавок стало смертельно холодно.

Вскоре выяснилось, что Хертиг Ларссон не запас достаточно корма. Это была серьезная ошибка. Животные голодали и теряли силы на глазах.

Шестого декабря температура опустилась ниже минус двадцати. Приходилось идти пешком, ведя верблюдов в поводу. Они очень ослабли.

С трудом добрались до колодца Себистей, на полпути между Эдзин-Голом и Хами. Здесь Хедина скрутило от боли из-за камней в желчном пузыре. Основная часть экспедиции пошла дальше, а Хедин решил остановиться и дожидаться помощи. С ним остались врач и ботаник Дэвид Хуммель, археолог Фольке Бергман, геолог Эрик Норин и повар Чанг.

Ожидание оказалось долгим. Прошло Рождество, наступил Новый год. Холод был страшный, непрестанно дул пронизывающий ветер.

Когда боли становились особенно сильными, Хуммель делал Хедину уколы морфия. Совсем плохо было с едой. Остались лишь концентрат горохового супа и какао. Правда, однажды Фольке Бергману удалось подстрелить антилопу.

Помощь пришла через двадцать четыре дня. Хедина усадили в импровизированное кресло, привязанное между двумя верблюдами. 23 января 1928 года экспедиция вновь собралась в Хами в полном составе. Еще через две недели вышли в направлении Урумчи, столицы провинции Синьцзян, и 19 февраля добрались до Турфана, древнего города на Великом шелковом пути.

Турфан, 20 февраля 1928 года

В Турфане Хедин и познакомился с Токта-ахуном, местным торговцем скотом. Они долго разговаривали, хотя Свен без малого четверть века не говорил на уйгурском языке. Токта-ахун рассказал Хедину, как он переплывал реку.

Свен впервые услышал о реке в этом районе.

— Семь лет назад, — рассказывал торговец, — Конче-дарья ушла из своего старого русла и обводнила прежде сухую

Курук-дарью. Новая река течет на восток. Теперь там зелень, тополя растут.

Хедин почувствовал себя Коперником, получившим подтверждение гелиоцентрической теории. Еще в 1905 году в книге «Научные результаты путешествия в Центральную Азию» он написал: «Возвращение воды в ныне высохшее русло Курук-дарьи — лишь вопрос времени».

Рассказ Токта-ахуна подтверждал теорию Хедина о перемещающемся озере Лобнор. Этот процесс перехода уже начался, что было невероятной удачей, принимая во внимание длительные временные промежутки между «блужданиями» озера.

Урумчи, 27 февраля 1928 года

Из Турфана в Урумчи Хедин добирался неделю. На пути в пустыне начали появляться одиночные скалы, потом дорога пошла через горы. Перевал штурмовали в снежную бурю.

В то время Синьцзян оставался одним из немногих спокойных мест в Китае. 27 февраля экспедиция въезжала в столицу провинции Урумчи, где Хедин провел около двух месяцев. Здесь его настигло известие о смерти Милле Линдстрём. Ей было 54 года.

Местный губернатор Янг Ченцин благоволил Свену, но Гражданская война в Китае сделала полеты над Синьцзяном невозможными.

Для Хедина это был удар, запрет на полеты означал прекращение поддержки «Люфтганзы».

Стокгольм, 9 июня 1928 года

В начале мая Свен оставил экспедицию и уехал в Швецию на поиск денег. Из-за весенней распутицы в Китае дорога заняла целый месяц. 9 мая поезд привез Хедина в Стокгольм. На перроне его встречали семья и журналисты.

Хедин созвал пресс-конференцию. Он сказал, что фотограф экспедиции уже отснял шестнадцать километров пленки, что получены ценные метеорологические и гидрографические данные. Свен также пояснил, что должен купить транспортные средства для экспедиции и автомобиль для губернатора Янга Ченцина, который мечтал о «паккарде». О финансовых проблемах он даже не упомянул. Но после встречи с журналистами Хедин поспешил к премьеру Экману и попросил его выделить на экспедицию 750 000 крон из доходов от национальной лотереи.

— Обещать не могу, — ответил премьер, — решает правительство, но оно не оставляет без внимания мнение короля.

Свен позвонил Густаву V, и король пригласил его отобедать во дворце Дроттнингсхольм. Хедин попросил короля помочь.

— Но я не могу повлиять на правительство, а деньгами распоряжается оно.

— Ваше Величество, не далее как сегодня, мне объяснили, что правительство очень внимательно прислушивается к вашим пожеланиям.

— Сделаю все, что в моих силах, — пообещал Густав.

Восьмого августа Хедин сообщил прессе о том, что ему нужно семьсот пятьдесят тысяч крон для экспедиции и еще две-сти пятьдесят тысяч на покупку ламаистского храма со всем внутренним убранством. Подходящий храм, который планировалось перевезти в Стокгольм, подыскивал Хертиг Ларссон.

Деньги Хедин получил.

Как только стало известно решение правительства, он выехал в Урумчи. Ему составил компанию астроном Нильс Амболът, новый сотрудник экспедиции. Поездом они доехали до Семипалатинска, выгрузили из товарного вагона два «доджа» и два грузовика «грэхэм», купленные в Швеции. Там же, в Семипалатинске, Свен арендовал грузовик «рено», чтобы уместился весь багаж.

Через неделю добрались до города Таченга на советско-китайской границе, где и застряли.

За время отсутствия Хедина произошло два важных события. Войска Гоминьдана во главе с Чан Кайши взяли Пекин. Дружественный Хедину губернатор Янг Ченцин был убит. Чан Кайши пожелал иметь в отдаленной провинции более покладистого «манدارина», и преемником Янга стал заведовавший его канцелярией Цзинь Шуджень, у которого были совсем другие взгляды на китайско-шведскую экспедицию. Он тут же начал вставлять ей палки в колеса.

Хедину пришлось проторчать в Таченге несколько недель. Во-первых, мешали препоны, которые создавал Цзинь; во-вторых, Амбольт подхватил дизентерию, и пришлось срочно вызывать доктора Хуммеля из Урумчи. Только 4 октября автомобильный караван Свена въехал во двор штаб-квартиры экспедиции.

Пока Хедин ездил в Швецию, произошло несколько событий. Геолог Эрик Норин побывал в пустыне Лоб и зафиксировал, что река Конче-дарья действительно изменила направление. При этом в северной части пустыни образовалось несколько озер. Фольке Бергман нашел руины нескольких древних поселений в южной части пустыни Такла-Макан и на севере Тибета. Палеонтолог Юань обнаружил на Тянь-Шане окаменелые останки доисторических ящеров.

Об этих открытиях, подчеркивая их эпохальный характер, Хедин информировал прессу. Не обошлось без курьезов: во Франции, из-за неверно понятого сообщения, появилась новость о том, что профессор Юань изловил живого динозавра.

В начале декабря в Швеции вышла из печати книга Хедина об экспедиции «Обратно в Азию». Но в самой Азии губернатор Цзинь Шуджень потребовал, чтобы экспедиция оставила Синьцзян не позднее 1 мая 1929 года.

Нанкин, 8 марта 1929 года

После того как войска Чан Кайши заняли Пекин, он следовал столицей Китая Нанкин. Хедин и Сю Пинчанг приехали туда в начале марта 1929 года. 8 марта их принял Чан Кайши. Ровно в десять он вошел в конференц-зал, пожал

руку сначала Хедину, потом Сю Пинчангу. Чан Кайши был вежлив и сдержан. Говорил генерал по-китайски. Министр путей сообщения Сунь Фу, сын основателя партии Гоминьдан Сунь Ятсена, перевел:

— Что я могу для вас сделать?

Хедин в нескольких словах рассказал об экспедиции, ее значении для провинции Синьцзян, всего Китая, китайской и мировой науки и завершил:

— Я прошу оградить нас, равно как и наших китайских сотрудников, от нападок губернатора Синьцзяна Цзинь Шуджэня.

Чан Кайши обещал.

Тринадцатого марта Цзинь Шуджэню должны были доставить телеграмму от Чан Кайши: ему предписывалось оказать экспедиции всяческое содействие и максимально облегчить ее работу. Хедин задержался в Нанкине — он хотел дождаться ответа губернатора.

Однако ответа из Урумчи так и не последовало. Между Нанкином и Урумчи несколько тысяч километров; возможности центральной власти были крайне ограничены. В начале апреля Хедин вернулся в Пекин.

Нельзя сказать, что поездка в Нанкин была совершенно неудачной. Хедин получил разрешение продлить работу экспедиции на несколько лет, ему позволили нанять еще четверых шведских помощников. Кроме того, он выговорил себе довольно экзотическую льготу: выпустить почтовую марку в количестве 25 тысяч экземпляров. Доходы от марки должны были пополнить экспедиционную кассу. Идею Свен позаимствовал у британских экспедиций на Эверест.

В Пекине Хедин встретился с палеонтологом из Упсалы Биргером Болином. Болин принимал участие в раскопках сенсационной находки — так называемого «пекинского человека». Палеонтолог вместе с китайским астрономом Паркером Ченом готовился к отъезду в Синьцзян.

Хедин планировал выехать в Урумчи в конце апреля вместе с ними, но ему пришлось изменить планы. Продолжение экспедиции вновь оказалось под вопросом.

Пекин, 29 апреля 1929 года

Доктор Шальтенбранд внимательно посмотрел на пациента. Уже второй раз за два месяца Хедин попал в Американский госпиталь в Пекине из-за сильной боли в спине. Четыре дня его обследовали, брали анализы. Два шведских профессора, француз и немец-невропатолог Шальтенбранд провели консилиум. 29 апреля они сообщили пациенту диагноз:

— Мы считаем, что у вас опухоль. Она требует срочного оперативного вмешательства, но мы не считаем возможным оперировать вас в Пекине. Мы советуем вам как можно скорее обратиться за консультацией к доктору Харви Кушингу в Бостоне.

Хедин слушал приговор врачей с растущим беспокойством.

— Я не хочу скрывать от вас, что речь идет о весьма сложной операции, — сказал Шальтенбранд, который сам учился у Кушинга.

Через несколько дней врачи вновь собрались на консилиум. Один из них сомневался насчет опухоли, но все сходилось в одном: надо ехать к Кушингу в Бостон. Доктор Хуммель телеграфировал домашнему врачу Хедина и двум знакомым профессорам в Стокгольме — они сказали то же самое.

Отправили каблогранму Кушингу, он ответил, что ожидает Хедина 9 июня. Известили Альму, она должна была встретить Свена в США.

На время своего отсутствия Хедин назначил руководителем экспедиции Эрика Норина.

Океанский лайнер «Президент Тафт» пересек Тихий океан и бросил 3 июня якорь в Сиэтле. Хедин и Хуммель, не отходивший от него ни на шаг, сели на поезд до Чикаго.

Восьмого июня Свен встретился с встревоженной Альмой и братом Карлом, который переехал в США после того, как Хедин рекомендовал его Форду в качестве инженера.

В Бостоне Свена положили в госпиталь Питера Бенгта Бригхама. Его тщательно обследовал ассистент Кушинга.

11 июня Хедин сидел в больничной палате и ждал. Наконец открылась дверь, вошел Кушинг. Худой, с коротко остриженными седыми волосами, орлиным носом. Он заговорил с Хедином так, как будто бы они были друзьями с детства. Харви Кушинг Свену понравился. Заключение Кушинга понравилось Хедину еще больше.

— Незачем вас кромсать. Я у вас никакой опухоли не нахожу.

_____ Чикаго, 7 июля 1929 года

Хуммель на судне «Кунгсхольм» Шведско-Американских линий отплыл из Нью-Йорка в Гётеборг. Хедин и Альма поехали в Чикаго на поиски потенциальных спонсоров среди богатых шведоамериканцев. 7 июля Свен прислал Хуммелю телеграмму: «Получил деньги на покупку монгольского храма. Все здорово, очень тебя не хватает».

Щедрым спонсором оказался Винсент Бендикс*, входивший в десятку самых богатых людей Соединенных Штатов. Свен познакомился с Бендиксом через шведского атташе по культуре Таге Пальму. Хедин рассказал Бендиксу об экспедиции и упомянул о том, что король выделил на нее деньги. В действительности деньги выделило шведское правительство, но в глазах Свена государство и король были неразделимы. Он также рассказал о своих планах насчет покупки храма и о том, какую научную ценность он будет представлять для Музея этнографии в Стокгольме.

— Сколько вы получили от короля? — поинтересовался Бендикс.

— Полмиллиона.

— Это не деньги. Вы получите от меня столько же. Кроны или доллары?

* Бендикс получил мировую известность после того, как изобрел электрический стартер. До этого автомобильные двигатели заводили вручную. Чтобы завести автомобиль, надо было встать перед радиатором машины, запихнуть под него довольно увесистую металлическую ручку и с усилием эту ручку повернуть. — *Прим. автора.*

Хедин, Винсент Бендикс и его жена. Чикаго, 1929 год

— Кроны, — автоматически среагировал Хедин и через секунду готов был откусить себе язык: почему он не попросил доллары?

Свен с Бендиксом придумали отличный ход: привезти монгольский храм на Всемирную выставку 1933 года в Чикаго. Бендикс был доволен, его интервьюировали американские и шведские газетчики.

Хедин отплыл из США на борту немецкого атлантического лайнера «Альберт Баллин». На пристани в немецком Куксхафене более трех тысяч человек встречали его как героя. Немецкое радио говорило о «великом шведе» и о той пользе, которую он приносит Германии.

Хедин вернулся в Стокгольм в субботу 3 августа. Вечером того же дня он ужинал с интересовавшимся археологией кронпринцем Густавом-Адольфом. Хедин жаждал вернуться к работе. Касса экспедиции была пополнена, новые планы составлены, и только нужно было срочно найти грамотного этнографа для поисков и покупки храмовой утвари.

Из Китая от Эрика Норина пришло сообщение, суть которого сводилось к тому, что губернатор Цзинь Шуджень наплевал на распоряжение Чан Кайши, сделал вид, что никаких указаний не получал, и продолжает саботировать работу экспедиции. Более того, центральные власти в Нанкине получили телеграмму от некоего Общества охраны древностей, в которой утверждалось, что экспедиция служит прикрытием для переправки в провинцию оружия в обмен на антиквариат.

Никто прежде о таком обществе не слышал, так что легко было догадаться, что за всем этим просматривается губернатор Цзинь.

Организационные дела задержали Хедина в Швеции на два месяца. В это время к нему в Стокгольм приезжали Харви Кушинг и Винсент Бендикс. В конце сентября Хедин отправился в Китай. С ним вместе ехали Хуммель и этнограф Ёста Монтелль. В одном вагоне с ними ехала знакомая Свена, француженка Розы Сирен.

Транссибирский экспресс,
октябрь 1929 года

Рози Сирен направлялась из Парижа в Пекин к мужу, шведскому профессору искусствоведения, специалисту по Китаю Освальду Сирену. Роза много времени проводила с Хедином, Хуммелем и Монтеллем. Свен обыкновенно сидел в углу купе у откидного столика, загроможденного книгами, газетами и рукописями. За окном проносились великолепные русские осенние пейзажи. Хедин методично, почти не останавливаясь, строчил своим нечитаемым, как шифр, почерком страницу за страницей. Он либо писал, либо сосредоточенно читал, попыхивая сигаретой. Свен не отвлекался на появление кондукторов или вооруженных патрулей, проверявших документы и визы. Всего раз или два он сказал что-то патрульным по-русски.

Однажды вечером, когда вся компания сидела в купе, мадам Сирен затеяла разговор:

— Доктор Хедин, меня мучает один вопрос.

— Я давно жду, когда вы его зададите.

— Ага, вы уже знаете. Как вышло, что во время войны вы встали против нас на стороне Германии?

Хедин заговорил о праве каждого иметь свои убеждения, про историческое значение Германии для Европы, вспомнил о Вильгельме II. В его изложении это был человек с блестящей творческой фантазией, мечтатель, музыкант и неплохой художник, который любил Францию больше, чем какую-либо другую страну.

— Да, это совершенно меняет дело, — заметила мадам Сирен.

Хедин пропустил иронию мимо ушей.

— И он мечтал жить в Париже.

— Ну, конечно, и приглядел местечко в Реймском соборе*.

Хедин был отличным полемистом, знал множество фактов, и Роза Сирен быстро поняла, что без библиотеки под рукой

* Место коронации французских королей.

и опытных советников ей с Хедином не справиться. Но вместе с тем она не могла согласиться со Свеном. Роза видела перед собой умного человека, который верил в то, что говорит, и временами задавалась вопросом, нормальный он или сумасшедший. Для мадам Сирен война была личным делом: немцы убили ее брата. Глаза у нее уже были на мокром месте, и, скорее всего, дискуссия закончилась бы рыданиями, но, к счастью, в дверь постучал проводник. Он спросил, не хотят ли пассажиры выпить чаю.

— Ну вот они, страшные большевики, в деле, — сказал Хедин. — Хоть в какой-нибудь небольшевистской стране нам предложили бы чаю в столь позднее время?

Обстановка разрядилась. Диспут увял. Мадам Сирен загорелась идеей написать об этом разговоре.

— А что скажут в Швеции, если появится статья под заголовком «Моя ночь со Свеном Хедином»?

— Я вас уверяю, что интерес будет большой, немногие женщины могут этим похвастаться*.

Все засмеялись.

Ченгде, 28 июня 1930 года

У русских с японцами были постоянные трения на маньчжурской границе, и добираться до Пекина пришлось через Владивосток и Японию. Осенью 1929 года Хедин, Хертиг Ларссон, Хуммель и Ёста Монтелль проехали 1100 километров по Внутренней Монголии, исколесив ее в поисках подходящего храма вдоль и поперек. Проблема была в том, что многие храмы — зачастую очень красивые — были в плохом состоянии.

Хедин вспомнил о старой летней императорской столице Ченгде, где был целый храмовый город. Он отправил Ларссона, Монтелля и Хуммеля в Ченгде, а сам остался в доме Ларссона в Калгане и взялся за вторую книгу об экспедиции — «Дороги пустыни Гоби».

* Статья Розы Сирен была опубликована в декабре 1934 года в «Ежемесячнике Бонниера». — *Прим. автора.*

Ларссон, Монтель и Хуммель в конце концов нашли подходящий храм, но, так как вопрос был довольно деликатный, они не стали предпринимать никаких практических шагов и вернулись в Калган. Напоминанием, что не все так просто, были ящики под навесом на заднем дворе дома Ларссона. В них находились окаменелые останки динозавров, найденные американским палеонтологом Роем Чапманом Эндрюсом*. Китайские власти запретили их вывозить.

Отметив Рождество и Новый год у Хертига Ларссона, Хедин вместе с Хуммелем выехали в Пекин. Этот город Свену не особенно нравился, но в качестве штаба был самым подходящим местом: отсюда можно было относительно легко связываться со Стокгольмом и с отрядами экспедиции в поле. Кроме того, в Пекине Хедин надеялся уладить дело с разрешением на покупку храма. Проблема казалась непреодолимой, пока Монтелля не осенило, что можно изготовить точную копию храма, что избавляло от необходимости покупать оригинал. К тому же копий могло быть несколько.

Двадцать восьмого июня 1930 года Хедин приехал в заброшенный храмовый город Потала в Ченгле и осмотрел храм, выбранный Ларссоном, Хуммелем и Монтеллем. В основании это был квадрат со сторонами 20 метров на метровом каменном фундаменте, высотой около 23 метров. Крыша, выложенная медными пластинками, опиралась на 28 колонн, покрытых красным лаком. Доминирующими цветами были красный и золотой. Из-за медной крыши Хедин назвал его «желтым павильоном» и объявил «самым красивым храмом во всей Монголии и Китае».

Через десять дней, сделав множество снимков и зарисовок, Хедин вернулся в Пекин. Там за время его отсутствия накопилось множество писем. Члены экспедиции — Эрик Норин, астроном Амбольт и трое китайцев — работали в разных местах Синьцзяна. Другая группа — археолог Фольке Бергман, палеонтолог Биргер Болин, астроном Паркер Чен, геолог Нильс Хёрнер и палеонтолог Герхард Бексель —

* Р. Ч. Эндрюс считается прототипом Индианы Джонса.

проводила исследования в районе Эдзин-Гол во Внутренней Монголии. Дэвид Хуммель и немец Бекенкамп странствовали где-то в приграничных областях между Тибетом и провинцией Цзянсу. Они угодили к бандитам, но благодаря медицинским познаниям Хуммеля, который вылечил заболевшего главаря, выпутались из ситуации, им даже вернули вещи.

От Альмы из Стокгольма пришло письмо. Главных новостей было две. Хорошая: Шведская Ост-Индская компания обещала бесплатную транспортировку всех находок из Шанхая в Гётеборг. Плохая: в экспедиционной кубышке опять закончились деньги.

В планах Хедина было спуститься по течению реки Тарим к Лобнору, чтобы посмотреть на Курук-дарью. Ему также хотелось еще раз пересечь песчаное море Такла-Макан, но по новому маршруту, с севера на юг, там, где никто еще не ходил. На все это требовались деньги. У Свена, впрочем, была некоторая надежда на Винсента Бендикса. 26 июля он послал ему телеграмму в Чикаго. Ответная телеграмма ничего радостного не принесла. Бендикс сообщил, что крах на Уолл-стрит и депрессия здорово ударили его по карману; следовательно, дать денег он не может. Кроме того, Бендикс выражал недовольство, что дело с храмом непозволительно затягивается.

Стокгольм, 10 февраля 1931 года

Бендикс хотел знать, в какой стадии готовности находится создание копии храма, что сделано, какие детали можно отправить в Чикаго, сколько все это будет стоить и сколько уже потрачено. Хедин послал ему подробный отчет, который Бендикса вполне удовлетворил.

Двадцать пятого января Свен в сопровождении Хуммеля отправился в Стокгольм добывать деньги. Хуммеля наняла, в общем-то случайно, по объявлению, Альма, и ее выбор оказался на редкость удачным. Хедин и Хуммель были почти неразлучны. Для шефа, как Хедина называли в экспедиции, Хуммель стал доверенным другом.

Хедин приехал в Стокгольм 10 февраля 1931 года и сразу же организовал пресс-конференцию. Он щедрыми мазками набросал картину приключений, пережитых в Китае, и особо подчеркнул, что сейчас только его шведско-китайской экспедиции разрешены изыскания в этой стране. Свен рассказал, что изначальное противодействие китайской стороны сменилось энтузиазмом и полным содействием. Более того, китайцы просили его о продлении работы экспедиции еще на несколько лет. Хедин напомнил о британском коллеге Ауреле Штейне, который получил в Нанкине отказ, и Рое Чапмане Эндрюсе, своем новом американском друге, вынужденном прервать палеонтологические изыскания в Гоби и уехать восвояси. Кстати, Хедин купил его верблюдов.

Самыми яркими красками Свен расписал замечательные научные результаты работы экспедиции. Он говорил о найденных скелетах динозавров, о замечательно сохранившихся в песке окаменевших яйцах, хотя они и пролежали десятки миллионов лет, рассказывал о собранных этнографами экспонатах. Он подробно описал один из них: праздничное платье женщины с севера Монголии, расшитое бирюзой, жемчугами, другими драгоценными камнями. Его приобрели за три тысячи крон, и «это было редкой удачей». Хедин сообщил журналистам, что большая часть этнографической коллекции экспедиции будет привезена в Стокгольм весной. «Это будет замечательная выставка, — добавил он, — а со временем экспонатов станет еще больше». Он рассказал об археологе Фольке Бергмане, который только в течение последнего года нашел более двадцати двух тысяч предметов неолита: топоры, ножи, наконечники, керамику. И тут же заинтриговал журналистов, сказав о некоем открытии Бергмана, которое прославит его имя. Что это было за открытие, он умолчал. Не забыл Хедин упомянуть и о геологических исследованиях Эрика Норина, благодаря которым внесена ясность в строение геологических структур Центральной Азии. Нильс Амбольт, астроном, используя новейшее оборудование, сделал массу ценных астрономических наблюдений. Экспедиция смогла внести большой вклад и в метеорологию. Немец Хауде везде, где мог, устанавливал метеорологические станции и запустил 350 воз-

душных шаров-зондов, изучая направление воздушных течений. «Некоторые из шаров, — порадовал журналистов Хедин, — поднимались на высоту порядка двадцати километров». Когда шары у Хауде закончились, он, к восторгу и упоению монголов, взялся пускать воздушных змеев.

Хедин несколько раз повторил:

— Едва ли представители какой-либо другой нации обладают сейчас такими возможностями для научной работы в Китае, как мы, шведы. И это далось нам не просто так — мы этого добились.

Он многократно повторил, что продолжать работу экспедиции необходимо, и, разумеется, не забыл сказать о том, что на это потребуется примерно 250 тысяч крон ежегодно.

В следующие два месяца Свен, выступая едва ли не каждый день, прочитал сорок лекций в разных городах страны. И это, конечно, возымело определенный эффект.

В начале апреля пришла телеграмма от Нильса Хёрнера. Он сообщал о том, что проблема озера Лобнор решена. Нильс вместе с Паркером Ченом нашел большое озеро там, где тридцать лет назад Хедин видел лишь высохшее дно. Расположение озера точно соответствовало его месту на старых китайских картах.

В мае у Хедина опять состоялся разговор с премьером Экманом о деньгах для экспедиции.

— Вы деньги получите, только больше не приходите и не просите, — сказал премьер.

В начале октября Хедин огорченно записал в дневнике: «Получил двести пятьдесят тысяч крон. И не больше».

Правительство Швеции трудно было винить в скупости. Великий американский крах 1929 года инициировал глобальную экономическую депрессию. В Швеции с бюджетом в это время было особенно плохо; она вынужденно отказалась от золотого обеспечения национальной денежной единицы; обменный курс кроны упал на 30 процентов.

Восемнадцатого октября Хедин в церкви Бласиехольмен в Стокгольме на собрании сторонников мира произнес речь в память о недавно умершем архиепископе Упсальском

Ларсе Сёдерблуме. Обычно далекий от модного тогда в Швеции антиамериканского морализирования, тут он заметил:

— В обмен на все то хорошее, что Америка получила от Европы, Америка затопляет нас и весь мир потоком варварства и бескультурия, сенсационно-скандальной литературой, низкопробными фильмами, джазом и другими сомнительными поделками, заражающими воздух, которым мы дышим, уничижающими хороший вкус, знания и мораль, совращающими молодежь отказаться от высоких идеалов и настоящих ценностей, той самой единственной основы, на которой только и может строиться светлое и счастливое будущее.

Это был довольно рискованный поступок — атаковать Соединенные Штаты и, следовательно, возможных спонсоров. Король Густав не преминул указать на это Хедину, когда они встретились через несколько дней:

— Мне не очень нравится то, что ты сказал про Соединенные Штаты, и я могу лишь надеяться, что это не повредит твоим отношениям с Винсентом Бендиксом, — сказал король.

В середине декабря пришла телеграмма из Чикаго:

«Я считаю, что будет очень хорошо, если вы и Монтелль по пути в Китай заедете в Чикаго. Желательно в середине февраля, для консультаций. Винсент Бендинкс».

Чикаго, 12 марта 1932 года

Ночной поезд из Нью-Йорка остановился в Чикаго в 5 часов 40 минут утра 12 марта 1932 года. Хедин и Монтелль были приглашены остановиться у Винсента Бендикса в Поттер-Палмер-Хаус. На вокзале их встретил шведский консул в Чикаго и тут же огорошил новостью: в Париже застрелился Ивар Крейгер*.

* Ивар Крейгер (1880—1932) — знаменитый спичечный король, создатель первой транснациональной корпорации. Контролировал 250 компаний в разных странах мира. Крах Крейгера был настолько крупным событием, что после него ряд стран приняли специальные законы антимонопольного характера.

Ненасытный молох депрессии требовал приношений. Биржевой обвал и непомерные расходы на экстравагантный образ жизни сожрали изрядную часть капиталов Бендикса, и теперь он был далеко не так богат, как тремя годами раньше, когда давал щедрые обещания Свену.

Перед приездом в Чикаго Хедин две недели провел в Бостоне и Нью-Йорке, где встречался с разными людьми. За это время акции Бендикса упали с 17,5 до 10,5 долларов.

На следующий день после приезда в Чикаго Монтелль начал распаковывать храмовую утварь и предметы интерьера монгольского храма.

Бендикс пригласил кучу гостей и экспертов. Его энтузиазм по поводу храмового проекта рос на глазах, чего нельзя было сказать о желании оплатить 28 тысяч предметов и деталей, привезенных в Чикаго и готовых к монтажу. Но через шесть недель переговоров между Бендиксом и администрацией Всемирной выставки она все же решила взять на себя расходы. Слухи об антиамериканских высказываниях Хедина до Чикаго не дошли, все было тихо.

В начале мая начался монтаж храма. Еще через пять месяцев храмовая крыша была покрыта двадцатью пятью тысячами медных пластин. Их изготовили на собственных заводах Бендикса в Чикаго. Храм расписывали два специально приглашенных из Пекина китайских художника, они пользовались только минеральными красками, привезенными из Китая, которые гарантировали подлинность цвета и долговечность. Интерьер храма воссоздавался строго по инструкциям Ёсты Монтелля.

Все это время Хедин жил у Бендикса. Он переписывался с экспедиционными группами и строил новые планы. Но для их осуществления нужны были деньги. Одно американское издательство проявило гипотетический интерес к книге о его предыдущих приключениях. Хедин немедленно взялся за перо и впервые поведал о своем несчастливом романе с Милле Линдстрём. Он назвал книгу «Схватка с пустыней, схватка со смертью». Но она так никогда и не была напечатана. Хедин написал ее на шведском, и издательство

пошло на попятный, сочтя, что перевод обойдется слишком дорого.

В середине декабря 1932 года Хедин все еще находился в США. Он задержался в Чикаго, потому что хотел дождаться окончания строительства храма. Он полагал, что, когда это чудо предстанет во всей красе, появятся спонсоры. Но увы, только Винсент Бендикс, дела которого шли под откос, обещал десять тысяч долларов.

В канун Рождества 1932 года Хедин стоял на палубе корабля. С пристани знаменитому брату махал на прощание рукой Карл Хедин. Билет Хедина оплатил Бендикс. Свен направился в Китай.

Пекин, 1 февраля 1933 года

Первого февраля 1933 года Хедин записал в дневнике: «Гитлер — рейхсканцлер». Он понятия не имел о том, кто такой Гитлер, и в письме домой просил разузнать, кто он, откуда и что все это значит. Без малого год Хедин прожил в США вдали от европейской политики.

В Китае за почти что два года его отсутствия многое изменилось. Японцы захватили большую часть Внутренней Монголии, заняли Ченгде и превратили Маньчжурию в формально независимое марионеточное государство под названием Маньчжоу-го. На трон они посадили Пу И, последнего императора Китая. Японским войскам оставалось дойти до Пекина двести километров. Обстановка в городе была напряженной и неопределенной. Пекинские музеи вывезли тысячи экспонатов в Нанкин, чтобы их не разграбили японцы.

Китайский друг Хедина профессор Лю Фу попросил у него два шведских флага. Он намеревался вывесить их над помещением в Национальном университете, где хранились находки шведско-китайской экспедиции.

— Чтобы издалека было видно, что это иностранная собственность, — объяснил профессор.

Приходилось опасаться не только японцев, но и местных бандитов. Характерные для Китая того времени целые разбойничьи армии делали обстановку в стране крайне нестабильной. Пекин не был застрахован от неожиданного вторжения одной из них.

В Синьцзяне полыхнуло восстание из-за недовольства губернатором Цзинем, постоянно закручивавшим гайки. Север и запад Китая — области работы экспедиции — были на грани катастрофы. Почти все группы свернули полевые работы. Паркер Чен вместе с Хёрнером пробирались в Пекин через кишашую бандами Внутреннюю Монголию. Не было никаких известий от Нильса Амболта, исчезнувшего где-то в Тибете.

Девятнадцатого февраля Хедину исполнилось 68 лет. Утром его разбудил Эрик Норин с шампанским наготове. Вечером устроили банкет.

Прошло два месяца после прихода Гитлера к власти. За это время Хедин разговаривал со многими немцами и составил свое мнение о новом режиме. Как отметил Свен в дневнике 20 апреля, его немецкие знакомые высказывали большие сомнения насчет нацистов — «ничуть не меньшие, нежели в отношении евреев». В тот же вечер в письме сестрам в Стокгольм он рассказал о разговоре за ужином с немецкими друзьями о положении в Германии: «Платформа, с которой выступают новые лидеры, составлена из броских фраз и пустословия. Одни обещания, которые никогда не будут выполнены. А что произойдет, когда это станет ясно? — спрашиваю я. Когда не появятся ни армия, ни флот, не решится вопрос с польским коридором, когда никто и не подумает вернуть колонии. Тогда все эти массы переметнутся к коммунистам. А расовый аспект и объявление евреев чуждым народом — это вопрос не только пятисот шестидесяти пяти тысяч евреев в Германии, это вопрос мирового еврейства, евреев всего мира. А власть евреев велика, и они способны ужасно отомстить».

Хедин, казалось, видел признаки приближающейся войны, и его суждение насчет Гитлера в апреле 1933 года было весьма и весьма нелицеприятным: фразер и провокатор, наживающий Германии миллионы новых врагов — в первую очередь среди евреев.

В мае японцы оказались в пятнадцати километрах от Пекина. По ночам слышалась пулеметная стрельба.

Нильс Хёрнер и Паркер Чен благополучно вернулись в Пекин. Затем пришло долгожданное известие — телеграмма от шведского миссионера в Кашгаре: Нильс Амбольт находится в безопасности.

Экспедиция подошла к концу. За шесть лет было собрано множество ценнейшего материала, теперь его предстояло обрабатывать: чертить карты, исследовать геологические пробы, классифицировать и описывать археологические и палеонтологические находки, анализировать метеорологические наблюдения.

Во дворе штаб-квартиры экспедиции в Пекине стояли 65 больших ящиков, ожидавших разрешения на отправку.

Непредвиденные расходы из-за колебаний и падений курса валют, розыски Амбольта и прочее потребовали дополнительно сто тысяч крон. Хедин взял ссуду в Немецко-Азиатском банке. Выплатить ее он надеялся за счет шведских налогоплательщиков.

Несмотря на нехватку средств, Хедин задумал совершить автомобильную поездку по Великому шелковому пути к Лобнору и новообразовавшейся Курук-дарье. Это путешествие стало бы не только блестящим завершением шведско-китайской экспедиции, но и венцом его исследовательской работы.

Находчивый Хедин обратился к китайскому правительству с письмом, в котором предложил построить автомобильную дорогу в Синьцзян, для чего, разумеется, необходимо было провести рекогносцировку. Эту миссию Хедин предлагал возложить на себя и своих помощников.

Нанкин, 7 августа 1933 года

Утром 7 августа 1933 года Хедин приехал в Нанкин и встретился с министром иностранных дел Ло Венкаем.

— Я прочитал ваш отчет, вы совершенно правы: дорога нужна. Сколько это будет стоить?

— Тридцать пять — сорок тысяч долларов.

Министр удивился:

— Так мало?

— Я не включил жалованье. С зарплатой пятьдесят пять.

— Правительство возьмет на себя все расходы.

Месяцем ранее на приеме в немецком представительстве в Пекине Свен пространно побеседовал с заместителем министра иностранных дел Китая Лю Чингче.

Разговор зашел о положении в раздираемом войной Синьцзяне, который был практически отрезан от страны. Бывший губернатор Цзинь сбежал в Нанкин, и там его арестовали, обвинив в тайных связях с русскими. Новым губернатором провинции стал Шенг Тупан.

Лю Чингче хотел услышать мнение Хедина. Суждение Свена было решительным. Если не принять срочных мер, то Китай потеряет Синцзян, как уже потерял Тибет, Внешнюю Монголию и Маньчжурию.

— И что, по вашему мнению, нужно делать?

— В первую очередь построить первоклассную автомобильную дорогу между Синьцзяном и остальным Китаем. Вторым шагом будет строительство железной дороги. Вы сможете в любой момент в случае необходимости перебросить в провинцию военные части. Хоть целую армию.

Хедин напомнил о природных ресурсах Синьцзяна — золоте и нефти и о крайне незначительных объемах торговли с прочими частями Китая из-за плохих коммуникаций, в то время как торговля с Россией, на западе провинции, где есть дороги, процветает.

— Надеюсь, — медовым голосом закруглил беседу Свен, — ваше превосходительство понимает, что я не ищу выгод для себя. Я готов приступить к делу немедленно, поскольку никто знает, что будет в Синьцзяне через месяц или три.

— Вы правы. Дело не терпит. Напишите служебную записку на мое имя.

И Хедин передал Лю Чингче карту с наметками предполагавшейся трассы.

Пекин,
31 августа 1933 года

Тридцать первого августа Хедину зажгли «зеленый свет». Он даже получил официальную должность советника Министерства железнодорожных сообщений. Были заказаны четыре «форда»: три грузовика и одна легковушка, — Хедин надеялся, что Генри Форд обратит внимание на такую рекламу его автомобилей.

По соглашению с китайским правительством Свен мог взять с собой четверых шведских помощников, и он выбрал Дэвида Хуммеля, Фольке Бергмана, Георга Сёдербома и сына миссионера Эффе Хилла, который слыл отличным механиком. Китайскую сторону представляли два инженера-дорожника Кунг Цзе, Ю Ирвинг и давний сотрудник Хедина Паркер Чен.

Хедин постарался привлечь к своему предприятию максимальное внимание. В частности, он сделал нетривиальный ход: послал президенту США Франклину Рузвельту серию экспедиционных почтовых марок. Вскоре пришла телеграмма: «Удачи вам в новой важной экспедиции. Только вы сможете привести ее к успеху. Тысяча благодарностей за очень интересные памятные марки. Обязательно навестите меня после возвращения. Буду ждать ваших рассказов. Рузвельт».

Денег на экспедицию он просил не только у китайцев. Шведский премьер-министр Линдман ему ответил: «Сделаю все, что смогу».

Шестнадцатого октября Хедин записал в дневнике: «Ровно сорок лет с начала моей первой экспедиции в 1893 году».

Как оказалось, не один он помнил об этой дате. С удивлением Свен прочитал телеграмму из Германии: «От всего сердца желаю удачи великому и бесстрашному исследователю. Поздравляю с сорокалетним юбилеем научной деятельности. Рейхсканцлер Адольф Гитлер».

Икхе-нур, 19 ноября 1933 года

Девятнадцатого ноября экспедиция разбила лагерь в степи, у озера Икхе-нур, в одном дне пути на запад от храмового города Бели Миао. Ночью температура падала до минус двадцати пяти. На плоскогорья Внутренней Монголии надвигалась суровая континентальная зима. Под картерами двигателей машин приходилось разжигать костерки, чтобы отогреть масло. Без этого автомобили невозможно было завести.

Предстояло наметить дорогу на север, к Хами, через Гоби, следуя старым караванным маршрутом из Пекина в Синьцзян. На обратном пути они должны были проехать по отрезку Великого шелкового пути через пустыню Лоб и Дуньхуан до древнего императорского города Хиани.

По соглашению с нанкинским правительством экспедиция Хедина обязывалась выполнить задачу за восемь месяцев. Свену было разрешено проводить исследования Лобнора и поручено прояснить возможность искусственного орошения в этом районе.

Экспедиция получила строжайший запрет на археологические раскопки. Министр образования Китая самолично включил этот параграф в соглашение. Возникал естественный вопрос, каким образом определять направление сплошь и рядом засыпанного песком Шелкового пути, если не копать? Сие мудрое распоряжение Свен назвал «безмозглым» и объявил товарищам:

— Всю ответственность я беру на себя.

Ехали неторопливо. Бергман и китаец Ю делали кроки* и заполняли карты. Встретили караван в шестьсот верблюдов, нагруженных шерстью. Монголы-караванщики гнали с собой и стадо овец. Сёдербом купил двух и забил на мясо. Оружие приходилось все время держать наготове: в округе разбойничали банды.

* Картографические наброски местности с привязкой по компасу.

Ближе к вечеру подъехали к покрытой льдом реке. Первым вызвался рискнуть Сёдербом. Он уже выезжал на противоположный берег, когда лед треснул и разошелся под задними колесами грузовика. Машина застряла намертво. Второй грузовик попробовал пересечь реку левее, но с тем же результатом. Самым везучим, или самым умелым, оказался Хилл. Он разогнался и без проблем выскочил на другой берег.

После долгих мучений удалось вытянуть из воды грузовик Сёдербома. Уже смеркалось, когда вытащили из реки и второй грузовик. Но у него полетела задняя ось, требовались запчасти для серьезного ремонта.

Хедин поручил Сёдербому ехать в Тяньцзин за деталями и купить еще один грузовик. Двое монголов остались охранять сломанную машину.

Хедин и остальные поехали дальше через Гоби, соблюдая все возможные предосторожности. Время от времени встречались караваны верблюдов, значительно реже автомобили.

Свен полагал, что Сёдербом нагонит их недели через две, но прошло три недели, а Сёдербом так и не появился. Хедин не на шутку обеспокоился, но на тридцать первый день на востоке послышался шум моторов, и подъехали два грузовика.

Это был Сёдербом с монголами. Второй грузовик достался ему бесплатно. Уже после отъезда экспедиции пришла телеграмма от Форда — он предлагал Хедину грузовик новейшей модели с восьмицилиндровым двигателем. Сёдербом заехал в представительство Форда в Тяньцзине, где получил не только запчасти, но и этот самый новенький грузовик.

Хедин надеялся к Рождеству преодолеть двести двадцать километров до реки Эдзин-Гол, где экспедиция стояла лагерем осенью 1927 года. Свен с гордостью любовался своим моторизованным караваном: пять автомобилей колонной катят по пустыне — замечательная картина.

Двадцать второго декабря они проехали сто километров. Главной трудностью был, разумеется, песок. Как снег зимой, он лежал заносами на пути, и дорогу приходилось расчищать.

На следующий день экспедиция разбила лагерь в тени чудесных тополей Эдзин-Гол. Начались праздничные при-

готовления. Хуммель объединил две палатки в одну большую и соорудил стол из досок, которые обычно подкладывались под колеса, чтобы те не буксовали на слишком сыпучем и глубоком песке. В елку превратили и украсили, чем могли, тамариск. Распаковали патефон и пластинки.

Меню рождественского ужина было по гобийским меркам роскошным: суп из антилопы, консервированные рыбные фрикадельки с бобами, абрикосы, персики и сливы — также, ясное дело, консервированные. А кроме того, масло, сыр и хрустящие хлебцы. Пиршество завершил кофе с ликером.

После нескольких дней отдыха тронулись в путь через безжизненную Черную Гоби. Новости по радио о восстании в Синьцзяне были невнятными и противоречивыми. О том, что ожидает их после пересечения границы провинции, можно было только гадать. Шестого февраля экспедиция подъехала к окрестностям Хами.

Неподалеку от города колонну остановили внезапно выскочившие откуда-то солдаты с винтовками наперевес. Хедину и его товарищам приказали выйти из машин, отобрали оружие, потребовали документы, долго их изучали, после чего велели ждать.

Турфан, 19 февраля 1934 года

Через какое-то время им велели сесть в машины. Солдаты также забрались в кузова — и поехали. Округа была обезображена войной, деревни разорены и сожжены. Дважды дорогу перекрывали толпы орущей, размахивающей оружием солдатни. Наконец доехали до штаба в Хами. Здесь какой-то командир вежливо приветствовал Свена и его спутников по-немецки. Он вернул им документы и оружие, выдал пропуск и объявил, что они вольны ехать в любом направлении.

На востоке провинции шли военные действия, но ничто не могло удержать Хедина от продолжения пути к Лобнору. Впрочем, товарищи Хедина тоже были не робкого десятка.

Экспедиция взяла направление на Турфан под солдатским эскортом. В этом был один плюс: обычные бандиты держались от них на почтительном расстоянии.

Турфан являл собой грустную картину: пустые улицы, разбитый в прах базар и окружавшие его магазины. Шесть лет назад это был мирный, процветающий город.

Хедин пробыл в Турфане неделю. Девятнадцатого февраля здесь ему исполнилось шестьдесят девять лет. Свен собирался отметить дату с товарищами в узком кругу, но городская «верхушка» закатила в его честь банкет.

На следующий день Свен намеревался ехать в Корлу. Местное начальство снабдило его рекомендательными письмами и выделило эскорт из четырех человек. Свену стало не по себе, когда он увидел физиономии своих охранников.

Корла, 5 марта 1934 года

Под колесами машин скрипели еле живые шаткие мостки, вдоль обочин догорали деревни. Они ехали мимо недавнего поля боя, заваленного гниющими лошадиными трупами. Запах был невероятный. Время от времени слышалась стрельба. Однажды из облаков выскочил самолет, следил заход, но, к счастью, бомбить не стал — просто улетел.

Много беспокойства доставляла приданная экспедиции охрана, особенно ее предводитель Чанг. Охранники развлечения ради палили налево и направо. Один из них чуть не ранил Хуммеля.

Протестовать было бесполезно: в ответ они откровенно хамили. Китаец-повар случайно услышал, как Чанг сказал своим головорезам: «Когда приедем в Корлу, научим этих чужеземных дьяволов хорошим манерам».

Экспедиция въехала в Корлу в темноте. Несколько раз их останавливали толпы вопящих солдат. Они производили впечатление неуправляемой толпы.

Наутро Чанг заявил:

— Вы едете слишком медленно, а у меня и моих товарищей приказ: быть в Аксу через шесть суток. Прошло уже

одиннадцать дней, а мы доехали только до Корлы. Я только что получил телефонограмму от командования с приказом забрать один из грузовиков вместе с шофером и ехать вперед.

— И речи быть не может о том, чтобы отдать нашу машину, — сказал Хедин. — Мы выполняем специальное задание центрального правительства в Нанкине, и мы не имеем права одалживать наши автомобили.

Вскоре после этого явились солдаты, и Хедину было предложено проследовать к коменданту. Вместе с ним отправились Эффе Хилл, а также Ю и Сёдербом в качестве переводчиков. Солдаты показывали дорогу. В конце концов они приехали к дому, где... квартировали Чанг со товарищи. Кроме «охранников», там было с полдюжины вооруженных солдат. В комнате горела стеариновая свеча. Их пригласили сесть, подали чай, сахар и сигареты.

Чанг опять потребовал машину.

— Мы должны получить один из ваших грузовиков сегодня вечером! Здесь, в Синьцзяне, Нанкин ничего не решает, — заявил Чанг. — Решение военных задач важнее всего!

— В наших инструкциях особо оговорено то, что мы не участвуем в конфликте никоим образом. Поэтому я не могу дать вам машину.

Чанг заскрипел зубами от злости:

— Не имеет значения, что у вас оговорено, а что нет. Приказы должны выполняться неукоснительно.

Хедин презрительно хмыкнул, поднялся, включил карманный фонарик и, не взглянув на Чанга, пошел к двери. Ю и Сёдербом — следом за ним. Они уже открывали дверцы грузовика, когда солдаты набросились на Ю и потащили назад во двор.

В следующую секунду та же участь постигла Хедина, Сёдербома и Хилла. Кто-то выбил фонарь из руки Хедина. Пальто вместе с курткой и рубашкой оказалось у него на голове, руки заломили за спину и связали.

— Вы, стадо полудохлых свиней! — крикнул Ю. — У вас хватило наглости поднять руку на представителей нанкинского правительства. Вы еще поплатитесь!

Группа солдат выстроилась шеренгой с одной стороны двора, Хедина и его товарищей поставили у стены. Винтовки подняты, затворы передернуты. Что будет дальше, понятно — последует команда «Пли!». Жизнь Свена проскакала у него перед глазами примерно так, как пишут в романах. Родные в Стокгольме будут ждать известий о нем, но, скорее всего, так ничего и не дождутся. Впервые в жизни Свен так явственно ощутил страх смерти. Неужели жизнь дешевле железаки? Хедин крикнул Сёдербому:

— Нас сейчас шлепнут к чертовой матери, обещай этим гадам машину — пусть подавятся.

Чомпак, 8 марта 1934 года

В шоферы к Чангу вызвался Георг Сёдербом. На следующее утро в кузов забралась дюжина солдат, Чанг сел в кабину, и машина уехала в направлении Аксу. Хедин подумал, что видит Сёдербома и грузовик в последний раз. На прощанье он сказал Георгу:

— Жди нас в Аксу. Мы выезжаем завтра. Храни тебя Господь!

Восьмого марта около четырех часов пополудни уменьшившийся караван выезжал из деревни Чомпак. Впереди показалось облако пыли, в нем ясно прорисовались контуры грузовика.

— Это Георг, — выдал вердикт Бергман.

— Не может быть, он только позавчера уехал, — возразил Хедин.

Грузовик затормозил, открылась водительская дверца, из кабины выпрыгнул Георг Сёдербом.

— Слава Богу, ты жив. Что случилось, как ты ухитрился так быстро избавиться от них?

Благополучный исход объяснялся переменой военного счастья. Войска губернатора Шенга при поддержке русских частей разбили мятежников, и они отступали. Чанг не мог ехать в Аксу, потому что дорога была перерезана. Трудно объяснить почему, но он отпустил Сёдербома вместе с маши-

ной. Георг не стал дожидаться, пока Чанг передумает, и газанул от греха подальше.

Изменение военной обстановки еще более усложнило и без того непростое положение экспедиции. Теперь им приходилось опасаться и отходящих мятежников, и наступающих войск губернатора. Автомобили и бензин были слишком большим соблазном для обеих сторон.

Свен посовещался с товарищами. Было решено ехать на восток через пустыню Лоб. Для этого пришлось возвращаться в Корлу.

Едва они проехали Корлу, как позади, с обеих сторон дороги, показались всадники. В следующую секунду раздался выстрел.

— Они стреляют в нас, быстро из машины, — крикнул Бергман, схватил винтовку и выскочил на дорогу.

Все залегли под земляной насыпью. Пули свистели над головами и время от времени с глухим чмоканьем вонзались в деревья над их головами. Срезанная выстрелом тополиная ветка свалилась Хедину на темя. Одна из пуль рикошетом попала в канистру с бензином, к счастью, ее не пробила. Хедин приказал держать оружие наготове, но ответного огня не открывать.

Минут через десять пальба стихла. Свен осторожно выглянул из-за насыпи. Метрах в пятидесяти стоял солдат без оружия. Увидев Хедина, он крикнул, чтобы кто-нибудь вышел поговорить. В добровольцы вызвался китаец Кунг. Через несколько минут он вернулся.

— Они говорят, что мы не имели права уезжать из Корлы, и требуют немедленно повернуть обратно.

Пришлось подчиниться. В Корле они остановились на прежнем месте, с той лишь разницей, что теперь их неусыпно караулили солдаты.

Корла, 13 марта 1934 года

На следующий день, тринадцатого марта, Хедину сообщили, что в Корлу прибыл предводитель мятежников гене-

рал Ма Чунжин, по прозвищу Великий Скакун. Без проволок Ма велел конфисковать их машины вместе с шоферами. Во дворе замельтешили солдаты, автомобили, не спрашивая их хозяев, начали готовить в путь. Ровно в полдень послышался назойливый, монотонный, нарастающий гул.

— Самолеты! — крикнул кто-то, и через несколько мгновений раздался оглушительный взрыв.

Вскоре самолеты вернулись, загрохотали новые взрывы. Одна из бомб упала метрах в трехстах от дома, где находились члены экспедиции.

Свен с тяжелым сердцем попрощался с Георгом, Эффе и шоферами-монголами Цератом и Джомчи:

— Пожалуйста, не лезьте на рожон. Без машин мы как-нибудь обойдемся, а вот без вас — нет.

После отъезда Великого Скакуна из Корлы в городе началась полная анархия. Имущество экспедиции в эти дни находилось под постоянной угрозой. Спустя два дня город заняли войска губернатора Шенга. Вскоре к Хедину пришел посыльный от русского командира.

Звали русского генералом Волгиным. После короткого то ли разговора, то ли допроса Свен сообщил, что Великий Скакун забрал их машины, и поделился тревогой за судьбу шоферов экспедиции.

— Насчет машин можете не беспокоиться, — заверил Хедина Волгин. — Когда найдем их, то вернем незамедлительно.

Через два дня Хедина пригласили для следующей «беседы» — на этот раз с генералом Бектиевым. С некоторой подозрительностью тот дознавался у Свена, почему нанкинское правительство послало в Синьцзян дорожную экспедицию в разгар военных действий. Хедин объяснил, что правительство получало из провинции успокоительные отписки и не представляло истинного положения дел.

Свен проговорил с Бектиевым около трех часов. Бектиев был из белых, он бежал из России в Синьцзян после большевистского переворота. Тринадцать лет он зарабатывал на жизнь, преподавая русский язык, но, когда в провинции началась война, офицер царской армии Бектиев возгла-

Свен Хедин и Дэвид Хуммель

вил командование войсками Синьцзяна, которые остались верны правительству.

Силы, занявшие Корлу, наполовину состояли из русских: белых, осевших в Китае после захвата власти в России большевиками, и красных, прибывших из СССР. Белогвардейско-красногвардейская поддержка губернатора Шенга стала решающим фактором в поражении Великого Скакуна. Хедин, конечно, спросил, как злейшие враги, белые и красные, могут воевать вместе.

— Весьма хорошо, потому что у нас сейчас общая цель, — объяснил Бектиев и довольно неожиданно поинтересовался, помнит ли его Свен.

У Хедина что-то такое смутно брезжило, но точно вспомнить он затруднялся и медлил с ответом.

— Осень двадцать восьмого года, — напомнил Бектиев. — Вы приехали в Урумчи и планировали вылазку к Лобнору. Я хотел участвовать в этом деле и предлагал свои услуги.

— И что я вам ответил?

— Что губернатор Цзинь не дал вам разрешения и все слишком неопределенно, — сказал генерал и прибавил: — Но теперь от Цзиня, не пускавшего вас к Лобнору, и следа не осталось.

У Свена сложилось впечатление, что русский расположен к нему и его планам. Но до поры и сам Хедин, и его спутники оставались пленниками в Корле. Их стерегли шестеро казаков, и даже в нужник они хаживали под конвоем.

Через несколько дней в полном здравии вернулись шоферы вместе с машинами. Великий Скакун отпустил их, когда надобность в автомобилях отпала.

Затем пришла весть от губернатора Шенга. Он одобрял маршрут к Лобнору и в то же время был против, чтобы Хедин направился к Урумчи, — потому, дескать, что по дороге на Урумчи бродят остатки войск мятежников и она небезопасна. Шенг полагал, что окрестности столицы провинции удастся расчистить не ранее чем через два месяца.

Хедина лобнорский вариант устраивал как нельзя лучше, хотя, возможно, Шенгом руководили не только соображения безопасности. Губернатор не хотел лишних свидетельств

об участии советской армии и авиации во внутреннем китайском конфликте.

Юли, 5 апреля 1934 года

Вечером пятого апреля в городке Юли в нескольких десятках километров к юго-западу от Корлы Свен спускал на воду свой флот — четырнадцать челноков из выдолбленных тополиных стволов. Для устойчивости их соединили в катамараны и тримараны. Хедин был на тримаране, идущем впереди. Он уселся в центральный челнок и приготовил компас, хронометр, карандаши и чистый картографический лист.

Скоро настанет великий момент, и он наконец увидит новый приток Тарима — Курук-дарью. В 1899 году на месте этой реки было только пересохшее русло в безжизненной пустыне.

День клонился к вечеру, было около шести. Гребцы тянули меланхоличную мелодию в такт взмахам веслами. Вдруг «галерники» за спиной Хедина загалдели:

— Ёрдек келди, Ёрдек келди!

Свен знал, что «ёрдек» означает на уйгурском «дикая утка», «келди» — глагол, обозначающий движение. Хедин был занят картой и не имел ни малейшего желания отвлечься на уток. Однако гребцы настойчиво указывали на берег. Свен увидел двух всадников и в одном из них узнал Ёрдека, который нашел Лулан. Верный слуга следовал за Свеном, когда тот пытался, переодевшись паломником, проникнуть в Лхасу.

Свен и Ёрдек расстались в Кашгаре тридцать два года назад. Ёрдек постарел, похудел, седая борода ниспадала на грудь, лицо в глубоких морщинах.

— Здравствуй Ёрдек! Как ты жил все это время?

— Здравствуйте, господин! Господь хранил меня. Вы обещали вернуться, я долго ждал и дождался! Я счастлив, потому что мечтал снова вас увидеть!

Ёрдек, как и прежде, жил в Янги-Чоль, пробавляясь охотой и рыбалкой. Оказывается, после находки Лулана он

заболел кладоискательством, ему постоянно мерещились груды золота в забытых городах пустыни.

Ёрдек много раз отправлялся на поиски сокровищ и обнаружил в пустыне могильник. Резные гробы стояли в два ряда, друг на друге. Тела в цветных шелковых одеждах хорошо сохранились, как и множество свитков с непонятными Ёрдеку письменами.

В другом месте, неподалеку от Лулана, Ёрдек наткнулся на остатки двух сторожевых башен, а чуть восточнее он нашел руины буддистского храма.

Некоторые детали пустынной саги туркестанца — например, он утверждал, что видел яркий свет в руинах одинокого дома в песках, — Хедин счел фантазиями или обманом зрения. Но, как известно, дыма без огня не бывает. Они пустились по его следам, и в итоге Бергману удалось найти могильник, или «некрополь Ёрдека», как они стали называть его. Из ста двадцати захоронений только одно осталось непотревоженным. Все остальные были разграблены*.

Сам Хедин тоже не ударил на археологическом поприще лицом в грязь. В дельте реки перед ее впадением в Лобнор образовалось множество островков. На одном из них Свен нашел остатки жилища времен Лулана, на другом — захоронение. Они откопали пятнадцать черепов, части скелетов, домашнюю утварь, множество луков. Был найден гроб, в котором под рассыпавшимся от прикосновения покрывалом, лежало превосходно сохранившееся тело одетой в шелка молодой женщины в тюрбане, умершей две тысячи лет назад.

Кожа от времени превратилась в пергамент, но черты красивого лица сохранились. Глаза закрыты, губы застыли в вечной улыбке. Хедин назвал ее королевой пустыни. Тело сфотографировали, измерили рост — метр шестьдесят сантиметров, — потом опять положили в гроб, закрыли и вернули на прежнее место.

* Семьдесят лет спустя группа китайских археологов сделала в «некрополе Ёрдека» сенсационную находку. Под вскрытыми захоронениями оказалось еще несколько рядов нетронутых. Самому старому из них 3500 лет. — *Прим. автора.*

Через десять дней Свен любовался новым озером. Тридцать четыре года назад они с казаком Черновым проводили измерения на этом самом месте. Тогда здесь были лишь песок и высохшие в прах тополя. Величайший триумф Хедина и неслыханная удача. Временной интервал между проявлениями этого гидрологического феномена составлял тысячу лет, и Свену посчастливилось засвидетельствовать его во всей красе в самый интересный период.

Урумчи, 6 июня 1934 года

Шестого июня Хедин, Ю и два казака, выделенные им Бектиевым для охраны, подъезжали к Урумчи. Правил машиной монгол Церат. Накануне он «отличился»: перепутал канистры и залил в бензобак воды вместо топлива. Церату пришлось повозиться, пока он слил все содержимое из топливной системы.

Свен рассчитывал днем быть в городе, но мотор чихнул, и автомобиль остановился. Песчаной пылью забило бензопровод. Лишь в половине седьмого вечера грузовик все же въехал в русский квартал Урумчи.

Шенг обещал Хедину позаботиться о продолжавших исследования в пустыне четырех других машинах экспедиции. Губернатор сулил организовать доставку топлива, масла и продовольствия. Но время шло, и становилось очевидно, что Шенг не думает выполнять свои обещания. При этом он не позволял Свену покинуть Урумчи. Предполагать можно было все, что заблагорассудится. Урумчи стал чем-то вроде Константинополя времен поздней Византийской империи: сплошные интриги, заговоры и слухи.

Предполагалось два наиболее вероятных варианта развития событий. Либо правительство присылает в Синьцзян войска и берет провинцию под свою руку, либо же реализуется монгольский сценарий, и Синьцзян советизируется.

Как бы то ни было, но Свен не по своей воле застрял в Урумчи на четыре месяца. Не известно, сколько бы еще это продолжалось, но помогло диковинное происшествие, слу-

чившееся с Дэвидом Хуммелем, которого укусил за палец поросенок дикой свиньи. Вероятно, с личной гигиеной в хрюшкином семействе было неважно, зубы поросенок явно не чистил, и у Хуммеля началось сильное воспаление. Ему требовалась квалифицированная медицинская помощь и лекарства, и Хедин с неохотного дозволения губернатора выехал за ним.

Через неделю, переполненную драматическими приключениями, Хедин, Бергман и Хуммель вернулись в Урумчи. Еще месяц пришлось уговаривать Шенга, чтобы он позволил Хуммелю уехать в сопровождении Бергмана домой, в Швецию, лечиться.

Пока Хедин пребывал в Урумчи, миновал восьмимесячный срок, отведенный правительством в Нанкине на проведение дорожной разметки. Министерство железнодорожных сообщений слало нетерпеливые телеграммы. Деньги кончились. Пришлось продать одну машину прохиндею Шенгу.

В прежние времена Хедин всегда мог полагаться на помощь русского царя и его подданных. Но и на этот раз он получил помощь от русских. Свена вызволил советский генеральный консул в Урумчи Аapresов. Его влияние в провинции было ничуть не меньшим, нежели когда-то царского генерального консула Петровского.

Следующей целью Свена был город Анси в провинции Цзянсу, потом Дуньхуан, где сходились воедино дороги древнего Шелкового пути.

Один грузовик разобрали на запчасти, отремонтировали другие и наконец выехали из Урумчи.

Дуньхуан, 8 ноября 1934 года

Хедин хотел положить на карту отрезок Великого шелкового пути, соединявший Дуньхуан и Корлу через Лулан, и наметить автотрассу к оазису Алтимиш-булак. Свои планы Свен держал в секрете, чтобы Шенг не учинил какой-нибудь пакости. Официально экспедиция возвращалась домой.

Сталинский консул Апресов помог ему с бензином и маслом для машин, но на осуществление планов Свена топлива требовалось много больше.

Проблему решили в Анси. Немецкая авиакомпания «Евразия» построила там солидное топлиохранилище для обслуживания воздушной линии Берлин — Шанхай.

Из Анси экспедиция покатила на запад, в направлении Дуньхуана. Для конспирации Хедин заранее объявил о том, что хочет осмотреть знаменитый пещерный город тысячи Будд, а потом, конечно, повернет на восток.

То, что этому сооружению более тысячи лет, выяснилось после находки древнего свитка, замурованного в одном из гротов. Его откопал давний знакомец Хедина Аурель Штейн в 1908 году. Найденные свитки Штейн увез в Лондон. Через год все, что осталось, подчистил французский синолог Поль Пелио и умыкнул в Париж.

Свен с интересом осматривал гроты, выбитые в несколько рядов в крутом берегу реки и протянувшиеся на два километра. Он был доволен. Все готово: бензин, масло, провиант. Впереди последний участок намеченного им маршрута, четыреста километров через пустыню и горы до оазиса Алтимиш-булак и обратно.

Восьмого ноября машины Хедина выехали из Дуньхуана и повернули на северо-восток. В кузове одного из грузовиков плотными рядами стояли канистры с бензином — целая тонна топлива. Часто встречались воловьи упряжки. Крестьяне останавливались в изумлении, они прежде никогда не видели автомобилей.

Свен выбрал путь через горную цепь Пей-Шань. Он резонно полагал, что почва там будет более проходимой для машин. Кроме того, никто из европейцев там прежде не хаживал, — перед таким искушением Хедин, конечно, устоять не мог.

Через несколько дней им повстречались вооруженные люди, которые отрекомендовались охотниками на верблюдов. Однако проводник, нанятый в Дуньхуане, шепнул Хедину, что верблюды у них ворованные. Несколько дней кряду после этого рандеву из-за барханов периодически высовы-

вались разбойничьи физиономии. Местные джентльмены с большой дороги следили за караваном.

Через месяц экспедиция добралась до западной оконечности Пей-Шаня. Далее гористый ландшафт сменялся пустыней Лоб. До Алтимиш-булака оставалось сто сорок километров, но Хедин решил возвращаться.

Небольшой отрезок ровной местности перед оазисом не таил никаких сюрпризов и трудностей для строительства дороги, а машины были не в лучшем состоянии. Поэтому Свен с легкой душой счел свою задачу выполненной. Они соорудили пирамиду из восьми пустых канистр, своего рода привет будущим строителям, и развернулись в обратный путь.

Дорога до Анси заняла менее недели и обошлась без приключений, если не считать лопнувшей рессоры на легковушке Хедина и трехчасового ремонта. Экспедиция въехала в город в разгар песчаной бури.

Восемнадцатого декабря автомобили уже катили в направлении Хиани по Императорской дороге — так прежде называлась эта часть Великого шелкового пути. В Хиани автомобили оставили и сели в поезд до Нанкина. Хедин мысленно поставил точку. Он закончил свое последнее приключение, увенчав его накануне своего семидесятилетия блестящим научным результатом.

Нанкин, 19 февраля 1935 года

Девятнадцатого февраля 1935 года Свен Хедин отмечал семидесятилетие. Поздравители шли чередой. Министр связи преподнес рулон шикарного шелка, замминистра железнодорожных сообщений — серебряный кубок. Премьер-министр Ван Цзивэй от имени президента Лин Сена наградил Хедина орденом Большого сверкающего нефрита.

Принесли целый ворох телеграмм со всех концов света. Одна из них была от Адольфа Гитлера.

Хедин с Чан Кайши и его женой

Ханчжоу, 24 февраля 1935 года

По приезде в Нанкин Хедин связался с Чан Кайши и попросил об аудиенции. Приглашение пришло на 23 февраля. Но в тот же день Хедин был приглашен к китайскому президенту Лин Сэну, формально занимавшему более высокое положение в табели о рангах. Отказаться от приема у Лин Сэна в пользу визита к Чан Кайши было бы непозволительным нарушением иерархического этикета. А успеть к обоим в один день было маловероятно: президент пребывал в Нанкине, маршал Чан Кайши в прибрежном городе Ханчжоу.

Но Хедин сообразил, как решить эту задачу: он нанял летчика и после визита к президенту вместе с инженером Ю, взятым в качестве переводчика, вылетел в Ханчжоу. История стыдливо умалчивает, какие именно слова он произнес, когда ему сообщили, что маршал в отъезде и прибудет только в десять часов утра следующего дня.

В приемную резиденции маршала вошла мадам Чан и провела Свена в гостиную. Хедин, который обыкновенно описывал женщин двумя прилагательными, «милая и приятная», не поспешил в данном случае на эпитеты.

Умная, светская, утонченная, с блестящим европейским образованием, мадам Чан была сестрой жены легендарного ниспровергателя императорской власти, создателя Гоминьдана Сунь Ятсена. После него партию возглавил Чан Кайши. До сей поры в деле объединения страны у маршала все получалось. Он сумел подчинить себе многочисленных китайских военачальников с их армиями, начал переговоры с Японией о мирном урегулировании конфликта. Только коммунисты и их «великий вождь и учитель» Мао Цзэдун, считавший себя главой «нового свободного народного Китая», создавали ему проблемы. Гоминьдановские солдаты расстреливали коммунистов сотнями.

Слуга принес чай. Традиционных для этикета Китая того времени сигарет не предлагалось. Маршал считал их бесполезной роскошью.

Спустя несколько минут в гостиную вошел Чан Кайши — лысый, худой, с живыми карими глазами, в длинном сером халате и черном шелковом жилете. Выглядел он — после очередного покушения — не лучшим образом.

Маршал начал расспрашивать Хедина об экспедиции. Свену понадобилась карта. Чан Кайши повел его в смежный с гостиной кабинет и достал огромный атлас Китая. Маршал попросил показать, где пройдут будущие дороги. Мадам Чан переводила. Пригласили ожидавшего на первом этаже резиденции инженера Ю — Чан Кайши хотел знать все в деталях.

Потом маршал спросил мнения Хедина о положении в Синьцзяне и степени русского влияния в провинции. О Советской России Чан Кайши отозвался с большим уважением.

На встречу шведского исследователя и «китайского Наполеона» был допущен корреспондент швейцарской газеты Вальтер Боссхард. Репортаж Боссхарда стал международной новостью.

Берлин, 14 апреля 1935 года

Без каких-либо примечательных событий на Транссибирском экспрессе Хедин приехал в Москву. Там его ожидала толпа советских и иностранных журналистов. Хедин рассказал корреспондентам о том, что Синьцзян практически превратился в советский протекторат, хотя губернатор Шенг в принципе лоялен нанкинскому правительству. Свен также поделился с прессой новыми планами — он мечтал принять участие в экспедиции на дирижабле «Граф Цеппелин» над неизученными районами Амазонки.

Утром 14 апреля 1935 года московский поезд въехал под своды Силезского вокзала в Берлине. На перроне Свена встречали Альма, друзья, знакомые, журналисты и два чиновника, специально присланные Гитлером, чтобы приветствовать великого путешественника и друга Германии.

Возвращение Хедина в Европу было значительным событием. Шведское радио не смогло дождаться возвращения Свена на родину, и любимец страны легендарный радиоведущий Свен Йерринг интервьюировал доктора Хедина из Стокгольма. В Берлине впервые в жизни Свен оказался в радиостудии.

В Стокгольме Хедина встречала пропасть народу во главе с герцогом Даларнским. Прямо на вокзале посол Австрии наградил Свена орденом. В новом доме на Нуррмэлар-странд, 66 собрались на праздничный ужин семья и шведские участники экспедиции. Дэвид Хуммель украсил стол игрушечными верблюдами и для пушего колорита насыпал еще и песка.

Хедин вновь обрел ранг национального героя. Все оказалось прощено и забыто: военная агитация, неприятие Версальского мира, комплименты Ленину, пронемецкие фронтовые репортажи. Его возвращение было не менее триумфальным, чем в январе 1909 года на «Веге».

«Гений, великий человек, при жизни воздвигший на все времена монумент себе и шведской науке» — так закончил свою пространную статью о Хедине известный журналист Торгни Сегерстедт.

В сентябре Свен обратился к министру по делам религий Артуру Энгбергу — тому самому Энгбергу, который десятью годами раньше на страницах газеты «Арбетет» назвал Хедина «полуевреем». Свен просил денег на обработку материалов экспедиции и публикацию результатов.

На этот раз господин Энгберг был более воздержан на язык. Он попросил Хедина написать справку о собранных материалах, планах публикаций и примерной стоимости.

— Я считаю неправильным то, что вы сами не получили никакого жалованья, — сказал Энгберг и пояснил, что это не только его мнение, но также и Пера Ханссона*.

* Пер Альбин Ханссон (1885—1946) — премьер-министр Швеции в 1932—1936 годах.

— Для себя я ничего просить не стану. Такие вопросы, если сочтет необходимым, правительство должно решать само, — ответил Хедин.

Хедин истово накинулся на работу. Он читал лекции, препирался с министрами о том, сколько следует выделить средств на обработку материалов (он просил 800 тысяч крон, а его противники всячески пытались эту сумму уменьшить), и писал об экспедиции книгу, которую закончил в начале октября.

Часть восьмая
Лучший друг Гитлера
(1935—1952)

Берлин, 9 октября 1935 года

Осенью 1935 года Хедин отправился в длительное лекционное турне по Германии. 9 октября Свен нанес визит Герману Герингу, с которым он познакомился через сестру его жены Мари фон Розен.

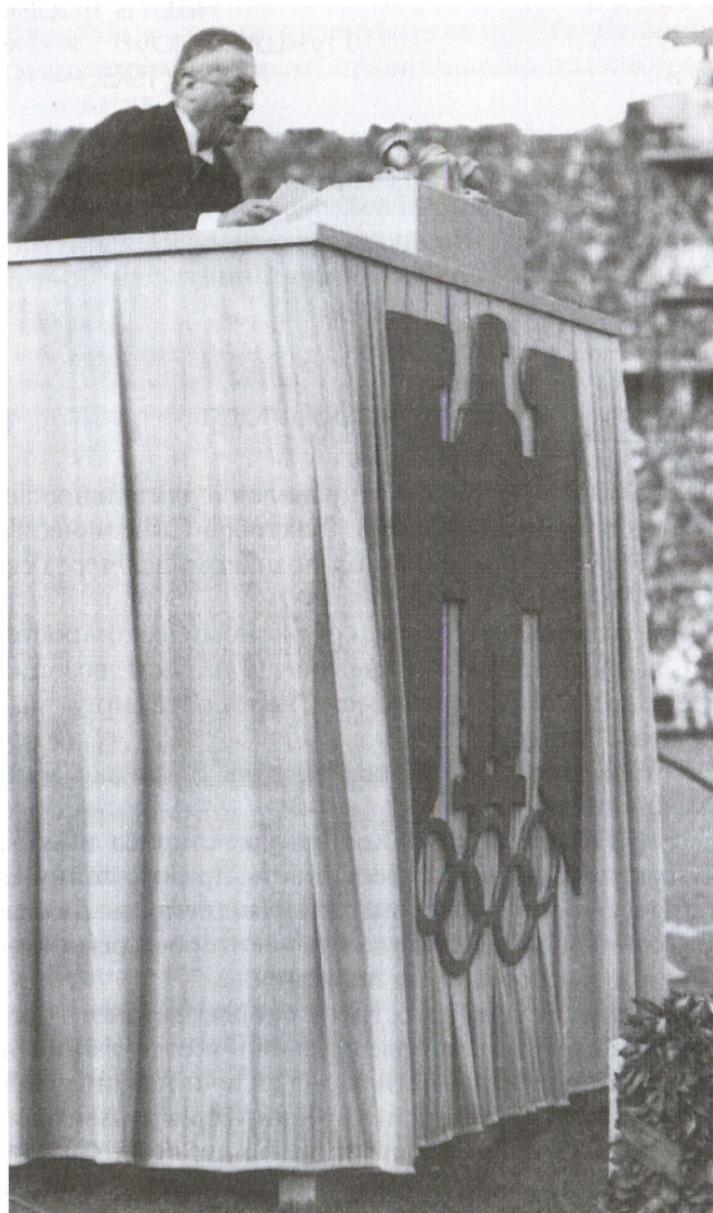
Геринг разливался соловьем об экономическом росте Германии, но вдруг, посмотрев невзначай на часы, возопил:

— Черт возьми! Без пяти шесть, через пять минут мы должны быть у Гитлера!

«Толстый Герман» сам сел за руль и погнал машину к рейхсканцелярии.

Адольф Гитлер принял Хедина как старого знакомого. Свен отметил властность, уверенность, прямую спину, высоко поднятую голову — словом, сильную личность. Любезный и гостеприимный хозяин уделил некоторое время книгам Хедина, а затем перешел на политику.

С пафосом, тоном, уместным скорее на многолюдном митинге, рейхсканцлер поведал о своем стремлении вытащить Германию и немецкий народ из пучины унижительного Версальского мира и политического болота Веймарской республики. Гитлер бил кулаком по столу, подчеркивая наиболее ударные пассажи. Вот он, во плоти, долгожданный лидер Германии, способный возродить ее величие. Хедин с его реваншистскими идеями стал легкой добычей Гитлера.

Хедин на трибуне Олимпийского стадиона в Берлине. 1936 год

Следующие несколько месяцев Свен провел в разъездах. Он прочитал сто одиннадцать лекций, посетил девяносто один город в Германии, Австрии, Чехословакии и Швейцарии. В поездке у Хедина вызрела затея написать книгу о новой Германии. 31 марта 1936 года он поведал свой замысел Вальтеру Функу, пресс-секретарю при министре пропаганды Йозефе Геббельсе.

Функ впал в восторг от этой идеи и обещал Хедину всяческое содействие.

Летом 1936 года Берлин стал столицей Олимпийских игр. Хедину предложили выступить с обращением к молодежи мира — он должен был представлять Европу. Планировалось, что от Америки выступит полярный исследователь Ричард Бёрд, от Африки — один из отцов-основателей Лиги Наций Ян Смутс, от Океании и Новой Зеландии — нобелевский лауреат Эрнест Резерфорд, от Азии — адмирал Сайто Макото. Но Сайто Макото погиб во время путча, Бёрд путешествовал по Антарктике, у Смутса была в самом разгаре сессия парламента, а Резерфорд просто отказался. В итоге остался только Хедин.

Узнав о том, что Свен будет произносить приветственную речь на открытии Олимпийских игр в Берлине, норвежский писатель Нурдаль Григ опубликовал открытое письмо, в котором задавал вопрос: «О чем вы будете говорить в стране, извратившей и предавшей главную идею Олимпийских игр — братство всех народов и рас?» «Афтонбладет» призывала Хедина твердо и во всеуслышание осудить расовую ненависть с трибуны олимпийского стадиона.

Но Хедин ничего такого не сделал. Вот ударная концовка его приветствия олимпионикам: «Путь, на который вы вступили, ведет через грядущие бури к прекрасному миру, братству людей, живущих в единении и гармонии. Только те, кто борется за эту цель и закаляет свою волю и мужество в стремлении подняться на высшую ступень олимпийского пьедестала, достойны высшей из всех возможных наград — бессмертия».

Стадион встретил его выступление овацией и криками «Хайль!». Гитлер пригласил Хедина в свою ложу и поздравил с блестящей речью.

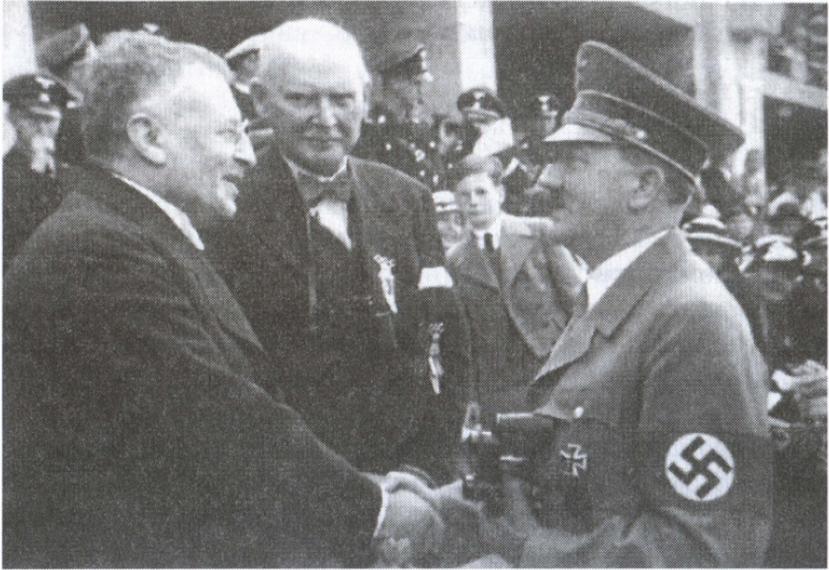
В октябре 1936 года Свен вновь приезжает в Германию собирать материал для будущей книги. В марте 1937 года «Германия и мировой порядок» практически закончена, а вскоре готов и немецкий перевод. В апреле Хедин получил от Функа рукопись на немецком с тучей комментариев, сделанных по тексту красным карандашом: что исправлять, а что и переписать. Функа не устраивало то, что Свен написал о евреях, религии, науке и молодежи. Хедин не принимал и критиковал юдофобию, отвращение молодежи от христианства и смешивание политики и науки.

Свен соглашался с наличием в Германии еврейской проблемы и в качестве положительного примера приводил Швецию, где «евреи интегрированы и не создают проблем». Еврейский вопрос, как и нацизм, Хедин считал единственно и исключительно делом самих немцев. В предисловии к книге Свен называет нацизм прямым следствием версальских унижений и отмечает саму мысль о нацистском режиме в Швеции.

«Если немцы предпочли нацизм всем иным мировоззрениям и идеологиям, это их дело, — писал он. — Коль скоро советские русские видят в большевизме высшую из идеологий и форм существования, оставьте их в покое, перестаньте судачить и перебивать им кости».

Депеша Функа заканчивалась ультиматумом: либо Хедин изымает всю принципиальную критику нацизма и режима, либо книга не будет печататься в Германии. В ответном письме Хедин написал: «До сих пор я никогда не поступался совестью и не капитулировал, не стану и сейчас. Посему я не уберу ничего». В итоге «Германия и мировой порядок» так в Германии и не вышла. И Хедин, и немцы постарались об этом как можно скорее забыть.

В Швеции книга была напечатана в мае 1937 года. Хедин понимал, что у Бонниера этот панегирик нацистскому режи-

Гитлер благодарит Хедина за его речь

му опубликован быть не может, и обратился к другому издателю. Критика раскрошила книгу в хлам. Херберт Тингстен в «Арбетет» написал: «У нас не было недостатка в пустоποрожных, интеллектуально беспомощных и недееспособных книгах о новой Германии. Опус доктора Хедина один из худших, может быть, наихудший».

_____ Стокгольм, 3 июня 1937 года

Известная светская львица и авантюристка Ева Диксон, у которой был роман со знаменитым охотником Бруром Бликсеном, приехала к Хедину, одетая ковбоем, на большом «форде». До этого она участвовала в ралли Найроби — Алжир, а сейчас планировала автопробег из Стокгольма в Пекин. Хедин всячески ее отговаривал, но безрезультатно. Тогда Свен дал Еве свои лучшие карты, написал рекомендательные письма и одолжил кольцо панчен-ламы, не раз выручавшее Хедина и его спутников*. Большого для Евы Диксон, дочери Милле Линдстрём, Свен сделать не мог. 3 июня, в день отъезда, два фотографа запечатлели Хедина и Еву возле «форда».

Двадцать пятого октября Карл Отто Бонниер начал печатать третью книгу о последней азиатской экспедиции Хедина «Странствующее озеро». До этого вышли «Бегство Великого Скакуна» (1935) и «Шелковый путь» (1936).

Ровно 50 лет назад издательство «Бонниер» напечатало первую книгу Хедина, и ровно 100 лет минуло с основания самого издательского дома. На юбилейном приеме 30 октября Свен был желанным и почетным гостем.

В Рождество Марта Хедин сразила брата наповал. Когда настал черед подарков, Марта выстроила все семейство и подошла с лампой в руке к здоровенному предмету, закрытому покрывалом, в углу комнаты.

* Кольцо не помогло Еве Диксон. Ее машина перевернулась неподалеку от Багдада, и она погибла. — *Прим. автора.*

После интригующей паузы пелена была сдернута, и... в углу обнаружился Свен, точнее — его восковая копия в натуральную величину. Молодой Хедин стоял в подаренном Ислам-баем белом хлопковом халате и знаменитых сапогах-водоносах, спасших Касима.

«Восковая персона» Хедина экспонировалась в стокгольмском Паноптикуме*.

_____ Стокгольм, 18 марта 1938 года

Гитлер требовал возврата Германии утраченных территорий. Европа внимала.

Восемнадцатого марта 1938 года к Хедину пришел Ёста Монтель. Он только что приехал из Германии, был мрачен и полон пессимизма.

— Люди недовольны и взбудоражены. Гестапо набирает все большую власть и ужесточает преследования евреев.

Вслед за аннексией Австрии, по его мнению, аналогичная участь ожидала Судеты и Шлезвиг.

Тремя месяцами ранее Свен записал в дневник безрадостные рассказы о положении в Германии выдающегося немецкого геофизика Ханса Альманна: «Люди напуганны, неуверенны, всего боятся и ждут неизвестно чего. Геббельс омерзителен и живет как паша. Гитлер — пророк новой религии. Верующие христиане в отчаянии. Из-за преследования евреев университетские кафедры наполовину опустели».

Двадцать девятого сентября Гитлер, Чемберлен, Даладьё и Муссолини подписали соглашение в Мюнхене. Французская республика и Великобритания согласились с требованиями фюрера, и Германия получила от Чехословакии Судеты.

Неделю спустя Гитлер разразился в Саарбрюккене очередной агрессивной речью. Огорченный Хедин пишет: «Речь

* Позже Свен подарил статую Этнографическому музею, где ее можно увидеть и сейчас. — *Прим. автора.*

в Саарбрюккене вызывает всеобщую ненависть. После мирных договоренностей в Мюнхене Гитлеру лучше быть умеренной. Он провоцирует Запад и Россию на гонку вооружений, которая непременно выльется в войну. Если рейхсканцлер захочет услышать мое мнение, одного из настоящих друзей Германии, я укажу ему единственную дорогу к подлинному величию. Удивительно, но все, кто возвышались до вершин, всегда оступались и падали».

Вечером того же дня Хедин зачитался романом американской писательницы Перл Бак* «Добрая Земля». Хедин счел книгу феноменальной, приписав это китайским корням автора, и заслуживающей Нобелевской премии.

При поддержке Сельмы Лагерлёф Свен «пробил» свою кандидатуру, и Перл Бак получила Нобелевскую премию по литературе 1938 года. То, что муж Перл Бак был американским издателем Хедина, возможно, и не стоит принимать во внимание.

_____ Стокгольм, 11 ноября 1938 года

Одиннадцатого ноября 1938 года Германия опозорила себя «хрустальной ночью». Сотни евреев были убиты, тысячи отправлены в концлагеря, сожжено 267 синагог, разгромлено 7500 еврейских магазинов. Газета «Социал-демократ» попросила друга Германии Свена Хедина дать комментарий, позже перепечатанный множеством газет.

«Жестокости против людей отвратительны. Погромы немецких евреев — выплеск ненависти и трусости, совершенно чуждых германскому народу. Очевидно, события последних дней инспирированы безответственными и необузданными элементами. Весь немецкий народ не может нести за это ответственность. Каждый подлинный друг Германии глубоко сожалеет о событиях, которые, безусловно, повредили ее образу».

* Перл Бак (1892—1973) — американская писательница, до 1933 года жила в Китае. В США роман «Добрая Земля» получил в 1932 году Пулитцеровскую премию.

Мир был возмущен «хрустальной ночью». США объявили о торговых санкциях против Германии. Хедин же уверял себя в том, что Гитлер о погромах ничего не знал. Накануне Рождества он сетует в дневнике: «Здесь, в Швеции, в погромах обвиняют всю Германию, не находя для нее ни единого доброго слова. В России людей расстреливают пачками, но об этом полное молчание».

_____ Стокгольм, 20 января 1939 года

Двадцатого января к Хедину зашел Аксель Йонссон. — Американский газетчик Вэлш считает Нижнюю Калифорнию* подходящим местом для заселения евреями, — сказал Йонссон. — Он переговорил с Рузвельтом, и президенту понравилось. У них самих три с половиной миллиона евреев в Нью-Йорке и еще миллион в других городах. Мексиканское правительство тоже не против, оно согласно продать полуостров.

Хедин заинтересованно слушал. Накануне вечером он и Альма обсуждали вариант Месопотамии в качестве Нью-Иудеи.

В свое время британский инженер Уиллкокс по поручению турецкого правительства изучил заброшенную местность между Тигром и Евфратом и счел, что она вполне пригодна для заселения. Хедин проникся идеей Уиллкокса и уверился, что у эмигрантов появляется шанс обрести новую родину в Месопотамии, — об исследованиях Уиллкокса он написал в 1922 году в книге «Эверест и другие азиатские проблемы».

— Вэлш хочет создать общеевропейскую комиссию и спрашивает меня, кто способен представлять Швецию. Я ответил, что есть только одна кандидатура — ты. Вэлш сейчас в Голландии, приедет сюда на будущей неделе. Я его приведу к тебе, если ты готов с ним увидаться.

«Для Акселя Йонссона как для судовладельца еврейская колония в Калифорнии представляет большой интерес.

* Полуостров на западе Мексики.

То же и для администрации Панамского канала», — записал в дневнике Хедин.

Через пять дней Йонссон привел к Свену Вэлша с женой. Американец сообщил, что мексиканский президент Карденас готов уступить Нижнюю Калифорнию за пятьдесят миллионов долларов.

— Северную часть территории легко культивировать. Там такие же условия, как в районе Лос-Анджелеса и Сан-Диего. Нижняя Калифорния в восемь раз больше Палестины, там есть артезианская вода и металлы, — перечислял плюсы проекта Вэлш. — К тому же план поддерживает Рузвельт.

Хедин отвечал в том ключе, что важно выяснить позицию евреев.

Стокгольм, 21 августа 1939 года

Двадцать первого августа 1939 года Свен привез в издательство иллюстрации к биографической книге о Чан Кайши. Старый друг Хедина Карл Отто Бонниер вышел на покой и передал семейное дело сыновьям Каю и Тору.

Свена встречал Кай Бонниер. Они заговорили об участии немецких евреев и Месопотамии. Хедин рассказал своему издателю о встрече с консулом Ирака, который заявил следующее:

— Евреи активно играли на поражение Германии в Первой мировой войне. Отсюда и естественная ненависть немцев к евреям. В Ираке евреи ума не теряли и ведут себя сдержанно. Переезд в другую страну им, по-моему, вряд ли нужен. Разве что если их заставить.

Иракский консул явно не симпатизировал подъему сионизма.

В первых числах июня Свена посетили представители Сионистского комитета с рекомендательным письмом от жены первого президента Финляндии Каарло Стольберга. Они

просили его содействия в сборе денег на корабль для «контрабанды» евреев в Палестину.

Представители еврейского сообщества объяснили Свену, что ни Америка, ни Родезия, ни Мадагаскар не приемлемы, евреи поедут только в Палестину. Они напомнили о неудачном опыте с еврейским Биробиджаном в Советской России и о высылке Турцией сорока тысяч ассирийцев в Месопотамию в 1926 году, где их благополучно перебили.

— Мы должны сказать «спасибо» Гитлеру за его антисемитские декреты, благодаря им евреи вернутся домой в свою страну, — решительно объявили Хедину посланцы Сионистского комитета.

Двадцать третьего августа взорвалась политическая бомба: Россия и Германия подписали договор о ненападении — пакт Молотова — Риббентропа. В течение лета Гитлер постоянно говорил о «вольном городе» Данциге и немецком коридоре туда через польскую территорию, так что не составляло труда увязать пакт с видами рейхсканцлера.

«Гитлер намерен заполучить Данциг, коридор и Верхнюю Силезию. После этого в списке версальских потерь останутся только колонии», — констатировал в дневнике Хедин. Он полагал немецкие притязания справедливыми. Однако сложившаяся ситуация выглядела весьма угрожающе, и Хедин набросал прогноз: «Я считаю, что Гитлер сейчас займет Данциг, что означает войну с Польшей. Боевые действия закончатся очень быстро. Польша будет поделена немцами и русскими. Англия и Франция вмешаться не успеют. США не успеют также. Ближайшие дни представляются крайне критичными».

Первого сентября немецкие войска вошли в Польшу.

Каринхалле, 13 октября 1939 года

Тринадцатого октября Свен и Альма полетели в Берлин. Едва они вошли в гостиничный номер, как позвонил Герман Геринг:

— Мне необходимо ввести вас в курс дела перед встречей с Гитлером, машину я выслал.

Через час лимузин Геринга доставил Хединов в его новую резиденцию Каринхалле, названную по имени покойной шведской жены рейхсмаршала.

Геринг вышел встречать гостей: толстый, жизнерадостный, в пестрой сорочке и кожаном жилете.

«Оригинально, — подумал Свен, — он больше похож на помещика, чем на полководца во время войны».

Хедин вручил Герингу подарки: бутылку шведской водки и шесть пар носков. Они расположились в гостиной, отделка которой еще не была закончена. Свен сказал о только что изданной книге про Чан Кайши:

— Из-за моих симпатий к Китаю в Германии книга, к сожалению, не выйдет*.

Геринг посмеялся, и разговор перешел к вопросам более актуальным.

— Я боюсь, что война может перерасти в мировую и, значит, затронет и Швецию, — сказал Хедин.

— Трудно не обращать внимания на германофобскую позицию Швеции и враждебный Германии тон шведской прессы, — ответил Геринг и принялся живописать, как немцы за восемнадцать дней разбили польскую армию. Он был уверен в том, что Францию ждет та же участь, а затем настанет очередь Англии: — Надо потопить штук пять их кораблей, и мы продиктуем англичанам наши условия мира.

В случае разрастания войны Геринг предвещал незавидную участь нейтральным государствам — оккупацию Бельгии, Нидерландов, поглощение Финляндии Россией и распад Югославии. Он костерил «неблагодарного Франко» за нейтралитет Испании и заявил, что «каудильо об этом еще пожалеет».

— Скажите прямо, каким вы видите положение Швеции в этой войне? — спросил Свен.

* Германия всячески старалась крепить дружбу с Японией, надеясь поскорее втянуть ее в войну. Книгу Хедина в Берлине сочли бестактной по отношению к японцам, которые воевали с китайцами. — *Прим. автора.*

— Непростой вопрос. Если война охватит всю Европу, ничего нельзя предсказать. Сейчас Швеция и Норвегия в наименее угрожаемой позиции. Но полной уверенности быть не может. До поры мы закрываем глаза на то, что пишет о нас ваша пресса, — сказал со значением Геринг.

В общей сложности они проговорили больше трех часов. В конце беседы Альма затронула тему евреев, а именно возможность создания еврейского государства в Месопотамии:

— Можно с уверенностью сказать, что такая инициатива получит международную поддержку.

Геринг задумался:

— Интересный и довольно практичный план.

Потом Геринг показал им свою коллекцию живописи. Большая ее часть была позаимствована у евреев, прежних владельцев. Геринг особенно восторгался Лукасом Кранасом Старшим. Его собрание Кранаха было лучшим в мире.

На следующий день, 16 октября, Хедин был у Гитлера — эта встреча описана в прологе. Еще через два дня он и Альма вернулись в Швецию. Хедин вышел из поезда в Сёдертелье и дальше ехал на машине. Он не хотел встречаться с журналистами, поджидавшими его на вокзале в Стокгольме. Свен сразу же направился во дворец отчитаться перед королем. Густав с нетерпением ожидал ответа Гитлера на его инициативу о мирной конференции.

— Значит, безнадежно. Но я сделал все, что мог, — сказал король, когда Хедин объяснил, что для Гитлера мирная конференция интереса не представляет. — Прессе об этом лучше не знать, — добавил король.

— Боюсь, что они уже знают, но не вижу в этом ничего страшного.

Двумя днями позже Хедин рассказывал о встрече с Гитлером стокгольмскому корреспонденту британской газеты «Ньюс хрониклс» Эрику Дэнси.

— А у Гитлера есть чувство юмора? — поинтересовался корреспондент.

— Нет, на юмор у него нет времени, — ответил Свен и грустно улыбнулся.

Двадцать второго октября Хедин обобщил свои ощущения от текущих событий в дневнике: «Я старательно избегаю мысли о том, что Англия будет раздавлена. По моему убеждению, Англия и Германия должны быть вместе. Это был бы блок неслыханной силы, гарантия мира и порядка... Угроза для Европы — в большевизме. Большевики не упустят возможности использовать войну для расширения своего влияния».

На следующий день у Свена был неприятный телефонный разговор с Берлином. Ему позвонил министр иностранных дел Риббентроп, заявивший, что статья в «Ньюс хрониклс» искажает факты и Гитлер неприятно удивлен появлением в газетной публикации сведений, доверительно сообщенных им Хедину. Риббентроп готовил опровержение и хотел, чтобы Свен сделал то же самое. Хедин не хотел рисковать своими отношениями с Гитлером и написал опровержение, не зная, что он опровергает, — статьи он еще в глаза не видел. Ему вскоре позвонил взволнованный Дэнси: газета требовала подтверждения Хедином достоверности материала, изложенного в статье. В противном случае Дэнси грозились выставить вон.

Эрик привез Хедину статью, и Свен констатировал ее достоверность.

В конце концов вся эта история благополучно разрешилась. Дэнси сохранил работу, а Хедин — доверие Гитлера. Правда, далеко не лучшим образом выглядел инициатор этой суматохи Риббентроп.

Пожалуй, самой неприятной проблемой для Хедина оставался расовый вопрос.

«Жестокости немцев в отношении польских евреев помогают евреям всего мира подначивать всех на войну с Германией. Это результат немецкого решения еврейского вопроса. Подобное обращение с людьми не может продолжаться. Это обязательно должно быть прекращено».

Гитлер убеждал Свена в том, что Сталин не станет нападать на Финляндию, но, как оказалось, зря. 30 ноября началась война. Хедин считал, что историческая миссия Швеции

в том, чтобы помочь Финляндии. Но увы, шведская армия была слишком слаба.

Берлин, 28 февраля 1940 года

В конце февраля 1940 года Хедин опять приехал в Берлин. 20 февраля у Свена был губернатор Стокгольма Торстен Нотин и просил его переговорить с Риббентропом и Гитлером. Шведское правительство интересовали два вопроса. Во-первых, как будет реагировать Германия на то, что Швеция окажет Финляндии открытую поддержку, и готова ли в этой связи Германия продемонстрировать свою добрую волю и поставить оружие и самолеты в Швецию. И во-вторых: выступит ли Германия посредником между Россией и Финляндией при том условии, что ни Швеция, ни Финляндия никогда не согласятся пожертвовать полуостровом Ханко. Секретное письмо шведского правительства лежало у Хедина в портфеле.

Свен считал молчание немецких властей по поводу русского нападения на Финляндию предательством.

Перед поездкой в Германию он переговорил с одним из своих немецких друзей Вильгельмом Зиглером, который помогал ему собирать материал для книги «Германия и мировой порядок». Зиглер был настроен скептически: он считал, что отношениями с Россией никто рисковать не станет, хотя нападение Германии на Россию — лишь вопрос времени, сначала должна завершиться война на западе.

Свен пошел на тактическую хитрость: он послал телеграммы Гитлеру, Герингу и прочим с благодарностью за поздравление со своим 75-летием, где упомянул о своем скором приезде. На поезде вместе с Альмой и Зиглером они доехали до Мальмё, далее надо было пересаживаться на самолет. Хедин не хотел привлекать к своей персоне внимание и зарегистрировался под фамилией Сведин, под которой его вывели когда-то в сатирической книге «У милых русских», высмеяв как царского агента.

В полете Хедин разговаривал с Зиглером:

— Когда начнется большая война?

— В конце марта.

— Когда я вас спрашивал в прошлый раз, вы ответили, что в конце ноября.

Зиглер рассмеялся:

— По плану вторжение в Голландию должно было начаться в конце ноября, но из-за мирных инициатив голландской королевской четы вышла задержка. Поэтому вторжение перенесено на март. Это необходимо для последующих боевых действий против главного врага — Британии. Насчет Франции можно особенно не беспокоиться.

Двадцать восьмого февраля Хедина принимал Риббентроп. Это была их первая встреча. Немецкий министр иностранных дел слыл надменным пижоном. После обмена любезностями они сели за небольшой круглый стол с чаем и тостами. Стол был предметом гордости Риббентропа, в свое время он принадлежал Бисмарку.

— Я в детстве взахлеб читал ваши книги и собираюсь перечитать их снова, — сказал Риббентроп.

Хедин тут же заговорил о своей книге «Германия и мировой порядок».

— Как? Она у нас запрещена? — Риббентроп сделал удивленное лицо. — Никогда не слышал о такой книге.

«Врет и не краснеет», — подумал Хедин, отлично знавший, что Гитлер, Геринг, Геббельс и прочие нацистские шишки читали корректуру.

Они заговорили о войне русских с Финляндией. Риббентроп сетовал на то, что финны не желают делать «небольшие уступки» требованиям Сталина. О том, что Германия окажет финнам поддержку, не могло быть и речи — пакт с Россией был жизненно важен для немцев.

Хедин рассказал о своих давних связях с Россией и о той помощи, которую он получал и в царское время, и от большевиков.

— Я всегда любил русский народ и считал союз между Россией и Германией самой разумной политикой, — сказал Хедин, — но я и представить не мог, что этот союз обернется такими последствиями для Финляндии и Швеции. Помогите

те найти дорогу к миру для Финляндии, мир на севере отвечает интересам великой Германии.

Вечером он рассказал о беседе с Риббентропом представителю Швеции в Германии Арвиду Риккертю.

Четвертого марта Хедин принял Гитлер. Об этом сначала сообщили по радио, затем новость появилась в вечерних газетах.

Каринхалле, 6 марта 1940 года

Шестого марта Хедин был в Каринхалле у Геринга. Как обычно, Герман получил бутылку шведской водки в подарок. Он прижал ее к себе, как младенца, и ласково поглаживал. В финском вопросе Геринг выкручивался так же, как Риббентроп и Гитлер, и говорил о том, как важна для Германии дружба с Россией. Хедин показал ему вырезку из газеты 1920 года со своей статьей, где, в частности, говорилось о том, что будущее Германии — Россия. Геринг пробежал текст, сложил вырезку и сказал:

— Я должен показать это фюреру.

Хедин повторил просьбу Швеции о поставках немецкого оружия.

— Нам особенно необходимы снаряды для гаубиц, противотанковые орудия, скорострельные пушки калибра двадцать миллиметров и — самое главное — самолеты.

— Вы получите все, кроме самолетов. Они нам самим нужны. Остальное поставим с максимальной быстротой.

Они говорили примерно час. Потом подали обед. За столом были гости, и среди них Элизабет Фуггер, предмет безысходной страсти Хедина. Обед был прекрасным: икра, омары, спаржа, свежее масло и выдержанный швейцарский сыр.

— Мне стыдно за эту роскошь, когда народ живет по карточкам в нужде, — доверительно шепнула Альме жена Геринга Эмма.

После обеда Геринг повел гостей показывать большой плавательный бассейн и свою любимую игрушку — действующую модель железной дороги.

Следующим нацистским бонзой в списке Хедина числился Йозеф Геббельс. Главным образом они говорили о Финляндии, и Хедин получил те же неутешительные ответы, что и от Риббентропа, Гитлера и Геринга. Хедин рассказал Геббельсу, что хотел бы побывать в Москве, чтобы выяснить позицию русских по Финляндии. Геббельс отреагировал очень живо:

— Но только при одном условии: вы не должны ехать в Москву прямо из Берлина. Это будет слишком подозрительно.

Потом Геббельс заговорил о шведской прессе. Лидерам нацистов изрядно досаждала критика их режима.

— Нужна всего лишь полудюжина газет для того, чтобы совершенно отравить восприятие Германии целым народом, — со знанием дела заметил Геббельс.

Хедин попробовал разрядить обстановку:

— Правительство делает все, что может, для того чтобы поумерить прессу, но у нас полная свобода печати. Как истинный друг Германии, я не вижу ничего страшного в критике. Шведы привыкли думать сами, а не пользоваться газетами вместо мозгов.

Неделей позже Хедин читал доклад шведского посольства о том, как 1200 евреев перевозились из Штеттина в Люблин в Польше. Стоял мороз, а люди были легко одеты. Многие умерли от холода по дороге. Согласно докладу это было сделано намеренно.

«Не знаю, что и думать», — записал Хедин в дневнике.

Двадцать первого марта Хедин спросил об этом инциденте Генриха Гиммлера.

Свен несколько опасался возможной реакции шефа гестапо на его осторожный протест по поводу обращения с евреями. Но Гиммлер ответил спокойно и вполне дружелюбно — в том же тоне, в каком они несколько раньше говорили о Тибете:

— Я знаю, что меня ненавидят и клянут по всему свету, но я должен быть строг и справедлив. Зверства поляков в отношении немцев до, да и после польской войны выну-

ждают пользоваться суровыми методами. А то, что вы слышали насчет жестокого обращения с евреями из Штеттина, сильно преувеличено. Одна старушка отдала концы от сердечного приступа, а потом соплеменники раздели ее до исподнего и выкинули тело из вагона на станции.

Хедин нашел Гиммлера удивительно бесцветным, с совершенно непримечательным лицом. Невозможно было описать его взгляд — в глазах Гиммлера не было вообще ничего. Геббельс произвел впечатление своей живостью, быстротой мышления и интеллектом. В Гитлере привлекали сила воли, решительность и безграничный фанатизм. А Гиммлер не создавал никакого впечатления, что было действительно удивительно при его положении в нацистской иерархии.

«В этом человеке даже и заподозрить нельзя жестокого и безжалостного шефа гестапо, который не моргнув глазом подписывает смертные приговоры», — записал Хедин в дневнике.

Позже, в тот же день, Свен встретился с Рудольфом Гессом. Секретарю Гитлера недавно удалили миндалины, и он сипел. Свен раскрыл глаза ближайшему соратнику Гитлера на то, что Россию основал шведский викинг Рюрик со своими головорезами. Гесс услышал об этом впервые в жизни и был в восторге.

Стокгольм, 9 апреля 1940 года

«**П**угающее известие: немецкие войска вошли в Норвегию и Данию!! — написал Хедин в дневнике 9 апреля. — Швеция осталась единственной страной на севере, не затронутой войной и новым порядком. От нас самих зависит, сумеем мы сохранить такое положение и впредь или нет».

Немецкое вторжение в Норвегию и Данию было полнейшей неожиданностью для Свена. Хедин всегда считал, что угроза Швеции находится на востоке, — и вдруг опасность переместилась на запад. Германию устраивает шведский нейтралитет, но что по этому поводу думает Англия?

В июне капитулировала Франция. Для Хедина это стало таким же сюрпризом, что и оккупация Дании и Норвегии. Как это возможно, почему великая держава с давними военными традициями и современной промышленностью оказалась разбитой за сорок дней? Хедин объяснил это так: «Деградация морали, вырождение из-за кровосмешения с евреями и цветными». Антисемитские высказывания все чаще проскальзывают в его дневнике. Хедин пишет: «Евреи пытаются отомстить Гитлеру и при помощи войны навсегда сокрушить Германию. Евреи начали войну и продолжают ее разжигать». Даже поддержку Англии Соединенными Штатами он объясняет тем, что президентом Рузвельтом манипулируют еврейские советники.

Большей частью время Хедина было заполнено работой над книгой «История экспедиции в Азию (1927—1935)». Но мысли его постоянно возвращались к будущему Швеции после победы Германии, в которой он не сомневался. Гитлер приказал бомбить Англию и концентрировал войска для вторжения на Британские острова. Геринг участвовал в авианалете на Лондон и сам пилотировал бомбардировщик, любясь пожарами в английской столице.

Осенью 1940 года Свена пригласили в Берлин читать лекции. Он выехал в конце октября с Альмой и племянницей Анне-Мари. Они ехали на поезде через Треллеборг и Зассниц. Сотни немецких солдат ожидали в Треллеборге отправки в Норвегию. В Берлине Хединов встретил Зиглер.

Прошло около полугода с предыдущего приезда Свена. Война теперь ощущалась отчетливо. Постоянно завывали сирены воздушной тревоги, и шущманы загоняли людей в бомбоубежища. На улицах говорили о новом американском бомбардировщике, который может долететь до Германии прямо из США и вывалить на немецкие головы восемнадцать тонн бомб.

Двадцать девятого октября Свен прочитал доклад об истории шведско-русских связей. Среди слушателей в переполненном зале присутствовал посланник Швеции в Берлине Арвид Риккерт.

Позже они обсудили ситуацию с секретным письмом, переданным Риббентропу. Прошло уже два месяца, а отве-

та не было. Риккерт считал, что Хедину стоит попробовать снова встретиться с Гитлером или Риббентропом.

— Сейчас в шведской политике нет ничего более важного, от этого зависит наше будущее.

Седьмого ноября Хедин приехал в Мюнхен, где должен был прочитать очередную лекцию. В Мюнхене в это время был Гитлер, но Хедину дали знать, что фюрер очень занят. В баварской столице Свен встретился с консулом Швеции Отто Шниевиндом, банкиром и, в отличие от большинства немцев, пораженцем. Отто был более чем пессимистичен относительно исхода войны для Германии. Он считал, что война продлится до 1943—1944 годов и от Европы останется груда развалин, на верхушке которой будет попохивать трубкой радостный Сталин.

Через четыре дня Хедин вернулся в Берлин и встретился со шведской свояченицей Геринга Мари фон Розен. Она рассказала Свену о планах военного переворота в Швеции как об альтернативе германскому вторжению. Геринг сказал ей, что фюреру надоели шведские наскоки на новый порядок. Мари даже назвала Хедину вероятного главу правительства — главнокомандующего Олофа Тёрнеля.

«Если все это правда, — рассуждал Свен, — то Гитлер под любым предлогом постарается уклониться от встречи».

Пятнадцатого ноября Хедин получил известие о том, что рейхсканцлер две ближайšie недели завален делами. Правда это или отговорка, судить было невозможно.

Берлин, 2 декабря 1940 года

— Это неслыханно. Я, верный друг Германии, доказавший свою преданность в самое трудное для страны время, как жалкий попрошайка должен вымаливать уделить мне час времени для разговора, — возмутился Хедин.

Зиглер ему возражал:

— После начала войны Гитлер принимал иностранцев всего два или три раза, и только одного шведа — вас.

Хедин порывался уехать домой, но все же решил остаться. Он читал лекции и побывал в картографическом издатель-

стве Юстуса Пертеса, где шла работа над подробнейшей картой Азии, к чему Хедин и сам приложил руку.

Он встретился с Эрнстом фон Вайцзекером*.

— Почему Риббентроп до сих пор не ответил на письмо? Прошло несколько месяцев, — спросил Хедин, раздраженный нескончаемым ожиданием аудиенции у Гитлера.

— Обстановка не позволяет. Мы слишком мало знаем о том, что должно произойти, — вступился Вайцзекер за своего шефа, но все же ответил на два вопроса, интересовавших Хедина и шведское правительство: как поведет себя Германия, если Швеция поможет Финляндии в случае весьма вероятного русского нападения, и как в Третьем рейхе посмотрят на шведско-финский военный союз.

— В случае шведской помощи Финляндии Германия будет придерживаться строжайшего нейтралитета. Что же касается шведско-финского военного пакта, то, по мнению фюрера, это не противоречит мирному соглашению Финляндии с Россией.

— А каков взгляд Германии на возможность формирования Северного блока?

— Трудно что-либо сказать по этому поводу. Никто не знает, как будет выглядеть новая Европа.

— Для шведского народа самое важное — чтобы его исконным свободам ничего не угрожало, — сказал Хедин, с замислением сердца ожидая ответа Вайцзекера.

— Никто не собирается покушаться на свободу и самобытность шведов. Швеции нечего нас бояться.

Несколько позже в тот же день у Свена была примечательная беседа с другим представителем Министерства иностранных дел Куртом Брунхоффом. Тот совершенно ясно поставил условие: в новой будущей Европе, и в Швеции

* Эрнст фон Вайцзекер (1882—1951) — германский дипломат, один из самых активных участников подготовки Мюнхенского соглашения, в 1943—1945 годах — посол Германии в Ватикане. Считается создателем так называемой «тропы Ватикана», по которой в массовом порядке были эвакуированы из Германии в третьи страны видные нацисты с семьями, ценные специалисты и носители тайн рейха.

тоже, не должно быть евреев — и особенно упомянул семью Бонниер.

Второго декабря 1940 года Хедин был у Генриха Гиммлера. Хедин надеялся добиться послаблений для находящегося в заключении эрцгерцога Карла-Альбрехта Габсбургского. Эрцгерцог был женат на шведке, дочери старого друга Свена. Она просила попробовать хоть как-то помочь мужу.

У Карла-Альбрехта были владения в Польше, и после того, как его родная Австрия в результате аншлюса стала частью Германии, он бежал в Польшу и принял польское гражданство. После вторжения Германии его польские имения были конфискованы, а самого Габсбурга как изменника посадили. Его гноили в камере площадью три квадратных метра.

Поговорили о Тибете, потом Хедин приступил к делу.

— У меня к вам особая просьба, господин рейхсфюрер, — начал Хедин и изложил злоключения Карла-Альберта Габсбургского и его шведской жены. — А нельзя обойтись с ним как-нибудь помягче?

— Я знаком с этим делом во всех деталях. Эрцгерцог виновен в худшем из преступлений, какое только может совершить солдат немецкой крови, а именно: предательство своей страны и расы. Согласно немецкому военному уставу его должны были расстрелять. Так что с ним уже обошлись снисходительно. И если мы дадим ему большее послабление, то рискуем потерять лицо в Польше, где нам, к сожалению, приходится держать в тюрьмах многих. Что же касается его шведской жены, то ей надо было лучше смотреть, за кого она выходит замуж.

Пятого декабря, как уже было сказано, Хедина принял Гитлер, а 9 декабря его принимал Риббентроп.

Хозяин и гость расположились в уютных креслах у камина в частной резиденции министра иностранных дел. Лакей подал чай и бутерброды. Риббентроп извинился за проволочки: поездки и неотложные дела не позволяли ему встретиться со Хедином раньше.

Он расхваливал мощь Германии и сравнивал ее положение в 1940 году с довоенным, когда Третий рейх был окру-

жен врагами. Теперь в изоляции находилась Англия, а Россия стала немецким союзником.

— Сталин — реальный политик, холодный и умный. Он делает все, чтобы сохранить союз с Германией.

Они обсудили ход военных действий, и Свен спросил о письме, переданном Риббентропу три месяца назад.

— Новое русское вторжение в Финляндию маловероятно, — сказал Риббентроп и предостерег от поспешного военного союза Швеции и Финляндии. По его словам, у России это может вызвать определенные подозрения.

Потом они поговорили о Швеции, и Риббентроп не преминул укорить шведскую прессу за враждебность к нацистскому режиму. Хедин отвечал в том духе, что шведы привыкли думать самостоятельно. А потом настала очередь выполнить просьбу Риккерта.

Дело касалось норвежского представительства в Стокгольме. Немецкая сторона считала, что там плетутся интриги против Германии, и шведское правительство опасалось, что Германия может выдвинуть официальное требование закрыть представительство.

В этом случае Швеция оказывалась перед весьма нежелательной альтернативой: «нет» Германии означало ухудшение отношений, а «да» вело к потере чести. Хедину удалось выговорить у Риббентропа согласие отложить решение этого вопроса на потом.

Стокгольм, 13 декабря 1940 года

Хедин встречался с нацистскими бонзами как частное лицо, по своей собственной инициативе, — по крайней мере, так это должно было выглядеть. Шведское правительство не могло себе позволить, чтобы его представлял известный обожатель Гитлера.

Как частное лицо Хедин мог свободно разговаривать с Гитлером, Герингом, Геббельсом и прочими. Нацистская верхушка считала Свена надежным другом и своего рода агентом влияния. Он защищал Германию в глазах мирового

общественного мнения. Общение с Хедином ничего не стоило, а выслушать его было по крайней мере разумно.

Германия так и не потребовала закрыть норвежское представительство в Стокгольме, и очень вероятно, что быстрое заключение мира между Финляндией и Россией объясняется давлением Германии на Москву после того, как Хедин прошил за финнов у Гитлера 4 мая 1940 года.

В книгах по истории шведской дипломатии Хедин не удостоился и примечания. В действительности же он играл важную роль, был источником достоверной информации для шведского правительства о замыслах и планах Гитлера. Едва ли кто-либо другой мог поддерживать столь близкие отношения с рейхсканцлером.

Тринадцатого декабря 1940 года Хедин поднимался по ступенькам Министерства иностранных дел в Стокгольме. Он должен был отчитаться перед Кристианом Гюнтером о своей берлинской поездке. Свен, разумеется, обещал Гитлеру, что о содержании их разговора узнает только король в личной беседе. Но, по его справедливому суждению, король и его министр иностранных дел были одной инстанцией. С неохотой Хедин составил письменный отчет, который оставил у Риккерта в Берлине для дальнейшей пересылки дипломатической почтой в Министерство иностранных дел. Свен был особенно щепетилен насчет письменного доклада, он не хотел и не мог рисковать доверительными отношениями с Гитлером — человеком, который, по его мнению, станет во главе всей Европы.

— Ваш отчет прочитает только премьер-министр, — успокаивал Хедина Гюнтер.

На следующий день во дворце Дроттнингсхольм Хедина принимал король.

Пресса поносила Хедина за его поездки в Германию и встречи с Гитлером. Сам Свен был убежден в том, что служит интересам Швеции, а его называли предателем и изменником родины.

«Чтобы меня перестали склонять, я больше не должен ездить в Германию. Но тогда Швеция потеряет те возмож-

ности, которые есть у меня, и только у меня», — с горечью написал он в дневнике 16 декабря. Хедин утешал себя тем, что король, Гюнтер и Риккерт благодарны ему за прямые контакты с Гитлером и Риббентропом.

Однажды вечером в конце января 1941 года Хедина навещал пресс-секретарь германского посольства Пауль Грассман. За ужином они разговаривали о Норвегии.

— Германия единым духом заслужит кучу симпатий в Норвегии и Швеции, если выкинет Квислинга и его прихвостней, — высказал свое мнение Хедин. Он был возмущен тем, что происходило в Норвегии под фашистским правлением.

Берлин, 24 февраля 1941 года

Дело разбиралось в Берлине. Десять норвежцев обвинялись в шпионаже и активных действиях против немецких оккупационных властей. Трибунал огласил приговор 24 февраля 1941 года. Смертная казнь.

Четвертого апреля Хедин получил письмо от изобретателей холодильника инженеров Карла Мунтерса и Бальтазара фон Платена. Они просили Свена попытаться смягчить приговор. Свен написал длинное письмо немецкому главнокомандующему в Норвегии Николаусу фон Фалькенхорсту.

«Как друг Германии и как человек я прошу ваше превосходительство сохранить жизнь этим людям. Они не шпионы, а патриоты», — писал Хедин и аргументировал свою позицию тем, что проявление гуманности разумно, так как послужит улучшению образа Германии в Норвегии.

Фалькенхорст получил письмо 12 апреля и со специальным курьером переслал в Верховный трибунал.

Хедин сидел как на иголках, не находил места, ждал ответа, которого все не было. Потом он устал ждать и вернулся к обычному круговороту дел.

Двадцать второго апреля к Хедину явился господин из германского Министерства иностранных дел и попросил слетать

в Соединенные Штаты, чтобы убедить президента Рузвельта воздержаться от вступления в войну. Идея принадлежала Гитлеру, о чем Хедин, к счастью, не знал. Он довольно скептически относился к своему влиянию на американского президента и в качестве компромисса предложил повлиять на американское общественное мнение — издать в Соединенных Штатах нечто вроде приснопамятного «Слова предупреждения».

В мае у Хедина состоялся разговор с Акселем Йонссоном.

— У меня потопили четыре лайнера и один танкер, — сказал Йонссон. — Разумеется, они были застрахованы, но это же мертвый капитал. Десять моих судов стоят в Гётеборге, и заложено шесть новых. Как ты думаешь, можно через Геринга попросить немцев, чтобы они мои посудины не топили? Я тебе заплачу по сто тысяч крон за каждую лоханку, итого миллион за все десять.

— Само собой, поспособствую со всей душой, но, ради Бога, побереги свои деньги.

Йонссон предложил подкрепиться омлетом и бокалом красного. Но вместо этого заказал шампанского, гору икры и итальянской клубники. Говорили о войне. Аксель был убежден в том, что война — это соревнование промышленных потенциалов, которое в конце концов выиграют Соединенные Штаты и Великобритания.

— Берлин станет кучей мусора, — предрек Йонссон.

— Глупости, — отвечал Хедин.

Тридцатого мая Хедин хоронил своего старого друга и издателя Карла Отто Бонниера.

«Он был незаурядным человеком. Весельчак, умница, человек на редкость одаренный и образованный. Встречи с ним всегда были для меня радостью. Ушел патриарх».

Двадцать второго июня 1941 года Гитлер навалился на Россию. За одиннадцать дней до начала наступления Свен узнал об этом от одного из своих знакомых немцев. Для Хедина это не было неожиданностью. Еще в 1919 году он писал о «русском будущем Германии».

Хедин считал, что Швеция обязана послать войска в Финляндию для участия в борьбе против большевиков, дабы

обеспечить себе достойное положение в новом европейском порядке, который воцарится после победы Германии.

Свен уже почти перестал надеяться получить ответ на свое заступничество за осужденных норвежцев, когда пришло письмо от немецкого военного атташе в Стокгольме. Оно было датировано 28 июня. Смертный приговор заменили десятью годами каторги. Кроме того, еще семь норвежцев, обвиненных в аналогичных преступлениях, были приговорены к каторжным работам и тюремному заключению вместо смертной казни.

_____ Стокгольм, 7 декабря 1941 года

Седьмого декабря 1941 года самураи наведались в Пёрл-Харбор. Америка вступила в войну.

Хедин к этому времени почти закончил книгу «Америка в борьбе континентов». Это была откровенно пропагандистская поделка, включавшая впечатления самого Хедина, собранные за двадцать месяцев пребывания в США в 1923, 1929 и 1932 годах, цитаты американских изоляционистов — противников войны с Германией (таких, как Чарлз Линдберг и бывший президент Гувер) и сведения, которыми Свена щедро накормило ведомство Геббельса. Немцы для быстроты дела выделили Хедину двух литературных помощников. Одним из них был Пауль Грассман, пресс-секретарь немецкого посольства в Стокгольме, вторым — специально присланный в Швецию эксперт по Америке. Книгу должен был напечатать в США концерн Херста. Когда «Америка в борьбе континентов» была закончена, возник вопрос: как ее доставить в Соединенные Штаты? Если обычной почтой, то она обязательно попадет в цензурный комитет, что было крайне нежелательно. Хедин предложил экзотический способ: книгу в США телеграфировать. Это должно было обойтись в 15 тысяч крон. Контора Геббельса обещала заплатить, но после Пёрл-Харбора вопрос о публикации отпал.

С начала операции «Барбаросса» прошло полгода. Советскую Россию планировалось поставить на колени за три месяца, максимум полгода. Но наступила осень, и немецкое наступление завязло в русской грязи. Приближалась зима — победитель Наполеона. Хедину пришлось поумерить энтузиазм.

«До сих пор Германия победоносно поражала врагов в молниеносной войне, но зима затормозила победное шествие. Вступление Японии в войну с Россией представляется сомнительным. В общем и целом положение неясное и значительно хуже, чем два месяца назад», — написал Хедин в дневнике в под новый 1942 год.

К Хедину пришел писатель Свен Стольпе и привел с собой знакомого норвежского офицера. Он встретил его рядом с «Карлтоном» в Стокгольме. Стольпе никогда бы не узнал норвежца, если бы тот не заговорил. Его лицо было страшно изуродовано после немецких пыток. Стольпе привел гостя к Хедину для того, чтобы его давний друг понял, что такое немецкий оккупационный режим в Норвегии.

— Я не могу поверить, что немецкие военные могли такое сделать, — сказал Хедин.

Тогда норвежский офицер рассказал в деталях, кто и что с ним проделывал. Этот рассказ потряс Свена, он не хотел верить в то, что слышал, но перед ним сидел обезображенный человек — старый знакомый его давнего друга.

— Вы можете поклясться священной памятью вашей мамы, что говорите правду? И еще: позвольте мне дотронуться до вас.

Пальцы Хедина пробежали по расплюсченному лицу норвежца. Хедин едва сумел проговорить сквозь слезы:

— Никогда, никогда, — повторил он, — я бы никогда не поверил в то, что немецкий офицер может сделать такое.

Но Свен не сомневался, что Гитлер понятия не имеет о зверствах, которые творят немцы в оккупированных странах.

В середине мая 1942 года Свен выехал в Германию по приглашению Немецкого географического общества. Ровно пятьдесят лет назад Хедин прочитал в обществе свой первый доклад.

Берлин, 10 июня 1942 года

В разговорах со своими берлинскими друзьями Хедин постоянно возвращался к Норвегии и еврейскому вопросу. Хедина то и дело просили помочь либо еврею, либо заключенному в концлагерь противнику нацистского режима.

Пятнадцатого июня Свену позвонил один из профессоров Кельнского университета и рассказал, что его старого знакомого со студенческих времен профессора в Боннском университете еврея Филиппсона отправляют в концлагерь Терезиенштадт. Надо было торопиться. Хедин позвонил доктору Гансу Дрегеру. Для начала немец предостерег Свена: «Я слышал на самом верху: “Доктор Хедин излишне много занимается еврейским вопросом”», но обещал помочь, хотя и напомнил, что сам фюрер сказал — никаких исключений быть не должно.

Как бы то ни было, но Филиппсон оказался в привилегированном положении, он даже числился в концлагере «ценным евреем» — так нацисты называли евреев, либо оказавших Германии важные услуги, либо приносивших реальную пользу.

Помочь еврею при нацистском режиме было практически невыполнимой, даже для Хедина, задачей, и случай с Филиппсоном был редкой удачей. «Я счастлив», — написал в дневнике Свен.

Берлин, 9 января 1943 года

Девятого января 1943 года Хедин вновь приехал в Берлин. Было снежно.

Свену предстояло выполнить несколько важных дел, и прежде всего — поздравить 12 января Геринга с пятидесятилетием. «Скромное» жилище Геринга располагалось на углу Вильгельмштрассе и Лейпцигштрассе. Было приглашено 160 гостей. Хедин сидел за столом для почетных гостей рядом с Герингом, справа от юбиляра. За тем же столом были Альберт Шпеер, Генрих Гиммлер, Вальтер Функ, Мартин

Борман, а по правую руку от Свена закусывал фельдмаршал Кейтель.

Затем Хедин отправился в Мюнхен, дабы благословить открытие исследовательского института Центральной Азии, названного в его честь. Институт со всеми приличествующими речами и церемониями был открыт 16 января 1943 года. Собрание состоялось в актовом зале Мюнхенского университета. Народу было не протолкнуться, в проходах стоя аплодировали студенты. Свену присвоили еще одну почетную докторскую степень. В ответ он поблагодарил за оказанную честь и сказал речь, упомянув о Рихтгофене и других выдающихся немецких исследователях.

Там же, в Мюнхене, Хедин навестил бывшего ректора университета в Осло профессора Сейпа, депортированного после оккупации в концлагерь. Благодаря Хедину и Паулу Грассману Сейпа удалось вызволить, и он стал в Мюнхенском университете профессором.

В Берлине Хедина ожидала часть гонорара за вышедшую тремя месяцами ранее книгу «Америка в борьбе континентов». Свен выслал Гитлеру экземпляр со специально напечатанным посвящением. Фюрер проглотил сочинение Хедина залпом и 30 октября написал длинное благодарственное письмо. Помимо прочего он написал, что если бы Польша согласилась с немецкими требованиями, то война никогда бы не началась, хотя тогда, по мнению фюрера, Европу оккупировали бы русские большевики. С трудно постижимой логикой рейхсканцлер утверждал, что главный и единственный инициатор войны — президент Рузвельт. Эта мысль была аллюзией на концовку книги Хедина, где он цитировал американских изоляционистов, заявлявших, что война войдет в историю как война Рузвельта.

У Хедина был также готов вариант книги для издания в Швеции, от чего он воздержался по просьбе Министерства иностранных дел. Доставка морем грузов из США была жизненно необходима Швеции. «В худшем случае мне придется подождать с публикацией книги до конца войны, когда можно будет открыто писать все, что угодно», — написал Хедин в дневнике.

Немецкое издание «Америка в войне континентов» стало настоящим бестселлером: за три месяца было продано 150 тысяч экземпляров. Это принесло Хедину гонорар в 90 тысяч крон (1,8 миллиона в современном денежном исчислении).

_____ Стокгольм, 3 марта 1943 года

Тридцать первого января 1943 года русские одержали победу под Сталинградом. Это стало поворотным пунктом в войне.

Третьего марта Хедин был у короля, дабы просить разрешения Его Величества посвятить ему в книгу об экспедиции 1927–1935 годов. Они заговорили о политике. Король беспокоился за Финляндию, резко отзывался о преследованиях евреев и был озабочен положением Швеции после войны. В победу Германии король уже не верил.

На следующий день Хедин написал письмо архиепископу Эйдемскому. Тот просил Хедина использовать свои связи, чтобы смягчить положение людей с примесью еврейской крови, с которыми нацисты обращались точно так же, как и с евреями стопроцентными. Хедин объяснил, что рамки, в которых решается еврейский вопрос, обозначены самим Гитлером и здесь мало что можно сделать. Почти все его попытки помочь евреям результата не принесли. Хедину не раз намекали, что его заинтересованность в судьбе евреев чрезмерна. Дальнейшее проявление этой заинтересованности могло поставить под угрозу его репутацию в глазах Гитлера и, как полагал Хедин, немецкого народа.

Первые три месяца после выхода книги принесли Хедину 112 тысяч крон (2,2 миллиона сегодня). Это означало, что он может профинансировать работу по дальнейшей обработке данных последней азиатской экспедиции. «Мои финансы зависят от исхода войны», — написал он в дневнике.

Восемнадцатого апреля Хедин узнал о массовом захоронении, найденном немцами в лесном массиве под Катыню

возле Смоленска. Там лежало более 10 тысяч трупов польских офицеров в форме, с наградами, документами в карманах. Местные жители рассказывали, что поляков казнили русские в 1940 году.

Когда Сталина спрашивали, что случилось с польскими военнопленными и беженцами после оккупации русскими части Польши, тот говорил, что всех амнистировали. В прессе союзников и шведских газетах говорили об ухищрениях нацистской пропаганды. Что же касается Польши, то, по мнению поляков, немцы зверствовали ничуть не меньше, чем русские, если не больше. Хедин считал это ложью.

Поворот в войне заставил многих сторонников Германии поменять взгляды, и таких людей становилось все больше. Чем лучше шли дела у антигитлеровской коалиции, тем более тенденциозными, зачастую абсурдными, становились комментарии Хедина. Все чаще и чаще он позволял себе антисемитские высказывания. Когда он услышал о начале производства в Соединенных Штатах ядовитых газов, он тут же обрушился на Рузвельта: «Он переплюнул самого сатану и останется в истории как сатана в человеческом облике. В войне, которой дирижируют евреи и которая начата ими, дозволены все средства, как в Советском Союзе, так и в Америке».

Когда в конце июня 1943 года бомбы союзников попали в Кёльнский собор, Хедин счел это варварством, не подлежащим прощению, но ни словом не обмолвился об уничтоженном бомбами Ковентри и его кафедральном соборе.

В начале августа 1943 года продолжавшийся в течение трех лет транзит через шведскую территорию немецких войск и грузов был прекращен. Хедин расценил это как постыдный для Швеции поступок. «Черный день для Германии, куда ни кинь взгляд, — что в России, что в Сицилии, что в Швеции», — записал он в дневнике. Он частенько записывал свои рассуждения на тему, что было бы, если бы... Например, если бы Гитлер не послал две дивизии в помощь Ромелю в Египет, то тогда не было бы поражения под Сталинградом и все сложилось иначе.

Стокгольм,
18 июня 1944 года

Весной 1944 года Хедин перенес офтальмологическую операцию, но она оказалась неудачной. Временами на него накатывала необъяснимая усталость. «Наверное, это пришла старость. Почему я должен чувствовать себя таким измученным и усталым, когда все мои органы в хорошем состоянии? Вероятно, вся моя машинерия поизносилась, но она обязана поработать еще. Мне это очень надо!»

Как-то ему приснился удивительный сон. Сталин пригласил его в Москву и прислал в Стокгольм специальный самолет. Иосиф Виссарионович принимал Свена в палатах Ивана Грозного. Он прочитал сокращенный русский перевод «Трансгималаев» и «От полюса до полюса» и решил издать их полностью гигантскими тиражами.

Хедин проснулся. Наяву сталинские войска подходили к Восточной Пруссии, там шла эвакуация немецкого населения.

Шведская пресса Третий рейх уже похоронила. Хедин же надеялся, что после «фау», которое он считал эффективным и смертоносным оружием, последует новая бомба, еще более страшная и разрушительная. Ему также довелось слышать о том, что в Германии испытали самолет, летающий со скоростью звука.

В начале сентября служащий Министерства иностранных дел Эрик фон Пост сообщил ему, что консул Швеции в Мюнхене Отто Шниевинд арестован за участие в заговоре против Гитлера 20 июля и ему грозит смертная казнь.

— Арвид Риккерт говорит, что единственная возможность спасти Отто жизнь — ваша телеграмма Гитлеру.

Телеграмма действительно спасла Шниевинда*.

* Отто Шниевинд был заключен в концлагерь Равенсбрюк и освобожден американскими властями. После войны он продолжил карьеру банкира и финансиста. Умер в 1970 году. — *Прим. автора.*

Войска союзников продвигались с удивительной быстротой. Хедин даже вообразил, что это какой-то хитрый немецкий военный план: заманить врагов поглубже в Германию, а потом разом расколошматить новым неизвестным оружием.

«Если Германия не сможет устоять, то Россия продолжит свою экспансию до Атлантики, а это перерастет в Третью мировую войну, и Швеция станет полем боя. Если Германия падет, Швеция пропала», — написал Свен в дневнике.

Пятого октября Хедин посетил короля, чтобы подарить ему экземпляр своей новой книги «На шведской земле».

— Отличные иллюстрации, — сказал король, полистав книгу, и перешел к политике: — Жестокость немцев — варварство чистой воды. Кроме всего прочего, это, мягко говоря, неумно, хотя, возможно, Гитлер действительно не знает, что делает гестапо. Я долго верил в Германию, но с меня хватит. Удивительно, что вы продолжаете верить в немецкую победу. Судьба Германии предрешена.

— Ваше Величество, если немцев победят, то вся Европа, включая Швецию, станет большевистской.

«Король считает, что это несерьезно», — посетовал Хедин в дневнике.

Несколько недель спустя он сделал запись, приписав свои собственные взгляды британскому премьеру: «Черчилль понимает, что Англия потеряет положение великой державы, если победный марш Сталина по Европе не остановит вовремя. Черчилль понимает также и то, что Германия — единственная сила, способная остановить Россию, как и то, что в этой войне Великобритания воюет не на той стороне».

Стокгольм,
12 января 1945 года

Двенадцатого января 1945 года Хедина навестила старшая дочь Акселя Йонссона — Дайдай. Они не виделись больше года. Встречи Свена с семейством Йонссон почти прекратились из-за его пронемецкой позиции.

Хедин прозондировал политические взгляды Дайдай и нашел, что она разделяет его опасения насчет большевиков и совершенно убеждена в том, что Америка — родина ее мамы — также полностью понимает эту опасность.

— Но почему тогда американцы помогают Советам? — поинтересовался Свен.

— Они нужны, чтобы победить Германию. Если бы победили немцы, это стало бы непоправимой бедой для всего мира.

В конце января в «Афтонбладет» появилась статья о том, что в Польше осталось только 25 тысяч евреев из 3,5 миллиона, живших там раньше. 400 тысяч бежали в Россию, 20 тысяч — в Швецию и другие страны. Хедин подсчитал и написал в дневнике: «Получается, что больше трех миллионов уколошили немцы». В это он, конечно же, не верил, как, впрочем, и в поражение Германии. Даже в феврале 1945 года Свен надеялся, что Германия победит.

Двенадцатого апреля, когда до капитуляции Германии оставалось менее одного месяца, Хедин узнал о смерти президента Рузвельта и оптимистически написал в дневнике: «Может быть, это тот поворот, которого мы ждали». Через несколько дней он прокомментировал доклад генерала Эйзенхауэра о массовых убийствах в концентрационных лагерях словами: «Абсолютная ложь».

Двадцать шестого апреля Свен навестил старого друга Акселя Мунте. Положение Германии было безнадежно. Аксель полагал, что Хедин обязан поговорить с Гитлером.

— Ты должен уговорить его остановиться. Великий народ не должен погибать ради одного человека, — сказал Мунте.

— Нет, — ответил Хедин, — лучше смерть, чем позорная жизнь.

Берлин пал, Гитлер застрелился. Мир Хедина распался. Он все потерял. По просьбе «Дагенс нюхетер» Свен 2 мая 1945 года написал некролог Гитлеру. Это был панегирик тому, кто превратил любимую Свенем Германию в руины. Но Хедин этого не видел, для него Гитлер был великим человеком, возродившим Германию, «одной из величайших личностей в мировой истории».

Композитор Юлес Сюльваин был настолько возмущен некрологом Гитлеру, что выкинул из окна своей квартиры все книги Хедина на улицу. О чем не преминул дать объявление в той же «Дагенс нюхетер».

Газеты заполнились сообщениями о массовых убийствах в нацистских концентрационных лагерях. Газета «Экспрессен» опубликовала фотографии гор трупов в лагерях Берген-Бельзен и Бухенвальд. Хедин отреагировал: «К таким фотографиям надо относиться с достаточным скептицизмом. Я сам посетил немецкий лагерь два года назад. Там содержались англичане и немецкие асоциальные элементы, политзаключенные и тому подобные. Обращение с ними было очень хорошим. Я считаю жестокое обращение с людьми недопустимым. К пропаганде надо относиться очень осторожно».

Но в конце концов Хедин вынужден был признать, что в концентрационных лагерях совершались зверства, но так и не смог поверить в то, что в них виноваты его немецкие друзья. Он приписывал преступления неким низшим элементам в нацистской иерархии с явно выраженными садистскими наклонностями. При этом бомбардировку Дрездена в феврале 1945 года он измерял той же шкалой, что и массовые убийства людей в концлагерях.

Газеты писали, что Хедин и норвежский писатель Кнут Гамсун замарали свое имя, являясь с нацистами. Издательство «Нурстед» разорвало с Хедином договор на книгу. Речь шла о его ранних письмах, которые он хотел переработать в литературную форму. Как выразился шеф «Нурстед»: «Эта публикация повредит и вам, и нам», — и предложил отложить издание на неопределенное время. «Он наверняка прав, но мне от этого не легче», — написал Хедин.

В тот же день Хедин узнал о том, что Геринга заставляют вставать по стойке «смирно», когда мимо проходит охранник. «Вот так обращаются англичане с побежденным рейхсмаршалом. Не правда ли, очень рыцарственно? Честная игра».

На Тихом океане продолжалась война. «Самой большой глупостью японцев был Пёрл-Харбор. Если бы не это, вся война

имела бы другой исход. Италия и Япония были величайшими несчастьями Германии», — посетовал 3 мая в дневнике Хедин.

Шестого августа американцы сбросили атомную бомбу на Хиросиму, а 9-го — на Нагасаки. Трумэн благодарил Господа за то, что у Америки есть атомная бомба. «Если эти бомбы будут использованы в новой войне, это означает конец света», — записал Хедин.

К его удивлению, Япония капитулировала. «Я скорее мог поверить в харакири или в победу».

Стокгольм, 18 августа 1945 года

Восемнадцатого августа 1945 года у пристани недалеко от отеля «Рейсен» стоял пассажирский корабль «Регин», мелькали фотоаппараты, толпились одетые в штатское полицейские. Пассажиры с заметной неохотой проходили паспортный контроль и поднимались на борт. На пристани в плетеных креслах сидели Свен и Альма Хедин. Они пришли попрощаться со своими немецкими друзьями, которым предстояла депортация в Германию. Лишь очень немногим повезло — и им разрешили остаться в Швеции. Последний из 163 пассажиров поднялся на борт. «Регин» дал третий гудок. Убрали трап, отдали концы. Корабль отчалил и взял курс на Любек. Немцы стояли у поручней и махали на прощание шляпами и носовыми платками.

После войны в Швеции стали раздаваться голоса, призывающие разобраться со шведскими нацистами. Хедин прокомментировал это в дневнике 15 сентября: «Будет очень интересно посмотреть, какой ярлык они придумают для меня: сочувствующий нацистам или что-нибудь еще?»

В октябре в газете «Моронбладет» («Утренняя газета») появилась статья под заголовком: «Свен Хедин в черном списке». Речь шла о списке из 2500 книг, туда попали и книги Хедина. «Я надеюсь, что это мои политические сочинения: “Пятидесятилетняя Германия” и “Америка в борьбе континентов”, а не все остальные» — прокомментировал Хедин.

Тринадцатого декабря Хедин обсуждал с Арвидом Риккертом Нюрнбергский процесс.

— Все нацистские лидеры, против которых выдвинуты обвинения, заслуживают самого сурового наказания. Они виновны в смерти сотен тысяч людей, хотя я и понятия не имел о массовой ликвидации евреев, политзаключенных и славян, когда жил в Берлине, — сказал Риккерт.

— Я планирую написать книгу о моих впечатлениях и воспоминаниях о Германии во время войны. Что ты об этом думаешь? — спросил Свен.

— Я считаю, это было бы очень хорошо. В этом случае отчеты, которые ты представил Министерству иностранных дел о переговорах с Гитлером и прочими, сослужат тебе очень хорошую пользу.

Несколько недель спустя «Стокгольмская газета» рассказала читателям о суде в Хельсинки над бывшим министром и послом Финляндии в Берлине в 1940—1944 годах Тойво Кивимяки. Ему были предъявлены весьма сомнительные обвинения в военных преступлениях. В своей защитной речи Кивимяки упомянул о приезде Хедина в Берлин в июне 1942 года и о том, что Хедин пытался убедить Гитлера убрать Квислинга и прекратить жестокое обращение с норвежцами. Хедин был доволен: о нем написали хоть что-то хорошее.

В начале марта Свен узнал, что русские запретили немецкому издательству «Брокхаус» печатать его книги. То, что имелись в виду книги о путешествиях, ничего не меняло. Берлинская газета «Дер морген» выразила свое восхищение решением оккупационных властей. «Я верю: обязательно придет время, когда “Дер морген” и в помине не будет, а мои книги будут издаваться и читаться в Германии так же хорошо, как и раньше», — с горечью написал Хедин в дневнике*.

В конце августа 1946 года Хедин получил письмо от жены бывшего немецкого главнокомандующего в Норвегии фон

* В этом Хедин оказался прав. Газета концерна Шпрингера «Дер морген» была закрыта в 1991 году. Книжки же Хедина продолжают переиздаваться. — *Прим. автора.*

Фалькенхорста, который в 1941 году помог Хедину спасти жизни приговоренных к смерти норвежцев.

Теперь сам Фалькенхорст был приговорен Нюрнбергским трибуналом к смертной казни, и его жена просила Свена попробовать помочь. Хедин немедленно отправил телеграмму в трибунал. Он сообщил о том, что благодаря содействию Фалькенхорста Гитлер заменил смертную казнь осужденным норвежцам тюремным заключением. Теперь Свен просил такого же снисхождения для бывшего генерал-полковника. Бывший шведский главнокомандующий Олоф Тёрнель, хорошо знакомый с Фалькенхорстом, также старался ему помочь. Три месяца спустя, 4 декабря 1946 года, газета «Дагенс эко» («Эхо дня») сообщила о смягчении приговора — Фалькенхорст получил двадцать лет тюрьмы.

Стокгольм, 10 июня 1948 года

Десятое июня 1948 года. Хедину 83 года, и он практически ослеп. В половине десятого его повезли на каталке по длинному коридору Каролинской больницы в операционную. Вся операция по удалению катаракты заняла около десяти минут.

В начале сентября Хедин принял участие в собрании Шведской академии, на котором обсуждались кандидаты в нобелевские лауреаты по литературе. Обсуждались две кандидатуры — Уинстон Черчилль и Томас Элиот. Академики склонились к тому, что премия должна быть литературной, а не политической. Нобелевским лауреатом стал Томас Элиот.

В начале 1949 года Хедин издал свою первую послевоенную книгу, она называлась «В Берлин не по поручению». Это была история общения Хедина с Гитлером, Герингом и другими нацистскими бонзами. Заголовок книги должен был подчеркнуть то, что в Берлин он ездил по собственному желанию, что, как мы знаем, было не совсем правдой.

«В Берлин не по поручению» — это, безусловно, исторический документ и в то же время самооправдание. В сравне-

нии с записями, которые Хедин делал в Германии сразу же после встреч, повествование в книге кое-где приглажено, но не искажает фактов.

В конце мая 1949 года в Стокгольм приехал Томас Манн. Двадцать лет назад здесь ему вручали Нобелевскую премию. Он прочитал доклад о Гёте для Шведской академии. После собрания Манн подошел к Свену.

— Кого я вижу! Дружище Свен Хедин! Я несколько раз слышал ваши доклады. У вас действительно талант, вы умеете рассказывать.

— Очень рад вас видеть. Я восхищаюсь вами так же, как и вашими книгами. «Доктор Фаустус» — это шедевр!

— Вы его прочитали? Для меня это честь.

Хедин попытался поменять тему беседы:

— Мне бы очень хотелось обстоятельно поговорить с вами о Германии.

— Да, да... — ответил Томас Манн и поспешил удалиться. У него не было ни малейшего желания разговаривать со Свенем о Германии, которую ему пришлось оставить из-за нацистов. Теперь Томас Манн жил в США.

В начале 1950 года Хедин закончил свою вторую послевоенную книгу «Властители и короли», обширнейший двухтомный труд обо всех выдающихся людях, с которыми ему довелось встречаться и общаться на протяжении своей долгой жизни.

Стокгольм, 25 ноября 1950 года

В конце октября 1950 года умер Густав V. У Хедина больше не осталось друзей во дворце. И принц Евгений, и король Густав VI Адольф дистанцировались от германофила Хедина. Свена даже не пригласили на похороны Густава V, которые состоялись 22 ноября.

Некоторым утешением для уязвленного Хедина стала просьба посла Китая о встрече. 25 ноября 1950 года посол в сопровождении переводчика явился к Хедину.

— Мао великий человек, он знает свой народ, и его все любят. Он сам из народа и понимает его нужды. Гоминьдановские кровососы думают только о себе, — начал посол.

— Я испытываю чувство восхищения перед Мао и надеюсь, что он сможет вернуть Китаю величие, — заверил посла Свен.

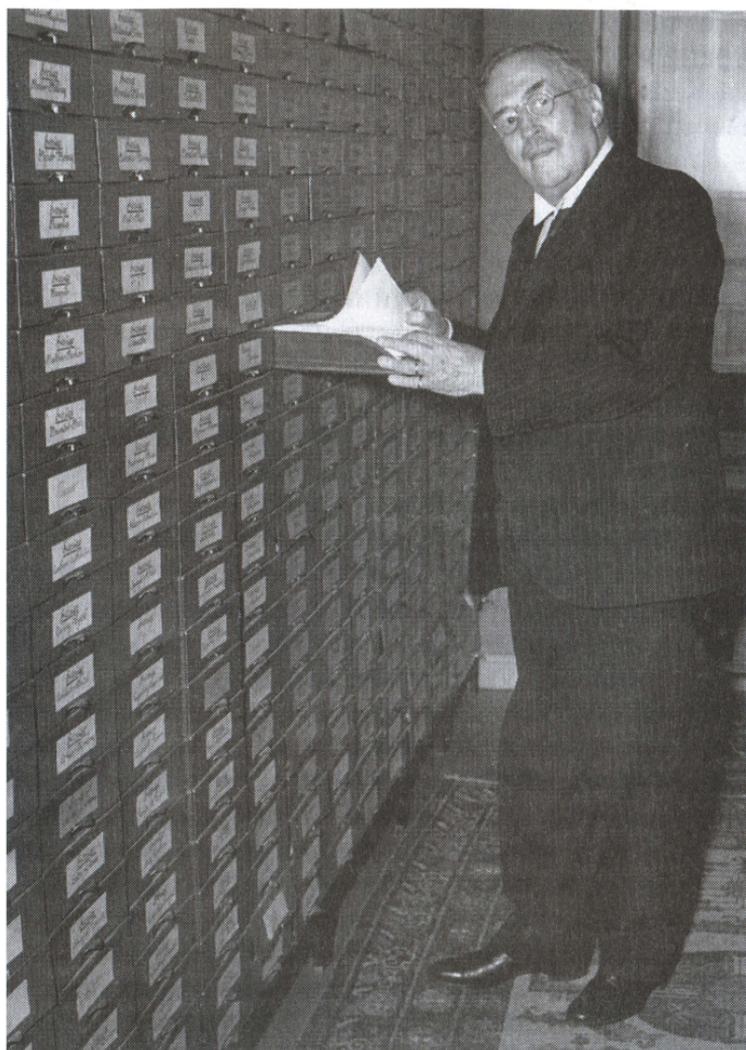
Посол заулыбался и покивал.

— Ваша вера в Китай, который вы так хорошо знаете, доставляет нам истинную радость, — заявил с энтузиазмом китаец. Затем он заговорил об археологических находках экспедиции Хедина, привезенных в Швецию на время по соглашению с китайцами. Хедин заверил посла в том, что все в целости и сохранности.

«Типичный ушлый китаец, да еще и коммунист», — суммировал в дневнике впечатления от встречи Хедин.

Двадцать третьего марта 1951 года Хедин прочитал в газете «Дагспостен» новости о еврейской иммиграционной политике в Палестине. Он пишет в дневнике: «Евреи используют любую возможность, чтобы их в Палестине стало как можно больше. Каждый новый палестинский еврей обходится в 500 долларов. Сейчас евреи требуют от Германии 6 миллионов марок, и это только начало. Арабы жили в Палестине сотни лет, но их выдавливают из их собственной страны. Арабов выгоняют из домов, им приходится спать под открытым небом. Но евреи даже и не пытаются делать вид, что они найдут и покарают убийцу графа Фольке Бернадотта*. На еврейской стороне Организация Объединенных Наций, и они получают постоянную помощь США, потому что Америкой праят евреи».

* Фольке Бернадотт (1895—1948) — глава шведского отделения Международного Красного Креста в Европе во время Второй мировой войны. В результате секретных переговоров Бернадотта с Гиммлером ему удалось вывезти из нацистских концентрационных лагерей 31 тысячу заключенных, из них 10 тысяч евреев. В 1948 году в ранге специального представителя ООН занимался проблемой Иерусалима и пришел к выводу о необходимости передачи Иерусалима под международный контроль. Эта перспектива не устраивала израильских радикалов. Бернадотт был убит боевиками из террористической еврейской организации «Лехи».

Хедин рядом со своим архивом в Государственном архиве
в Стокгольме

В июне 1951 года Хедин закончил свою третью послевоенную книгу «Борьба за оборону (1912—1914)». Король Густав V умер, и теперь он мог наконец написать, что на самом деле авторами знаменитой королевской речи 6 февраля 1914 года были Карл Беннедик и он сам. Впрочем, об очень и очень многом Свен все же предпочел умолчать.

_____ Стокгольм, 6 октября 1951 года

Осенью 1951 года 86-летний Хедин собрался в Западную Германию по приглашению бывшего финансового директора «ИГ Фарбен индустри» Макса Ильгера. Но за неделю до отъезда он почувствовал себя плохо, и поездку пришлось отложить. Но о его планах прознали газетчики, и, когда Свен отменил поездку, «Афтонпостен» тут же предположила, что Хедина не пускают в ФРГ новые власти. Эта версия была перепечатана несколькими газетами.

Тридцатого октября 1952 года Шведская академия обсуждала кандидатуры на Нобелевскую премию. Среди них были Франсуа Мориак, Уинстон Черчилль, Альберт Швейцер и Рамон Пидаль. Хедин категорически возражал против Черчилля:

— Черчилль поставил под угрозу существование Запада. В Ялте он отдал на заклятие Сталину всю Восточную Европу.

Нобелевскую премию 1952 года получил Франсуа Мориак.

На Хедине стояло клеймо «нацистофил», его практически никуда не приглашали. Свен заполнял пустоту работой. Он написал книгу «Мои собаки в Азии» с замечательными собственными рисунками.

Пятнадцатого ноября он встретился с Альбертом Швейцером, который ненадолго приехал в Швецию.

Через несколько дней Хедин узнал, что организуется новое шведско-германское общество. Газетчики интервьюировали в этой связи коллег Свена по академии Нильса Анлунда и Андерса Остерлинга, — но к нему никто не пришел. Хедина игнорировали. «Надеюсь, что хоть в Германии кто-ни-

будь удивится, почему меня нет в этом обществе», — написал Свен с горечью в дневнике 19 ноября.

Двадцатого ноября Хедина навестил старый друг и соратник Ёста Монтелль. Ёста возмущался, что при создании шведско-немецкого общества обошлись без Хедина. Но Свен никаких эмоций не проявил, — казалось, это его уже не беспокоило.

Двадцать третьего ноября он сделал в дневнике запись: «Я проснулся на полчаса позже, чем обычно. Я чувствую безнадежность. Все прошло. У меня нет ни малейшего желания ни читать, ни отвечать на письма, и еще меньше я хочу заниматься новой книгой. Впрочем, поел, как обычно... 9.15. Мне нужно только одно — лечь».

Это последние строки, написанные Хедином.

Двадцать пятого ноября к Хедину заглянул сосед, профессор Сигвард Линне. Он начал читать вслух новый роман Артура Кестлера «Век вожеления», и Хедин под чтение незаметно заснул. И больше никогда не проснулся. Он умер под утро 26 ноября.

Стокгольм, 1 декабря 1952 года

В некрологах либо крайне мало, либо вообще ничего не писали о контактах Хедина с Гитлером и нацистами. В основном же вспоминали и превозносили в самых возвышенных тонах его вклад в мировую науку и культуру как ученого, писателя и просветителя азиатских народов.

Прощание с Хедином проходило 1 декабря в церкви Адольфа-Фредерика. Церковь была переполнена. Пришли известные и неизвестные люди и, наверное, просто любопытные, которые хотели посмотреть, как одного из выдающихся шведов будут закапывать в землю. Король прислал своего камергера Густава Левенхаупта, правительство представлял Даг Хаммаршёльд, были почти все академики.

Разумеется, пришли сотрудники Хедина, музейщики, географы, просто друзья — такие, как актер Андерс де Валь.

Церемония совершенно не походила на скромные похороны частного лица, один-единственный раз в жизни занимав-

шего весьма скромный государственный пост — переводчика посольства короля Оскара II. Скорее это было что-то важное и официальное.

Хедин похоронен в семейной склепе на кладбище церкви Адольфа-Фредерика. На его надгробии высечено: «Свен Хедин. Родился в 1865. Умер в 1952». И ниже: «Здесь покоится Свен Хедин, человек, который всегда оказывался прав в географии и всегда ошибался в политике».

СОДЕРЖАНИЕ

Благодарности	7
Предисловие	8
Пролог	12
Часть первая. Семья. Детство. Возмужание (1865—1893)	28
Часть вторая. Первооткрыватель (1894—1910)	87
Часть третья. Военный агитатор (1911—1914)	214
Часть четвертая. Фронтовой репортер (1914—1917)	228
Часть пятая. Реваншист (1918—1922).	239
Часть шестая. Планы новой экспедиции (1922—1926)	245
Часть седьмая. Путешественник-исследователь (1927—1935).	270
Часть восьмая. Лучший друг Гитлера (1935—1952).	317

Одельберг А.

- О-41 Невыдуманные приключения Свена Хедина / Аксель Одельберг. — Пер. со швед. А. Степанова. — М. : Ломоносовъ, — 2011. — 368 с. — (История. География. Этнография).
ISBN 978-5-91678-043-7

В первой трети XX века исследователь Центральной Азии Свен Хедин был самым известным шведом в мире, а после Второй мировой войны его имя на долгие годы предали забвению. В юности Хедин мечтал о славе Пржевальского, его выдающиеся географические открытия состоялись при помощи и полной поддержке русских — как царского правительства, так и простых людей, — но это не помешало ему с маниакальным упорством твердить о русской угрозе для Европы. В его нордической крови текла толика еврейской, но при этом он порой проявлял пещерный антисемитизм. После прихода к власти в Германии нацистов он подружился с фашистскими бонзами, и поражение немцев в войне воспринял как личную драму. Во всем, что он делал, Хедин шел до конца, проявляя невероятное упорство и в достижениях, и в заблуждениях.

Аксель Одельберг, биограф Свена Хедина, не приукрашивает своего героя, он просто пишет о нем правду, которая никого не оставит равнодушным.

УДК 910.4

ББК 26.8г

История. География. Этнография

Аксель Одельберг

Невыдуманные приключения

Свена Хедина

Редактор В. Фомин

Художественный редактор Е. Трушина

Верстка А. Кашафудиновой

Подписано в печать 25.01.2011.

Формат 60×90/16.

Усл. печ. л. 23. Тираж 1500 экз. Заказ № 4643

ООО «Издательство «Ломоносов»

119034 Москва, Мансуровский пер., д. 13

Тел. (495) 637-45-49

info@lomonosov-books.ru

www.lomonosov-books.ru

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

www.oaompk.ru, www.oaompk.pf тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

В СЕРИИ

также

ВЫШЛИ:

Лев Минц

КОТЕЛОК ДЯДЮШКИ ЛЯО

Виталий Бабенко

ЗЕМЛЯ — ВИД СВЕРХУ

Ольга Семенова-Тян-Шанская

ЖИЗНЬ «ИВАНА»

Владислав Петров

ТРИ КАРТЫ УСАТОЙ КНЯГИНИ

Свен Хедин

В СЕРДЦЕ АЗИИ

Геннадий Коваленко

РУССКИЕ И ШВЕДЫ ОТ РЮРИКА ДО ЛЕНИНА

Лев Минц

ПРИДУМАННЫЕ ЛЮДИ С ОСТРОВА МИНДАНАО

Бенгт Янгфельдт

ОТ ВАРЯГОВ ДО НОБЕЛЯ

Олег Ивик

ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЙ

Анна Мурадова
КЕЛЬТЫ АНФАС И В ПРОФИЛЬ

Даниэль Клугер
ТАЙНА КАПИТАНА НЕМО

Валерий Гуляев
ДОКОЛУМБОВЫ ПЛАВАНИЯ
В АМЕРИКУ

Светлана Плетнева
ПОЛОВЦЫ

Ким Малаховский
ПИРАТЫ БРИТАНСКОЙ КОРОНЫ
ФРЭНСИС ДРЕЙК И УИЛЬЯМ ДАМПИР

Алексис Трубецкой
КРЫМСКАЯ ВОЙНА

Валерий Гуляев
ЗАГАДКИ ИНДЕЙСКИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Олег Ивик
ЖЕНЩИНЫ-ВОИНЫ:
ОТ АМАЗОНОК ДО КУНОИТИ

Виолен Вануайек
ВЕЛИКИЕ ЗАГАДКИ ДРЕВНЕГО ЕГИПТА

Яков Свет
ЗА КОРМОЙ СТО ТЫСЯЧ ЛИ

Лев Минц
БЛИСТАТЕЛЬНЫЙ ХИМЬЯР
И ПЛИССИРОВКА ЮБОК

НАШ
ИНФОРМАЦИОННЫЙ
ПАРТНЕР

Р А Д И О

ГОВОРИТ
МОСКВА 92,0_{FM}

Аксель
Одельберг
Невыдуманные
приключения
Свена Хедина

«Человек, который всегда оказывался прав в географии и всегда ошибался в политике» — высечено на надгробии Свена Хедина, одного из последних великих путешественников эпохи, предшествующей появлению авиации. В первой половине жизни он, идя по стопам своего кумира Пржевальского и во многом благодаря помощи русских, совершил в Центральной Азии ряд выдающихся географических открытий, а во второй занялся политикой и превратился в русофоба, антисемита и друга руководителей фашистской Германии. Поражение немцев во Второй мировой войне и смерть Гитлера он пережил как личную драму. Аксель Одельберг, биограф Свена Хедина, не приукрашивает своего героя, он просто пишет правду о самом популярном шведе первой трети XX века — правду, которая никого не оставит равнодушным.

ISBN 978-5-91678-043-7

9 785916 780437